ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ.-ЖУРНАЛ

№ 10—11

ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

МОСКВА — 1-9-2-7

Цена 1 р. 50 к.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“

ежемесячный философский и общественно-экономический журнал

Журнал выходит под редакцией: А. М. Деборина, А. А. Максимова, М. Н. Покровского, Я. Э. Стэна, А. К. Тимирязева, А. Я. Троицкого. Отв. редактор А. М. Деборин.

В журнале принимают участие:

И. Агол, И. Альтер, А. Айхенвальд, Арк. А—н, В. Асмус, В. Астров, Гр. Баммель, А. Бартошек, Я. Берглис, А. Болотников, В. Борисенко, Е. Бориличев, Н. Бухарин, В. Ваганян, И. Вайнштейн, П. Виноградская, А. Вишневский, А. Вознесенский, Р. Выдра, Б. Выропаев, Б. Гессен, С. Гоникман, Б. Горев, И. Дашковский, А. Деборин, Ш. Дволайцкий, Г. Дмитриев, Ф. Дучинский, Б. Егоршин, Б. Завадовский, Г. Зайдель, Н. Звенигородцев, П. Ионов, Ф. Кадалов, Ник. Карев, В. Кирпотин, Б. Козо-Полянский, В. Колоколкин, К. Корнилов, А. Кон, Ст. Кривцов, И. Курашов, Н. Ленин, Н. Лейцнер, Б. Лившиц, Н. Лукин-Антонов, И. Луппол, А. Максимов, Дм. Марецкий, А. Мендельсон, К. Милонов, В. Милютин, Я. Мирошкин, Ф. Михаловский, С. Моносов, В. Невский, Н. Орлов, М. Павлович, Е. Пашуканис, В. Пельников, В. Полянский, М. Покровский, И. Разумовский, Я. Розанов, М. Рубинштейн, Н. Рубинштейн, Д. Рязанов, И. Сапир, П. Сапожников, Н. Саргин, А. Серебровский, А. Слепков, Вас. Слепков, И. Степанов, А. Столяров, П. Стучка, Я. Стэн, А. Тальгеймер, Ф. Тележников, А. Тимирязев, А. Троцкий, Г. Тымянский, А. Удальцов, Ю. Франкфурт, Ц. Фридлянд, В. Фриче, З. Цейтлин, Г. Шмидт и др.

Адрес редакции: Москва, Тверская, 48. Тел. 1-21-16, кремлевский 3-90.

Прием по делам редакции от 12 до 2 час.

Непринятые рукописи не возвращаются.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 10—11

ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА—1927

Главлит № А—4225 Москва. Тираж 5000 эк.

Тип. Изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебр. наб., д. 23/2.

СОДЕРЖАНИЕ

Диктатура пролетариата и теория марксизма.

А. Деборин.

Рабочие всего мира празднуют в эти дни величайшую победу русского пролетариата над своими угнетателями. Эта победа имеет не местное, национальное, а международное всемирно-историческое значение. Она предуказывает всему международному пролетариату его завтрашний день, его путь борьбы и победы. Октябрьская революция, свергнув буржуазный строй и заложив фундамент для нового социалистического общества, открыла собою новую эпоху всемирной истории.

Еще совсем недавно социализм казался многим прекрасной мечтою отдаленного будущего; ныне же социализм стоит в порядке дня нашего повседневного хозяйственного строительства и вокруг него кипит классовая борьба во всем мире. Буржуазия и пролетариат одинаково готовятся к великому, последнему и решительному бою. Эта подготовка к бою составляет содержание текущего политического момента во всех передовых странах мира. Буржуазия об'ята животным страхом при виде бродящего по всему миру красного «призрака» коммунизма, превращающегося в несокрушимую гранитную крепость. Пролетариат же все более и более проникается сознанием своей мощи и уверенностью в окончательной своей победе. Капитализм неизбежно и неминуемо идет к своей гибели, и нет таких сил, которые могли бы его спасти от рокового конца. Но смерть капитализма, его постоянное приближение к закату означают не гибель человечества и его культуры, как в этом пытаются убедить нас его апологеты, а рождение нового мира и пышный расцвет новой социалистической культуры.

I.

Без революционной теории,—говорил Ленин,—нет революционной практики. Преимущество пролетариата перед буржуазией состоит в том, что он владеет единственной в своем роде теорией, которая дала ему возможность предвидеть задолго

до наступлений событий основные контуры будущего. Мы имеем в виду теорию марксизма. Праздник Октябрьской революции является в то же время великим праздником науки,—праздником революционного марксизма.

Подводя итоги истекшему десятилетию, необходимо помнить, что оно подвергло историческому испытанию нашу революционную теорию, марксистскую науку, ее революционную диалектику. События последних десяти лет служат, таким образом, великой исторической проверкой правильности нашей теории. Но теория в свою очередь обогащается всеми приобретениями последнего десятилетия; эти приобретения должны быть учтены, и, если бы оказалось, что исторические события вступили в конфликт с нашей теорией, то в ней должны быть сделаны соответствующие изменения, исправления и дополнения. К счастью, мы можем здесь предвосхитить наш вывод, исторические события блестяще оправдали и подтвердили правильность и истинность марксизма.

Многие склонны думать—в особенности это относится к идеологам буржуазии,—что истинной наукой являются лишь те дисциплины, которые обнимаются естествознанием. Общественные же дисциплины являются научными в весьма ограниченном смысле, это—науки, так сказать, второго ранга. Буржуазные ученые и философы стремятся низвести общественные науки на уровень описательных дисциплин. По мнению этих ученых, общественные науки не в состоянии ничего предвидеть и предсказать, между тем задача науки сводится в значительной степени к предвидению будущего и действию на основе познанных законов.

Особенное положение буржуазии, как класса, в современном обществе делает ее психологически «недоступной» для общественной науки, поскольку она изучает общественные и исторические явления в процессе их развития, т.-е. их возникновения и уничтожения. Буржуазия является тем классом в современном обществе, который заинтересован в сохранении и увековечении существующих общественных отношений, в их неизменности. Это не значит, конечно, что идеологи буржуазии стоят на почве абсолютного отрицания эволюции и прогресса в области общественных явлений. Напротив того, они допускают возможность изменений, они особенно охотно говорят о «прогрессе», но лишь в рамках данных общественных отношений. Прогресс понимается ими в смысле улучшения и усовершенствования данного общественного строя. Таким образом, самые основы существующего строя, с их точки зрения, неизменны. Такая установка об'ясняется тем, что у буржуазии, как класса, нет будущего. Поэтому наука об обществе для нее имеет своим об'ектом прошлое и настоящее, но только не будущее.

В совершенно другом положении находится пролетариат, которому принадлежит будущее и которому в современном обществе, кроме цепей, терять нечего. Все его надежды и чаяния связаны с историческим прогрессом в смысле полного разрушения самых основ существующего строя. Все изменения, реформы и улучшения в рамках буржуазного общества не могут изменить того основного факта, что рабочие лишены средств и орудий производства и являются наемными рабами буржуазии, класса собственников. Поэтому естественно, что в то время как буржуазия считает частную собственность институтом вечным, священным и неприкосновенным, рабочие видят единственное условие освобождения от наемного рабства в уничтожении частной собственности.

Таким образом, идеологи буржуазии способны делать великие открытия в области естествознания и техники, поскольку это вызывается развитием производительных сил, но они не способны делать какие-либо великие открытия в области наук общественных, где пролетариат в лице его идеологов ныне занимает командные высоты.

Марксизм, начиная с конца сороковых годов прошлого столетия, является единственной научной теорией, открывшей законы общественного развития и служащей в то же время незаменимым руководством практической борьбы рабочего класса. Марксизм открыл не только законы развития капитализма, но он предсказал и неизбежное его крушение, наступление переходной от капитализма к коммунизму эпохи, эпохи диктатуры пролетариата—и отмирание этой диктатуры по мере уничтожения классов и укрепления коммунизма.

Накануне революции 1848 г. появился «Манифест коммунистической партии», в котором основоположники марксизма изложили основы пролетарского мировоззрения. Этот манифест формулирует закон развития буржуазного общества. Проникнув глубже, чем кто бы то ни было, в природу механизма капиталистического общества, вскрыв его движущие силы и действующие в нем законы, они предсказывают будущее этого общества, его неизбежное крушение и возникновение на его развалинах нового бесклассового, коммунистического общества.

Положив в основу нового пролетарского мировоззрения диалектический материализм и вытекающее из него материалистическое понимание истории, Маркс и Энгельс получают возможность предвидеть и формулировать основные этапы и ступени исторического процесса превращения буржуазного общества в общество коммунистическое.

«Манифест коммунистической партии» является вместе с тем и программой действия международного пролетариата на

всем пути его классовой борьбы. Авторы манифеста в этом замечательном, неувядаемом документе подчеркивают, что «коммунисты на практике представляют собою самую решительную, всегда толкающую вперед часть рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения. Ближайшая цель коммунистов та же, что и других рабочих партий: классовая организация пролетариата, свержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти».

«Манифест» исходит из того факта, что современное общество покоится на противоположности классов, на эксплоатации одной части общества другой, на эксплоатации большинства меньшинством. Классовая борьба является движущим фактором исторического процесса. На известной ступени развития буржуазного общества неизбежна рабочая революция, которая имеет своим результатом «возвышение пролетариата на степень господствующего класса». «Если пролетариат в борьбе против буржуазии необходимо об'единяется, как класс, путем революции становится господствующим классом и, как господствующий класс, насильственно уничтожает старые условия производства, то вместе с последними он уничтожает также и условия существования антагонизма классов, классы вообще, а тем самым и собственное классовое господство.

Место старого буржуазного общества, с его классами и антагонизмом классов, займет ассоциация, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех».

Научный социализм отличается от всех видов утопического социализма тем, что он не измышляет и не изобретает ни идеального общественного строя, ни особых чудодейственных средств для его осуществления. «Теоретические положения коммунистов,—говорят авторы Коммунистического манифеста,—ни в каком случае не основываются на идеях и принципах, открытых и установленных тем или другим обновителем мира».

Коммунистическая теория является лишь обобщением и раскрытием об'ективных процессов социальной необходимости. Она представляет собою теоретическое выражение исторической практики, т.-е. об'ективного исторического процесса, и поэтому она имеет возможность, в свою очередь, оказывать воздействие на общественную практику, но, само собою разумеется, лишь в пределах, допускаемых данными условиями социальной необходимости, ибо воля и идеи, с точки зрения марксизма, определяются данными условиями и способом производства, т.-е. они социально обусловлены.

Если мы спросим себя, что дало возможность авторам Коммунистического манифеста достигнуть таких блестящих резуль-

татов в области обществознания, то мы должны ответить: материалистическая диалектика. Маркс и Энгельс сами на это неоднократно указывали. Именно метод диалектического материализма составляет то теоретическое оружие, при помощи которого они возвели здание научного социализма.

«Материалистическое понимание истории и его специальное приложение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией,—пишет Энгельс,—было возможно только при помощи диалектики. И если учителя немецкой буржуазии потопили всякое воспоминание о великих немецких философах и созданной ими диалектике в болоте безотрадного эклектизма до такой степени, что мы должны призывать современное естествознание в свидетели того, что диалектика существует в действительности,—то мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что мы ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля» [1]).

Диалектика лежит в основании материалистического понимания истории, она составляет живую душу всего марксизма. Она требует, с одной стороны, чтобы мы рассматривали историю, как беспрерывное движение, изменение и преобразование, как процесс развития, подчиненный внутренней закономерности, а с другой стороны, чтобы мы вскрывали внутренние движущие противоречия этого закономерного исторического процесса. Само собою разумеется, что старое метафизическое мышление было совершенно непригодно для создания научного социализма. Поэтому старый, донаучный социализм и не мог найти способов для разрешения общественных противоречий. Научный социализм, впервые обратившийся к изучению об'ективного процесса общественного развития, к его движущим силам, вскрыл внутренние противоречия этого процесса и нашел средства и пути для разрешений противоречий в самом процессе общественного развития. Современный социализм является неизбежным следствием борьбы пролетариата и буржуазии. Его задача, как говорит Энгельс, заключается в том, чтобы «исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого являлись названные классы с их взаимной борьбой, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средство для разрешения этой борьбы».

Стало быть, в основании научного социализма, как теории, лежит об'ективная диалектика исторического процесса. И научный социализм есть не что иное, как идеальное отражение в головах людей, т.-е. прежде всего идеологов рабочего класса, об'ективных, фактических противоречий современного общества.

---

[1]) Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 12—13.

Применение Марксом материалистической диалектики к общественному процессу, к исследованию капиталистического способа производства дало возможность Марксу вскрыть его внутренние противоречия, являющиеся его двигательными силами, с одной стороны, и его разрушительными силами, с другой стороны. Основное противоречие буржуазного общества сводится к противоречию между общественным производством и индивидуальным присвоением. В качестве собственника средств производства капиталист присваивает себе также и продукты. «Продукт общественного труда присваивается отдельным капиталистом,—как говорит Энгельс.—Это и составляет основное противоречие, заключающее в себе все те противоречия, в которых движется современное общество».

Антагонизм между пролетариатом и буржуазией является выражением противоречия между общественным характером производства и капиталистическим присвоением. На известной ступени развития этот классовый антагонизм принимает форму пролетарской революции, разрешающей и «снимающей» все противоречия предыдущей общественно-экономической формации.

«Пролетариат овладевает общественною властью и обращает с помощью этой власти отнятые у буржуазии общественные средства производства в общественную собственность. Этим он освобождает производительные силы от их современного капиталистического свойства и дает полную свободу развития их общественному характеру. Таким образом, становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом существование различных классов. В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производводства, ослабевает политическая власть государства. Люди, ставшие, наконец, господами своих общественных отношений, становятся, вследствие этого, господами природы и самих себя, т.-е. достигают свободы» [1]).

II.

В Коммунистическом манифесте, как уже сказано, великими его творцами предуказан общий ход развития капиталистического общества, намечены основные этапы классовой борьбы пролетариата и предсказано в общей форме завоевание власти пролетариатом, как переход к коммунизму. Но в Коммунистическом манифесте «не ставится,—как говорит Ленин,—вопрос о том, какова же должна, с точки зрения исторического развития, быть эта смена буржуазного государства пролетарским». Этот вопрос Маркс ставит и решает в 1852 г., подытоживая опыт революции 1848—1851 гг. История революции 1848—1851 гг.. подтвердила в общем

[1]) Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 80.

и целом теорию марксизма, как она была изложена в Коммунистическом манифесте. Но теперь пережитый революционный опыт дал достаточно материала для более конкретной постановки вопроса о замене буржуазного государства государством рабочих. В своей работе «Классовая борьба во Франции», подводящей итог опыту революции 1848 г., Маркс пишет, между прочим, след.: «Борьба между различными вождями доктринерского социализма обнаруживает, что каждая из его так называемых систем есть претенциозное подчеркивание одного из переходных моментов социального переворота в противоположность другому. Этот социализм пролетариат уступает мелкой буржуазии, а сам все более переходит в лагерь революционного социализма, коммунизма, для которого сама буржуазия изобрела название бланкизма. Революционный социализм—это непрерывность революции, классовая диктатура пролетариата, необходимая, как переходная-ступень, к отмене производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений» [1]).

Революция 1848 г. во Франции вскрыла с необычайной яркостью противоречия, присущие капиталистическому строю, как таковому. Классовые битвы, разыгравшиеся на национальной почве Франции, по своему существу обнаружили природу капиталистической системы, как всемирно-исторической фазы развития человечества. Июньское восстание пролетариата и кровавое его подавление поставили на очередь дня, как результат исторического опыта, пережитого рабочим классом, диктатуру пролетариата. Июньское восстание пролетариата было попыткой насильственного низвержения буржуазии. Сама логика борьбы подвела французский пролетариат к этой революционной попытке. Пролетариат потерпел жестокое поражение. Но это поражение,—как говорил Маркс,—«открыло ему ту истину, что малейшее улучшение его положения в пределах буржуазной республики остается утопией, и что эта утопия становится преступлением при первой попытке осуществить ее. Тогда на место требований, пред'явленных пролетариатом Февральской республике, широковещательных по форме, но мелочных и даже буржуазных по существу,—выступает смелый революционный лозунг: Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!» [2]).

В революционных клубах французского пролетариата Маркс видел уже не что иное, как «особое рабочее государство». «А что же такое были клубы, как не коалиция всего рабочего класса

[1]) Карл Маркс, Классовая борьба во Франции, изд. Врублевского, Спб. 1906, стр. 118—119.

[2]) Там же, стр. 51.

против всей буржуазии, как не особое рабочее государство, направленное против буржуазного государства? Разве это не были все учредительные собрания пролетариата, готовые к бою отряды армии восстания?» [1]).

Уроки июньского восстания французского пролетариата имели международное значение и должны были быть учтены международным пролетариатом. Маркс при свете диалектического материализма дал гениальное истолкование и обобщение классовой борьбы французского пролетариата. Вывод, к которому приходит Маркс на основании детального изучения уроков революции 1848 г., сводится к следующему:

> В пределах буржуазной республики невозможно изменение положения рабочего класса, не говоря уже о переходе к социализму. Июньское восстание показало, с одной стороны, что социалистическое переустройство общества невозможно без захвата пролетариатом политической власти, а, с другой стороны, что впредь возможна лишь пролетарская революция, что революция 1848 г. подготовила почву и и расчистила путь для социалистической революции.
>
> Рабочие клубы—организации, напоминающие наши советы и об'единяющие рабочих всех профессий—представляли уже зародыш особого рабочего государства, которое противостояло буржуазному государству.
>
> Классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата.
>
> Эта диктатура составляет сама лишь переход к уничтожению всяких классов, к бесклассовому обществу.

Но революция 1848 г. сыграла решающую роль еще в другом отношении. Маркс, на основании опыта Французской революции. проводит уже резкое разграничение между мелкобуржуазным социализмом и революционным социализмом, который именуется им коммунизмом и который отличается от мелкобуржуазного социализма тем, что он выдвигает классовую диктатуру пролетариата, как переходную от капитализма к коммунизму форму государства. Что же касается буржуазного государства, то оно, как Маркс говорит в 18-м брюмере Луи-Бонапарта, подлежит слому. «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее». Выводы Маркса, подчеркиваем еще раз, относятся не только к Франции, но и ко всем капиталистическим странам. Его выводы имеют всеобщую значимость, ибо Франция обнаружила «те самые процессы развития, которые свойственны всему капиталистическому миру» (Ленин).

Таким образом, революция 1848 г. внесла поправку в «Коммунистический манифест» насчет уточнения термина «завоевания

[1]) Там же, стр. 76.

демократии». Не только Коммуна, но уже революция 1848 г. доказала Марксу и Энгельсу, что «рабочий класс, как они пишут, не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для собственных целей...».

Коммуна подтвердила лишний раз вывод, сделанный Марксом уже из опыта революции 1848—1851 гг. Маркс предвидел, что эпоха буржуазных революций во Франции кончилась вместе с поражением парижского пролетариата в июньские дни. Но это поражение означало для Франции начало эпохи пролетарских революций. Коммуна уже практически поставила в порядок дня вопрос о новом типе государства, как формы диктатуры пролетариата.

«Коммуна,—пишет Маркс,—была прямой противоположностью Империи. Крик: «Да здравствует социальная республика!», которым парижский пролетариат приветствовал Февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой республике, которая уничтожила бы не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и явилась именно определенной формой такой республики» [1]). Исторически Коммуна явилась наследницей революционных рабочих клубов 1848 г., представлявших собою зародыши «особого рабочего государства». Коммуна была не чем иным, как рабочим государством, конкретной формой диктатуры рабочего класса. Но подобно тому, как июньское восстание было потоплено в крови рабочих, так и Коммуна была зверски раздавлена палачами буржуазии. Но уроки Коммуны не прошли даром для рабочего класса. Опыт Коммуны был учтен марксизмом и русским пролетариатом, ибо диктатура пролетариата в России и конкретная ее форма—советская система—является, с точки зрения всемирно-исторической, наследницей Парижской Коммуны. Опыт Октябрьской революции имеет в истории человечества всеобщее и мировое значение. Только доктринеры не способны этого понять. Октябрьская революция и десять лет власти рабочих в огромной стране необычайно обогатили нашу теорию, наше учение.

Но вернемся к Коммуне. Маркс в оценке Коммуны обнаружил гениальную дальновидность, и все сделанные им в связи с Парижской Коммуной предсказания блестяще оправдались и подтвердились последующими историческими событиями. Маркс усмотрел в Парижской Коммуне поворотный пункт в истории пролетариата, ибо Коммуна практически подошла к вопросу о завоевании пролетариатом политической власти, к вопросу об установлении диктатуры пролетариата, чем подтвердила правильность теоретического вывода Маркса на основании опыта Февральской революции о необходимости разрушения пролетариатом военно-

[1]) К. Маркс, Гражданская война во Франции в 1871 г., изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 62.

бюрократического механизма буржуазного государства, ибо это разрушение является «предварительным условием всякой действительно народной революции». Чем же была Коммуна?—спрашивает Маркс. И отвечает: «Тайна ее заключается в том, что она, по существу своему, была правительством рабочего класса, результатом борьбы между классом производящим и классом присваивающим, той давно искомой политической формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда».

III.

Коммуна должна была быть политическим орудием для уничтожения тех экономических устоев, на которых покоится существование классов и классовое господство. Диктатура пролетариата есть классовое господство пролетариата, имеющее своею целью уничтожение всякого классового господства, путем превращения орудия и средства производства в общественную собственность. Освобождение труда, превращение средств производства в общественную собственность, экспроприация экспроприаторов будут иметь своим результатом то, что все станут рабочими, но именно поэтому труд перестает быть особенностью определенного класса. Возведение этой особенности во всеобщую форму жизни означает отрицание, уничтожение особенной формы, уничтожение класса с его особенностями, т.-е. уничтожение классов вообще. Но где нет классов, там нет и государства, которое является особой организацией общества, раздираемого классовыми противоречиями, там нет и бюрократии, являющейся выражением той же противоположности классов, как и противоположности между обществом и государством.

Величайшее научное открытие, сделанное марксизмом в отношении государства, сводится к установлению его преходящего, исторического характера. Это открытие возможно было сделать только при помощи метода материалистической диалектики, на основе изучения истории человеческого общества, различных его фаз и формаций и в особенности движущих сил и противоречий буржуазного общества.

«Государство не от вечности,—пишет Энгельс.—Жили общества и без него, существовали общества, не имевшие даже понятия, что такое государство и государственная власть. Только на известной ступени экономического развития, неразрывно соединенной с распадением общества на классы, на сословия, явилась необходимость в государстве. В настоящее же время мы быстрыми шагами приближаемся к такой фазе развития промышленности, при которой разделение на классы не только не представляет необходимости, но стесняет даже самое производство. Как возникло это деление на классы, так оно и исчезнет, а с ним исчез-

ност и государство. Общество, которое вновь организует промышленность на основании свободной, равноправной ассоциации всех производителей, такое общество не нуждается в государственной машине и сдает ее в исторический музей, где она будет красоваться наряду с бронзовым топором и веретеном» [1]).

Государство является продуктом исторического развития. Оно переживает различные ступени и фазисы в зависимости от характера экономического развития общества, от природы классов данной ступени развития. Государство принимает на протяжении истории различные формы, но сущность его в общем и целом остается одна и та же: быть органом насилия господствующего класса над классами угнетенными и эксплоатируемыми. Буржуазная демократическая республика является лишь одной из форм буржуазного государства, сущность которого сводится к диктатуре буржуазии. Мы увидим ниже, как нынешний ревизионизм, отвергая диалектику, фактически встал на точку зрения неизменности государственной организации. Они теоретически и практически стремятся не только к увековечению государства, как такового, но и особой его формы,—современной буржуазной демократии.

Итак, государство есть исторически-преходящее учреждение; оно является выражением того, что «общество находится в неразрешимом противоречии само с собою, что оно распалось на непримиримые классы и что оно не имеет средств примирить эти противоположности и противоречия», как выражается Энгельс.

Государство противоположно обществу, оно противостоит ему, как особая власть, являясь, с одной стороны, выражением классовых противоречий данного общества и невозможности их примирения, а, с другой стороны, выражением факта господства одного класса над всем обществом, отождествления интересов части общества, одного класса его с интересами всего общества. «В основании учреждения государства легла потребность держать в повиновении различные общественные классы, но так как государство возникло среди классовой борьбы, то понятно, что власть сосредоточилась в руках самого могущественного в экономическом отношении сословия, и к нему же перешло политическое господство; все это дало государственной власти новые средства держать в повиновении и эксплоатировать побежденный класс» [2]).

Будучи организацией господствующего класса, государство противостоит всему остальному обществу, как организация власти и насилия над побежденными и эксплоатируемыми классами. Государство есть политическое орудие для присвоения господ-

---

[1]) Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Петроград, 1918 г., стр. 83.
[2]) Там же, стр. 81—82.

ствующим классом собственности, т.-е. продукта труда, класса, лишенного собственности, т.-е. орудий и средств производства. Таким образом, собственность на орудия и средства производства делает господствующий класс государством, делает его политическим сувереном общества, делает его хозяином и распорядителем над продуктами труда класса побежденного. Сущность государства не может быть понята и уяснена из его чисто политических функций, а исключительно из его экономического характера и классовой борьбы, как выражения первого. Поэтому все надежды, возлагаемые социал-демократами на постепенную демократизацию государства, как на средство овладения пролетариатом политической власти, до крайности утопичны. Ибо демократическая республика есть высшая форма господства буржуазии, т.-е. самое тонкое и вместе с тем самое могущественное орудие угнетения труда капиталом. В условиях демократической республики пролетариат, правда, имеет возможность организоваться в самостоятельную политическую партию, делегировать своих депутатов в представительные учреждения, добиться некоторого улучшения своего положения, но отменить частную собственность на орудия и средства производства он не имеет возможности. Демократическая республика терпит пролетарские организации только до тех пор, пока они не угрожают существованию буржуазии, как класса собственников. Есть определенные границы, переступать которые вооруженная буржуазия пролетариату не дает и никогда не даст. Всеобщая подача голосов, в которую ныне так уверовали все социал-демократические партии, может, по словам Энгельса, служить лишь показателем степени зрелости рабочего класса. «Дальше этого пойти при настоящем государственном строе пролетариат не может»,—говорит Энгельс.

В 1909 г. К. Каутский в своей известной работе «Путь к власти» также доказывал, что пролетарская революция неизбежна, что Маркс и Энгельс «выковали понятие диктатуры пролетариата, которую Энгельс в 1891 г. незадолго до своей смерти упорно отстаивал, понятие о политическом одновластии пролетариата, как единственной форме, в которой он может осуществлять государственную власть» [1]). Каутский далее доказывал, что без политической революции, без изменения существа государственной власти пролетариат не может выбить класс капиталистов из его позиций, не может его экспроприировать, что пролетариат не может добиться политической власти «просто посредством мудрой тактики совместного действия с близко стоящими к пролетариату буржуазными партиями». Он отвергал коалиционное правительство и отстаивал тактику, обоснованную Марксом и Энгельсом и сводящуюся к завоеванию диктатуры про-

[1]) К. Каутский, Путь к власти, пер. и ред. Н. Л. Мещерякова, 1918 г., стр. 9.

летариата,—политического единовластия пролетариата, как единственной формы, в которой он может осуществлять государственную власть».

Возвращаясь к взглядам основоположников марксизма, надо вспомнить еще их «критику готской программы». Опыт Парижской Коммуны окончательно подтвердил правильность их взгляда на диктатуру пролетариата, как на государство переходного периода. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования одного в другое. Ему соответствует и политический переходный период, в котором государство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата» [1]).

Маркс высмеивает требования готской программы, которая «не содержит ничего, кроме старой демократической литании: всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народный суд, народное ополчение и проч. Они—простое эхо буржуазной народной партии, Лиги Мира и Свободы».

Приведенных цитат из работ Маркса и Энгельса достаточно, чтобы читатель убедился в том, что они рассматривали диктатуру пролетариата как политический переходной период между капиталистическим и коммунистическим обществом, и что по мере того, как развивалась классовая борьба пролетариата, для них становились все более ясными конкретные очертания пролетарского государства.

Величие Маркса и Энгельса в том, что они предвидели и предсказали, на основании изучения законов движения капиталистического общества, его крушение, наступление целого периода преобразования капиталистического общества в коммунистическое, диктатуры пролетариата, как политической формы этого переходного периода, и постепенное отмирание этой последней формы государства по мере того, как будет побеждать социалистическая форма хозяйства.

Наша историческая эпоха вступила в полосу осуществления диктатуры пролетариата, что само по себе знаменует собою величайшее торжество марксизма, как науки.

IV.

Прежде чем перейти к вопросу о взаимоотношении демократии и диктатуры в современной его постановке, необходимо остановиться в нескольких словах на истории борьбы двух направлений и двух тактик в русском рабочем движении.

Накануне революции 1905 г. русских социал-демократов разделяли разногласия по вопросу о характере русской революции,

[1]) К. Маркс. Замечания на программу германской рабочей партии, пер. А. А. Алексеева, 1923 г., стр. 69.

ее движущих силах и возможных перспективах. Все были согласны в том, что России предстоит совершить прежде всего буржуазный переворот. Но разногласия возникали сейчас же в связи с вопросом о движущих силах революции, с вопросом о том, какие классы заинтересованы в предстоящей революции и с кем должен итти самый передовой и самый революционный класс—пролетариат. Меньшевики утверждали, что так как России предстоит совершить буржуазную революцию, то буржуазия является естественной преемницей самодержавия, и пролетариат должен помочь буржуазии притти к власти, стремясь только к завоеванию в ходе революции максимума уступок для пролетариата. Это была формально-логическая, а не диалектическая постановка вопроса. Совершенно оригинально подошел к стоявшей перед Россией проблемой Ленин. Он указывал на то, что эпоха чистых буржуазных революций прошла, благодаря сложившейся международной ситуации, благодаря тому обстоятельству, что пролетариат повсюду в Западной Европе ведет в качестве самостоятельной силы борьбу за социализм, и, с другой стороны, благодаря тому, что пролетариат в самой России представляет собою грозную для буржуазии силу. Крупная буржуазия «неспособна, по своему классовому положению, на решительную борьбу с самодержавием: слишком тяжелым ядром на ногах является частная собственность, капитал, земля, чтобы итти на решительную борьбу. Слишком нужно им самодержавие с его полицейски-бюрократическими и военными силами против пролетариата и крестьянства, чтобы могли они стремиться к уничтожению самодержавия» [1]).

И вот получилось с первого взгляда действительно «парадоксальное» положение: буржуазная революция не может быть совершена буржуазией, не может быть доведена ею до конца, ибо в борьбе с пролетариатом и крестьянством она нуждается в том самом самодержавии, которое оно должно, согласно доктрине, свергнуть. Поэтому буржуазия вынуждена пойти на сделку с самодержавием и неспособна совершить демократический переворот. Истинно-революционными классами, заинтересованными в радикальном перевороте, являются пролетариат и крестьянство. Поэтому они и являются движущими силами буржуазно-демократической революции в России. «Решительная победа революции над самодержавием,—писал Ленин,—есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства... И такая победа будет именно диктатурой, т.-е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооружение массы, на восстание, а не на те или иные, «легальным», «мирным путем» созданные, учреждения. Это может

[1]) Ленин, За 12 лет, стр. 439.

быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и самодержавия. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура» [1]).

Каутский, как известно, в эпоху первой русской революции поддержал Ленина, считая его точку зрения правильной и единственно-марксистской. В своих статьях, напечатанных в «Neue Zeit» под названием «Движущие силы и перспективы русской революции», Каутский писал: «Нам необходимо усвоить себе мысль, что мы идем навстречу совершенно новым ситуациям и проблемам, к которым не подходит ни один из старых шаблонов.

«Мы поступим правильнее всего в отношении русской революции и задач, которые она нам пред'являет, если будет смотреть на нее не как на революцию буржуазную в обычном смысле этого слова, а также не как на социалистическую, а как на совершенно своеобразный процесс, совершающийся на границе буржуазного и социалистического общества, способствующий ликвидации первого, подготовляющий условия для образования второго и во всяком случае дающий могучий толчок всему прогрессивному развитию стран капиталистической цивилизации» [2]).

Ленин в своем предисловии к брошюре Каутского резюмирует точку зрения большевиков на русскую революцию в следующих словах: «Буржуазная революция, совершаемая пролетариатом и крестьянством, вопреки неустойчивости буржуазии». «Революция в России не буржуазная, ибо буржуазия не принадлежит к движущим силам теперешнего революционного движения России. И революция в России не социалистическая, ибо она **никоим образом** не может привести пролетариат к единственному господству или диктатуре. Социал-демократия может победить в русской революции и **должна** стремиться к этому. Но победой теперешней революции не может быть победа только пролетариата без помощи других классов. Какой же класс является, в силу об'ективных условий теперешней революции, союзником пролетариата? **Крестьянство**: прочная общность интересов на все время революционной борьбы существует только между пролетариатом и крестьянством».

Таким образом, в России складывалось совершенно оригинальное соотношение классовых сил, благодаря международной и национально-русской революционной ситуации, выразившейся в том, что буржуазия из страха перед пролетариатом стала реак-

---

[1]) Ленин, там же, стр. 439—440.

[2]) К. Каутский, Движущие силы и перспективы русской революции, пер. с нем. под ред. и с предисловием Н. Ленина, 1907 г., стр. 32.

ционной силой не только в странах, проделавших уже буржуазную революцию, но и в такой стране, как Россия, где буржуазия еще не завоевала политической власти. Пролетариат и крестьянство—эти два революционных класса—сплачивали буржуазию и помещиков в единый блок. Буржуазия не в состоянии была совершить свою буржуазную революцию без помощи пролетариата и крестьянства. Пролетариат же в России достиг такой степени организованности и сознательности, что вел свою самостоятельную классовую политику уже в рамках царского режима, что не имело места ни в одной буржуазной революции. Еще задолго до 1905 г. Лениным была выдвинута идея гегемонии пролетариата в предстоящей буржуазной революции, что знаменовало собою очень высокую степень сознательности авангарда рабочего класса. Руководящая роль пролетариата и его партии в революции естественно не была совместима с руководящей ролью буржуазии, которая претендовала на власть. И вот получилось, с точки зрения обычного шаблона, совершенно «парадоксальное» сочетание сил: буржуазная революция во главе с пролетариатом, как гегемоном, руководителем и вождем!

Теоретически рассуждая, буржуазия могла заключить союз с крестьянством и совершить хорошую буржуазную революцию, пожертвовав помещиками и оттеснив сильно пролетариат. Но это была чисто теоретическая возможность. Фактически же буржуазия не могла пойти и по этому пути. Ибо для разрешения аграрного вопроса требовалось «нарушение» прав собственности, необходима была конфискация крупного землевладения и целый ряд мер, которые затрагивали непосредственно интересы буржуазии, интересы собственности вообще. Каутский в указанной брошюре подчеркивал необходимость для разрешения аграрного вопроса государственного банкротства, конфискации казенных имуществ и монастырей, крупных монополий вроде железных дорог, нефтяных источников, горных рудников, железоделательных заводов и проч.

Очевидно, что совершить такой коренной переворот в имущественных отношениях не могла ни одна буржуазная партия. На такой переворот способна была только социалистическая партия, способен был только пролетариат. Это было ясно для самого дальновидного политика—Ленина. Он всегда подчеркивал необходимость конкретного анализа вместо общих абстрактных положений. Он требовал диалектического подхода ко всем явлениям, вскрывал об'ективную диалектику исторического процесса. В то время, как все другие социал-демократы, включая и такого крупного мыслителя, как Г. В. Плеханов, исходили из общих отвлеченных соображений о буржуазном характере русской революции и соответственно этому ставили ставку на русскую

буржуазию, считая ее одной из движущих сил революции и требуя поддержки ее со стороны пролетариата, Ленин исходил из правильной методологической, марксистской, диалектической установки, когда указывал на необходимость конкретного анализа движущих сил революции и соотношения в ней классов.

С формально-логической точки зрения противники Ленина были правы: раз на смену самодержавию идет буржуазная революция, то буржуазия должна стать господствующим классом, и пролетариат, строящий свою политику и тактику на об'ективных основаниях, должен помочь в этом деле буржуазии, отвоевывая для себя максимум возможных при сохранении буржуазных общественных отношений политических и экономических выгод. Но то формальная логика. Марксист же должен руководствоваться логикой диалектической. А логика диалектического материализма говорила нечто совершенно другое.

Предстоящая революция по своему об'ективному содержанию носит непосредственно буржуазный характер, но совершить эту буржуазную революцию буржуазия не может, ибо она не принадлежит к движущим силам революции. Совершить этот переворот может только пролетариат в союзе с крестьянством, в силу чего революция перестает быть буржуазной в обычном смысле слова, перерастая свои собственные границы. Но так как, с другой стороны, пролетариат, по крайней мере, на первой ступени этой революции, не может притти к единодержавию, к диктатуре, то этот переворот не будет и социалистическим. Таким образом, революция при таком сочетании сил представлялась «своеобразным процессом, совершающимся на границе буржуазного и социалистического общества». Такая революция, противоречащая всем обычным представлениям, вырвет с корнем все остатки феодализма, доведет буржуазную революцию до конца и тем самым перерастет самое себя и подготовит условия для перехода к социалистическому обществу.

В полемике с Каутским Ленин, подводя итог старым спорам, формулирует свою позицию следующим образом:

«Старые «теории» меньшевиков о буржуазном характере русской революции, т.-е. старое искажение марксизма меньшевиками (в 1905 году отвергнутое Каутским!), теперь вновь подогреты нашим теоретиком... Русская революция—буржуазная, говорили все марксисты России перед 1905 годом. Меньшевики, подменяя марксизм либерализмом, выводили отсюда: следовательно, пролетариат не должен итти дальше того, что приемлемо для буржуазии, он должен вести политику соглашения с ней. Большевики говорили, что это либерально-буржуазная теория. Буржуазия стремится совершить преобразование государства по-буржуазному, реформистски, а не революционно, сохраняя, по возможности, и монархию, и помещичье землевладение и т. п.

Пролетариат должен вести буржуазно-демократическую революцию до ее конца, не давая себя «связать» реформизмом буржуазии. Классовое соотношение сил при буржуазной революции большевики формулировали так: пролетариат, присоединяя к себе крестьянство, нейтрализует либеральную буржуазию и разрушает до конца монархию, средневековье, помещичье землевладение.

В союзе пролетариата с крестьянством вообще и обнаруживается буржуазный характер революции, ибо крестьянство вообще есть мелкие производители, стоящие на почве товарного производства. Далее, добавляли тогда же большевики, пролетариат присоединяет к себе весь полупролетариат (всех эксплоатируемых и трудящихся), нейтрализует среднее крестьянство и ниспровергает буржуазию: в этом состоит социалистическая революция в отличие от буржуазно-демократической»[1]).

Стало быть, последовательные этапы или ступени развития, намеченные Лениным, это сначала диктатура пролетариата и крестьянства, а затем диктатура, т.-е. единовластие, пролетариата. Первый этап носит буржуазно-демократический характер, второй—социалистический характер.

С апреля месяца 1917 г., т.-е. задолго до Октябрьской революции, Ленин доказывал, что остановиться на диктатуре пролетариата и крестьянства революция не может, что необходимо сделать следующий шаг, что пролетариат должен завоевать власть и приступить к строительству социализма.

Дальнейший ход революции подтвердил правильность ленинского прогноза. Этот замечательный факт осуществления научного предвидения есть величайшее торжество марксизма, как науки.

V.

В 1918 г. Ленин напечатал в «Правде» небольшую статью под названием «Пророческие слова». Статья эта начинается следующими словами:

«В чудеса теперь, славу богу, не верят. Чудесное пророчество есть сказка. Научное пророчество есть факт. И в наши дни, когда кругом нередко можно встретить позорное уныние или даже отчаяние, полезно напомнить одно оправдавшееся научное пророчество».

Научное пророчество, которое имеет в виду в этой статье Ленин, сводится к предсказанию Энгельсом в 1887 году всемирной войны. Предсказание Энгельса осуществилось почти полностью. «От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и об'едать при этом всю Европу до такой степени

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 503—504.

дочиста, как никогда еще не об'едали тучи саранчи». Всемирная война принесет с собою невиданные опустошения, голод, эпидемии, «безнадежную путаницу нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите», короны будут валяться дюжинами по мостовым и проч. «Только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса».

Нет ничего удивительного в том, что «пророчество» Энгельса произвело на Ленина сильное впечатление. Предсказать за тридцать лет вперед наступление всемирной войны и описать ее почти во всех деталях—это действительно нечто совершенно необычное. Но марксизм по самому существу своему тем и отличается, что он делает возможным научное пророчество, предвидение явлений. В научном предвидении или «пророчестве» заключается сила и огромное значение метода материалистической диалектики. Этого не могут понять его противники. Крупнейшие представители марксизма делали неоднократные «предсказания», которые так или иначе исполнялись. Целый ряд «предсказаний» делали Маркс и Энгельс. Величайшим «предсказанием» Маркса является предсказание о крушении на определенной ступени развития буржуазного общества, наступление эпохи диктатуры пролетариата и смене ее социалистическим обществом. Недаром Ленин считает идею диктатуры пролетариата гениальным предвидением Маркса. Он пишет:

«Всемирно-историческое значение III Коммунистического Интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием диктатуры пролетариата.

Это гениальное предвидение, эта гениальная теория становится действительностью» [1]).

Мы могли бы привести целый ряд предсказаний, так сказать, частного характера, которые делались Марксом и Энгельсом и которые в точности осуществились. В своей брошюре «Путь к власти» Каутский посвятил целую главу вопросу о предсказаниях. Он правильно указывает на то, что «Коммунистический манифест» в ноябре 1847 года возвестил наступление революции 1848 года. «Это произошло в то самое время,—напоминает Каутский,—когда Прудон доказывал, что время революций навсегда миновало». Далее, Каутский указывает, что Маркс в шестидесятых годах, во время работы над «Капиталом», предвидел акционерные и картельные предприятия; в январе 1873 года он предсказывал кризис, который наступил через несколько меся-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 182.

цев. Во время войны 1870—1871 годов Маркс предсказал, что отныне центр тяжести социалистического движения перенесется из Франции в Германию. Сам Каутский в 1902 г. в своей статье «Славяне и революция», напечатанной в «Искре», предсказал международную революционную роль русского рабочего движения. Он писал, что если в 1848 г. русские были трескучим морозом, побившим цветы народной весны, то теперь, быть может, «им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо приведет с собою новую счастливую весну для народов». Есть ли еще надобность в перечислении предсказаний Ленина. Гениальность Ленина состоит именно в том, что им был заранее предуказан путь, по которому пойдет русское революционное движение. Октябрьская революция есть блестящее завершение политики и тактики Ленина, которую он проводил на протяжении почти двух десятков лет. То, что казалось «грезофарсом» даже таким людям, как Плеханов, стало действительностью.

В силу каких же условий возможны такие «пророчества», которые превращаются в действительность? Марксисты не обладают каким-то «чудодейственным талисманом». Впрочем, если угодно, они действительно обладают им. Это—их теория, это—марксизм, это—метод диалектического материализма. Теоретически буржуазия совершенно беспомощно противостоит совершающемуся историческому процессу, что не мешает ей практически вести ожесточенную классовую войну против пролетариата, т.-е. против будущего, против истории. Для буржуазии и ее идеологов все исторические события последнего десятилетия являются в сущности чем-то случайным и неожиданным.

С точки зрения же теории марксизма эти события являются необходимым результатом развития капиталистического общества и происходящей в нем классовой борьбы. Теория марксизма заранее установила и раскрыла закономерности капиталистического общества и появление, нарождение из условий настоящего новой закономерности. Этот процесс превращения одних форм и закономерностей в другие освещается наилучшим образом при помощи материалистической диалектики. Именно она дает возможность предвидеть смену закономерностей и форм, но тем самым она дает также возможность и овладеть об'ективными процессами. Сознательная деятельность революционного класса в направлении об'ективных закономерностей само по себе составляет, разумеется, существенный фактор этого процесса. Теоретически социал-демократия стоит в сущности на механически-фаталистической точке зрения, возлагая все свои надежды на об'ективный ход вещей, что избавляет ее практически от революционной борьбы за социализм. Современные социал-демократы ждут, чтобы история

преподнесла им «на тарелочке», как выражается где-то Ленин, готовый социализм.

Необходимо отличать общее направление развития современного общества к социализму от конкретного хода этого направления или движения. «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности,—пишет Ленин.—Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело» [1]).

Но на чем основано знание общего направления пути к социализму? Оно основано на конкретном изучении при помощи диалектического материализма закономерностей капиталистического общества, его экономической и классовой структуры и той борьбы классов, которая является неизбежным результатом развития буржуазного общества.

Но если мы знаем общее направление пути к социализму, то связанные с ним отдельные этапы движения к социализму нам не дано знать во всей их конкретности. Тем не менее, как мы уже видели, крупнейшие представители марксизма делали предсказания и относительно частных конкретных условий, отдельных событий и этапов общего направления пути к социализму. И эти частные предсказания оправдывались на деле. Таким образом, возможность предвидения будущего, научного пророчества приходится признать реальным фактом. Научное предвидение возможно лишь благодаря марксистскому методу,—методу материалистической диалектики. Ведь все основные события последних двух десятилетий (вся так наз. генеральная линия) были заранее предвидены и предсказаны Марксом, Энгельсом и Лениным. Все буржуазные политические деятели, крупнейшие государственные мужи и ученые ничего не в состоянии были предвидеть и действовали вслепую, являясь бессознательными орудиями исторического процесса. Буржуазия в сущности потерпела уже страшный крах, потерпела крах и ее наука (речь идет об общественной науке), несмотря на то, что она фактически является еще хозяином положения во всех, кроме СССР, странах.

Октябрьская революция, повторяем, означает величайший триумф марксизма. В сравнении с этим фактом всемирно-исторической важности, «случаи несоответствия сил», как выражается Ленин, временные затруднения, связанные с повседневной работой строительства социализма, необходимость пе-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 84.

цев. Во время войны 1870—1871 годов Маркс предсказал, что отныне центр тяжести социалистического движения перенесется из Франции в Германию. Сам Каутский в 1902 г. в своей статье «Славяне и революция», напечатанной в «Искре», предсказал международную революционную роль русского рабочего движения. Он писал, что если в 1848 г. русские были трескучим морозом, побившим цветы народной весны, то теперь, быть может, «им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо приведет с собою новую счастливую весну для народов». Есть ли еще надобность в перечислении предсказаний Ленина. Гениальность Ленина состоит именно в том, что им был заранее предуказан путь, по которому пойдет русское революционное движение. Октябрьская революция есть блестящее завершение политики и тактики Ленина, которую он проводил на протяжении почти двух десятков лет. То, что казалось «грезофарсом» даже таким людям, как Плеханов, стало действительностью.

В силу каких же условий возможны такие «пророчества», которые превращаются в действительность? Марксисты не обладают каким-то «чудодейственным талисманом». Впрочем, если угодно, они действительно обладают им. Это—их теория, это—марксизм, это—метод диалектического материализма. Теоретически буржуазия совершенно беспомощно противостоит совершающемуся историческому процессу, что не мешает ей практически вести ожесточенную классовую войну против пролетариата, т.-е. против будущего, против истории. Для буржуазии и ее идеологов все исторические события последнего десятилетия являются в сущности чем-то случайным и неожиданным.

С точки зрения же теории марксизма эти события являются необходимым результатом развития капиталистического общества и происходящей в нем классовой борьбы. Теория марксизма заранее установила и раскрыла закономерности капиталистического общества и появление, нарождение из условий настоящего новой закономерности. Этот процесс превращения одних форм и закономерностей в другие освещается наилучшим образом при помощи материалистической диалектики. Именно она дает возможность предвидеть смену закономерностей и форм, но тем самым она дает также возможность и овладеть об'ективными процессами. Сознательная деятельность революционного класса в направлении об'ективных закономерностей само по себе составляет, разумеется, существенный фактор этого процесса. Теоретически социал-демократия стоит в сущности на механически-фаталистической точке зрения, возлагая все свои надежды на об'ективный ход вещей, что избавляет ее практически от революционной борьбы за социализм. Современные социал-демократы ждут, чтобы история

преподнесла им «на тарелочке», как выражается где-то Ленин, готовый социализм.

Необходимо отличать общее направление развития современного общества к социализму от конкретного хода этого направления или движения. «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности,—пишет Ленин.—Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело» [1]).

Но на чем основано знание общего направления пути к социализму? Оно основано на конкретном изучении при помощи диалектического материализма закономерностей капиталистического общества, его экономической и классовой структуры и той борьбы классов, которая является неизбежным результатом развития буржуазного общества.

Но если мы знаем общее направление пути к социализму, то связанные с ним отдельные этапы движения к социализму нам не дано знать во всей их конкретности. Тем не менее, как мы уже видели, крупнейшие представители марксизма делали предсказания и относительно частных конкретных условий, отдельных событий и этапов общего направления пути к социализму. И эти частные предсказания оправдывались на деле. Таким образом, возможность предвидения будущего, научного пророчества приходится признать реальным фактом. Научное предвидение возможно лишь благодаря марксистскому методу,—методу материалистической диалектики. Ведь все основные события последних двух десятилетий (вся так наз. генеральная линия) были заранее предвидены и предсказаны Марксом, Энгельсом и Лениным. Все буржуазные политические деятели, крупнейшие государственные мужи и ученые ничего не в состоянии были предвидеть и действовали вслепую, являясь бессознательными орудиями исторического процесса. Буржуазия в сущности потерпела уже страшный крах, потерпела крах и ее наука (речь идет об общественной науке), несмотря на то, что она фактически является еще хозяином положения во всех, кроме СССР, странах.

Октябрьская революция, повторяем, означает величайший триумф марксизма. В сравнении с этим фактом всемирно-исторической важности, «случаи несоответствия сил», как выражается Ленин, временные затруднения, связанные с повседневной работой строительства социализма, необходимость пе-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 84.

ределки форм организации управления и проч. не должны вызывать ни уныния, ни пессимизма.

«...Если немножечко отвлечься от непосредственной неприятности чрезмерно частой переделки декретов,—писал Ленин,—и если посмотреть чуточку поближе и подольше на то гигантское, всемирно-историческое дело, которое русскому пролетариату приходится выполнять пока еще собственными недостаточными силами, тогда станет сразу понятно, что даже гораздо более многократные переделки, испытание на опыте различных систем управления, различных норм налаження дисциплины неизбежны, что в таком гигантском деле мы никогда не могли бы претендовать, и ни один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества. Все, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплоататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью, и мы это знали, когда мы брали в свои руки знамя социализма, когда мы об'явили себя социалистами, когда основывали социалистические партии, когда мы преобразовывали общество. Это мы знали, когда брали власть, для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, но ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания именно потому, что для нашего дела, для дела строительства социализма недостаточно опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоев, которые делали историю до сих пор и в обществе помещичьем, и в обществе капиталистическом. Мы не можем так делать именно потому, что мы рассчитываем на совместный опыт и что это—опыт миллионов трудящихся» [1]).

Генеральная линия развития капиталистического общества в общество социалистическое была заранее установлена предвидевшим это развитие марксизмом с научной точностью, как выражается Ленин. Но генеральная линия не исключает вообще зигзагов и «случайностей», которые замедляют и ускоряют темп развития. С другой стороны, конкретные формы преобразования общества и темп быстроты развития конкретной реорганизации никем заранее предвидены быть не могли. По-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 304—305.

этому все искусство практического политика, как, впрочем, и теоретика, который подходит к конкретным историческим процессам не с готовым шаблоном, а способен, руководствуясь методом марксизма, ориентироваться в живой жизни, состоит в способности и умении нащупать, так сказать, новые процессы, новые закономерности, учесть новые факты и тенденции и строить из них свою политику и тактику. Надо сказать, что именно Ленин отличался этими способностями в высочайшей степени. Старые революционеры часто становятся при изменившихся общественных условиях, в результате которых наступают новые ситуации, консерваторами. Настоящим революционером является не тот, кто остается «на старых позициях» при новой ситуации, повторяя одни и те же общие, отвлеченные истины, а тот, кто «овладевает» при помощи марксистского метода новой конкретной обстановкой.

Мы живем в эпоху «перелома» закономерностей капиталистического общества в закономерности социалистического общества, в эпоху, когда одни закономерности сменяются другими, противоположными закономерностями. Материалистическая диалектика, имеющая дело с законами движения и развития, дает возможность предвидеть появление и возникновение одних форм движения и развития из других, предшествующих форм. Поэтому диалектика и является незаменимым орудием и в области строительства социализма. «Теория марксизма,—говорит Ленин,—освещенная ярким светом всемирно-богатого опыта революционных рабочих, помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира яснее сознать цели своей борьбы, тверже итти по наметившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и закреплять победу» [1]).

А в «Государстве и революции» Ленин подчеркивает, что для разрешения вопроса о смене буржуазного государства пролетарским, Маркс пользовался своей философией диалектического материализма. «Верный своей философии диалектического материализма, Маркс берет в основу исторический опыт великих годов революции 1848—1851 гг. Учение Маркса и здесь—как и всегда—есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории подытожение опыта» [2]).

И наша современная эпоха, несравненно более сложная, чем эпоха 1848—1851 гг., должна быть обобщена, изучена во всем ее своеобразии при помощи философии диалектического мате-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 55; курсив мой.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 319.

риализма для того, чтобы, исходя из нашего всемирно-богатого опыта, перспективы развития классовой борьбы и социализма во всех странах были осознаны рабочим классом.

VI.

Самый ожесточенный спор между революционным марксизмом и ревизионизмом ведется в наше время вокруг демократии и диктатуры. Этот спор обострился, главным образом, в связи с Октябрьской революцией, которая практически разрешила его в пользу диктатуры. Демократия и диктатура являются иными «выражениями» для мирного и революционного разрешения вопроса о переходе от капитализма к социализму. Если мы обратимся к довоенной и дооктябрьской социалистической литературе, то мы в ней не находим прямого ответа на вопрос о конкретных формах завоевания пролетариатом политической власти. Понятие диктатуры пролетариата, хотя и употреблялось в программах, партийных документах и марксистских книгах, но каждый автор, повидимому, вкладывал в это понятие особое содержание. Проблема государства и, в частности, проблема пролетарского государства переходного периода никем серьезно не разрабатывалась. Революционно-ортодоксальное крыло социал-демократических партий, вообще говоря, стояло на той точке зрения, что пролетариат может завоевать политическую власть только революционными, а не мирными методами.

Если мы снова обратимся к крупнейшему теоретику германской социал-демократии довоенной эпохи, то в цитированной уже нами брошюре «Путь к власти» Каутский определенно высказался за революционный способ завоевания пролетариатом власти. Еще в 1893 г., а затем в 1909 г. в указанной брошюре он писал следующее:

«Мы—революционеры, и притом не просто в том смысле, в каком революционна паровая машина. Социальный переворот, к которому мы стремимся, может быть достигнут только посредством политической революции (курсив мой. А. Д.), посредством завоевания политической власти борющимся пролетариатом. И та государственная форма, при которой только и может быть осуществлен социализм, есть республика, и притом в общепринятом смысле этого слова, т.-е. республика демократическая» [1]) (курсив мой. А. Д.).

В другом месте К. Каутский определенно высказывается в том смысле, что демократический строй не может предохранить от революции пролетариата. «Демократический строй не может устранить классовых противоречий капиталистического общества

---

[1]) К. Каутский, Путь к власти, стр. 31.

и не может предотвратить их неизбежного следствия—крушение этого общества. Но демократический строй может сделать одно: он может предохранить не от революций, а от некоторых преждевременных, безнадежных революционных попыток и может сделать излишним некоторые революционные восстания» [1]).

Каутский был в 1909 г. настолько дальновиден, что предвидел наступление «века революций», неразрывно связанных с политикой империализма и всемирной войной, как неизбежное его следствие.

«Всемирная война подвигается угрожающе близко, но война означает и революцию...

...Пролетариат в настоящее время так окреп, что он с большим спокойствием может ожидать надвигающейся войны. О преждевременной революции не может быть больше речи в то время, когда пролетариат извлек из данной государственной основы столько сил, сколько можно было из нее почерпнуть, и когда ее перестройка стала условием его дальнейшего под'ема.

Пролетариат всеми силами ненавидит войну, он положит все усилия, чтобы не дать подняться военному настроению. Если, однако, война, несмотря на это, вспыхнет, то пролетариат в настоящее время является тем классом, который с наибольшими надеждами может ожидать ее исхода» [2]).

Каутский тогда понимал, что «чем более непоколебимой, последовательной и непримиримой будет социал-демократия, тем скорее она восторжествует над своими противниками». А по вопросу об участии социал-демократии в коалиционном правительстве он высказался в следущих решительных выражениях:

«Требовать от социал-демократии участия в коалиционной или блоковой политике именно теперь, когда понятие «реакционной массы» стало действительностью, значит требовать от нее политического самоубийства» [3]).

В 1914 г. пришла империалистическая война и перевернула во взглядах Каутского и его единомышленников все вверх дном. Если в 1909 г. Каутский стоял на революционной точке зрения и превосходно понимал, что для перехода от буржуазно-демократического строя к политическому господству пролетариата необходима революция, что мирный переход невозможен, то в отношении конкретных форм и условий этого перехода мы у него в сущности ничего определенного не находим, так как вопрос о сущности государства и формах его изменения им почти не затрагивается. Поэтому мы в вышеприведенной цитате и подчеркнули то место, где говорится о демократической республике «в общепринятом смысле». Что это соб-

[1]) Каутский, там же, стр. 32.
[2]) Каутский, там же, стр. 73.
[3]) Там же, стр. 78.

ственно значит республика в «общепринятом смысле», при которой только и может быть осуществлен социализм? Очевидно, под республикой в «общепринятом смысле» следует понимать буржуазно-демократическую республику. Каутскому, повидимому, и в голову не приходит, что возможен новый тип демократического государства, что буржуазно-демократический строй приспособлен к классовому господству буржуазии, а не пролетариата, что с приходом к власти пролетариата изменяется коренным образом самая форма государства.

Буржуазия, совершив революцию, создала свое государство, разбив и уничтожив феодально-помещичье государство. Тем более это применимо к пролетариату, который ведь ставит своей основной задачей отмену частной собственности, т.-е. невиданный еще в истории переворот в имущественных отношениях. Каутский, как и все социал-демократы дооктябрьской эпохи, мало занимались проблемой государства в переходную эпоху. А поскольку занимались, то не выходили за пределы буржуазно-демократической республики, хотя и толковали постоянно и о диктатуре пролетариата. Что с диктатурой пролетариата связан особый тип государства, этого они не понимали.

Каутский в своей книге «Парламентаризм и демократия», первое издание которой вышло в 1893 г., а второе—в 1911 г., писал, что «теперь начинает становиться ясным, что настоящий парламентский режим может быть одинаково как орудием диктатуры пролетариата, так и орудием диктатуры буржуазии» [1]).

Стало быть, в то время, как Маркс, начиная с 1848 г. доказывает невозможность для пролетариата взять готовую государственную машину буржуазии и пустить ее в ход, Каутский, нисколько не вдумавшись в эти принципиальные суждения Маркса, путался между диктатурой пролетариата и буржуазной демократией, которая просто становится орудием диктатуры пролетариата. Это противоречие мы находим у Каутского в его работах дореволюционной эпохи. Но отсюда, из этого противоречия, говоря теоретически, и выросла впоследствии «вера» Каутского в «чистую демократию» и отрицание диктатуры пролетариата. Новая точка зрения Каутского сводится к «синтезу» диктатуры пролетариата и буржуазной демократии. Его нынешняя формула гласит: «Под диктатурой пролетариата мы понимаем его господство на основе демократии» [2]).

Под демократией же Каутский понимает господство большинства на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права. Демократия означает равенство политических прав всех граждан, как выражается Каутский в другом месте.

---

[1]) K. Kautsky, Parlamentarismus und Demokratie, 1911 г., стр. 121.
[2]) K. Kautsky, Die Diktatur des Proletariats, 1918 г., стр. 27.

Но Каутский превосходно знает, что Маркс настаивал на диктатуре пролетариата, как переходной форме от капитализма к социализму. С другой стороны, Каутский не может забыть того, что он сам в брошюре «Путь к власти» предсказывал наступление «века революций» и доказывал, что переход к социализму совершится не мирным, а революционным путем. Поэтому он вынужден ныне комментировать свою старую работу в реформистском духе; благо для этого, как я уже сказал, остались «щели» в неправильном понимании нашим автором сущности буржуазного и пролетарского государства.

А для «согласования» своих нынешних взглядов с учением Маркса о диктатуре ему пришлось прибегнуть к чисто схоластическому трюку, состоящему в расщеплении понятия диктатуры на «состояние» и «форму правления».

«Большевики-марксисты,—пишет Каутский,—они пропитали доступные им пролетарские слои страстным увлечением марксизмом. Но их диктатура противоречила положению Маркса о том, что ни один народ не может перепрыгнуть через естественную фазу развития или отменить ее декретами. Где же найти для этого марксистское обоснование?

Тогда своевременно вспомним п р о с л о в е ч к о (курсив мой. А. Д.) Маркса о диктатуре пролетариата, которое он употребил в 1875 г. в одном из своих писем. Правда, этим словом он хотел обозначить политическое с о с т о я н и е, а не ф о р м у п р а в л е н и я. Мигом оно было применено к той форме правления, которая была дана господством советов» [1]).

Ленин в своем известном ответе Каутскому уже дал исчерпывающую характеристику этой «философии» нашего автора. Каутский не может не знать, что Маркс на протяжении всей своей деятельности толковал о диктатуре пролетариата.

Мы выше привели выдержки из разных работ Маркса в доказательство того, что «словечко» диктатура пролетариата употребляется им не только «в одном из своих писем». Что же касается вопроса о п р о т и в о п о с т а в л е н и и политического с о с т о я н и я ф о р м е п р а в л е н и я, то это не выдерживает ни малейшей теоретической критики. Это рассуждение свидетельствует о полном забвении Каутским марксистской д и а л е к т и к и, о чисто ф о р м а л ь н о м подходе к проблеме. Марксистская диалектика чужда формализму, она требует конкретного, реального изучения действительности. Сказать, напр., что данная форма правления н е й т р а л ь н а по отношению к данному политическому с о с т о я н и ю, значит действительно сказать либеральный вздор. Получается такое впечатление, будто форма правления не связана неразрывно с политическим состоянием, будто она не выра-

---

[1]) K. K a u t s k y, Die Diktatur des Proletariats, стр. 60.

жает именно определенного политического состояния, т.-е. содержания. Под политическим состоянием приходится понимать реальное отношение классов, господство «экономического суверена» над другими классами. Спрашивается, как же возможно, чтобы политическая форма правления не выражала сущности данного содержания, данного состояния, чтобы они не находились в определенном соответствии? По мнению Каутского, буржуазная демократия, как форма правления, совместима с диктатурой пролетариата, как состоянием. Она же совместима и с диктатурой буржуазии. Буржуазная демократия является вообще какой-то вечной формой правления, совместимой с любым «состоянием». Мало того, диктатура пролетариата возможна и допустима только на основе буржуазной демократии. Всеобщее избирательное право является чем-то священным и неприкосновенным, чем-то обязательным для пролетарской власти. Если же всеобщее избирательное право приходит в противоречие с диктатурой пролетариата как «состоянием», то она должна уступить свое место «демократии», всеобщему избирательному праву, а не приспособить форму правления к материальным интересам пролетариата.

Эта фетишизация чистой демократии является либерально-буржуазной болтовней и с марксизмом ничего общего не имеет. Ибо отличие марксизма от либерально-буржуазных теорий состоит в том, что марксизм исходит из материального содержания, а буржуазный либерализм—из отвлеченных, формальных принципов. Это различие установок определяется положением этих классов в современном обществе. Буржуазия, сосредоточивая уже в своих руках материальную власть, выдвигает определенные формальные принципы, маскирующие ее «состояние», затушевывающие настоящую природу ее власти. С другой стороны, она готова предоставить формально пролетариату участие в «форме правления», чтобы укрепить тем лучше свое реальное господство, свое «состояние», когда пролетариат начинает пробуждаться и проявлять свою силу.

Стремление же пролетариата направлено не к завоеванию формальной демократии, как самоцели, а к свержению буржуазии, как класса, сосредоточивающего в своих руках средства и орудия производства. Пролетарская демократия или равенство—это уничтожение классов. частной собственности, это обобществление средств и орудий производства в руках государства. В сознании рабочего класса демократия, т.-е. «самодержавие народа», не мирится с принципом частной собственности, с принадлежностью орудий и средств труда капиталистам, буржуазии. Таким образом, формальная или чистая буржуазная демократия противостоит реальной пролетарской демократии, для которой всеобщее избирательное право является подчиненным моментом реальной демократии. Если пролетарской демо-

кратии в указанном смысле грозит малейшая опасность со стороны формальной, чистой демократии, то надо быть слюнтявым либеральным интеллигентом, чтобы во имя отвлеченного принципа вопить по поводу лишения буржуазии избирательного права и принести интересы революции в жертву формальной демократии, которая выгодна при данных условиях только буржуазии.

Диктатура пролетариата вовсе не представляет собою некое райское «состояние», при котором устранены классовые противоречия. Напротив того, диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы и даже гражданской войны на более широком базисе,—на международной арене, где друг против друга стоят вооруженными до зубов два враждебных класса. При таких условиях вооружить властью, правами и проч. классового врага—значит сделать величайшую глупость, это значит ослабить, обнажить собственный фронт. Пролетариат должен руководствоваться в этих вопросах исключительно принципом революционной целесообразности.

Но тут нас снова перебивает Каутский следующим заявлением:

«Здесь (речь идет о брошюре Маркса «Гражданская война во Франции». *А. Д.*) Маркс все время говорит о всеобщем избирательном праве, о праве всего народа, а не об избирательном праве одного какого-нибудь привилегированного класса. Диктатура пролетариата была для него состоянием, которое необходимо вытекает из чистой демократии при преобладающем положении пролетариата.

Следовательно, кто высказывается за диктатуру, а не демократию, не смеет ссылаться на Маркса» [1]).

Сказано очень сердито, но эта сердитая реплика совершенно не соответствует действительности, что уже доказано вообще Лениным. Нам остается здесь привести восстановленное ныне т. Рязановым место в «18-м брюмера», где Маркс издевается над демократическим идолопоклонством», как выражается т. Рязанов. Говоря о всеобщих выборах 20 и 21 декабря, превративших Бонапарта II в Наполеона, Маркс пишет:

«В те роковые дни французский народ, несомненно, совершил смертный грех по отношению к демократии, которая изо дня в день взывает на коленях: «Святое всеобщее избирательное право, молись за нас!». Верующие во всеобщее избирательное право не хотят, разумеется, отказаться от той чудодейственной силы, которой они столь многим обязаны, которая Бонапарта II превратила в Наполеона, Савла—в Павла, Симона—в Петра. Дух народа глаголет им из избирательных урн, как бог пророка Езекииля мертвым костям: Haec dicit dominus deus ossibus suis:

---

[1]) K. Kautsky, Die Diktatur des Proletariats, стр. 21.

жает именно определенного политического состояния, т.-е. содержания. Под политическим состоянием приходится понимать реальное отношение классов, господство «экономического суверена» над другими классами. Спрашивается, как же возможно, чтобы политическая форма правления не выражала сущности данного содержания, данного состояния, чтобы они не находились в определенном соответствии? По мнению Каутского, буржуазная демократия, как форма правления, совместима с диктатурой пролетариата, как состоянием. Она же совместима и с диктатурой буржуазии. Буржуазная демократия является вообще какой-то вечной формой правления, совместимой с любым «состоянием». Мало того, диктатура пролетариата возможна и допустима только на основе буржуазной демократии. Всеобщее избирательное право является чем-то священным и неприкосновенным, чем-то обязательным для пролетарской власти. Если же всеобщее избирательное право приходит в противоречие с диктатурой пролетариата как «состоянием», то она должна уступить свое место «демократии», всеобщему избирательному праву, а не приспособить форму правления к материальным интересам пролетариата.

Эта фетишизация чистой демократии является либерально-буржуазной болтовней и с марксизмом ничего общего не имеет. Ибо отличие марксизма от либерально-буржуазных теорий состоит в том, что марксизм исходит из материального содержания, а буржуазный либерализм—из отвлеченных, формальных принципов. Это различие установок определяется положением этих классов в современном обществе. Буржуазия, сосредоточивая уже в своих руках материальную власть, выдвигает определенные формальные принципы, маскирующие ее «состояние», затушевывающие настоящую природу ее власти. С другой стороны, она готова предоставить формально пролетариату участие в «форме правления», чтобы укрепить тем лучше свое реальное господство, свое «состояние», когда пролетариат начинает пробуждаться и проявлять свою силу.

Стремление же пролетариата направлено не к завоеванию формальной демократии, как самоцели, а к свержению буржуазии, как класса, сосредоточивающего в своих руках средства и орудия производства. Пролетарская демократия или равенство—это уничтожение классов. частной собственности, это обобществление средств и орудий производства в руках государства. В сознании рабочего класса демократия, т.-е. «самодержавие народа», не мирится с принципом частной собственности, с принадлежностью орудий и средств труда капиталистам, буржуазии. Таким образом, формальная или чистая буржуазная демократия противостоит реальной пролетарской демократии, для которой всеобщее избирательное право является подчиненным моментом реальной демократии. Если пролетарской демо-

кратии в указанном смысле грозит малейшая опасность со стороны формальной, чистой демократии, то надо быть слюнтявым либеральным интеллигентом, чтобы во имя отвлеченного принципа вопить по поводу лишения буржуазии избирательного права и принести интересы революции в жертву формальной демократии, которая выгодна при данных условиях только буржуазии.

Диктатура пролетариата вовсе не представляет собою некое райское «состояние», при котором устранены классовые противоречия. Напротив того, диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы и даже гражданской войны на более широком базисе,—на международной арене, где друг против друга стоят вооруженными до зубов два враждебных класса. При таких условиях вооружить властью, правами и проч. классового врага—значит сделать величайшую глупость, это значит ослабить, обнажить собственный фронт. Пролетариат должен руководствоваться в этих вопросах исключительно принципом революционной целесообразности.

Но тут нас снова перебивает Каутский следующим заявлением:

«Здесь (речь идет о брошюре Маркса «Гражданская война во Франции». *А. Д.*) Маркс все время говорит о всеобщем избирательном праве, о праве всего народа, а не об избирательном праве одного какого-нибудь привилегированного класса. Диктатура пролетариата была для него состоянием, которое необходимо вытекает из чистой демократии при преобладающем положении пролетариата.

Следовательно, кто высказывается за диктатуру, а не демократию, не смеет ссылаться на Маркса» [1]).

Сказано очень сердито, но эта сердитая реплика совершенно не соответствует действительности, что уже доказано вообще Лениным. Нам остается здесь привести восстановленное ныне т. Рязановым место в «18-м брюмера», где Маркс издевается над демократическим идолопоклонством», как выражается т. Рязанов. Говоря о всеобщих выборах 20 и 21 декабря, превративших Бонапарта II в Наполеона, Маркс пишет:

«В те роковые дни французский народ, несомненно, совершил смертный грех по отношению к демократии, которая изо дня в день взывает на коленях: «Святое всеобщее избирательное право, молись за нас!». Верующие во всеобщее избирательное право не хотят, разумеется, отказаться от той чудодейственной силы, которой они столь многим обязаны, которая Бонапарта II превратила в Наполеона, Савла—в Павла, Симона—в Петра. Дух народа глаголет им из избирательных урн, как бог пророка Иезекииля мертвым костям: Haec dicit dominus deus ossibus suis:

[1]) K. Kautsky, Die Diktatur des Proletariats, стр. 21.

Ecce ego intromittam in vos spiritum et vivetis. Так же господь бог своим костям: я вдуну в вас дух, и вы будете жить» [1]).

Да и «Гражданскую войну во Франции» Маркса Каутский истолковал совершенно неправильно. Но входить в рассмотрение ошибок Каутского в этом отношении после работ Ленина уже нет надобности. Но особого внимания заслуживает предсказание Энгельса от 1884 года насчет роли лозунга «чистой демократии» во время кризиса, когда вокруг этого лозунга об'единится вся реакционная масса. Вряд ли только можно было думать, что идеологом «чистой демократии» выступит крупнейший теоретик II Интернационала, К. Каутский. Ныне Каутский об'единяет вокруг этого лозунга не только всю социал-демократию, но и буржуазные партии.

Каутский ныне стоит на той утопической точке зрения, что в условиях демократии политическая революция пролетариата совершится мирно, без кровопролития и без насилия [2]). Согласно его новой теории, отличие пролетарской революции от буржуазной состоит именно в мирном характере первой. Она совершается эволюционным путем, т.-е. социализм врастает в буржуазное общество. Но этому-то как раз и учил Бернштейн. Каутский, чтоб замазать этот факт, выдумал теперь post factum новую теорию. Оказывается, что борьба между ревизионизмом и революционным марксизмом велась вокруг вопроса о формах перехода к социализму от абсолютистско-милитаристического государства. Невозможно де врастание социализма в абсолютистско-милитаристическое государство, но раз завоевана демократия—а демократия может быть завоевана только революционным путем, то социализм мирно врастает в демократический режим и нет никакой надобности в революциях.

Философски эта теория обосновывается ныне З. Марком в том смысле, что революционная диалектика Маркса применима только к завоеванию политической демократии, но ни в коем случае к завоеванию политической власти пролетариатом. После завоевания политической демократии начинается эпоха мирного, эволюционного врастания социализма в буржуазное общество. Поэтому З. Марк говорит откровенно об отказе от метода и мировоззрения революционного марксизма.

Вопреки тому, что он писал о коалиционных правительствах в своих прежних работах и в особенности в брошюре «Путь к власти», Каутский ныне отстаивает необходимость коалиции с буржуазией на целый исторический период. Таким образом, Каутский, как и все лидеры социал-демократии, вернулся к утопическому социализму и беспросветному реформизму.

---

[1]) К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта, изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 105.

[2]) K. Kautsky, Die proletarische Revolution und ihr Programm, 1922 г., стр. 81.

Незачем дальше задерживаться на Каутском и его реакционных утопиях. Как социализм врастает в демократию и как демократия приводит к «мирному», «бескровному» переходу власти в руки рабочего класса, доказывают июльское восстание рабочих в Вене, расстрелы рабочих в Америке, неоднократные восстания рабочих в Германии и жестокое кровавое подавление и по всем правилам «демократии».

VII.

Ленин с исчерпывающей полнотой показал антимарксистский подход Каутского и его единомышленников к вопросу о демократии и диктатуре. Они исходят не из классового содержания демократии и диктатуры, а из формальных отвлеченных принципов, не из конкретной действительности, а из абстрактных положений. В руках буржуазии «чистая демократия» оказалась прекрасным орудием господства над социал-демократами. Социал-демократия цепляется за эту форму, не вдаваясь в анализ классового ее содержания. А между тем вся история последнего столетия вращается вокруг противоречия между формальной и реальной демократией, поскольку речь идет, по крайней мере, о принципах права и государства. Эта борьба явилась отражением в области идеологии борьбы классов. Буржуазия, завоевав политическую власть, создала специфическую теорию народного представительства и демократии вообще. Здесь не место подвергнуть анализу и критике теорию Руссо или Сийеса или английских публицистов. Достаточно выделить некоторые основные пункты, которые общи всем буржуазным публицистам. Теория политической демократии в постановке буржуазных публицистов полна внутренних противоречий, отражающих противоречивое положение буржуазии как класса. Основное противоречие сводится к фикции единства нации при наличии враждебных классов, интересы которых противоположны.

Буржуазия в качестве фактически господствующего класса, сосредоточивающего в своих руках всю полноту материальной власти, маскирует это свое реальное господство формальным единством интересов всех классов, создавая для этого соответствующую политическую форму (и доктрину), которая, нисколько не затрагивая ее прав как политического суверена, дает вместе с тем видимость единства нации, видимость национального суверенитета. Иначе говоря, буржуазия, будучи меньшинством нации, отождествляет свои классовые интересы с интересами всей нации, с интересами всех классов.

Это коренное противоречие является основой для всех других вытекающих из него противоречий. Фикция единства нации неразрывно связана с другой фикцией, состоящей в учении о законе, как выражении общей воли. Ни о какой общей воле в классовом обществе говорить не приходится. Эта общая воля есть лишь воля господствующего класса, но она опять-таки выдается за волю всех. Парламент, согласно доктрине, рассматривается как организованная нация. Отсюда новая фикция: отождествление парламента с нацией или народом. Английские публицисты XVII века, в согласии с указанными положениями, выдвинули доктрину, по которой каждый англичанин не только представлен в парламенте, но и присутствует в нем.

Словом, вся теория народного представительства, как и формальной политической демократии вообще, проникнута внутренними противоречиями и фикциями, долженствующими оправдать или вернее прикрыть факт господства буржуазного меньшинства над всей нацией.

Могут, пожалуй, заметить, что после завоевания всеобщего избирательного права все эти фикции и противоречия устраняются. Но это, разумеется, неверно, потому что эти противоречия коренятся в природе как классового общества, так и государства.

Государство по самому существу своему есть «фикция» в смысле олицетворения им народного коллектива. С одной стороны, государство есть лишь, выражаясь словами одного французского писателя, «внешняя оправа» господствующего класса, а, с другой стороны, оно является по форме олицетворением всей нации. Государство по существу реально «представляет» лишь интересы господствующего класса, формально же оно выступает как представитель совокупности общественных интересов. Мало того, государством поддерживается противоположность интересов, вопреки тому, что оно формально выступает как орган единства или гармонии интересов нации.

Власть имеет своей материальной основой собственность. Противоположность между собственниками и несобственниками получает свое выражение в политической области в противоположности между правящими и управляемыми, ибо всякое государственное принуждение есть лишь особая форма экономического принуждения или особая форма эксплоатации.

Все указанные противоречия между формальным политическим равенством всех граждан и материальным неравенством, сводящим фактически на-нет формальное равенство, стали особенно остро ощущаться политически и культурно выросшим пролетариатом в современной демократии, доведенной с буржуазной точки зрения до логического конца. Поэтому-то политическая демократия и является последней формой политического

господства буржуазии, ибо противоречия ее ведут с необходимостью к социалистическому перевороту, т.-е. к ее отрицанию. Пролетариат понимает демократию не в формальном, а в материальном смысле, т.-е. в смысле уничтожения классов.

Борьба за социализм есть борьба против формальной демократии во имя демократии реальной. К этому, в сущности, сводится смысл и содержание всех восстаний пролетариата, начиная с Бабефа. А критика капиталистического общества утопистами имела своей целью доказать, что чисто политическое равенство и принцип народного суверенитета сами по себе совершенно не разрешают коренного вопроса современной эпохи. Еще Фурье высмеивал тех политиков, которые провозглашают принцип народного суверенитета и не желают обеспечить суверену минимум приличного существования. Трудно понять,—писал Фурье,—«что это за суверен без хлеба и без одежды в стране, где все имеется в изобилии». Заблуждение утопистов состояло в том, что они на этом основании отвергали политическую борьбу и проч. Но это уже вопрос другой.

Итак, противоположность между буржуазной демократией и пролетарской демократией есть противоположность принципиальная, качественная. Формальная демократия в своем развитии, движущей силой которого являлись эволюция производительных сил и классовая борьба, достигла такой ступени, когда она переходит «в свою противоположность», когда она исчерпала все заложенные в ней возможности; она стоит перед необходимостью перехода в новую форму, в диктатуру пролетариата. Может ли этот переход совершиться мирным путем, вследствие простого количественного роста формальной демократии? На этой последней точке зрения стоят, как мы видели, все современные лидеры социал-демократии. Они защищают буржуазный парламентаризм против диктатуры пролетариата, видя в нем как бы абсолютную, вечную, неизменную форму государства, в которой совершается и социалистический переворот, переход к совершенно новым, противоположным нынешним, производственным отношениям. Социализм врастает, по их мнению, в буржуазное общество, в современную буржуазную формальную демократию. Но для такого «врастания» при сохранении буржуазного государства естественно требуется согласие буржуазии. Это лидеры социал-демократии понимают и не стесняются об этом открыто говорить. Так, Эд. Бернштейн, которого ныне ничто не отличает от Каутского, о чем последний также открыто заявляет, пишет следующее: «Так как сильнейшая из социалистических партий Германии, германская социал-демократическая партия, короче именуемая партией социалистов большинства, стала на ту точку зрения, что правительственная власть должна исходить от народного представительства, изби-

раемого на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права всем взрослым населением страны, то до тех пор, пока будет сохраняться указанное соотношение голосов (при котором буржуазии принадлежит большинство. *А. Д.*), осуществление социализма в законодательном порядке возможно будет лишь в том об'еме, на какой передовые элементы буржуазных партий дадут свое согласие—добьются ли социалисты этого согласия путем переговоров или же демонстрации» [1]). Таким образом, социал-демократическая партия Германии ставит фактически осуществление социализма в зависимость от согласия буржуазии. Эти утопические взгляды выдаются за взгляды Маркса и Энгельса!

Мало того, Бернштейн обещал немецким рабочим даже после завования социал-демократами большинства добиться осуществления социализма посредством целой «цепи мероприятий, осуществляемых через известные, более или менее продолжительные промежутки времени». Так как демократия, по просвещенному мнению К. Каутского, «означает господство большинства, но также и защиту меньшинства», то очевидно, что при господстве социал-демократического большинства свято будут охраняться и права меньшинства, т.-е. буржуазии. При таких условиях демократическое идолопоклонство приводит социал-демократов фактически к отрицанию социализма. Они разоблачают себя как буржуазных демократов. В свете изложенных взглядов Каутского и Бернштейна становится понятным их враждебное отношение к «варварскому» социализму большевиков. «Цивилизованный» социализм Каутского и Бернштейна осуществляет «социализм» с согласия буржуазии, не посягая на священную демократию. «Варварский» социализм ведет действительную борьбу за социализм, не считаясь с основами буржуазной демократии и не испрашивая на то даже специального разрешения буржуазии.

VIII.

Но вернемся к теоретическому вопросу о возможности или невозможности простого перехода буржуазной демократии в пролетарскую демократию. Если верно утверждение Маркса и Энгельса, что «буржуазное государство не что иное, как взаимное страхование буржуазии против своих отдельных сочленов, а также против эксплоатируемого класса» [2]), то очевидно, что оно имеет своею основною целью защиту привилегий класса буржуазии и не может просто превратиться в свою противоположность,—в пролетарское государство. Борьба пролетариата про-

---

[1]) Эд. Бернштейн, Спорные вопросы социализма, стр. 267.
[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции, изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, 1926 г., стр. 468.

тив буржуазии не может разрешиться на почве буржуазной демократии. Пролетарская демократия отличается от буржуазной демократии не просто количественно, они не просто различные степени одной и той же вещи: они отличаются друг от друга качественно, по своему существу; они поэтому несоизмеримы между собой, как выражается Энгельс по другому поводу» [1]).

Встав на почву вульгарного эволюционизма и отвергая полностью диалектику, Каутский естественно отстаивает возможность чисто количественного, бесконечного, так сказать, роста буржуазной демократии и механического перехода ее в пролетарскую социалистическую демократию. На этом примере мы лишний раз демонстрируем ревизионистский характер механической, чисто количественной точки зрения.

Что буржуазная демократия, как и всякое «качество», имеет свои «количественные» пределы,—этого социал-демократические теоретики не понимают. Поэтому Ленин подчеркивает, что диалектик должен понять «историческую ограниченность и условность буржуазного парламентаризма». Количественный рост буржуазной демократии на определенной ступени развития разрывает ее границы, и она переходит в новое качество, в новую форму, которая несоизмерима с первой. И этот переход, как и переход всякого данного качества в новое качество, совершается посредством скачка, т.-е. посредством революции, так как прекращается, прерывается простой количественный рост и нарождается новая форма. Старые закономерности сменяются новыми, противоположными закономерностями.

Величайшая теоретическая заслуга Ленина заключается в том, что он впервые после Маркса и Энгельса восстановил истинное учение марксизма о государстве и диктатуре пролетариата, как переходной от капитализма к социализму эпохе, что он осветил все связанные с проблемой диктатуры и демократии вопросы, исходя не только из абстрактных общетеоретических положений, но и из современной конкретной обстановки, созданной империализмом и всемирной войной. Его «Государство и революция», написанная накануне Октябрьской революции, представляет собою теоретическое обоснование пролетарской революции. Это сочинение вместе с тем намечает пути и этапы развития диктатуры пролетариата в непосредственной связи с строительством социализма. Здесь подытожен полностью опыт всех предшествующих пролетарских восстаний и особенно опыт Парижской Коммуны. На базе широкого исторического опыта и глубокого понимания диалектического материализма Ленин продолжает дело Маркса в

---

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. II, стр. 541.

области теоретического обоснования пролетарской революции и пролетарского государства, внося много чрезвычайно ценного и важного, что даст наша эпоха; этой работой он подвел нас вплотную к Октябрьской революции, которая уже практически воплощает в жизнь основные положения, развитые в названном сочинении.

Что отличает Ленина, как теоретика, от Каутского, Вандервельде, Бауэра, Гильфердинга и др.,—это его глубокое понимание марксовой диалектики, ибо только материалистическая диалектика дает возможность правильного учета об'ективных условий, соотношения классов, конкретного (а не формального) подхода к социальным явлениям и понимания переходов одних форм в другие, как и их качественного отличия друг от друга.

Каутский и его единомышленники постоянно толкуют о «чистой демократии», о демократии вообще. Гильфердинг, подобно Реннеру, подобно, впрочем, всем лидерам социал-демократии, открыто защищает ныне ту точку зрения, что государство есть некий идеальный орган общества в целом, что оно стоит над классами и проч. Взгляды же на государство Маркса и Энгельса об'являются устарелыми. Таким образом, социал-демократия усвоила и теоретические взгляды буржуазии на государство. Метод «чистых демократов» чисто схоластический.

«Говорить о чистой демократии вообще, о равенстве, о свободе, о всенародности, когда рабочие и все трудящиеся голодны, раздеты, разорены, измучены не только капиталистическим наемным рабством, но и 4-летней грабительской войной, а капиталисты и спекулянты продолжают владеть своею награбленною «собственностью» и «готовым» аппаратом государственной власти, это значит издеваться над трудящимися и эксплоатируемыми»,—писал Ленин.

«Это значит бить в лицо основным истинам марксизма, который учил рабочих: вы должны использовать буржуазную демократию, как громадный исторический прогресс по отношению с феодализмом, но ни на минуту не забывайте буржуазный характер этой «демократии», ее исторической условности и ограниченности, не разделяйте «суеверной веры» в «государство», не забывайте, что государство и при самой демократической республике, а не только при монархии, есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим.

Буржуазия вынуждена лицемерить и называть «общенародной властью» или демократией вообще или чистой демократией буржуазную демократическую республику, на деле представляющую собой диктатуру буржуазии, диктатуру эксплоататоров над трудящимися массами. Шейдеманы и Каутские, Аустерлицы и Реннеры (теперь, к сожалению, при помощи Фридриха Адлера)

поддерживают эту ложь и это лицемерие. А марксисты, коммунисты, разоблачают его и говорят рабочим и трудящимся массам прямую и открытую правду: на деле демократическая республика, учредительное собрание, всенародные выборы и т. п. есть диктатура буржуазии и для освобождения труда от ига капитала нет иного пути, как смена этой диктатуры диктатурой пролетариата» [1]).

Мы уже выше выяснили противоречивый характер буржуазной демократии и указали на то, что всеобщность формы только прикрывает классовую сущность, классовое содержание этой демократии. Отсюда и то лицемерие, о котором говорит Ленин. Поклонники чистой демократии поклоняются голой форме, упуская из виду и затушевывая реальное ее содержание. Иначе говоря, они всецело становятся на точку зрения буржуазии. Реальное содержание буржуазной демократии это—владение собственностью, орудиями и средствами труда капиталистами, это—эксплоатация буржуазией рабочих, это—реальная власть над ними, выражающаяся в том, что аппарат власти—бюрократия, армия, полиция и проч.—фактически при самой демократической форме правления находится в руках буржуазии.

Демократия есть только одна из форм буржуазного государства. Форма угнетения, разумеется, не безразлична для пролетариата в буржуазном обществе, но при переходе от буржуазного общества к социалистическому буржуазное государство, как таковое, уступает место пролетарскому государству, ибо речь идет теперь не о той или иной форме буржуазного государства, а о самой сущности буржуазно-классового государства, которое должно быть разрушено.

Маркс и Ленин настаивают на разрушении буржуазной государственной машины пролетариатом. Это разрушение составляет неразрывную часть, может быть, одну из самых существенных частей пролетарской революции вообще. Поэтому почти все разногласия между социал-демократами и коммунистами вращаются вокруг проблемы государства. В самом деле, разве можно себе представить, чтобы вооруженная буржуазия, держащая в своих руках армию, полицию, чиновничество и все прочие атрибуты власти, добровольно, мирно предоставила рабочим «право» лишить их собственности. Очевидно так именно представляют себе дело мирные, демократические социалисты, видящие сущность власти в подаче голоса на выборах, т.-е. в ее внешней форме. А между тем истинная сущность власти коренится в отношениях собственности. Поэтому чистейшей утопией является «вера» социалистических демократов в возможность мирного, добровольного «отказа» буржуазии от своих привилегий, от своей собственности, или от политического господства.

[1]) Ленин, Собр. соч, т. XV, стр. 609.

являющегося выражением отношений собственности. Ясно, стало быть, что переход действительной власти в руки пролетариата связан с революционным переворотом, с насильственным подавлением сопротивления буржуазии, с урезыванием ее политических прав. Ибо, будучи даже меньшинством в стране, буржуазия, наделенная политическими правами, создаст свои боевые организации для борьбы с новой властью. При таких условиях очевидно, что пролетариат Запада вынужден будет итти по пути советскому, по пути СССР.

Послевоенная история западно-европейских стран не только не опровергает русского «опыта», как это думают демократические фетишисты, но каждодневно его подтверждают. Демократические «социалисты», видящие поверхность явлений, тешат себя тем, что за последние годы в различных странах у власти стояли социал-демократические правительства. Но они забывают, во-первых, что эти социалистические правительства были социалистическими только по названию, а на деле буржуазными. Они заботились исключительно об укреплении буржуазного общества, о защите его устоев. Эти социалистические правительства не выдвинули ни одной серьезной меры социалистического характера. Такие социалистические правительства буржуазии не только не опасны, но чрезвычайно выгодны, в особенности в кризисные эпохи, ибо водят рабочих за нос и «отводят» грозу от буржуазии. Во-вторых, надо быть Иванушкой-дурачком, чтобы не видеть, что как только миновала надобность в социал-демократической «ширме», декорацию эту сняли и на политической сцене очутились настоящие хозяева. В настоящее время буржуазия почти во всех так наз. демократических странах, помимо официальных органов власти, создаст «неофициальные», добровольные вооруженные отряды, которые будут иметь своей основной задачей борьбу с пролетариатом. Услужливые же социал-демократы в это же время всячески помогают буржуазии разоружить рабочих, как это имело место в Австрии и Германии, ибо они, видите ли, молятся на демократию и ждут от нее всяческих чудес.

Надо быть или непроходимым дураком или сознательным врагом рабочего класса, чтобы при таких условиях твердить о демократическом, т.-е. мирном, переходе власти в руки рабочего класса. Нет, в Западной Европе предстоят ожесточеннейшие бои между буржуазией и пролетариатом. Революция неизбежна, и русский опыт,—Октябрьская революция,—послужит для рабочих других стран образцом в их борьбе за свержение буржуазии и разрушение буржуазной государственной машины. Пролетариат создаст свое государство, свою демократию, совершенно отличную от буржуазной демократии. Он пойдет по стопам русских рабочих.

«Диалектика,—говорит Ленин,—отрицает абсолютные истины, выясняя смену противоположностей и значение кризисов в истории...». Пролетарское государство, как было уже выяснено, представляет собою противоположность буржуазного государства. Сущность его состоит в уничтожении частной собственности, в обобществлении средств и орудий производства. Переход от буржуазного государства, от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата не может совершиться иначе, как революционным путем. Эклектик, в отличие от диалектика,—говорит Ленин,—хочет заменить революцию постепенными «переходными ступенями».

«О том, что диктатура буржуазии должна смениться диктатурой одного класса, пролетариата»,—продолжает Ленин,—что за «переходными ступенями» революции последуют «переходные ступени» постепенного отмирания пролетарского государства, это Каутские и Вандервельде затушевывают.

В этом и состоит их политическое ренегатство.

В этом и состоит, теоретически, философски, подмена диалектики эклектизмом и софистикой. Диалектика конкретна и революционна, «переход» от диктатуры одного класса к диктатуре другого класса она отличает от «перехода» демократического пролетарского государства к не-государству («отмирание государства») [1].

Прежде всего необходимо обратить особое внимание на вводимое Лениным отличие переходных ступеней революции от переходных ступеней эволюции, имеющее большое значение с точки зрения теоретической диалектики. Ленин бичует эклектиков, подменивающих одни переходные ступени другими и смешивающих таким образом различные понятия. Эклектики стремятся подменить революцию переходными ступенями вообще. Отсюда их «убеждение», что переход от буржуазного общества к социалистическому совершается посредством переходных ступеней в смысле постепенного эволюционного врастания социализма в буржуазную демократию. Пролетарское государство врастает в буржуазное государство, которое постепенно эволюционирует в сторону пролетарской демократии. Единственным средством, ведущим по пути этой эволюции, является постепенный рост голосов, чисто механическое и количественное отношение большинства к меньшинству на выборах в парламент.

Мы уже показали выше, что такое представление о постепенном эволюционном переходе от буржуазного государства к государству пролетарскому не выдерживает критики ни с какой стороны.

Буржуазное государство по своей сущности имеет задачей поддержание и укрепление классового господства буржуазии на

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 529—530.

основе частной собственности. Оно питается и живет, так сказать, за счет противоположности классов. Пролетарское же государство имеет своею основной целью уничтожение классов и классового господства, что может быть достигнуто только осуществлением социализма, т.-е. уничтожением частной собственности. На почве буржуазного государства поэтому не может быть сделано ни одного серьезного шага в сторону социализма, ибо оно по самой природе своей находится в прямом противоречии с социализмом, или с пролетарским государством, ставящим себе целью уничтожение классов. На известной ступени развития буржуазной демократии это противоречие должно привести к революции, к восстанию пролетариата. Изменения и превращения буржуазного общества и государства возможны лишь в пределах, допускаемых самым их характером или сущностью, определяемой соотношением классов. Поэтому Ленин совершенно прав, говоря, что «переходной ступенью между государством, органом господства пролетариата, является именно революция, состоящая в свержении буржуазии и в ломке, в разбитии ее государственной машины».

После же того, как пролетариат создал свое государство, развитие от этого пролетарского государства к не-государству совершается переходными ступенями эволюции. По мере того, как отмирают классы, отмирает и государство. Сущность пролетарского государства противоречива, но не в смысле укрепления классового господства, как это неизбежно имеет место в буржуазном государстве, а в смысле его самоотрицания, в смысле уничтожения классов и государства,— при посредстве, правда, временного классового господства пролетариата и специфического государственного аппарата. Превращения и изменения демократического пролетарского государства совершаются в направлении: к отмиранию классов и государства. Такова природа, такова «сущность» пролетарского государства, таково его «качество», которое в процессе развития постепенно развертывает свое внутреннее содержание. Поэтому Энгельс и Ленин подчеркивают, что пролетарское государство уже не есть государство в собственном смысле слова.

* * *

В этой связи следовало бы еще остановиться на специфическом характере пролетарского демократизма, на особой роли бюрократии в пролетарском государстве и на условиях отмирания бюрократии при все возрастающем участии в управлении всей массы граждан, а также на процессе превращения управления людьми администрированием вещами и проч. Но все эти вопросы требуют специального рассмотрения, от которого мы, за недостатком места, на сей раз должны отказаться.

Подводя итог всему сказанному, мы имеем право констатировать, что десятилетие Октябрьской революции представляет собою великий праздник международного пролетариата. Октябрьская революция воплотила в жизнь великое предвидение Маркса относительно диктатуры пролетариата. Она продолжает дело Парижской Коммуны на более высоком историческом уровне. Октябрьская революция породила конкретную форму пролетарского государства в системе советов. Она поставила практически все вопросы, связанные с осуществлением социализма. Союз Советских Социалистических Республик является ныне оплотом всего международного революционного рабочего движения и служит, так сказать, живым «укором» всем реформистам всех стран.

Пролетарская революция во всех странах вынуждена будет, в силу об'ективных условий, пойти по тому же пути, по которому совершает свое шествие Союз Социалистических Республик.

О нашем философском развитии за 10 лет революции.

Гр. Баммель.

I.

В борьбе с какими уклонами вырос и окреп диалектический материализм.

Октябрьская революция открыла новую эпоху в истории человечества—эпоху пролетарских революций. Она открыла новую эпоху и в области идейных революций, в области раскрепощения умов: победа Октябрьской революции означала в то же время победу самой передовой теории, победы самого передового миросозерцания. Поражение капиталистического мира было в то же время поражением всей системы духовного угнетения, религиозного гнета, мракобесия, официального шарлатанства, мещанства, рафинированной обывательщины, морали эксплоататоров, лицемерия, филистерского ковыряния во всяких «психологиях», философского флера над гнусными, закрепляющими придавленность пролетариев, усыпляющими классовое сознание теориями. Отбросив все это в сторону, Октябрьская революция установила диктатуру марксизма, как оплот свободного развития духовных сил, как оплот культурной революции. Ленинизм, как высшая форма марксизма, явился методом революционного действия; но в то же время он означал начало новой эпохи в развитии пролетарского миросозерцания.

Марксизм является наследником, как говорит Энгельс, величайших достижений буржуазной теоретической мысли XIX века, и пролетариат только после взятия власти мог вступить во «владение» своим наследством, своей «историей», только после взятия власти пролетариат мог учесть идеологические уроки своей борьбы, только после взятия власти пролетариат мог практически поставить вопрос о **теоретической** разработке ленинизма, как об органической части социалистического строительства, И теперь, когда партия и пролетариат, научно-партийная мысль и советская общественность подводят итоги социалистического строительства к десятилетию великой революции, мы могли бы сказать, что каждый новый шаг в строительстве социализма означал в то же время новый шаг в **теоретической** разработке марксизма-ленинизма. Величайшие задачи, поставленные перед нашей эпохой **впервые**, **новые** формы борьбы за **новый** высший тип общества, требовали и требуют не готовых рецептов и формул, а живого руководства, правильного **метода**. Теоретическое воспитание широких слоев рабочего класса и молодого

поколения поэтому могло опираться на теоретическую разработку этого метода, метода диалектического материализма.

В стране, где победоносный пролетариат окружен со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывающей его собою, развращающей, захлестывающей наиболее отсталые, невыдержанные ряды, сеющей в этих рядах бесхарактерность и раздробленность,— задачи идеологического вооружения, задачи повседневной, постоянной идеологической работы по материалистическому воспитанию, по внедрению идейной закаленности в пролетарские ряды— приобретали особо важное значение на всех этапах развития Октябрьской революции. Философия марксизма, диалектический материализм занимает далеко не последнее место в идеологическом арсенале пролетариата.

Каковы итоги теоретического развития марксизма, его принципиальной, методологической сути его философской основы? Каковы философские уроки первого десятилетия революции? Какими путями шла, в борьбе с какими противниками окрепла теоретическая работа по материалистическому воспитанию масс? Какие успехи достигнуты в борьбе за распространение, популяризацию, укрепление марксистской философской мысли?

Для того, чтобы дать правильный ответ на эти вопросы, необходимо сделать несколько предварительных замечаний об особенностях развития философской мысли после Октябрьской революции.

1. Об особенностях нашего философского развития.

Я имею в виду такие особенности философского развития, которые наша эпоха разделяет со всеми другими эпохами в формировании и развитии марксизма,—в частности марксистской философии.

Это, во-первых, то, что почти все десятилетие у нас было заполнено борьбой с различными уклонами внутри марксизма и что эта внутренняя борьба была необходима.

Это, во-вторых, то, что линия разногласий, линия борьбы передвигалась в зависимости от практических задач данного этапа революции. Это, в-третьих, то, что все и всякие ревизионистские уклоны, в борьбе с которыми только и шло развитие марксистской философии, выступали как уклоны «слева», претендовали на «левизну», критикуя «правый», т.-е. «идеалистический, уклон» ортодоксальных марксистов.

Начнем с первой особенности.

Наше учение не догма, а руководство для действия,—говорили Маркс, Энгельс и Ленин. Этим они неоднократно подчеркивали ту черту в марксизме, что он—не готовое, законченное, годное для всех случаев учение, раз навсегда сформулированное и мертвое. Марксизм сложился на основе опыта великих исторических классовых битв. Он вырос из опыта исторического рабочего движения, как его осознание передовыми рядами пролетариата, как теория пролетарской борьбы. Как руководство для действия, марксизм проверяется, крепнет, развивается на основе развертывания и усложнения самой борьбы классов, на почве роста рабочего движения, на почве нарастания элементов распада капитализма. Марксизм вырастает из практики классовой борьбы, и сам организует практику борьбы пролетариата.

Наша теория не догма, а руководство для действия—упускать из виду эту сторону марксизма, значит делать его, как говорил Ленин, «односторонним, уродливым, мертвым,—мы вынимаем из него его душу живу, мы подрываем его коренные теоретические основы—диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии».

Вот почему и исторический путь теории диалектического материализма, как теории, охватывающей противоречия живой жизни, противоречия живого роста рабочего движения, противоречия живой истории капитализма, сам состоит в борьбе внутренних противоречий и постепенном преодолении их путем размежевания разногласий и борьбы за основы теории. Если проследить историческое развитие марксизма, то окажется, что история марксизма есть история борьбы противоположных течений внутри марксизма, история преодоления этих противоречий путем беспощадной борьбы с попытками затушевания их, с попытками создания какой-то третьей «средней» линии. Марксизм развивался по всем законам диалектики—путем выявления внутренних противоречий и преодоления их, путем размежевания с враждебными марксизму уклонами в рабочем движении, упорной борьбе за преодоление «болезней роста». В первой половине 40-х годов Маркс и Энгельс «свели счеты с своей философской совестью», порвав с радикальными младогегельянцами, стоявшими на точке зрения философского идеализма. «В конце 40-х годов Маркс выступает против прудонизма. Пятидесятые годы завершают эту борьбу: критика партии и учений, проявивших себя в бурный 1848 год. В 60-х годах борьба переносится из области общей теории в более близкую непосредственному рабочему движению область: изгнание бакунизма из Интернационала. В начале 70-х годов в Германии на короткое время выдвигается прудонист Мюльбергер; в конце 70-х гг.—позитивист Дюринг; в 90-х гг.—ревизионизм Бернштейна. После каждой идейной схватки, с возникающими в процессе роста рабочего движения учениями марксизм становился «все крепче, закаленнее и жизненнее» [1]). Так шло дело не только на Западе, но и у нас.

История марксизма, как уже сложившегося в связи с массовым рабочим движением учения, есть история непрерывной идейной борьбы двух, меняющих свои формы, но не суть своих разногласий, течений,—история борьбы «искровцев» с «экономистами» (1894—1902), история борьбы «большевиков» с «меньшевиками» (1903—1908), история борьбы марксистов с ликвидаторами (1908—1914), история борьбы большевиков с социал-шовинистами (1914—1916).

Заметим, наконец, что и боевая организация пролетариата, рабочая партия, развивается, подобно рабочему движению, через преодоление внутренних противоречий, путем борьбы за основы теории, а не замазывание их путем создания «средней» линии.

В полном соответствии с законами диалектического развития шло развитие и философии. Она распространялась, она крепла и развивалась только благодаря внутренней борьбе противоречий, достигала новой ступени путем преодоления противоречащих друг другу течений внутри самой же философии марксизма. Революц-

---

[1]) Ленин, т. XI, ч. 1, стр. 54.

ционные марксисты выявляли во всей их глубине, а не замазывали и «примиряли» внутренние разногласия, не отмахивались от них. Идейная беззаботность и идейный мир всегда были характернейшими чертами вымученных из книг «мертвых догм», а не живых, проверяемых на практике и этим путем организующих практику теорий. Теория диалектического материализма выросла и окрепла благодаря теоретической борьбе, благодаря борьбе против ревизионистских уклонов внутри марксизма. Такова одна особенность развития марксистской философии за 10 лет Октябрьской революции.

Другая особенность развития марксистской философии за эти годы, как и исторического развития марксистского учения вообще в международном рабочем движении, состоит в том, что линия разногласий, линия борьбы менялась в зависимости от определенных практических задач данного этапа революции. Другими словами, самый характер проблем, составляющих содержание разногласий, не зависел от случайной воли участников.

Мы напомним то, что говорил по этому поводу Ленин. Именно потому,—говорил он,—что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не может не отражать на себе смены условий общественной жизни. Нет ничего ошибочнее того мнения—такова мысль Ленина,—что теоретические споры и разногласия внутри марксизма являются только «интеллигентскими» спорами, являются «борьбой за пролетариат» и т. д. Марксизм превратился бы в мертвую догму, он не был бы руководством для действия, если бы философские споры внутри марксизма не были связаны с определенными особенностями всей политической борьбы на данном этапе рабочего движения. «При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма. В Германии до 1848 года особенно выдвигалось философское формирование марксизма, в 1848 году —политические идеи марксизма, в 50-е и 60-е годы—экономическое учение Маркса. В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции—марксистская политика, после революции—марксистская философия. Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от суб'ективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит преобладание интереса к той или другой стороне» [1]).

Таков жизненный путь и философии марксизма. Возьмем, например, диалектику и материализм. Материализм и диалектика являются коренными чертами марксистской философии, и в диалектическом единстве их—суть марксизма. Было бы глупо ставить вопрос о том, что важнее—защищать материализм или разрабатывать диалектику; было бы смешно спрашивать, какая из этих задач серьезнее, лучше, глубже, нужнее для развития теории,—и то и другое важно, и то и другое одинаково нужно. Кто этого не понял, тот ничего не понял в марксизме. Но именно потому,

[1]) Ленин, т. XI, ч. 2, стр. 125 и сл.

что марксизм не догма, а руководство для действия, именно потому, что марксизм, как учение глубоко жизненное, тысячами нитей связан со всей сложной, разветвленной, непрерывно меняющей свои формы жизнью рабочего класса, было бы глубоко неправильно проходить мимо изменяющихся условий действительности и всегда с одинаковой силой, всегда с равной отвешенной на аптекарских весах дозой критики бить по обоим уклонам. И, в самом деле, в зависимости от практических задач эпохи, от изменившихся условий общественной жизни у нас действительно выдвигалась на первый план в плоскости теории защита то одной, то другой стороны нашей философии, и борьба за основы теории проявлялась в форме борьбы то за одну ее сторону, то за другую.

Диалектика исторического развития нашей теории такова, что на первый план за первое пятилетие революции были выдвинуты проблемы материализма, теории познания, вопросы борьбы с идеализмом. В зависимости от каких исторических условий находилось это преобладание интереса к вопросам философского материализма? В зависимости от непрекращающихся попыток внутренней контрреволюционной буржуазии сперва физической, а затем,—когда буржуазия оказалась физически бессильной,—идеологической расправы с пролетариатом на основе открывшихся после нэпа возможностей частной инициативы. В зависимости от практических задач эпохи по материалистическому воспитанию новых масс, сразу поставленных перед величайшими проблемами, сразу разбуженных от долгого сна и не успевших самостоятельно «переварить», как говорил Ленин, неизмеримой сложности уроки революции. В зависимости, стало быть, от того факта, что опасность попыток идейного разоружения пролетариата мелкобуржуазной и буржуазной контрреволюцией становилась неизмеримо выше тогда, когда не все черты нового мировоззрения, победившего в октябре 1917 года, одинаково усваивались, не все стороны пробивали себе дорогу в сознании масс, к самым широким слоям, в отсталые ряды рабочего класса, тогда, когда «истинность» идеализма проверялась непосредственно массами, смотря по тому, по какую сторону баррикады находились его защитники.

Диалектика истории такова, что в период второго революционного пятилетия были выдвинуты на первый план проблемы диалектики, и линия идейной борьбы внутри марксизма пролегла через «узловые» проблемы материалистической диалектики. В зависимости от каких исторических условий находилось и находится это преобладание интереса к вопросам диалектики? В зависимости от изменившихся условий нашей общественной жизни, перешедшей на рельсы мирного социалистического строительства. В зависимости от того факта, что вопрос о строительстве социализма в СССР партия, в полном соответствии с заветами Ленина, решила положительно и превратила его из вопроса теории в практический вопрос текущего дня; в зависимости, стало быть, от того факта, что наша эпоха, давшая уже осязательные, материальные формы социалистического строительства, есть эпоха в своей основе переходная, переходная к новым формам жизни, новым формам труда, к новой форме мышления,—стало быть, в зависимости от того факта, что наша эпоха есть эпоха великих диалектических переходов от старого к новому.

Такова вторая особенность развития марксистской философии за 10 лет революции.

Третья особенность нашего философского развития состоит в том, что после взятия власти пролетариатом все и всякие ревизионистские уклоны, в борьбе с которыми только и шло развитие марксистской теории в философии, были уклонами «слева». Это чрезвычайно характерно для всех и всяких ревизионистских уклонов и течений послеоктябрьского периода, что во всех этих случаях мы имеем только маскировку, только фразу, слова, вывеску—левую, а практическую, следовательно, истинную сущность—глубоко реакционную, это мы покажем ниже на каждом уклоне в отдельности. Эта особенность получит свою исторически-обусловленную, глубоко-диалектическую и, так сказать, портретную законченность после того, как будет очерчен весь пройденный за эти годы ревизионизмом путь, но отметить эту особенность уже сейчас небесполезно. Богдановские философские предпосылки «Пролеткульта» (1918—1920) были облачены в «левые» фразы о «немедленном социализме в области культуры». Мининское отрицание философии (1922) было ура-революционным, раз все разговоры о «философских основах марксизма» клеймились, как прислужничество буржуазии. «Революционной» должна была рисовать себя теория Адоратского, Рожицына и др. об идеологии, признающая диалектический материализм, но об являющая реакционной всякую попытку признания идеологии вообще. Дальнейшее «полевение» ревизионистских уклонов представляла собою енчмениада (1923 г.), «принципиально» отвергающая психологию, как «соглашательство» и «предательство» интересов пролетариата. Современные механисты (1924—1927) тоже борются против «правой» опасности, против якобы «идеалистических», «поповских, мистических» уклонов, против «виталистических» уклонов тов. А. М. Деборина, претендуя на «левую» платформу «стопроцентного «материализма», «механикой» электронов разбивающего голову идеалистам. А на деле оказалось, что «богдановцы» отрицали возможность победоносной социалистической революции до того, как пролетариат создаст свою культуру. На деле «мининщина» оказалась ликвидаторством в марксистской философии. На деле оказалось, что психологизирование исторического материализма ведет к разоружению марксизма, к принижению его роли в борьбе за духовное раскрепощение отсталых слоев рабочего класса. На деле оказалось, что «енчмениада» была признаком мелкобуржуазного перерождения части нашей пролетарской учащейся молодежи. На деле оказалось, что и современный «механистический блок» развязывал антимарксистские настроения в научной интеллигенции, капитулировал перед буржуазными философскими течениями в современном естествознании и, «углубляя» марксизм по всем вопросам, скатывался к реакционнейшему ликвидаторству.

Ну, а чем об'ясняется показная «левизна» послеоктябрьских уклонов? Об'ясняется это тем, что марксизм у нас стал государственной, официальной теорией, тем, что после взятия власти пролетариатом и провозглашения философского материализма государственной идеологией идеализм, во всех и всяческих видах, не может проникнуть в наши ряды открыто, не может выступить откровенно, ибо такой идеализм было бы легко разоблачить, заклеймить, а то—еще проще—и заставить замолчать. Вот почему

приходилось идейным противникам ортодоксального революционного марксизма прибегать к материалистической, революционной «маскировке», к «левой» фразе. Вот где кроются причины их показной «левизны».

Таковы главнейшие особенности нашего философского развития.

Задачей нижеследующих страниц является выяснение вопроса о том, в борьбе с какими уклонами вырос и окреп диалектический материализм за 10 лет Октябрьской революции. Дать исчерпывающую, как подобает «историку», характеристику или критику рассматриваемых ниже уклонов, не входит в мои задачи: сами по себе уклоны в сторону ревизионизма, геростратовские по существу и самые дюжинные, самые заурядные по форме, не заслуживали бы внимания, если бы внутренняя логика идейной борьбы противников ортодоксального марксизма, логика ревизионизма, логика противоречий и заблуждений не возникала неизбежно, внутренне и, так сказать, непрерывно внутри самого марксизма, в процессе его собственного развития. Только эта сторона нашего философского развития нас пока и интересует.

2. Отрицание материализма и идеологизм.

В первые годы революции, в годы гражданской войны, когда заниматься философией было некогда, общие вопросы миросозерцания в системе нашего идеологического воспитания масс не находили себе места. Диктатура пролетариата означала в области идеологии целую идейную революцию, установившую диктатуру марксизма. Но в ходе непосредственной революционной борьбы думать над вопросами теории не оставалось времени. Все вопросы теории должны были быть непосредственно увязаны с практическими задачами политической борьбы. На первый план в области теории, стало быть, могло быть выдвинуто политическое учение марксизма—учение о классовой борьбе, учение о диктатуре пролетариата, учение о тактике и стратегии революции. Примером могут служить величайшие теоретические создания ленинского гения, весь стержень, всю силу которых образуют задачи непосредственного революционного действия. Примером служит изданная в начале 1918 года в количестве полумиллиона экземпляров и уже переизданная второй раз брошюра Н. И. Бухарина: «Программа коммунистов (большевиков)», заостренная на политических задачах революции. Революция великолепно действовала средствами диктатуры, критикой оружием, и это накладывало особую печать и на оружие критики.

«В условиях самой ожесточенной, злейшей борьбы, какую мы переживаем, излишне особенно напирать на необходимость для пролетариата «целостного мировоззрения», «основ пролетарской философии» и т. д., ибо эти прекрасные вещи в данный момент способны отвлекать от борьбы, а не вооружать для нее. В партии много усталых людей и необходимость приобрести «целостное мировоззрение» может стать для них предлогом, чтобы уйти от практической (каторжной) работы, отдохнуть от нее. Ибо, что иное, как не усталость, облеченную якобы в «законную форму» представляют вырывающиеся у товарищей фразы о том, что «сначала будем учиться, а потом пойдем работать» или: «6 часов для работы и 6 часов для самообразования»? Нам сейчас некогда зани-

ниться выработкой «целостного мировоззрения» и из неисчерпаемых сокровищниц марксизма мы должны получить ровно такой научный паек, какой необходим для сегодняшней борьбы, не больше. Рабочий, благодаря недостатку продовольствия получает от государства порцию хлеба не в том количестве, какое вообще потребно человеку, но столько, сколько ему нужно, чтобы он мог работать, не падая от истощения; так и с марксизмом: его нужно отпускать в том размере, какой необходим для того, чтобы каждый из нас мог представлять собой боевую политическую силу, но не больше»[1]).

Вот какова была ориентировка нашей теории в эти годы.

Было бы неправильно думать, что такая ориентировка в обстановке гражданской войны обессиливала марксизм, делая его односторонним и т. д. Как раз наоборот,—выдвинутая силой вещей на первый план политическая теория марксизма делала его методом революционного действия, орудием революции, определяющим формы борьбы и способы изменения действительности.

Революция разворотила и подняла глубочайшие пласты рабочего класса и втянула в рвущуюся вперед жизнь новые миллионы. В непосредственной борьбе, в неизмеримо сложной обстановке, под грохот пушек, в дыму сражений, партия должна была вооружать идейно, вооружать сознанием задач, сознанием борьбы каждого коммуниста—сама жизнь приходила на помощь и обжигала первые камни кристаллизующегося коммунистического мировоззрения в политическую теорию, в теорию диктатуры пролетариата. «Идейная» борьба вообще возникала значительно позже. А пока что думать над вопросами мировоззрения не хватало ни времени, ни сил. И не удивительно, если в некоторых слоях революционной марксистской общественности в этом отношении перегибали палку, если кое-где раздавались, примерно, такие голоса:

«Сознание»? Фу, какая старина! Углубление классового сознания пролетариата! Да ведь это каменный век нашей партии! Мы переворачиваем бытие земли, а они все еще ковыряются с «сознанием»[2]).

Именно, этот перегиб палки, который, кстати сказать, выпрямлялся немедленно и успешно, показывает, что первые годы революции выдвинули на первый план в марксизме те вопросы, которые принято называть вопросами тактики и диктатуры пролетариата, движущих сил революции и т. д.

В такой обстановке, в плоскости идеи, в плоскости мировоззрения, мы наблюдали в эти годы довольно широкое распространение богдановской философии в части нашей марксистской интеллигенции и рабочей молодежи.

Это идейное движение было на первых порах связано с журналом «Пролетарская культура», но несомненно пробивало себе дорогу и в других, не только «культурно-просветительных» организациях. За 3 года существования журнала в нем не было помещено ни одной статьи об историческом материализме, ни одной статьи о философских основах марксизма, ни одной заметки о Марксе и Энгельсе, как учителях пролетариата. Зато вопросами

---

[1]) «Вестник Пропаганды», изд. Моск. губкома РКП., № 3, среда 24 сентября 1919 г., стр. 4.

[2]) См. там же, № 7, стр. 8.

приходилось идейным противникам ортодоксального революционного марксизма прибегать к материалистической, революционной «маскировке», к «левой» фразе. Вот где кроются причины их показной «левизны».

Таковы главнейшие особенности нашего философского развития.

Задачей нижеследующих страниц является выяснение вопроса о том, в борьбе с какими уклонами вырос и окреп диалектический материализм за 10 лет Октябрьской революции. Дать исчерпывающую, как подобает «историку», характеристику или критику рассматриваемых ниже уклонов, не входит в мои задачи: сами по себе уклоны в сторону ревизионизма, геростратовские по существу и самые дюжинные, самые заурядные по форме, не заслуживали бы внимания, если бы внутренняя логика идейной борьбы противников ортодоксального марксизма, логика ревизионизма, логика противоречий и заблуждений не возникала неизбежно, внутренне и, так сказать, непрерывно внутри самого марксизма, в процессе его собственного развития. Только эта сторона нашего философского развития нас пока и интересует.

2. Отрицание материализма и идеологизм.

В первые годы революции, в годы гражданской войны, когда заниматься философией было некогда, общие вопросы миросозерцания в системе нашего идеологического воспитания масс не находили себе места. Диктатура пролетариата означала в области идеологии целую идейную революцию, установившую диктатуру марксизма. Но в ходе непосредственной революционной борьбы думать над вопросами теории не оставалось времени. Все вопросы теории должны были быть непосредственно увязаны с практическими задачами политической борьбы. На первый план в области теории, стало быть, могло быть выдвинуто политическое учение марксизма—учение о классовой борьбе, учение о диктатуре пролетариата, учение о тактике и стратегии революции. Примером могут служить величайшие теоретические создания ленинского гения, весь стержень, всю силу которых образуют задачи непосредственного революционного действия. Примером служит изданная в начале 1918 года в количестве полумиллиона экземпляров и уже переизданная второй раз брошюра Н. И. Бухарина: «Программа коммунистов (большевиков)», заостренная на политических задачах революции. Революция великолепно действовала средствами диктатуры, критикой оружием, и это накладывало особую печать и на оружие критики.

«В условиях самой ожесточенной, злейшей борьбы, какую мы переживаем, излишне особенно напирать на необходимость для пролетариата «целостного мировоззрения», «основ пролетарской философии» и т. д., ибо эти прекрасные вещи в данный момент способны отвлекать от борьбы, а не вооружать для нее. В партии много усталых людей и необходимость приобрести «целостное мировоззрение» может стать для них предлогом, чтобы уйти от практической (каторжной) работы, отдохнуть от нее. Ибо, что иное, как не усталость, облеченную якобы в «законную форму» представляют вырывающиеся у товарищей фразы о том, что «сначала будем учиться, а потом пойдем работать» или: «6 часов для работы и 6 часов для самообразования»? Нам сейчас некогда зани-

иться выработкой «целостного мировоззрения» и из неисчерпаемых сокровищниц марксизма мы должны получить ровно такой научный паек, какой необходим для сегодняшней борьбы, не больше. Рабочий, благодаря недостатку продовольствия получает от государства порцию хлеба не в том количестве, какое вообще потребно человеку, но столько, сколько ему нужно, чтобы он мог работать, не падая от истощения; так и с марксизмом: его нужно отпускать в том размере, какой необходим для того, чтобы каждый из нас мог представлять собой боевую политическую силу, но не больше»[1]).

Вот какова была ориентировка нашей теории в эти годы.

Было бы неправильно думать, что такая ориентировка в обстановке гражданской войны обессиливала марксизм, делая его односторонним и т. д. Как раз наоборот,—выдвинутая силой вещей на первый план политическая теория марксизма делала его методом революционного действия, орудием революции, определяющим формы борьбы и способы изменения действительности.

Революция разворотила и подняла глубочайшие пласты рабочего класса и втянула в рвущуюся вперед жизнь новые миллионы. В непосредственной борьбе, в неизмеримо сложной обстановке, под грохот пушек, в дыму сражений, партия должна была вооружать идейно, вооружать сознанием задач, сознанием борьбы каждого коммуниста—сама жизнь приходила на помощь и обжигала первые камни кристаллизующегося коммунистического мировоззрения в политическую теорию, в теорию диктатуры пролетариата. «Идейная» борьба вообще возникала значительно позже. А пока что думать над вопросами мировоззрения не хватало ни времени, ни сил. И не удивительно, если в некоторых слоях революционной марксистской общественности в этом отношении перегибали палку, если кое-где раздавались, примерно, такие голоса:

«Сознание»? Фу, какая старина! Углубление классового сознания пролетариата! Да ведь это каменный век нашей партии! Мы переворачиваем бытие земли, а они все еще ковыряются с «сознанием»[2]).

Именно, этот перегиб палки, который, кстати сказать, выпрямлялся немедленно и успешно, показывает, что первые годы революции выдвинули на первый план в марксизме те вопросы, которые принято называть вопросами тактики и диктатуры пролетариата, движущих сил революции и т. д.

В такой обстановке, в плоскости идеи, в плоскости мировоззрения, мы наблюдали в эти годы довольно широкое распространение богдановской философии в части нашей марксистской интеллигенции и рабочей молодежи.

Это идейное движение было на первых порах связано с журналом «Пролетарская культура», но несомненно пробивало себе дорогу и в других, не только «культурно-просветительных» организациях. За 3 года существования журнала в нем не было помещено ни одной статьи об историческом материализме, ни одной статьи о философских основах марксизма, ни одной заметки о Марксе и Энгельсе, как учителях пролетариата. Зато вопросами

---

[1]) «Вестник Пропаганды», изд. Моск. губкома РКП., № 3, среда 24 сентября 1919 г., стр. 4.

[2]) См. там же, № 7, стр. 8.

«мировоззрения вообще» его сотрудники занимались усиленно. Зато извращения основных принципов учения Маркса и Энгельса было сколько хотите. Из номера в номер пропагандировали только одно мировоззрение, «организационную науку», только одну политэкономию—политэкономию А. Богданова, только одну теорию искусства—богдановскую.

Богдановская философия выступила под различными псевдонимами, которые звучали очень революционно: «пролетарская культура», «социализация науки», «пролетарское искусство», «единство труда и науки» и т. д.

При этом, само собою разумеется, для идеологов «пролеткульта» марксизм заключал в себе все элементы богдановской философии. Богдановская философия выступила под флагом охраны, продолжения и развития марксистской философии. А. А. Богданов писал: «Маркс установил, что общество прежде всего есть организация производства, что в этом основа всех законов его жизни, всего развития его форм. Это—точка зрения социально-производящего класса, точка зрения трудового коллектива. Исходя из нее, Маркс подверг критике науку прошлого», «критической переработке с коллективно-трудовой точки зрения»[1]). Выходит, что Маркс был богдановцем. Об этом немаловажном обстоятельстве возвещал в «Тектологии» сам А. Богданов: «Философия теоретически стремилась найти единство опыта, а именно в форме какого-нибудь универсального об'яснения. Она хотела дать картину мира, гармонически-цельную. Ее тенденция—созерцательная. Для тектологии единство опыта «не находится», а создается активно-организованным путем: «философы хотели об'яснить мир, а суть дела заключается в том, чтобы изменить его»,—сказал великий предшественник организационной науки».

«Пролеткультовская» «философия» рассчитывала фразами о «пролетарской науке», о «пролетарской философии» и пр. замазать свое расхождение с марксизмом. Свое отступление от основных воззрений марксистской философии она пыталась прикрыть ее извращением, ее ревизией в угоду реакционным буржуазным течениям.

В ноябре 1918 г. А. Богданов вытащил старую, осужденную большевиками еще в 1910 г., платформу группы «Вперед» с проектом организации партийной школы на Капри,—платформу, из которой он цитировал следующее место, обосновывая идейную позицию «Пролеткульта» в 1918 г.:

«...Выход один: пользуясь прежней буржуазной культурой, создавать, противопоставлять ей и распространять в массах новую пролетарскую: развивать пролетарскую науку, укреплять истинно-товарищеские отношения в пролетарской революционной среде, вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта».

На этот пункт программы группы «Вперед» обратил внимание Ленин. Он писал, что она «из всех групп и фракций нашей партии впервые выдвигает философию и притом под прикрытием псевдонима». «Пролетарская культура», «пролетарская философия»,—вот что стоит в платформе. Скрывается под этими псевдонимами махизм, т.-е. «защита фи-

---

[1]) «Пролетарская Культура» 1918, № 2.

лософского идеализма»... («Соц.-Дем.» № 15—16, 1910). «Мы знаем только одну пролетарскую науку—марксизм. Авторы платформы,—писал Ленин,—почему-то систематически избегают этого единственно точного термина, ставя везде слова: «научный социализм». Известно, что на этот последний термин претендуют у нас в России и прямые противники марксизма. Во-вторых, если ставить в платформу задачу развития «пролетарской науки», то надо сказать ясно, какую именно идейную, теоретическую борьбу нашего времени имеют здесь авторы платформы» (1910, Собр. соч.). Эти слова Ленина, сказанные в 1910 г., сохраняют актуальнейшее значение для идейной борьбы 1918 г. И в самом деле А. Богданов пускал в ход худший вид дипломатии, повторяя в ноябре 1918 года в качестве лозунга «Пролеткульта» один из главных пунктов платформы «впередовцев». Об'ективно это могло иметь тот смысл, чтобы читатель, не знакомый с историей идеологической борьбы большевиков за последние 10—15 лет, принял за чистую монету лозунг о пролетарской философии. Говоря о «пролетарской культуре» без всякого пояснения того, что он под «пролетарской культурой» понимает, т. А. Богданов пускался в наивную дипломатию человека, прячущего истинный смысл своей философии, как отступления от марксизма. Мало того, в 1918 г. он заявлял: «если бы это одно (вышецитированная платформа. *Г. Б.*) осталось от нашей первой рабочей школы, и тогда можно было бы сказать, что труды, потраченные на нее, не пропали даром».

К каким положениям можно свести те стороны мировоззрения А. А. Богданова, которые послужили философскими предпосылками для «пролеткультовского» движения? Эти стороны мировоззрения А. А. Богданова можно свести к следующему ряду мыслей.

А. А. Богданов исходит из понятия об «организации», применяемого им как универсальный принцип об'яснения всего мира. «Общественный процесс разлагается на 3 момента: или, пожалуй, точнее, имеет три формы: техническую, экономическую, идеологическую. В технической общество борется с природой и подчиняет ее, т.-е. **организует внешний мир** в интересах своей жизни и развития. В экономической—отношениях сотрудничества и распределения между людьми—оно **само организуется** для этой борьбы с природой. В идеологической оно организует свой опыт, свои переживания, создавая из этого организационные орудия для всей своей жизни и развития»[1]).

По этой простой схеме можно об'единить в единую организационную науку все области знания. Самые разнообразные, самые далекие качественно и количественно элементы вселенной могут быть подчинены одним и тем же организационным методам, организационным формам. Все в мире—звездные материи и расплавка металлов, жизнь инфузорий и общественные движения, образование гор и первичные движения живой плазмы, политическая партия и затмение луны—все в мире может быть выражено в универсальных формулах—законах, которые составляют специальную отрасль особой науки—«всеобщей организационной науки». Приведем пример: «важнейшая формула исторического материализма тектологически сводится к простому выводу из той

[1]) «Пролетарская Культура» 1918, М., № 2.

же закономерности, в силу которой, напр., нагревание внутренних слоев тела через теплопроводность зависит от нагревания наружных» [1]).

Если бы в наши задачи входила критика всей «системы» Богданова, мы могли бы с самого начала показать глубоко реакционное значение этой философии. Мы могли бы показать, почему Ленин был глубоко прав, когда в сентябре 1920 года в предисловии ко 2-му изданию «Материализма и эмпириокритицизма» писал, что «под видом «пролетарской культуры» проводятся А. А. Богдановым буржуазные и реакционные воззрения».

Мы могли бы указать на то, что в философии, укладывающей весь мир в схемы «организационной точки зрения», и притом в схемы, нами самими создаваемые, не может быть места для развития вообще в природе и обществе, и, следовательно, для развития наших знаний о природе и обществе. Все подчинено мертвым, универсальным, бесцветным формулам, и сама связь предметов выступает не как движение, процесс взаимоотношения, а как вещь, существующая рядом с вещами. Переход от старого к новому невозможен, ибо их отношение, как и все в мире, достаточно уложить в ту или иную организационную схему, ибо их отношение есть отношение механически противопоставленных разорванных кусков действительности. Нужно ли доказывать, что жизнь на каждом шагу опровергает эту метафизику?

Мы могли бы указать, что организационная точка зрения есть точка зрения метафизическая еще и потому, что никогда в жизни нельзя открыть подтверждения этого, лежащего в ее основе механического противопоставления организуемого и организующего, руководящего и руководимого. Организуемое на самом деле носит в себе начало организующего, переходит в организующее, а организующее может само оказаться на месте организуемого. Относительности этих противоположностей учит действительность, их переходу, их связи. Для Богданова же «строго классовая и обособленная» «пролетарская культура» может быть «выработана», даже «создана» людьми, даже могут быть люди, специально призванные ее насаждать, и даже могут быть указаны «учреждения» и «организации», в стенах которых будет совершаться это великое дело.

Мы могли бы указать, наконец, на то, что понимание идеологии, как «организационной формы», предполагает особый глубоко неправильный взгляд на общество, как на трудовую связь социально-психологического порядка. Тот, кто усматривает в идеологии орудие организации чувств и стремлений, должен волей-неволей отождествить общественное сознание и общественное бытие. Но нужно ли доказывать материалисту, что бытие, в частности бытие общественное, не зависит от сознания, в частности сознания общественного, т.-е. не покрывается им?

На всех этих сторонах следовало бы остановиться в другой связи. Оценка богдановского мировоззрения, как одной из разновидностей позитивизма, не входит в наши ближайшие цели. К тому же надо сказать, что эта задача выполнена в литературе.

Дело не в богдановской философии, которая по своей теоретической весомости не подымается над уровнем самых обыкно-

[1]) Там же, 1921, № 20—21.

венных образчиков буржуазного мышления и против которой вели «бешеную» борьбу и Плеханов и Ленин в 1905—1910 гг. В этой связи более важно обратить внимание на самый факт, что на определенном этапе развития пролетарской революции эта философия пробивала себе дорогу в пролетарскую среду, вносила разброд, идейную путаницу, находила себе сторонников в части марксистской интеллигенции и, прикрываясь знаменем «пролетарской науки», развращала, обезоруживала еще не вышколенные в школе борьбы молодые пролетарские умы. Возьмите центральное положение «пролеткультовской» идеологии о недостаточности существующих двух форм рабочего движения—профессиональной и политической—и требование новой, самостоятельной по отношению к первым двум, формы движения—идеологической, возьмите это положение, и вы увидите, что оно заключает в себе зародыш чуждого нам политического мировоззрения. Впрочем, что политический профиль журнала «Пролетарская Культура» был довольно уродлив и с большевизмом не имел ничего общего, видно из следующего редакционного замечания:

«Советская власть есть государственно-политическая организация; это, как значится на заголовке «Известий», власть, исходящая из Советов Рабоч., Крестьянских, Солдатских и Казацких Депутатов. Это—политический блок весьма различного классового состава, а отнюдь не чистая диктатура пролетариата»[1]).

Чем об'ясняется тот факт, что антиматериалистическая философия А. Богданова могла выступать у нас под именем «рабочей идеологии», как начало новой эры,—эры «пролетарской революции»? Чем об'ясняется тот факт, что рядом молекулярных процессов она формировалась в идейное движение в некоторых кругах марксистской интеллигенции?

Это об'ясняется следующими обстоятельствами.

Во-первых, тем, что философская идеология «пролеткульта» искусно замаскировывала свое отступление от марксизма и материализма «левой» и «революционной» фразой. «Правые» по существу, эти идеологи на словах претендовали на крайний «левый» фланг в идеологической борьбе того времени. Они требовали «немедленного приступа к созданию и выработке пролетарской культуры»; рекомендовали себя, как «немедленных социалистов в области культуры»; об'являли борьбу за «культурную победу социализма» и, требуя немедленного создания организационных форм для этой борьбы, они подчеркивали при этом, чтобы новая форма рабочего движения «основывалась на самостоятельном творчестве пролетариата»; так прямо и писали: «наш журнал как раз и является попыткой осуществить эти мечты»[2]).

А на деле оказалось, что, выступая против «буржуазной культуры», пролеткультовцы мешали рабочей интеллигенции усвоить исторические условия возникновения и развития марксизма; ратовали за немедленный переворот в идеологии, а на деле тащили назад к «модным буржуазным течениям»; «осуществляли мечты» о «пролетарской науке», а на деле отучали рабочего мыслить, ценить теорию, отсылали рабочего к «подушкам для лености мысли», каковыми являются «организационные

---

[1]) «Пролетарская Культура» № 3, стр. 35.
[2]) «Пролетарская Культура» 1918, № 3.

схемы». «Ультра-левые» лозунги: «долой буржуазную идеологию», «левое» требование немедленного создания пролетарской идеологии прикрывали собою отказ от единственной и уже существующей подлинной пролетарской идеологии—философии диалектического материализма.

Об'ясняется это, во-вторых, тем, что богдановская философия чрезмерно выпячивала роль идеологии в общественной жизни. В разгаре ожесточенной гражданской войны, когда некогда было думать о вопросах мировоззрения, этот крайний «идеологизм» по форме несомненно мог претендовать на «революционность». Эти «идеологи пролетариата» в своей философии культуры рассматривали идеологию, как орудие организации жизни, и обвиняли своих противников в соглашательстве, половинчатости.

А на деле оказалось, что они своей теорией идеологии вырывали из рук пролетариата острый меч марксистского анализа, рассекающего общество по линиям классов и партий; разве не ясно, что если идеология есть орудие организации общества, то и религия, и суеверия, и вековые предрассудки являются орудиями организации жизни! Но если логика есть наука о согласовании идеи, то нет у вас критерия истинности, нет никакой опоры в борьбе с суевериями. На деле оказалось, что они вносили путаницу и разброд, помогали всем политическим врагам Октября идейно разоруживать революцию. Они требовали для культурного творчества самостоятельной формы рабочего движения, «независимости от декретирования», а на деле оказалось, что они недооценивали политических сил пролетариата, недооценивали силы и размаха революции.

Об'ясняется это, в-третьих, тем, что, в период крупных ломок, революционных потрясений или переломных этапов в развитии революции, опасность рецидива мелкобуржуазного полуанархизма становится весьма реальной. Как «левый» коммунизм в политике, так и «богдановщина» была идеологическим проявлением мелкобуржуазной революционности, ультра-левой по форме, а по существу глубоко реакционной. Теоретически для марксистов вполне установлено,—и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено,—писал Ленин в своих «Левизнах»,—что мелкий собственник, мелкий хозяйчик (социальный тип, во многих европейских странах имеющий очень широкое массовое представительство), испытывая при капитализме постоянно угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины и стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа, это—социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным «модным» буржуазным течением,—все это общеизвестно»[1]).

В богдановской «организационной науке» и в этом отношении существовала особая «приманка». Мелкобуржуазная революционность не могла не симпатизировать идеям, радикально отрицаю-

---

[1]) Собр. соч., т. XVII, стр. 125.

щим всю предшествующую культуру, как «буржуазную», не могла не «увлечься» отрицанием всего «сложного», «громоздкого», «мало доступного» и «затемненного, усложненного деловым «языком» наследства буржуазной науки», когда вместо этой трудной и малодоступной науки преподносились готовые «организационные схемы». Известно, что были и такие рьяные защитники «пролетарской культуры», которые требовали немедленной ликвидации Академии Наук[1]).

Вот где кроются причины того, почему богдановской философией могли увлечься в некоторых кругах нашей марксистской интеллигенции.

Практика классовой борьбы скоро разоблачила враждебную пролетариату идеологию так называемой «пролетарской культуры». Это же факт, что под лозунгами «борьбы за культуру» и «истинная культура» об'единились, после октябрьской победы пролетариата, буржуазно-демократические партии: «борьба за свободу и борьба за культуру представляет два равноправных, друг друга дополняющих метода борьбы за демократический строй»[2])— так ставили вопрос наши классовые враги, стремясь проникнуть в ту щель, которая образовалась на одном из идеологических участков революционного фронта благодаря антимарксистскому поветрию среди близких к А. А. Богданову кругов «Пролеткульта». Саморазоблачение богдановской философии было завершено и в области идейной борьбы. Уже «Известия» в 1918 г. указывали «пролеткультовцам», что «с точки зрения революционного марксизма идеологи пролетариата идут впереди исторического процесса, но они не «вырабатывают» ничего такого, что не содержится в самом этом процессе»[3]). Тогда же против пролеткультовских идей о свободной, независимой от государства «культурной» форме рабочего движения возражал Н. И. Бухарин[4]). В. И. Ленин в предисловии ко 2-му изданию «Материализма и эмпириокритицизма», написанном в сентябре 1920 года, дал понять, что В. И. Невский был прав, расправившись с философией А. А. Богданова, как с «философией мертвой реакции». «Идеологизм» всеобщей «организационной точки зрения» был только по форме превознесением идеологии, а по существу это был рецидив новейшей разновидности идеализма.

3. Отрицание философии.

Переход к новой экономической политике создал русской буржуазии известные материальные возможности для борьбы за старые идеологические позиции. Когда буржуазия физически оказалась бессильной противостоять революции, то контрреволюция попыталась стать на путь идейной борьбы. За короткий период времени наступление буржуазии на идеологическом фронте вылилось во множестве литературных предприятий. Появились сотни частных издательств. Против пролетарского миросозерцания лихорадочно сформировалась идейная реакция, не оставившая без своего разлагающего влияния буквально ни одной отрасли

---

[1]) «Пролетарская Культура» 1918, № 2, стр. 33,
[2]) Вестник Культуры и Свободы» 1918, август, стр. 6.
[3]) К. Залевский, «Известия» 1918, №№ 69 и 79.
[4]) Н. Бухарин, «Правда» 1918, № 157.

знания. Философия, искусство, наука—все это в короткий период в руках буржуазии было вооружено реакционнейшей идеологией, и эта идеология реставрации была направлена своим острием против победоносного пролетариата.

После военного и политического краха Германии, социально-экономического кризиса стран-победительниц, революционных потрясений, необычайного под'ема рабочего движения, так называемая «философская мысль» буржуазного Запада повернула к мистическим настроениям, погрузившись в полный дегенератизм идущего к упадку общественного класса. Выступление на историческую арену пролетариата и гибель капитализма для Шпенглера означали гибель культуры. С другой стороны, от железной поступи материализма, черпающего свою силу в движении разбуженных, ставших на ноги и крепнущих масс буржуазная мысль искала спасения в «духовном освобождении», в отрицании «земных благ», в высоких «этических ценностях», в «самоочищении» и в «покаянии».

Под флагом «религиозного преодоления социализма», под флагом учения о мессианской задаче России, что, по-просту говоря, означала «гибель безбожия» большевиков[1]), выступила и у нас, в первые годы нэпа, значительная группа контрреволюционной интеллигенции.

Несколько раскрепощенная нэпом буржуазная мысль пыталась дать идейный реванш ненавистному «научному социализму». Делала она это, провозглашая «религиозно-мистическое возрождение». Критика социализма искала опоры—метаясь от одной крайности к другой — и в «философии трансцендентализма» (Э. Радлов), и в стопроцентном богословии, со всеми литургийными, теофаническими и прочими столь же необходимыми штуками (Л. Карсавин), и в психологическом «гамлетизме» и дегенератизме (Ю. Айхенвальд), и в идеалистическом толковании истории (Л. С. Франк).

Буржуазная реакция создала свою «историю философии», свое понимание всей истории русской общественной мысли[2]), которое, как только дело касалось марксизма, призвано было показать «необходимость» перехода от марксизма к религиозной метафизике, «разоблачалась» мишурность увлечений материализмом и указывалось на «богоискательство», как последнее слово метафизики[3]). «Философия истории» нашей революции для буржуазной реакции была такова, что большевизм—это неизбежный этап «искупления», или: «революция сама по себе есть антитезис, преддверие синтеза», а закат интеллигенции есть «завет нового восхода», «новой, если угодно, аристократии, аристократии таланта», что «живая церковь»—едва ли не самое крупное событие революции»[4]).

В естествознании мы наблюдаем возрождение различного рода виталистических и энергетических гипотез, которое об'является «здоровым проявлением научного критицизма». «Коренная ломка науки разрушила материализм», и он об'является теперь «ненаучным, историческим пережитком» (акад. Вернадский). Кризис естествознания буржуазная мысль использовала для того, чтобы

[1]) Н. Бердяев, С. Булгаков, Ф. Степпун и др., «О. Шпенглер и закат Европы», М. 1922.

[2]) Э. Радлов, Русская философия, Птб. 1922.

[3]) П. Блонский, Современная философия, ч. II, М. 1922.

[4]) Г. Шпет, Очерк развития русской философии, т. 1, предисловие.

на этом участке старой культуры реставрировать идеализм. Профессора в своих во многом полезных специально-научных исследованиях усиленно занимались методологическими экскурсиями, пропагандируя теорию познания Канта[1]). Сторонники теории относительности Эйнштейна развили бешеную кампанию в защиту ветхозаветной космогонии, утверждая, что мир конечен[2]), что объективно, вне нас, не существует вовсе пространства и времени[3]). Профессора физики своим студентам открыто говорили с университетских кафедр, что в теоретической физике почти невозможно определить, где кончается физическая и где начинается метафизическая область»[4]).

В области общественных наук с университетских кафедр был провозглашен «кризис исторической науки», крушение исторического материализма. Профессора преподносили своим студентам «возрождение идеализма», при чем это не было фразой, брошенной мимоходом,—это составляло содержание целых книг. «Когда эту смену воззрений и вкусов захочет определить философ, он скажет: общественное мнение перешло от воззрения материалистического к идеалистическому»[5]): вот что мы читаем в этих книгах. Соответственно с этим делаются попытки или идеалистически «смягчить» марксов исторический материализм, или дать развернутую теорию социального развития, согласно которой «общественная жизнь есть воплощение во вне пластического творчества некоей энтелехии, телеологического начала»[6]). Буржуазная реакция вытащила на свет «носителей русского религиозного сознания, — славянофилов, Достоевского, Леонтьева, В. Соловьева, стряхнула с них пыль и заявила, что «благою волею творца» Россия должна выполнить великую «мессианскую» задачу (Л. Шестов).

Буржуазная реакция лихорадочно вооружалась, чтобы сразиться с материализмом и в области нравственности, спекулируя на старой клеветнической лжи об «аморальности» всякого материализма. «Религиозная этика» выставлялась, как «высший образец морали»[7]). Новая «философия личности» строилась с таким расчетом, чтобы показать, что «свободная», «творческая личность» должна быть «внеклассовой», не преклоняющейся ни перед какой государственной властью[8]).

Вопросы философии буржуазная реакция, сознательно следуя логике классовой борьбы, непосредственно связывала с практическими задачами политической борьбы. Идеологическое наступление выражалось как в стыдливых формах появившегося к этому времени «сменовеховства», задачей которого являлось прикрытие контрреволюции фразами о «каносе», о «неизбежности термидора» и т. д., так и в прямом нападении на «господствующее мировоззрение»:

---

[1]) А. С. Берг, Наука, Птгр. 1922. О. Хвольсон, О значении физики.
[2]) Н. Морозов.
[3]) С. Аскольдов, «Мысль» 1922, № 3; позже П. Флоренский, «Мнимости».
[4]) П. С. Костычев, Натурфилософия и точные науки, 1922.
[5]) Р. Виппер, Кризис историч науки. Казань, Гос. Издат. (!), 1921.
[6]) Л. С. Франк, Методология общественных наук, М. 1922.
[7]) Э Л Радлов, Этика, Птгр. 1922.
[8]) А. С. Изгоев, Власть и личность, «Вестник Литературы», Птгр. 1922.

«Ясна та причина, которая порождает нынешний русский воинствующий атеизм. Она, повидимому, состоит в преданности учению Маркса, взятому в его неприкосновенном виде. Маркс выработал в высшей степени привлекательное социально-экономическое учение, а философской предпосылкой этого учения он сделал атеизм с материализмом, в чем не было никакой логической неизбежности, и что об'ясняется чисто-психически, биографией Маркса... Но все более и более выясняющаяся неудача в борьбе с верой в бога заставит, наконец, последователей марксистского социализма освободить последний от атеистической пропаганды... Однако это произойдет не сразу и не без борьбы...»[1]).

Кажется, довольно! Эта черносотенная философия «царя и православия», облаченная в высоко-эстетические «ризы» должна была, разумеется, заговорить и о «борьбе» весьма осязательной!..

Обратимся теперь к вопросу о том, какими особенностями характеризуется обрисованное выше идеологическое наступление контрреволюции после перехода к новой экономической политике. Это необходимо выяснить, чтобы правильно понять тот факт, что внутри марксизма к этому времени происходила новая идейная борьба и почему она приняла именно такую, а не иную форму.

Обрисованное выше в общих чертах оживление идеологического участка буржуазной контрреволюции характеризуется двумя особенностями.

Это, во-первых, то, что идейная борьба свергнутых фабрикантов и помещиков против рабочего класса приняла преимущественно философский характер. О чем бы ни говорили все эти Бердяевы, Изгоевы, Степпуны и К°,—о революции или физике, этике или искусстве,—они неизменно сворачивали на философию, они отбрасывали прочь все те словечки, псевдонимы и выверты, которыми, как обычно, находясь у власти, они всячески прикрывали свой идеализм, свою борьбу против единственно-правильного научного мировоззрения. Буржуазная идеология означала реставрацию идеализма, реставрацию реакционной философии и вся суть, вся «движущая сила» борьбы состояла не в том, как толковать те или иные определенные понятия в тех или иных определенных—естественных или социальных—науках, а в борьбе двух принципиальных линий в философии—идеализма и материализма.

Это, во-вторых, то, что преимущественно философский уклон развиваемых буржуазией идей реставрации продемонстрировал не что иное, как величайшую жизненность и силу марксистской философии. Буржуазию больше всего тревожила сила идеи, когда последняя овладевала все новыми и новыми массами, сила революционной теории. Борьба буржуазии против марксизма означала необычайную жизненность и значение марксизма в революционной борьбе пролетариата после взятия им власти. Марксизм вновь обнаружил, что он внутренне и непрерывно проникает практику классовой борьбы и является могучим орудием для отражения идеологического натиска физически бессильных, раздавленных слоев общества на пролетариат.

Этими двумя особенностями идейных течений буржуазной мысли, получившей некоторые возможности легального существо-

---

[1]) А. Введенский, «Мысль» 1922 г., № 2, стр. 20.

вания, предопределяются значение и задачи марксистов в период времени, с конца 1920 г., самого кануна поворота к нэпу, по 1923 год, когда буржуазные профессора философии и социологии были высланы за границу. Но эти же особенности сыграли решающую роль и в том, что часть наших товарищей перед лицом нового, одетого в философскую одежду натиска контрреволюции, перед лицом новых трудностей и противоречий растерялась, прошла, так сказать, через особую «болезнь роста», новую по форме, а по сути дела старую—через рецидив хорошо знакомой марксисту мелкобуржуазной революционности. Благодаря борьбе против этой мелкобуржуазной революционности в теории вырос и окреп марксизм в эту пору.

Какие задачи стояли перед марксистской теорией в этот период?

Несмотря на разброд и шатания, буржуазия сохранила и закрепила свои идеологические позиции. С другой стороны, замедление темпа международной революции делало все ощутимее, все реальнее опасность овладения сознанием рабочей молодежи различных идеалистических и полуидеалистических модных течений. Отсюда—материалистическое воспитание, как основная задача эпохи в области теории. Отсюда—борьба за философию марксизма, за популяризацию метода материалистического миропонимания, как ближайшая задача теории, вооружающей и помогающей рабочей молодежи правильно и быстрро осмыслить резкую смену задач и тактики партии и государства. Отсюда—лозунг «воинствующего материализма» и атеизма, отсюда—задача разоблачения «дипломированных лакеев поповщины».

«Мы—борцы, наш журнал—журнал борьбы за материалистическое мировоззрение, наш орган—орган полемики»,—так писала редакция «Под Знаменем Марксизма» в январе 1922 года.

«Если дореволюционная старая гвардия нашей партии так искусно «делает революцию», то именно потому, что вся ее жизнь в подполье была школой,—на воле—борьбы, в тюрьме и ссылке—марксовой теории. Великая революция всколыхнула массы, выдвинула на передовые позиции революции широкие слои рабочих и крестьян, влила в ряды авангарда революции—РКП—сотни тысяч молодых членов, которые в огне и буре революции прекрасно научились бороться, но которым еще нужно пройти закаляющую школу марксовой философии, чтобы стать стойкими, уверенными, несокрушимыми коммунистами».

В дискуссии о профсоюзах 1921 года Ленин, как известно, высказал взгляд о том, как следует понимать и применять диалектику. Философскую программу журнала «Под Знаменем Марксизма» в 1922 г. написал, как также известно, Ленин. Какие же задачи ставил Ленин перед коммунистами-марксистами в разгар идеологического оживления контрреволюции? Требовал ли он отказа от философии только потому, что идейная реакция наступала под флагом философии? Нет, не требовал. Зато он говорил, что «нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы не изучать—именно изучать все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее, во всей международной литера-

туре о марксизме» [1]). Он указывал коммунистам на безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников решительной и последовательной борьбы, с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества».

Требовал ли Ленин отказа от философии только потому, что философия служила знаменем буржуазной реакции? Нет, не требовал. Напротив, он говорил, что «из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьица» и для того,—говорил Ленин,—чтобы не относиться к подобному явлению бессознательно, мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мировоззрения» [2]).

Бороться против философской реакции, но ни в коем случае не забывать задачи распространения и разработки марксистской философии, разоблачать связь между классовыми интересами буржуазии и модными философскими направлениями, но не забывать о философском обосновании материализма, бороться за атеизм, за популяризацию научной критики религии, бороться против господствующих религиозных мракобесов, но не забывать, что и современное естествознание, «официальная наука» занимается пропагандной таких философских выводов, которые призваны подкрепить идеализм и религию,—так ставился вопрос в статье Ленина.

Какова коренная особенность такой постановки?

Это преимущественно то, что перед марксистской теорией были поставлены новые, и притом неизмеримой сложности, задачи. Весь вопрос ставился так, чтобы против развернутого фронта идеалистической философии был противопоставлен столь же развернутым фронтом материализм Маркса и Энгельса. Надо было выдвинуть огромный запас теоретических сил, чтобы на фактах истории философии показать связь между классовыми интересами буржуазии и его идеологией. Надо было, чтобы на фактах исторического развития естествознания доказать ленинскую мысль, что, если без философских выводов естественным наукам не обойтись, то таким философским обоснованием должен быть диалектический материализм. Надо было изучить историю материализма XVIII века настолько, чтобы пользоваться союзом с революционной атеистической буржуазией той эпохи в атеистической пропаганде, переживаемого периода. Ленин ставил, наконец, задачу изучения и разработки теории диалектики, а это означало, что в борьбе с философской реакцией необходимо знание и таких вещей, как классический немецкий идеализм.

Перед лицом нового, по преимуществу философски вооруженного, идейного натиска буржуазии, перед лицом возникающих отсюда новых, и притом неизмеримо трудных и слож-

---

1) Ленин, т. XVI (1921 г.).
2) Ленин, «Под Знаменем Марксизма» № 2—3, 1922 г.

ных для молодого поколения, задач, перед лицом своеобразных противоречий, которые, казалось, имела борьба против буржуазной философии под флагом философии пролетариата,—часть наших товарищей растерялась и, как мы уже сказали, должна была, так сказать, пройти через особую «болезнь роста», чтобы стать на путь преодоления новых трудностей. Этим товарищам показалось, что куда проще об'явить войну философии вообще, чем возиться с какой-то философией.

Обратимся теперь к вопросу о том, какими чертами характеризуется позиция этих растерявшихся перед буржуазной философией товарищей? Позиция этих товарищей состояла из следующего хода мыслей. Говорить о какой-то марксистской философии, значит подавать руку буржуазным философам.

«Мы сами обнаруживаем не мало путаницы, и, к сожалению, подчас по самым кардинальным вопросам. Примеры? Да вот он— изумительный, разительный пример—это наша возня с какой-то философией марксизма»... Это гораздо вреднее и опаснее, чем религия пролетариата».

«Нельзя толковать о какой-то научной, революционной, коммунистической и т. д. философии, ибо такой философии нет и быть не может, как не может быть коммунистической, научной и т. д. религии». «Почему же тогда не употреблять этот термин: «религия марксизма», разумеется, в смысле самой настоящей, доподлинной, чисто научной религии?!»

«Философия очень определенное понятие буржуазного воззрения на мир, на человеческое общество, на познание. Всякая философия, как и всякая религия, враждебна пролетариату и коммунизму». «Философию необходимо побороть и ликвидировать так же, как побороли мы и ликвидируем религию».

«В. И. Ленин, как и Плеханов, употребляет отжившую терминологию: «философия марксизма», «философские выводы естествознания» и т. д., однако такая терминология у Ленина, как и у Плеханова, является лишь рядом описок—не больше» (!) [1]).

Наклеивать на диалектический материализм «синоним» философия так же критически вредно, теоретически нелепо, как на «большевиков» продолжать наклеивать «синоним» «социал-демократы».

И далее:

«Долой грязное белье социал-демократии!—сказал т. Ленин в апреле 1917 г. и предложил назвать партию большевиков коммунистической. И теперь не только друзья, но и враги коммунизма прекрасно понимают, что это предложение не было прихотью или капризом, а серьезным шагом вперед. Так почему же до сих пор столь многие испытанные друзья марксизма не хотят понять борьбы Маркса и Энгельса за науку, против философии?.. «Долой грязное белье философии!»—Нам нужна наука, только наука, просто «наука».

«Почему же мы до сих пор путаемся в трех соснах (религия, философия, наука), как, напр., в «Теории исторического материализма» Бухарина: «Он (пролетариат) имеет свою философию, ко-

---

[1]) С. Минин, «Под Знаменем Марксизма» 1922, № 12, стр. 137.

торая есть философия действия и борьбы, научного познания и революционной практики» (стр. 215). Или, как в журнале «Под Знаменем Марксизма», когда договариваемся опять до какой-то «философии современного естествознания» (№ 3, 1928) и даже до «философии истории». Оборудуя и достраивая наш научный корабль, позаботимся в первую очередь с капитанского мостика вслед за религией без остатка вышвырнуть за борт и философию» [1]).

Так писал т. Минин. Он вовсе не был одинокой фигурой в ликвидаторском поветрии среди марксистов. Аналогичные идеи развивались одновременно на страницах разных журналов. «Мужественный призыв т. Минина—Философию за борт!—выражает подлинный боевой (! *Г. Б.*) лозунг современного революционного (! *Г. Б.*) марксизма»,—писал т. В. Рожицын в Харькове [2]). Рожицын, развивая эту мысль, приводил беспощадные в своей резкости отзывы Ленина о «пролетарской философии», преподаваемой в заграничной марксистской школе С. Вольским, Богдановым, Луначарским и др., и с торжествующим видом добавлял от себя: «К этой группе теперь приходится присоединить т. Бухарина, который в своей «Теории исторического материализма» утверждает, что пролетариат «имеет свою философию» (ib., стр. 86). О книге А. М. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» нечего и говорить: ее «слабость», разумеется, В. Рожицын видел в «чрезмерной философичности».

Логическим следствием всей этой исходной постановки вопроса и явилась пропаганда идеи о пересмотре ортодоксальных традиций революционного русского марксизма под видом борьбы против Плеханова, к а к ф и л о с о ф а. Ряд товарищей об'явил форменный поход против ортодоксальной философской линии марксизма, стремясь отыграться на политическом падении Плеханова, как философа.

Проф. В. Рожицын выступал с этими идеями на страницах харьковских коммунистических журналов. После ряда туманных намеков, что де-он, В. Рожицын, стоит всецело на ортодоксальных позициях в области философии, этот товарищ заметил следующее: «С другой стороны, прямое возвращение к Плеханову невозможно. Недостатки плехановского обоснования материализма сводились к тому, что, во-первых, он совершенно не имел самостоятельных знаний в области естествознания, во-вторых, чрезмерно доверял монизму Геккеля, в-третьих, выводил материализм философским путем, исторически основывая его на пантеизме Спинозы, в-четвертых, определял материю, как вещь в себе, т.-е. совсем не определял ее, в-пятых, устанавливал одностороннее гносеологическое отношение теории к материи: ставил вопрос о ней, как о силе, рождающей ощущения, и только! в-шестых, исторические формы материализма, как они были даны в философском развитии от Ламеттри до Фейербаха, считая ныне действительным и не превзойденным научным знанием» [3]).

Суть этого обвинительного акта состояла в том, что он был направлен против Плеханова только по форме, а по существу

---

[1]) С. М и н и н, «Под Знаменем Марксизма» 1922, № 5—6.
[2]) См. журнал «Агитпропработа», 1922, орган ЦК КП(б)У, № 7, стр. 85.
[3]) См. журнал «Путь Просвещения» 1922, № 5, стр. 8.

против ортодоксального понимания философии марксизма,—состояла в том, что каждый пункт обвинения неизменно упирался в один и тот же коренной вопрос—вопрос о философии, требуя разрыва прежде всего с философскими традициями марксизма.

Проф. В. Миллер на страницах «Научных Известий» Госуд. Смол. ун-та выступал против «плехановского», т.-е. установившегося в марксизме, отношения к философии. «Я подчеркиваю,—писал он,—что имею в виду не отдельные неудачные выражения и обороты мысли (напр., ублюдочное понятие «вещи в себе»), которыми последователи Плеханова подчас пользовались для положительного развития материалистических взглядов. Я и в данном случае имею в виду некоторую фундаментальную предпосылку, которую наши материалисты не то что открыто приняли, но важность которой они не заметили и от которой не позаботились с самого начала должным образом отмежеваться». По мнению Миллера, фундаментальная ошибка «последователей Плеханова» состоит в том, что они вообще говорили о философии и философском обосновании частных наук, или о материализме, как «философской основе марксизма», в то время как никакой философии для марксиста не может быть. Миллер считал, что этому дал повод сам Плеханов, «употребив неосторожное выражение «философские основы» марксизма», а такая книжка, как «Основные вопросы марксизма», по мнению Миллера, «положительно способна увлечь читателей на совершенно ложный путь априоризма» и «должна неминуемо вызвать впечатление, что у марксизма может быть философская основа и даже чуть ли нечто вроде философской системы» [1]).

Для Минина всякая философия была неприемлема так же, как религия. Для Рожицына—в этом состоял боевой лозунг революционного марксизма. Для Миллера она сводилась к «абстрактным дедукциям и определенным понятиям», к «априоризму», следовательно,—долой философию. Так, с разных сторон ликвидировали философию. Они одинаково предлагали «решительно концентрировать борьбу всех прогрессивных элементов против самого принципа «философии», решительно и во весь рост выставить лозунг суверенности специальных наук, точнее, единой положительной науки в ее естественных и исторически выросших подразделениях» [2]). Разницы между Миниными, Рожицынами и Миллерами по существу не было—только у одних преобладало невежество в истории марксизма, у других—остроумие, как форма проявления ограниченности, взятая на прокат у буржуазных историографов, а у третьих—темперамент сокрушителей традиций и «развивателей», «дополнителей» марксизма. Нам незачем останавливаться на положительных рецептах, какие предлагались этими товарищами, и не потому, что описания их представляли шедевры путаницы с изумительным невежеством в разбираемом вопросе, с изумительной упрощенностью аргументации: нас интересует лишь та особенность мининщины, которая делала ее общественным явлением, целым идейным поветрием среди части русских революционных марксистов.

---

[1]) В. Миллер, К вопросу о философском наследстве, «Научные Известия» Смоленск. гос. университет, 1924, стр. 17—20 и сл.
[2]) Там же, стр. 71.

Хотите знать, что соответствовало в области политики «ультра-левому» лозунгу наших «отрицателей» философии? Социально-психологические явления, послужившие почвой для появления мелкобуржуазных синдикалистско-анархистских уклонов в платформе так называемой «Рабочей оппозиции». В своей брошюре: «Рабочая оппозиция» т. Коллонтай давала, если хотите, «философское» обоснование спора об «единоличии» и «коллегиальности»:

«Единоличие есть плоть от плоти индивидуалистического, т.-е. из себя самого исходящего (? *Г. Б.*), мировоззрения буржуазного класса. Единоличие, т.-е. оторвавшаяся от коллектива, «свободная», изолированная воля человека, проявляющаяся во всех областях,—это высшая мудрость буржуазного мышления. Буржуазия не верит в силу коллектива...

Рабочий класс и его идеологи, наоборот, знают, что новые коммунистические задачи класса осуществимы лишь путем коллективного совместного творчества» [1]).

А на деле оказалось, что те, кто громче всех кричал о «недоверии рабочему классу», о передаче управления государством «широким массам трудящихся», об «измене» революции политикой нэпа, о «крестьянском уклоне» и т. д. и пр., на деле уничтожали необходимость в партии, отрицали необходимость в ней для осуществления диктатуры пролетариата, «подчиняли партию беспартийной стихии».

«Неправильное понимание роли коммунистической партии в ее отношении к беспартийным рабочим массам, с одной стороны, и столь же неправильное понимание рабочего класса в его отношении ко всей массе трудящихся—с другой,—является коренным теоретическим отступлением от марксизма и уклоном в сторону синдикализма и анархизма, каковой уклон пропитывает все воззрения «Рабочей оппозиции» [2]).

И для того, чтобы сопоставить «синдикалистский» позитивизм (хвостизм тоже) с «коммунистической» диктатурой «философии», мы приведем еще одну выписку из Ленина:

«Коммунизм говорит: авангард пролетариата, коммунистическая партия, руководит беспартийной массой рабочих, просвещая, подготовляя рабочих, а затем и крестьян для того, чтобы она могла прийти и пришла к сосредоточению в своих руках управления всем народным хозяйством.

Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности («главки и центры»), уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни по воспитанию масс, ни по сосредоточению на деле управления в их руках всем народным хозяйством» [3]).

Вот что соответствовало в области политики ультра-левому лозунгу наших отрицателей философии.

Такова в общих чертах теоретическая позиция «мининщины». Нас не может в этой связи интересовать особый вопрос о том, как конкретно шло преодоление этого ревизионистского уклона. Мы могли бы указать, что для последовательной революционной борьбы с натиском буржуазной философии марксизм должен был

---

[1]) А. Коллонтай. Рабочая оппозиция, М. 1921, стр. 7.
[2]) Ленин. Резолюция X съезда РКП о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии (т. XVIII, ч. I, стр. 162).
[3]) Там же, стр. 34.

бороться за право самой марксистской философии на существование. Только тем, что он очищал себя от мелкобуржуазного отрицания философии, марксизм успешно боролся против реакционной буржуазной философии.

Мы могли бы указать, что, только выметая из собственных рядов мелкобуржуазную боязнь перед «абстракциями», «теорией», «дедукцией», «логикой», марксизм наносил сокрушительные удары по «абстракциям» и «теориям» подымающей голову метафизики. Мы могли бы указать, что для 1921—1922 годов эта задача выполнена сотрудниками журнала «Под Знаменем Марксизма», руководимого, в области философии, А. М. Дебориным. Мы могли бы указать, что завершением принципиальной защиты права философии на существование в историческом разрезе явилась книга А. М. Деборина: «Людвиг Фейербах». Мы могли бы указать, наконец, что для 1921 — 1922 гг. положительной стороной книги Н. И. Бухарина: «Теория исторического материализма» и явилась, между прочим, прекрасная защита и обоснование той мысли, что пролетариат имеет свою философию и что эта философия называется диалектическим материализмом.

На этих вопросах следовало бы остановиться в другой связи. Здесь же следует обратиться к вопросу о том, какие особенности мининского ревизионизма были продолжением предыдущего ревизионизма—«богдановщины»—и в свою очередь переросли в новый род ревизионизма—в енчменизм, в связи с трудностями нашего роста в 1923 году.

Особенность «мининщины» состояла в том, что это течение стояло на почве марксизма. Отход от марксизма оно клеймило, как предательство интересов рабочего движения. Богдановская «пролетарская философия» оказалась чуждым марксизму учением о решающем организующем значении «идеологии», т.-е. идеализмом. И теперь, на новом историческом уровне, никакие фразы о «пролетарской философии» не могли сыграть той роли, какую они играли раньше. В период гражданской войны, в тот период развития революции, когда все идеологические позиции—школа, наука, искусство—были формально подчинены рабочей власти, но рабочая власть еще не заставила их идейно служить революции (мы к этому приступили только в 1922 году), фразами об особой «пролетарской философии» и «пролетарской науке» трусливо маскировали, дипломатически замазывали и прикрывали тот факт, что существует только одна «философия пролетариата», только одна единственная «пролетарская наука» и что эта «наука» называется марксизмом. Весь предыдущий этап развития революции был преодолением опасности—политической (1918) и военной (1918—1920). Поворот к новой экономической политике имел целью преодоление новой, гораздо более сложной, опасности—хозяйственной. В плоскости теории, соответственно новому этапу нашего развития появились и новые задачи, а с ними и новые опасности. Ясно, что уже нельзя было не дооценивать, например, материалистического мировоззрения и метода диалектического материализма. Но философия, благодаря тому, что под ее флагом выступала идейная реакция, была скомпрометирована в глазах мелкобуржуазных революционеров, всегда горящих желанием «громче всех крикнуть», заучивших революционные фразы, но не умеющих применять революционный метод к изменившейся обстановке. Поэтому старое богдановское

поветрие среди части нашей марксистской интеллигенции, т.-е. ревизия философского материализма, выступило теперь под новым флагом—«за материализм и марксизм, но против... философии».

Изменилась ли от этого об'ективная логика ревизионистской борьбы? Нет, об'ективная логика ревизионизма не изменилась. Борьба против философии, принципиальная борьба «слева» против философии, как «пережитка религии», как мировоззрения по-преимуществу буржуазного, на деле помогала попыткам идейного разоружения пролетариата. Борьба против философии пролетариата помогала борьбе буржуазии под флагом своей философии наступать на пролетариат. Это было проявлением ликвидаторских настроений, обессиливающим, расшатывающим борьбу пролетариата на идеологическом фронте. Об'являя соглашательством с буржуазией всякую попытку усвоения, изучения, внедрения в сознание масс марксистской философии, мининщина открывала путь безыдейному крохоборству, естественно-научному хвостизму и жалкой мякине эклектизма. А разве не ясно, что хвостизм прямехонько всегда вел и ведет к капитулянтству перед буржуазным мировоззрением?

Итак, ультра-левая по форме, позиция Мининых—Рожицыных—Миллеров была ликвидаторской по существу, по тому, «куда она росла», по тому, кому она была выгодна. О позиции этих товарищей можно сказать то же, что заметил Ленин в 1910 году о платформе группы «Вперед», выставлявшей в политической программе лозунг «пролетарской философии»: «говорить, особенно в популярной форме, о вреде для пролетариата «буржуазной философии» и не определять точно и ясно, какая именно философия имеется в виду,—значит прибегать к худшего вида фракционной дипломатии».

В этом состояла ошибка и названных товарищей.

Эта ошибка была выправлена в ортодоксальном марксизме разработкой вопросов истории материализма и защитой марксистской философии. Но эта же ошибка была исправлена и самой «мининщиной» и, надо сказать, исправлена весьма своеобразно, после того, как уже нельзя было отрицать практическую полезность философии.

Те товарищи,—а о них мы, марксисты, говорим потому, что они отражали идейные колебания новых широких слоев молодого поколения, когда оно было поставлено перед задачей осмыслить, переварить и претворить в практическое действие марксизм, как идеологию пролетариата,—те товарищи, которые еще недавно считали лозунг «философию за борт!» «боевым лозунгом революционного марксизма», «исправили» свою ошибку особой новой «теорией» о реакционности, извращенности, ошибочности всякой идеологии.

Нужно ли доказывать, что это было еще более грубой ошибкой, еще большим отходом от марксизма, еще более глубоким заблуждением, чем мининское отрицание философии? Нужно ли доказывать, что подобное «обоснование» мининщины было не выправлением старого уклона, а дальнейшим шагом в сторону от марксизма?

Обратимся к вопросу о том, какую форму приняло мининское отрицание философии, когда у последней появился новый псевдоним—«идеология».

4. Отрицание идеологии.

Мы имеем в виду следующие идеи, получившие систематическое развитие в работах ряда товарищей и сложившиеся в довольно заметное идейное течение в части нашей марксистской интеллигенции.

Идеология имеет дело с мыслями, как с независимыми существами, которые самостоятельно развиваются из самих себя и подчиняются своим собственным законам. В этом т. Рейснер заметил загадку, которая может быть решена «лишь достижениями новейшей психологии».

Энгельс пишет, что люди не сознают процесса отражения материальных условий в форме мышления, иначе всякой идеологии пришел бы конец, и т. Адоратский это понял так, что «идеология—это процесс, происходящий хотя и в сознании людей, но не осознаваемый ими». Энгельс пишет, что идеологи ставят все на голову, и т. Адоратский это понял так, что идеология есть «своеобразная аберрация ума, отражающего действительность извращенно, в перевернутом виде» [1]). Энгельс говорит, что в каждой идеологии люди и их отношения представляются в перевернутом виде, подобно перевернутому положению всех предметов на сетчатой оболочке их глаза; и это т. Адоратский понял так, что процесс возникновения идеологии носит все черты психофизиологического процесса, а к этому А. Варьяш добавил, что «психофизиологическая аналогия» «далеко выходит за пределы простой аналогии и фактически выражает применяемый к обществу общий закон». Отсюда ясно, почему в различении ряда «способов представления» по психологическим признакам т. Рейснер впоследствии увидел «ключ к идеологической тайне».

Таким образом, идеология—это не вся совокупность мышления людей, это—«более узкий круг мышления», именно это те мысли, которые отражают эту действительность неправильно, в перевернутом виде и не отдают себе отчета в этой неправильности». Об этом же говорит и Энгельс, утверждая, что «отражение экономических отношений в виде правовых принципов необходимо является стоящим вверх ногами», и что это отражение совершается таким образом, что этот процесс не доходит до сознания людей. Энгельс всюду подчеркивает безотчетность этого процесса, и «эта безотчетность, это отсутствие критического сознания связи и зависимости мышления от материальной действительности выставляется, по мнению т. Адоратского, существенным моментом для определения того, что Маркс и Энгельс называют идеологией». «Идеология», таким образом, противопоставлялась научному, правильному мышлению» [2]).

В такой постановке поражает полное забвение того факта, что марксизм ставит вопрос о социально-экономических причинах борьбы или появления различных идеологических систем; в такой постановке *исходят* из абстракции идеологии, из абстракции, не способной охватить движущие силы *развития* идеологий. Для товарищей, разделяющих изложенный взгляд на идеологию, важно не то, *почему* у данного класса формируется

[1]) Адоратский, Об идеологии,—«Под Знаменем Марксизма» 1922 г., № 11–12.

[2]) В. Адоратский, Об идеологии,—«Под Знаменем Марксизма» 1922 г., № 11–12.

именно такая, а не другая идеология, а то, что у него мышление... «извращенное», «перевернутое», «оторванное от действительности».

Особенность изложенного «учения» об идеологии состояла в том, что задачу, которую само себе ставило это «учение», невозможно решить средствами этого самого «учения».

Обратимся к этой особенности, чтобы понять, как из «маленькой ошибки» получилась новая форма уклона к ревизионизму.

В самом деле, что же такое та пресловутая «извращенность», которою якобы исчерпывается характеристика идеологического мышления? Согласно теории исторического материализма, сама «извращенность» идеологического мышления служит формой проявления его истинности, т.-е. его соответствия действительности. В этом смысле всякая идеология соответствует действительности, ибо она всегда есть «естественный продукт закономерного развития общественного сознания», всегда служит «дополнением» или «продолжением» тех или иных условий развития классовой борьбы. Извращенность идеологического мышления так же мало об'ясняет содержание идеологии, в смысле формы общественного сознания, как мало об'ясняет анализ психофизиологических процессов, происходящих в головах идеологов, экономическую структуру общества. Отражение экономических и классовых противоречий в идеологических формах происходит бессознательно за спиной самих носителей идеологии, «извращенно», но думать, что эта «бессознательность» нам «об'яснит» сущность идеологии, было бы неверно.

Сказать, что идеология отражает действительность «извращенно», значит по существу ничего не сказать. Вопрос в историческом материализме ставится именно так, чтобы понять различные формы идеологии, развитие идеологии, движущие силы в образовании идеологии, «форму» этого образования, его имманентные законы, его «содержание» или, другими словами, социально-экономическую обусловленность образования идеологии. Стало быть, в историческом материализме «извращенность» идеологического мышления сама подлежит об'яснению. Разве не ясно, что «извращенность» идеологии для нас, марксистов, есть понятие относительное? Разве не ясно, что на одном признании «извращенности» идеологии далеко не уедешь в борьбе против идеологических врагов рабочего движения?

Достаточно поставить вопрос: отчего идеолог, мыслящий извращенно, мыслит так, а не иначе?—чтобы увидеть, почему нельзя прийти к ясному пониманию классового характера тех или иных идеологий, если не выходить за рамки изложенного взгляда т. Адоратского. В рамках этого взгляда уже нельзя об'яснить классовую природу пресловутой «извращенности», ибо «извращенность», как и «бессознательность», здесь играет роль «некоей подушки для лености мысли», предлога для того, чтобы не заняться историко-материалистическим анализом идеологии.

Вот почему свое обоснование взгляды т. Адоратского могли получить или в последовательном психологизировании учения об идеологии с целью об'яснения отмеченных выше особенностей («извращенность», «бессознательность» и т. д.), или в последовательном отрицании самого понятия идеологии. Первый путь этой

«теории» разработан в статьях т. Рейснера, «об'яснившего» смысл извращенности идеологического мышления «достижениями новейшей психологии», и т. Варьяша, давшего фрейдистское обоснование его «бессознательности». Второй путь «теории» лежит через «енчмениаду». Последняя оформилась и получила популярность несколько раньше, чем были сформулированы «теории» Варьяша-Рейснера, но по социально-психологической весомости, по тому, какой бороздой она прошла в сознании молодой рабочей интеллигенции, «енчмениада» должна быть рассмотрена после того, как «психологический» уклон Адоратского 1922 года развернется полностью в «психологическом» ревизионизме Варьяша и Рейснера.

Обратимся теперь к «платформе» этих двух товарищей.

«Теория исторического материализма исходит в своем определении общественного процесса из понятия производительных сил, производственного процесса и производственных отношений. Другими словами, в основе полагается понятие труда». А так как труд есть психофизический акт, то основная посылка исторического материализма приобретает новый вид.

Человек, о котором говорится в теории исторического материализма, есть не абстракция, а «живой» человек, «существо, которое работает не одними руками, но и всей мощью своего нервно-мозгового аппарата» [1]). У Маркса и Энгельса можно встретить такие термины, как «чувства», «стремления», «страсти», «воля», «сознание». «Мы не поступим неправильно,—говорит т. Рейснер,—с точки зрения исторического материализма, если мы обратимся к психологии и спросим ее, не может ли она научно сейчас ответить, во-первых, о соотношениях между нервно-мозговым раздражением и мускульно-моторной реакцией, о значении различных форм трудовой мотивации для интенсивности трудового процесса, о различных влияниях... психических раздражителей» [2]).

После отождествления экономической простейшей категории «труда» с психофизиологическим процессом труда, таким образом, открывается путь для дальнейшего психологизирования основных понятий исторического материализма, в частности, учения марксизма об идеологии.

«На основе роста производительных сил люди создают производственные отношения, также как и идеи, которые отражают эти отношения». И дальше т. Рейснер нам напоминает, что «весь процесс проходит через мозг людей», что «производственные отношения не только дают соответствующее отражение в мозгу, но осуществляют свое влияние на производственные (? *Г. Б.*) силы»; он говорит, что идеологии—это то же, что «специальные и особые извращения нашей мозговой деятельности», то же, что «неправильное сознание человека», «фантазма», Не удивительно, если после этого от психологии требуют ответить на вопрос о характере и формах вытесняющего психического «аппарата» и о том, как идеи «превращаются» в идеологию.

Маркс и Энгельс писали о бессознательности процесса образования идеологий. «Истинные побудительные силы, которые

---

[1]) Это звучит так же глубокомысленно, как утверждение современных механистов, что все в мире происходит в пространстве и времени.

[2]) Проф. Рейснер, «Вестник Комм. Акад.», кн. 8, стр. 214.

приводят его в движение, остаются неизвестными человеку, в противном случае это не было бы идеологическим процессом»,— говорит Энгельс. Но «бессознательное» было открыто в новейшей психиатрической школе (Шарко, Бернгейм, Жанэ, Фрейд, Адлер и др.), и для Варьяша «историческая проблема состояла не в том, отчего некоторые одаренные врачи 50 лет спустя после великого открытия Маркса начали исходить из той же истины, но в том—почему на целых 50 лет замедлилось применение этого открытия в области психологии!!! Эти исследователи «даже не знают, что их руководящая идея есть идея марксизма»! [1])— восклицал с сокрушением А. Варьяш.

Как видит читатель, логика ревизионизма была очень проста: «идеология возникает стихийно», «это значит—бессознательно», «Маркс и Энгельс часто употребляли это слово», сейчас существует целая школа, которая «оперирует этим понятием, фрейдовская школа», следовательно Маркс и Энгельс употребляли фрейдовское понятие.

Глубокомыслие Варьяша шло еще дальше:

«Чтобы, при уяснении нового идеологического построения, довести анализ, насколько это возможно, до конца, нужны не только знания о тогдашних производительных силах и производственных отношениях и предшествующих экономических и идеологических структурах, но и нечто совсем другое. Нужно знать весь психологический (в другом месте автор пишет: «психический»; *Г. Б.*) механизм, который, образно выражаясь, является проводником от базиса к надстройке» [2]).

Энгельс в известном письме к Мерингу пишет, что ни он, ни Маркс не обращали должного внимания на формальную сторону, каким образом возникают идеологические представления, и переносили центр тяжести на выведение этих идеологий из экономических основных фактов, а Варьяш это понял так, что «формальное исследование» Энгельса есть не что иное, как известное в современной психологии исследование психологических функций! Энгельс и вслед за ним Плеханов пишет о «формах сознания», соответствующих различным ступеням экономического развития и различным соотношениям классовых сил, а для Варьяша этого вполне достаточно, чтобы заговорить о психологии, как о «пути от базиса к надстройке».

Этот «путь от базиса к надстройке» А. Варьяш рисовал в следующем виде:

«Подобно тому, как органы чувств представляют собою такой аппарат, который, воспринимая впечатления от природы, делает их готовыми для восприятия центральным аппаратом, так же точно обстоит дело и с гораздо более сложными воздействиями экономических и вообще общественных отношений. Они проходят через тот же аппарат... через фильтр и трансформирующий аппарат нервной системы» [3]).

Отсюда ясно, что «не всякий литературный и политический представитель того или иного класса является идеологом, вернее, не всегда и не в полной мере он оказывается им. Идеологом

---

[1]) А. Варьяш, там же, кн. 9, стр. 292.
[2]) Он же, «Вестн. Комм. Акад.», кн. 9, стр. 290.
[3]) Там же, стр. 298.

он может быть в большей или меньшей степени в зависимости от своего понимания действительных отношений и своей связи с этими действительными отношениями и действительными интересами класса» [1]). Развивая эту мысль, вы неизбежно придете к выводу о недопустимости говорить об идеологии вообще: идеология сама по себе не существует, как нечто об'ективное; идеология, как историческая категория, не выдерживает критики: все зависит от того, насколько правильно, насколько сознательно те или иные области знания—право и нравственность, искусство и философия и т. д.—отражают материальные условия жизни, и об «идеологизме можно говорить лишь постольку, поскольку он неизбежно свойственен в некоторой доле жизни сознания вообще» [2]).

Другими словами, к идеологии следует подходить с критериями биологии и психологии. Эта точка зрения высказывалась, между прочим, на партсовещании по вопросам образования в январе 1921 г. и показывает, как глубоко давали себя чувствовать части нашей марксистской интеллигенции в ее попытках об'яснения идеологии богдановские «организационные схемы»:

«С точки зрения общественно-биологической идеология является вторичным организующим приспособлением в борьбе за жизнь общественного коллектива... С физиологической точки зрения, она представляет сумму множества условных рефлексов, сводимых во все более сложные и в отличие от рефлексов биологических представляет общественный рефлекс в самом широком смысле этого слова».

Такова была теоретическая позиция того течения в марксистской литературе, которое вылупилось в конце концов из маленькой статейки т. Адоратского об «идеологии».

Обратимся к особенностям этой позиции.

Психологистическую ревизию марксистского учения об идеологии можно охарактеризовать следующими двумя особенностями.

Это, во-первых, недооценкой методологической силы марксизма.

В глазах названных товарищей дело обстояло так, что учение Маркса и Энгельса само по себе недостаточно для разрешения той бесконечно сложной и новой группы вопросов, которая вновь и вновь встает перед всяким, кто пытается применить к конкретной отрасли знания метод исторического материализма. Такие понятия, как «базис» и «надстройка», «бытие» и «сознание», недостаточно развиты, недостаточно ясны, если не выходить за рамки общих предпосылок исторического материализма. Они имеют не методологическое значение, как руководящие принципы всякого исследования, в том числе и исследования по социальной психологии, а значение об'ектов, еще непознанных, еще подлежащих научному исследованию. Другими словами, в категориях «бытия» и «сознания», в теории исторического материализма мы имеем только первый шаг к психологическому исследованию, в них намечен лишь об'ект исследования, а не метод его. Теория

---

[1]) «Вестник Комм. Академии» кн. 4, стр. 254.
[2]) Там же, стр. 261.
[3]) Взято из журнала: «Пролетарская Культура», 1921.

исторического материализма должна уступить место психологии, чтобы взаимоотношение «базиса» и «надстройки» получило полное освещение. Вот как смотрели эти товарищи на исторический материализм.

Мы не сомневаемся, что Маркс и Энгельс были не только превосходными экономистами, но и талантливыми психологами, были знатоками массовой психологии. Мы не сомневаемся, в частности, что суждения Маркса о труде в «Капитале» или Энгельса в «Роли труда в очеловечении обезьяны» подсказывают современной психологии ряд чрезвычайно глубоких и важных проблем. Мы не сомневаемся, что суждения Маркса о классовой идеологии в его исторических работах насыщены подлинным психологизмом. Но от признания всего этого до психологизирования простейших категорий исторического материализма еще очень далеко. Кто, подобно тт. Адоратскому, Рейснеру, Рожицыну, Варьяшу, исторический материализм «уточнял» («углублял», «конкретизировал», «раз'яснял») путем психологического истолкования основных методологических категорий, тот забывал, что Маркс и Энгельс были прежде всего **диалектическими материалистами**. Суб'ективно эти товарищи горели прекрасными стремлениями применить метод исторического материализма к психологии, но, не имея диалектической подготовки, они в конце концов, об'ективно, применяли метод психологии к историческому материализму. Хотели ли они того, или нет, но тт. Адоратский, Варьяш, Рейснер, Рожицын **об'ективно, на деле**, приходили к этому выводу. Таков истинный смысл всех их писаний об историческом материализме. Они принижали, не дооценивали философских основ исторического материализма, лишая его основные категории методологического значения. Логика «психологических изысканий этих товарищей была такова, что развиваемая ими «теория» идеологии, строго говоря, имела только один смысл — **отрицание исторического материализма, как особой, несводимой к существующим историческим наукам, методологической теории**. «Идеология» — здесь была только псевдонимом для «исторического материализма». Развенчивая идеологию, товарищи об'ективно, на деле, развенчивали не что иное, как теорию исторического материализма. Развивая свои психологические теории, они требовали об'ективно создания **новой** методологии [1]. Было бы заблуждением думать, что речь шла о **частных** вопросах применения или разработки исторического материализма. Спор как будто шел о частном вопросе: как образуется и развивается идеология, а по существу вопрос стоял так: нужна ли нам теория исторического материализма, или мы должны пойти на поклон буржуазной науке?

Вторая особенность защищаемого этими товарищами учения об идеологии коренилась не в их методологических ошиб-

---

[1] Вот что писал проф. М. **Рейснер** в своей брошюре «Проблемы социальной психологии» (стр. 23): «Если мы хотим, однако, проверить с точки зрения современной науки тот процесс, путем которого переведенное и переработанное в человеческой голове материальное становится идеальным и дает картину производства идеи, то для этого нет лучшего способа, как обратиться к данным современной физиологии (учение Павлова) и биологии (Дарвин), чтобы вскрыть тот смысл, который был еще не вполне ясен и самому Марксу—его гениальных догадках».

ях, а в социальных предпосылках, которые лежали в основе этого течения.

Проблема идеологии в историческом материализме ставилась как бы для того, чтобы устранить из исторического материализма методологическое и историческое понятие идеологии. Товарищи брали слово об идеологии, чтобы сказать, что никакой особой «идеологии» об'ективно не существует. Изучайте психофизиологический процесс образования представлений у человека,—говорили эти товарищи,—и вы будете знать, что такое идеология. А между тем вопрос об идеологии для марксиста не является каким-то «академическим» вопросом. Марксизм несет духовное освобождение пролетариату, разоблачая все формы идейного гнета, все формы духовного закрепощения масс. Марксизм вооружает сознанием борющиеся массы, разоблачая обман «вечных» и «общечеловеческих» идей «справедливости», простых законов права и нравственности, «религии» и т. д.

Об'ективно, на деле, бессознательно для самих защитников его, величайший вред «психологистического» ревизионизма состоял в прислужничестве реакционному мировоззрению, всяческим идеям духовного разоружения борющегося за социализм класса, идеям затушевания и сглаживания революционных задач эпохи. Это выразилось уже в забвении марксистского учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. Говорить об идеологии, умалчивая о классовых корнях всякой идеологии, значит ничего не понять в историческом материализме. Классовые противоречия образуют критерий познания данной идеологии, т.-е. формы, в которой люди воспринимают столкновения классов и во имя которой класс борется. «Как нельзя судить об отдельном человеке по тому, что он о себе думает, точно так же нельзя судить о революционной эпохе по ее сознанию: скорее это сознание следует об'яснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями». Психологическое толкование основного положения марксизма об отражении бытия сознанием безразлично, так сказать, нейтрально относится к вопросу о классовом характере той или иной идеологии. Но это противоречит самой сути марксизма-ленинизма, утверждающего партийный характер «даже» философских теорий.

Отчего же названные товарищи скатились к такому реакционному, так сказать, «беспартийному» пониманию исторического материализма? Оттого, что облик класса не есть простая сумма составляющих его единиц. Оттого, что, став на психологическую точку зрения, невозможно выработать социлогическое понятие класса. Оттого, что и социальная, т.-е. классовая, психология несводима к психологии или к психофизиологии отдельных членов данного класса.

Таковы особенности последнего уклона к ревизионизму.

Здесь не место останавливаться на вопросе о том, какое огромное значение для развития и укрепления марксистской философии имела борьба против этого уклона, внутреннее преодоление его особенностей, глубоко противоречащих духу марксизма-ленинизма. Разногласия свидетельствовали не о кризисе, не об идейном обнищании теории, а о жизненности, о росте теории,

преодолевающих новые трудности на новом, более высоком историческом уровне.

Обратимся теперь к этой стороне вопроса.

Чем об'ясняется тот факт, что «психологистический» уклон в сторону от марксизма не был замазан, прикрыт и не был отодвинут в сторону, как побочный продукт споров в «интеллигентских верхах», не имеющий принципиального значения для развития теории? Чем об'ясняется тот факт, что, напротив, «психологистический» уклон в сторону от марксизма был вскрыт и преодолен путем открытой борьбы за революционный, неурезанный марксизм, а не путем замазывания разногласий? Другими словами, чем об'ясняется тот факт, что «психологистический» уклон части наших товарищей был необходимым этапом для того, чтобы марксистская философия сделала новый шаг вперед в своем развитии?

Это об'ясняется прежде всего тем, что интерес марксистов к психологии был первым признаком нашего приступа к дальнейшей разработке теории. «Защитой философии» далеко не уедешь. Надо было практически показать, что в конкретных вопросах нашей теории философские предпосылки необходимы. От «агитки» и «штампа», от «плаката» и «лубка» 1918—1920 гг. надо было переходить к углубленной разработке теории. А что такое «лубок» в историческом материализме? «Лубок» давали те во что бы то ни стало марксисты, которые брали производительные силы страны и от этого полюса экономической структуры общества делали прыжок к другому полюсу идеологической надстройки. Эту «суздальскую дубоватость» вульгарно-механического подхода к задаче исторического материализма, как известно, критиковал Плеханов. Особенно ярко, после Плеханова, т. Бухарин (в «Теории исторического материализма») подчеркивал недопустимость подобного «лубка»... Решение вопроса состояло, по Плеханову и Бухарину, в том, что к анализу идеологической надстройки данного общества необходимой ступенью от экономики должен служить анализ общественной психологии. «Бытие» отражается в «сознании» через посредство сложной ткани классовых психологий. И т. Рейснер, как и все «психологисты», были совершенно правы, критикуя эту «суздальскую дубоватость» иных «марксистов», заявляя, что при помощи всяких натяжек и ухищрений получается всякий раз едва ли не прямое и непосредственное отражение «бытия» в «сознании», заявляя, что «при известной ловкости рук, да еще при наличности данных двух конечных пунктов ничего не стоит при помощи схоластического толкования навязать действительности желательную теорию» [1]). Изучение социальной психологии должно было обнажить сложнейшую жизненную ткань, образующую те промежуточные звенья от базиса к надстройке, которые оставались для вульгарно понимаемого «суздальского» марксизма книгой за семью печатями. В основе работ Адоратского, Рейснера, Варьяша (последний, впрочем, вряд ли об этом догадывался) и лежал тот правильный взгляд, что углубленная разработка метода исторического материализма при изучении высших надстроек идеологии возможна лишь на почве изучения социально-

[1]) Проф. М. Рейснер, Проблемы социальной психологии, 1925 г., стр. 19.

классовой психологии. Отчего же названные товарищи уклонились в сторону от марксизма? Оттого, что они упустили из виду, что правильное решение поставленной задачи возможно только благодаря борьбе с извращенным, немарксистским пониманием места и роли психологии в историческом материализме. Оттого, что решение этой частной задачи возможно было только на основе общих философских предпосылок исторической теории.

И мы видим, что теперь марксизм смог завоевать и втянуть в свою орбиту психологию только благодаря тому, что он не принижал себя, не опускался до уровня новейших достижений буржуазной психологии, благодаря борьбе с крайностями психологии, благодаря открытой борьбе за особую, не сводимую ни к каким достижениям буржуазных наук, методологическую теорию. Нашим «психологистам» не хватало диалектической подготовки. «Психологисты» стояли перед дилеммой: или отказ от «психологии» и тогда упрощение, схематизация, вульгаризация и прочие страшные вещи, или «психология»—и тогда «углубление» марксизма, равносильное его «углублению». Но это—механическая схема, ибо мы и не думали отказываться от психологии, но и не шли на поклон буржуазной психологии, отказываясь от исторического материализма. Значение психологистического ревизионизма и состояло в том, что на примере применения современных «достижений» психологии к историческому материализму была практически доказана та истина, что предпосылкой правильного понимания исторического материализма является признание диалектического материализма. Все предыдущие ревизионистские системы «западного» марксизма, начиная от бернштейниады 90-х годов и кончая каким-нибудь Куновым наших дней, сходились на той мысли, что исторический материализм—это одно, а философия марксизма—нечто совсем д р у г о е. Можно быть, утверждали они, выдержанным историческим материалистом и разделять взгляды философов, мыслящих идеалистически. Что это далеко не так, что рассуждать так значит прикрывать свой отход от марксизма—это и было доказано нашими представителями «психологической» ревизии исторического материализма.

Это, во-вторых, об'ясняется тем, что психология не только вклинивалась в условия нашего философского развития, как теоретическая проблема, но и вытекала из изменившихся условий общественной жизни. Расширение сферы его влияния было подготовлено самою жизнью, усложнившейся установкой работы, усложнившимися методами убеждения, занявшими место старых методов командования и администрирования, необходимостью, несмотря на окружение мелкобуржуазной психологии, сделать первые шаги к развитию внутрисоветской и внутрипартийной демократии.

«...положительно назрел момент для того, чтобы марксистская точка зрения была распространена и на эту область и чтобы, следовательно, эта наука получила в качестве некоторых руководящих и основных директив указания с компетентной стороны...

Эти вопросы приобретают особенную и актуальную значительность благодаря тому, что, во-первых, мы имеем государственное управление партии, стоящей на строго марксистской точке зрения, партии, которой пришлось встретиться в ее широкой деятельности и борьбе с вопросами так называемой массовой психологии. Таковы

прежде всего организация Красной армии и связанный с этим вопрос о постановке так называемого духа армии или войска. В частности, я упомяну, что эти вопросы настолько актуальны в наших военных учебных заведениях, что, не далее как в прошлом году, мне пришлось специально прочесть небольшой курс по общественной или социальной психологии в Академии Ген. штаба раб.-крестьянск. Красн. армии. Затем следуют вопросы агитации и пропаганды, которые должны вестись, само собой разумеется, не кустарным способом, а которые должны иметь в основе известную теорию массовой психологии. Наконец, вопросы борьбы на идеологическом фронте и связанный с ними вопрос о значении идеологии... вопрос о психологии здесь стал в порядок дня. Я не буду касаться целого ряда других вопросов, начиная от психологии в процессе судебном, психологии в сфере воспитательной, особенно в области социального воспитания, психологии в деле производства и труда, в особенности, при основании института труда,—все эти вопросы, конечно, стали для нас в порядок дня» [1]).

Мы нарочно привели длинную выписку, так как эти совершенно правильные наблюдения принадлежат автору только что обрисованных искажений в важнейших понятиях исторического материализма. Сама жизнь поставила в порядок дня вопрос о распространении революционной, марксистской точки зрения на новые и новые области, и, в частности, на область психологии. Но, завоевывая новые позиции, марксистская теория в руках тех, кто не усвоил, не переварил диалектического метода, опускалась, принижала свою собственную силу до уровня тех новых позиций, которыми она овладевала. Проблема психологии в теории исторического материализма поэтому превращалась на деле, об'ективно, в проблему психологической теории исторического материализма, в ликвидацию исторического материализма путем растворения его в буржуазных психологических теориях.

Но новые, усложнившиеся вопросы практической борьбы, новые, изменившиеся условия общественной жизни, толкнувшие часть наших теоретиков к психологическому «углублению» исторического материализма, облегчали проникновение мелкобуржуазной идеологии в марксизм, в сознание неустойчивых прослоек молодого рабочего поколения и другим путем. Мы имеем в виду тот факт, что очень большая прослойка нашей молодежи, учащаяся в вузах, т.-е. новая пролетарская интеллигенция, вместо попыток углубления слишком застоявшейся на абстракциях теории по пути «психологистов» выступила против самой теории. Это течение сделало лишь последний шаг по пути того отрицания исторического материализма, как теории, несводимой к буржуазной психологии, на который стали «психологисты», начиная с маленькой статьи т. Адоратского (1922) и кончая развернутыми «Проблемами социальной психологии» т. Рейснера (1926). Этот шаг заключался в изгнании и самой психологии.

В статейке т. Адоратского об «идеологии» мы читали, между прочим, следующее: «Когда приходит идеологии конец, то открывается возможность ясного теоретического мышления, сознательно относящегося к изучаемому об'екту, помнящего о том, что мысль—лишь отражение этого об'екта, и задача науки в том, чтобы это отражение возможно точнее соответствовало об'ек-

[1]) Проф. М. Рейснер, «Вестник Комм. Академии» 1923 г., кн. 3.

др. Снисходительно допускаемое здесь «ясное теоретическое мышление» было совершенно правильно понято новым идейным течением в части пролетарской учащейся молодежи, как непоследовательность мысли: и в самом деле, разве «ясное теоретическое мышление» не подчиняется в своем развитии законам образования идеологии?

Для нового идейного течения психологическое отрицание идеологии было еще недостаточно левым, недостаточно радикальным: оно пошло еще дальше и выступило против самой теории под более левым флагом отрицания всякой психологии. А так как теоретическая опора необходима даже в борьбе против теории, то место, уделяемое нашими «психологистами» психологии, заняла биология.

5. Отрицание теории.

Э. Енчмен рассматривал свою «теорию новой биологии», как «прямое и неизбежное развитие подлинного, ортодоксального марксизма». «Истинная, подлинная теория марксизма, как мы ее застаем в лучших местах лучших из великих творений Карла Маркса, в ближайшие годы выйдет на широкую дорогу теории новой биологии». Под этот барабанный бой мы и поднимем занавес над «новой биологией».

В основу теории кладется «полная научная ликвидация психологии в связи с начинающимся возрождением критического позитивизма». При этом «учение» Э. Енчмена ставило своей задачей «естественно-научное изучение социальных явлений в противоположность традиционно-психологическому» и «полное научное обобщение биологических явлений с явлениями социальными, в новой эволюционной теории исторической физиологии». Итак, «обобщенная» «историческая физиология» призвана об'единить биологию с социологией и «ликвидировать» психологию. Если «психологисты» усиленно «обследовали» «психический механизм» возникновения идеологии и устраняли всякую надобность в учении исторического материализма об идеологии, то Енчмен упразднял всякую психологию, «все духовное», ниспровергал «все идеологическое, но желал остаться на почве чистой биологии, чтобы дать «чисто-причинное об'яснение» социальных явлений, т.-е. «взаимно-физическое, естественно-научное об'яснение «физиологических реакций, соответствующих» данных социальным явлениям[1]).

Существуют только слова. «Слова—это цепи органических движений, рефлексов»[2]). Никакой психики нет. Психика—это выдумка эксплоататоров, обман народа. Слова, обозначающие психику, «все, без исключения, по своему составу обозначают пространственные явления; во-вторых, они не могут наименовать непространственных явлений, потому что об отдельных непространственных явлений невозможно существование слов; в-третьих... господствующее тысячелетиями применение всех этих слов к обозначению непространственных явлений—эксплоататорского происхождения, осуществлено идеологической агентурой эксплоататоров из корыстных целей классовой эксплоатации» (стр. 49).

[1]) Для дальнейшего см. Э. Енчмен, Теория новой биологии и марксизм, вып. 1: «Наука и труд.» Птгр. 1923.

[2]) Енчмен, Психология перед судом позитивизма, стр. 27. См. Н. Бухарин, Енчмениада, в «Атаке», стр. 148.

Все, что писалось о материальном и духовном, бытии и сознании в марксистской литературе, неприемлемо для передовых революционных рабочих. «Материальное и духовное, бытие и сознание витают перед Плехановым в пестрой эксплоататорской смеси». «Развивая наше изложение,—говорил дальше Енчмен,—разбивая старые скрижали, мы постепенно придем к пониманию того, что величайшая путаница в вопросах материального и духовного в сочинениях Плеханова, и даже Энгельса, и вообще во всех философских работах чисто эксплоататорского происхождения».

Можно ли, однако, говорить о знании, о мышлении? Что же называется знанием в таком случае по теории новой биологии? «Наше понимание процесса знания,—говорил Э. Енчмен,—совершенно не совпадает с тем смыслом, который придавался и придается этим словам во всех учениях, кроме теории новой биологии: для нас слова знание и познание означают собой только физиологические реакции без всякого участия психики, т.-е. без всякого участия непространственных явлений».

Разумеется, после этого оставалось только отвергнуть все вопросы мировоззрения, выбросить за борт и мировоззрение.

«Мировоззрение,—говорил Енчмен,—это эксплоататорская выдумка... И с наступлением эпохи пролетарской диктатуры мы против «мировоззрения». Мы за пролетарскую и грядущую коммунистическую единую систему органических движений». Вместе с мировоззрением вообще выбрасывается за борт, разумеется, и м а т е р и а л и з м. «Психология, идеализм и м а т е р и а л и з м,—говорит Енчмен,—это слова, к которым со всей справедливостью можно применять гениально смелое место из Декарта: люди часто пользуются в своих утверждениях непонятными словами, ибо полагают, что некогда их понимали или получили их от тех, кто эти слова понимал». И идеализм, и материализм—эксплоататорские выдумки. «Некое философское мировоззрение, именуемое диалектическим материализмом, будет повержено в прах, ибо благодаря биологической тренировке исчезнет необходимость в логике, отомрет знание, мышление и только физиологическая реакция хохота будет напоминать об эксплоататорском диалектическом материализме, одурачивавшем невинные головы передовых революционных рабочих». Познание, мышление, логика «свойственны только классовому обществу»; поэтому они погибнут в новом пролетарском строе, где «в то же самое время начнется, по мнению Енчмена, массовое оживление, массовые победы в организмах единой системы органических движений».

Наконец, последней задачей енчменизма являлось устранение особой науки социологии, раз не оставалось места для социальных и социально-психологических явлений. В социальных явлениях нет ничего, что не поддавалось бы биологическому анализу. Исходной позицией автора в этом вопросе являлось торжественное отмежевание от «старой», «эксплоататорской» теории социологии.

«Наука социология,—писал Э. Енчмен,—призвана изучать, по формулировке социологов, так называемые «абстрактные законы» социальной жизни, т.-е. те законы, которые должны зафиксировать специфические события социальной жизни, события, долженствующие безусловно отделить науку социологии от других наук; при этом такими специфическими явлениями социальной

жизни одни социологи (сравнительное большинство) считают появившиеся в период социальной жизни «разумные способности» человека (О. Конт, Спенсер, Гиддингс, Уорд, Кнод и др.), создавшие этику, религию и пр., отделившие его от прежнего биологического бытия; другие же социологи склонны видеть специфичность социальной жизни не только в появлении «разумных способностей», но и в других фактах социальной жизни, напр., в появлении у человека «орудий производства» (теория марксизма) и пр. [1]).

Обрисовав таким образом два направления в социологии, Енчмен обрушивался на «теорию марксизма». «Первое общее основное положение»—базис социологической методологии, именно, априорное положение об исключительной специфичности явлений социальной жизни (вне зависимости от того, какие именно явления считаются специфическими,—«разумные способности» или «орудия производства» и пр.) и полной их несводимости к понятиям других наук, напр., к биологии»,—это положение Енчмен отвергал на том основании, что оно противоречит теории идеалистов Пирсона и Риккерта.

Такова была «философия» енчменизма.

Чем об'ясняется тот факт, что это идейное, совершенно чуждое марксизму, течение находило себе горячих сторонников среди нашей рабочей и учащейся молодежи?

Чем об'ясняется тот факт, что «биологическая» критика «всего старого», всякой «абстрактной теории» не была лишь «академическим» учением в глазах нашей молодежи, а, так сказать, преломлялась психологически как руководство к практике повседневной сутолоки, бытовых отношений, морали и т. д.?

Это об'ясняется прежде всего общественно-психологическим содержанием енчменизма. Общественно-психологическое содержание енчменизма мы могли бы охарактеризовать, как крайний радикализм, критикующий «слева» старую культуру. Психологически защитники этого направления хотели быть радикальными, не скупились на «левые» фразы, выбрасывали левые лозунги, афишировали себя, как революционеров, поднявших борьбу против «консерватизма» «старого» мышления. Сама по себе «философия» Енчмена—шедевр путаницы, пересыпанной курьезными историческими экскурсами, лингвистическими упражнениями; его работы отталкивали самовлюбленным шаснчанием автора, манией величия, мессианской фантасмагорией, пророчествами,—ни эти индивидуальные черты автора, как бы выхваченные из потрясающего памфлета, ни его лингвистические и прочие упражнения не создали и не могли создать, разумеется, идейного движения вокруг «теории новой биологии». Общественно-психологические настроения, господствовавшие в то время в рабочей молодежи, ухватились за нечто другое. «Когда Енчмену нужно заманить в свою идеалистическую ловушку горячую молодежь, он старается взять ее «новым радикализмом», отрицая психику начисто»,—писал в свое время т. Бухарин [2]), и это совершенно правильно передавало ту особенность енчменизма, которая сделала его общественно-психологическим явле-

[1]) «Психология перед судом позитивизма».—Цитирую по Н. Бухарину. Енчмениада, стр. 149 (в «Атаке»), 2-е изд.

[2]) «Атака», стр. 142, 2-е изд.

нием в жизни учащейся молодежи. Это не было временем только намечающегося поворота к новой экономической политике, это было время, когда партия уже подвела политические итоги нэпа и на XIII с'езде отметила тот факт, что к соотношению двух основных классов прибавилась «некоторая дробь»—новая буржуазия, и что эта новая буржуазия делала попытки перехлестывать через установленные рамки.

Что означал енчменизм для нашей учащейся молодежи, не имевшей выдержки, закалки, не прошедшей школу классовой борьбы при капиталистическом режиме, не выстрадавшей формы борьбы и подпольной традиции? Форма, фразы, лозунги енчменизма были таковы, что горячая молодежь в левом радикализме теории, отметающей психику, усмотрела революционность, которой в ней на самом деле не было. По форме, по своим лозунгам енчменистское течение было протестом против психологического обволакивания новой буржуазией.

Если мининщина была своеобразным, «кривым», беспомощным выражением протеста против поднявшей голову буржуазной философии, то ту же самую роль—и в той же карикатурной, «неправильной», извращенной форме!—играл енчменизм в области социально-психологических настроений наших «кадров». «Психология» всегда была монополией буржуазной интеллигенции. Слова о красивой «душе» всегда скрывали темные дела. Когда грохотали пушки гражданской войны, интеллигенция затыкала уши музыкальной ватой. Она копалась в переживаниях и в линиях женского тела, открывала «миф» и «символ».

Против мелкобуржуазной стихии наиболее слабым оказался, естественно, наш молодняк. Мелкобуржуазная стихия захлестнула и проникла в щели наименее защищенного участка революционного фронта—нашего быта. И если Минин «критиковал» буржуазию, буржуазную философию путем отрицания философии вообще, то енчменисты воевали против мещанской и гнилой психологии мелкого буржуа путем отрицания всякой психологии.

Такова та форма, та оболочка, в которую рядился енчменизм, если ставить вопрос с точки зрения общественно-психологической.

Но такова была именно форма, такова была именно та «левая» маскировка, которая служила приманкой, «ловушкой для горячей молодежи» и истинный смысл, истинное содержание которой разоблачить не трудно. Енчменисты нас критиковали «слева», об'являя психику, мировоззрение и теорию эксплоататорской выдумкой. А на деле оказалось, что они сами заражены мелкобуржуазной «психикой», заражены враждебной марксизму теорией, влиянием чуждого пролетариату мировоззрения. На деле оказалось, что фразами о перерождении воспитанной на марксизме «старой гвардии» они замазывали, скрывали тот факт, что они уже «сбились на базарные идеологические продукты с подозрительным фабричным клеймом».

Как это могло случиться?

Это можно понять, если разобраться в об'ективных противоречиях данной стадии социалистического строительства. Эти противоречия партия сформулировала тогда следующим образом:

«Об'ективные противоречия данной стадии переходного периода, вытекающие из одновременного существования самых раз-

дарных хозяйственных форм, из наличности рыночных отношений, из необходимости для государственных учреждений применять капиталистические формы и методы практической работы, из необходимости опираться в этой работе на еще чуждый пролетариату персональный состав работников и т. д.,—эти об'ективные противоречия сказываются в целом ряде отрицательных тенденций, борьба с которыми должна быть поставлена в порядок дня. К числу таких тенденций относятся: резкое расхождение в материальном положении членов партии в связи с различией их функций и так называемые «излишества»; рост связи с буржуазными элементами и идеологическое влияние этих последних; ведомственное сужение кругозора, которое следует отличать от необходимой специализации, и возникающее на этой почве ослабление связи между коммунистами различных отраслей работы; опасность утери перспектив социалистического строительства в целом и мировой революции; отмеченная уже с'ездом опасность «нэповского перерождения части работников, по роду своей деятельности наиболее близко соприкасающихся с буржуазной средой; наблюдающаяся бюрократизация партийных аппаратов и возникающая отсюда угроза отрыва партии от масс» [1]). «Борьба за идеологическую чистоту партии против мелкобуржуазного и сменовеховского обволакивания является поэтому точно так же одной из очередных задач партии» [2]).

Так оценивала партия об'ективные противоречия данной стадии переходного времени.

Наименее защищенным участком на идеологическом фронте оказалась наша учащаяся молодежь. Енчменистский наскок на теорию, енчменистская борьба против «дуализма теории и практики» была выражением мелкобуржуазных махаевских настроений в части нашей учащейся молодежи, противопоставивших «молодых» «старой гвардии» и выразившихся в политике в троцкистской оппозиции 1923 года. Сейчас же после опубликования резолюции 5 декабря 1923 г. «Правда» констатировала связь между троцкистской идеей о бюрократическом «закостенении» старой гвардии и «зажиме» молодежи с идеологическим настроением Енчмена:

«Мы имели уже примеры, как оторвавшиеся от марксистской пуповины идейные течения внутри молодежи об'являли «старую гвардию» не только старой, но и устарелой и отказывали ей в выдаче енчменовских «физиологических паспортов». Для нового поколения, мол, «старые» не нужны. Иногда же слышатся голоса, которые так же презрительно отзываются о «подпольщиках», как презрительно некоторые товарищи говорят и об «аппаратчиках». Не только наша организация, наша подпольная традиция, но и наша марксистская теория некоторыми начинает считаться устаревшей» [3]).

Существовал, как известно, и особый перевод философии енчменистов на политический язык. Это—статья 7 авторов под заглавием: «Так ли мы поняли?»

Что же писали «енчменисты» в этом произведении?

---

[1]) Из резолюции о внутрипартийном строительстве, принятой 5 декабря 1923 г. Политбюро ЦК и Президиума ЦКК.

[2]) Там же.

[3]) «Правда», 14 декабря 1923 г. Передовая.

«Нельзя уже через меру фетишизировать «стариков» по целому ряду причин»,—писали авторы статьи [1]). Во-первых, «значительная часть этого слоя выходит в инвалиды и в ближайшие 2—3 года вряд ли будет годна»; во-вторых, «именно в этом слое больший процент выходцев из интеллигенции, а следовательно, и больший процент с остатками добуржуазной культуры (чинопочитание, взирание на лиц, авторитетность и т. д.)»; в-третьих, «именно в значительной части этого слоя сохранились пережитки реакционного эксплоататорского дуализма теории и практики»; в-четвертых, «именно этот слой дает элементы с налетом либерализма, меценатства и т. д.); и, в-пятых, «значительный процент этого слоя по сравнению с другими консервируется в переживаниях и связях своей молодости, консервативно воспринимая всякие новшества»... Что касается молодежи, то этот слой, по словам авторов статьи, «меньше всего разложен реакционным дуализмом теории и практики и более всего годен для предстоящих задач действительного обновления аппарата пролетарской диктатуры».

Вот что оказалось на деле.

Стоявшая на перепутьи, не имевшая опыта классовой борьбы, закалки, выдержки, боровшаяся на фронте учебы в обстановке усложнившейся благодаря своевременно учтенным в резолюции 5 декабря об'ективным противоречиям нашего развития, учащаяся молодежь не устояла против идеологического обволакивания, не оказала достаточного сопротивления опасности буржуазного перерождения, подалась в сторону от революционного марксизма. То, что писал о молодежи т. Н. И. Бухарин в своей брошюре об «Енчмепиаде», и то, что потом было вновь заявлено в статье ЦО партии: «Долой фракционность», было совершенно правильно.

«Наша молодежь,—читаем мы там,—стоит на рубеже. Она—новые люди, с новыми психологическими и физиологическими чертами, нужными для эпохи. Но функциональная роль этой молодежи, или, вернее, ее известной части, будет зависеть от всей судьбы нашей революции... Как же может переходить одна перспектива в другую, если рассматривать этот процесс с точки зрения общественно-психологической? Очень просто. Жажда творческой самодеятельности может превратиться в индивидуализм. Желание развивать дальше (вполне законное) марксистскую теорию—в отказ от марксизма. Жажда нового, энтузиазм может надеть на себя религиозную оболочку (здесь есть тысячи ступенек). Желание «все понять и все постигнуть»—в вульгарное упростительство».

Таковы общественно-психологические и политические предпосылки енчменизма. Енчменизм быстро отцвел, не оставив следа, именно потому, что исчезли эти социально-политические предпосылки 1923 года, именно потому, что практика последующей борьбы доказала ошибочность оппозиции 1923 г.

Обратимся теперь к вопросу о том, какое место заняла идейная борьба против енчменизма в развитии марксистской философии.

В борьбе с енчменизмом диалектический материализм завоевал, развил и углубил ту мысль, что теория, разработка теории, защита теории является первостепенной важности задачей

---

[1]) См. о ней ст. А. Бубнова, «Правда» от 15 янв. 1924 г.

не только в марксизме, но и во всех отраслях знания. А ведь это был период, пережитки которого иной раз еще хватают нас в той или иной отрасли и который—не без основания—не любят вспоминать. Совсем недавно о нем напомнил т. М. Покровский и напомнил так кстати, что не лишне привести его слова:

«...Необходима теоретическая разработка... сырого материала. Тут приходится бороться с некоторой «аберрацией», весьма, к сожалению, распространенной в наших кругах. Науку расценивают у нас иной раз с точки зрения ее непосредственной практической полезности. Одно время—к счастью, время прошлое—этот «практический» уклон в наших школьных программах свирепствовал: зоологию изучали исключительно на предмет успешного разведения свиней, ботанику—на предмет улучшения урожаев, а историю Октябрьской революции можно было и вовсе не изучать, поскольку это дело прошлое, а из летошнего снега шубы себе не сошьешь. Мы, конечно, берем самые крайние уродства линии—на резких случаях она виднее: если бы она вся состояла из таких резких случаев, она не продержалась бы в нашей среде и месяца. А она держалась годами,—и отзвуки ее слышатся до сих пор... Так как это говорили настоящие практики, и притом первоДо разрядные, то приходилось слушать и слушаться»[1]).

Енчменизм служил философской отдушиной для подобного тупого практицизма. И сами «практики» заметили мелкобуржуазную сущность своей узости,—узости «практицизма», только тогда, когда этот практицизм, это безыдейное наплевательское отношение к теории вообще получили кривое, «идеологическое», уродливое вырожденческое отражение в философии енчменизма.

Диалектический материализм вырос и окреп в борьбе с этим наплевизмом в вопросах теории. Енчменизм был своего рода саморазоблачением тупого практицизма, и те товарищи, которые обрушивались на енчменизм, но в то же время не прочь были погоревать над «засилием теорий», над «схоластикой», над «чрезмерной философичностью», над «ненужным балластом истории материализма в комвузах»,—а таких товарищей было гораздо больше, чем теперь думают,—даже эти товарищи должны были отвернуться от недавно еще ими же пропагандируемого беспросветного «практицизма». И если политический урок енчменизма состоял в том, что из абсолютно верных положений, как-то: «молодежь чутка, ее нельзя взять опекой, ее нельзя завоевать нажимом, молодежь нельзя воспитывать в духе зубрежки и казенщины, молодежь нельзя учить одной школой»—что из этих абсолютно верных положений вовсе не вытекала ненужность руководства со стороны старших или более опытных,—так и философским уроком «енчмениады» явилось признание руководящей роли марксистской теории, как руководства для действия. А дальнейшим выводом из этого философского урока явилась борьба за углубленное изучение нашей теории, борьба за правильную постановку вопросов этого изучения, борьба за идейное оживление марксистской мысли, борьба за распространение философского образования, за изучение материалистической диалектики. Общественно-психологическая грань нового этапа нашего философского развития проходит через отмирание енчменистских настроений. Лите-

---

[1]) «Вестн. Комм. Академии» 1927, кн. 22, стр. 7.

ратурно-теоретически последним произведением старого этапа явилась брошюра т. Н. И. Бухарина, раздавившая енчмениаду, как идеологическое построение, а первым произведением, наметившим линии нового этапа, явились статьи тов. А. М. Деборина: «Маркс и Гегель».

Старая форма ревизионизма начала с идеалистического превознесения идеологии, как организующего фактора общественного развития (богдановщина), т.-е. ошибкой, которая была устранена путем преодоления «левой» критики философии (мининщина),—продолжалась в «левом» разоблачении идеологии, как ненаучного, извращенного мышления,—т.-е. в ошибке, которая была устранена путем беспощадной борьбы против фрейдистски-психологического толкования теории марксизма об идеологии, и, наконец, исчерпала себя, как отрицание не той или иной, в том числе и марксистской, теории, а теории вообще. Таким путем философская теория завоевала право на существование.

Отсюда—трудности нового этапа нашего философского развития, как трудности самой теории. Отсюда и новая форма ревизионизма на новом этапе, как показатель новых трудностей.

Отсюда, наконец, и эта чрезвычайно характерная для новой формы ревизионизма черта, что последний ныне выступает не по тому или иному определенному, частному вопросу нашего мировоззрения, а по всем вопросам, по всему фронту нашего мировоззрения, нашей логики, нашей этики, нашей теории знания и диалектики, по всем боевым вопросам марксизма.

Но об этом в следующей главе.

Октябрьская революция и исторический материализм.

(Заметки к десятилетию).

Ник. Карев.

Для того, чтобы увидеть снежную вершину в горах, надо либо отойти от нее на значительное расстояние, так, чтобы ближние холмы не закрывали дальних высот, либо самому подняться на значительную высоту. Поэтому же так трудно охватить размах и значение величайшей в истории человечества революции, подымаясь с одного ее перевала на другой, в годы, когда эта революция совершается, когда довлеет дневи злоба его. Пройдут десятки лет, частное, мелкое, то, что отдельным участникам революции подчас закрывает перспективу, отойдет на задний план, подчинится общему, и вершины будут открыты всем. Некоторые итоги, однако, мы можем подвести уже сейчас, записать если далеко не все—то, по крайней мере, часть того, что завоевано.

Одной из отличительнейших черт Октябрьской революции является то, что она проходит под знаменем марксизма. В то время, как все предшествующие восстания угнетенных классов развивались стихийно, не освещаемые ясным сознанием условий и путей их освобождения, первую свою победоносную революцию пролетариат творит, руководясь светом истинной общественной теории. Ленин особенно подчеркивал значение правильного понимания отношения между стихийностью и сознательностью в рабочем движении. Без революционной теории не может быть победоносного революционного движения пролетариата. Не может быть потому, что только революционная теория позволяет самым широким массам рабочих осознать свое положение в обществе, возвышает их от борьбы за отдельные, частичные требования до общеклассовой, общенациональной, международной борьбы за социализм. Не может быть потому, что без революционной теории в классовой борьбе пролетариата невозможна победоносная стратегия. Марксизм, в его применении к изучению общественных явлений—исторический материализм, есть не только методология изучения прошлого, понимания настоящего, но и—на основе этого понимания—методология политического действия пролетариата, изменения настоящего, разрушения старого, строительства будущего.

Поэтому, если марксизм, исторический материализм в частности, служил величайшим орудием в руках борющегося класса, прожектором, при помощи которого он освещал себе путь, раскрывал врагов, нащупывал опасности, то и революция являлась величайшей проверкой марксизма, самым суровым и беспощадным критиком, так как ее приговоры над ложными теориями и фальшивыми пророчествами были быстры и

убийственны для ошибающихся. Если и в предреволюционную эпоху каждый шаг общественного развития подтверждал истинность марксизма в глазах тех, кто не был ослеплен господствующими классами и не находился в плену мелкобуржуазной дикости и ограниченности, то насколько же показательнее опыт открытой классовой борьбы миллионов в революционный период, с неслыханным темпом событий, с калейдоскопической сменой лозунгов, партий и лиц!

Куда девались патентованные социологи, представители официальной профессорской премудрости, авторы толстенных исследований о природе общественных отношений? Их бесследно смыло революционной волной. Взвешенные на ее весах они сказались слишком легкими. И даже среди врагов способными хоть что-нибудь понимать в происходящем оказывались лишь те, которые так или иначе, пусть невольно, становились на почву классового анализа действительности. Ибо ключом к разгадке всех социальных проблем и тайн нашего времени является борьба за эмансипацию и победу пролетариата.

Марксизму учились все.

Пусть глупцы разных рангов и направлений зубоскалят по поводу нашей политграмоты, пусть в ней было много упрощений и нескладиц, пусть слишком часто чистое золото Маркса, Энгельса и Ленина разменивалось на медную монету переложений и хрестоматий,—ею было совершено великое историческое дело приобщения миллионов людей отсталой страны к выводам высшего достижения современной культуры, она воспитывала самое высокое в людях нашей эпохи—их классовое самосознание и сознание всемирно-исторической роли пролетариата.

Как в свое время гегельянство было официальной философией прусской монархии, и Гегель гордился тем, что его теория—не беспредметное умствование, а государственное дело, также и в наше время марксизм стал официальной философией пролетарского государства. И мы с тем большим правом можем гордиться этим, так как марксизм—знамя самого передового государства нашего времени, государства, которое ставит своей целью уничтожение всякого государства и угнетения!

Правда, ничто хорошее не обходится без некоторой доли зла. Господствующая роль марксизма в советском государстве, развивающемся в условиях самых сложных взаимоотношений классов, ведет к своего рода социальной мимикрии, когда люди и течения, в лучшем случае далекие от марксизма, а подчас, по сути дела, прямо ему враждебные, облекаются в псевдо-марксистские одежды и бряцают, сознательно или бессознательно, еще или уже чуждыми им словами.

Но и это—свидетельство силы и успехов марксизма, свидетельство того, что вся наша эпоха стоит под знаком марксизма.

* * *

Исторический материализм от буржуазной общественной науки, буржуазной социологии отличают три черты: дефетишизация общественных институтов и форм, материалистическое понимание общественного отношения и историческая точка зрения на все явления действительности.

Те формы и учреждения, которые буржуазная и мелкобуржуазная мысль рисует как неизменные, от века существующие, установленные всевышним или коренящиеся в самой природе вещей, марксист рассматривает как порождения общественной жизни людей и притом на определенной ступени их развития. Все тайны и мистерии находят себе об'яснение в человеческой практике и способах понимания этой практики. Государство, правовые нормы, моральные заповеди—не самостоятельные существа, независимые от человека, которым он должен поклоняться, а результаты и формы его общественной трудовой деятельности, изменяющиеся и преходящие. Дух, их животворящий, есть исторически развивающаяся общественная жизнь людей.

Одним из величайших завоеваний революции является то, что почти мимоходом, следуя своему марксистскому знамени, она разоблачила историческую и общественную обусловленность этих фетишей в сознании миллионов.

Государство—этот полубог, якобы возвышающийся над классами и лицами, потеряло свой небесный ореол. Крепостническое государство, в преклонении перед которым воспитывалось веками сознание масс, рушилось, обнажая кучку руководивших им мошенников и развратников, выражавших интересы оголтелых помещиков. Керенщина, воплями о спасении государства прикрывавшая контрреволюцию, демонстрировала фальшивость буржуазной демократии. Старая государственная машина была сломана, идол разбит на куски, и миллионы убедились в том, что за ним не скрывалось ничего сверхчеловеческого. Создается новое пролетарское государство,—но оно сознательно превозглашает себя лишь орудием класса, лишь средством, а не целью. Цель—гармоническое общество, социализм. Диктатура лишь средство для осуществления социализма и оправдывается лишь поскольку достигается эта цель, поскольку мы движемся по пути к этой цели.

Нормы права, законы изменяются на глазах у всех, каждый трудящийся участвует в их создании, на глазах у всех они постепенно нащупывают форму, соответствующую изменившемуся общественному бытию, изменившемуся отношению между классами. Моральные заповеди теряют свой отвлеченный образ, и в них отчетливо проступает интерес класса. Все формы, созданные разделенным на классы человечеством, служившие до сих пор одновременно и средством сковывания угнетенных и выражением их приниженности, теряют свой якобы вневременный и надклассовый характер и сознаются в их *служебной* роли. «Государство есть особая дубинка—и ничего больше»,—пишет Ленин. Рождается новый, свободный от какого бы то ни было фетишизма, человек. На смену фетишам устанавливаются интересы коллектива, класса, человечества, в их истинном и непосредственном, а не извращенном и отчужденном, говоря словами молодого Маркса, виде.

Место призраков занимают живые люди и их борьба. Место служения потусторонним и потому ложным, опустошающим человека, принципам заменяет служение живому и развивающемуся целому, передовому классу, представляющему будущее человечества.

* * *

Материалистическое понимание общественных явлений заключается в том, что общественное отношение берется не в его внешнем, поверхностном проявлении, не как только психическое

взаимодействие двух или нескольких суб'ектов, а как необходимо коренящееся в условиях их трудовой деятельности, производства и воспроизводстве их материальной жизни. Поэтому развитие производительных сил общества, этого живого, органического единства орудий труда и приложенной к ним рабочей силы, составляет основную движущую пружину исторического процесса. Но следует различать при этом диалектико-материалистическое и вульгарно-материалистическое, если его так можно назвать, переходящее естественно в идеализм, понимания истории. В производительных силах вульгарный материализм видит лишь бросающийся в глаза «грубо-материальный» момент техники, не замечая, что орудие труда представляет уже само по себе единство с у б ' е к т а и об'екта, ч е л о в е к а и природы; изучая какое-либо общественное явление, вульгарный материалист берет его метафизически, в его изолированности от других, вне в з а и м о д е й с т в и я со всеми остальными д о с т и г н у т ы м и уже, хотя бы и в другом месте, формами общественной жизни. И если буржуазные социологи, скользя по поверхности событий, видят в Октябрьской революции лишь «героев» и «толпу», массовый психоз, «обнаружение коренящегося в глубинах русского духа мессианизма» и прочие благо- и скверноглупости, то марксиствующие меньшевики с другого конца приходят к тому же, превозглашая невозможность социалистической революции в отсталой стране и потому называя Октябрь—революцией деклассированных.

Решающего в марксизме они не замечают,—говорил Ленин,—его революционной диалектики. И эти слова имеют глубочайший смысл именно в применении к характеристике революции.

Конечно, если бы кто-либо сказал, что социализм не имеет никакой предистории в недрах капитализма, что социалистическая революция как бы из ничего создает свои формы, стирая одним махом все различия между передовой-капиталистической, отсталой-капиталистической и докапиталистической странами,—то это было бы так же далеко от марксизма, как от допотопной лучины, при которой все кошки серы, до тысячесвечевой лампочки. Для того, чтобы осуществилась пролетарская революция, необходимо, чтобы из массы мелких производителей выделился пролетариат, организовался в класс, создал свою партию, чтобы в рамках капиталистического развития создались те высокие формы обобществления труда, которые составляют предпосылку оформления пролетариата, как класса, и исходный пункт социалистического строительства. Но после как м и р о в о й капитализм в империалистическую фазу его развития в основных и решающих пунктах созрел для социализма, является педантством, узколобой ограниченностью, полагать, что даже в отсталой капиталистической стране, опираясь на опыт, сочувствие и поддержку международного пролетариата, на созданную уже в э т о й стране классовую организацию пролетариат, невозможна социалистическая революция. Она в о з м о ж н а, и опыт 10 лет говорит в этом отношении не против Октября, не против исторического материализма, а лишь против вульгарного «исторического материализма» Данов и Абрамовичей.

Техника и рабочая сила, производительные силы и производственные отношения находятся не во внешнем, механическом отношении друг другу, одно—причина, а другое—следствие,—они **в з а и м о д е й с т в у ю т.**

Голая техника, без охватывающего ее огня труда, не есть действительная производительная сила данного общества. Замороженные фабрики, станки, для которых нет рабочей силы соответствующей квалификации, мертвы, они лишь потенциальные производительные силы. Это не значит, что их можно просто сбросить со счетов для какого-либо периода. Но и ожить они могут лишь в соединении с соответствущей рабочей силой. Сам рабочий класс есть важнейшая производительная сила. Яснее чем когда бы то ни было это в эпоху революции. Понятно поэтому, что и положение класса, его место в общественном целом являются также существенным моментом в характеристике возможностей общественного развития.

Наконец, между базисом и надстройками, экономическим содержанием и государственной и правовой оболочкой нет также лишь односторонней, механической зависимости. Государственные и правовые формы не создаются по своему произволу законодателями и не возникают как следствие фантазирования идеологов. Общественное сознание не создает из самого себя ничего нового, и его содержание является лишь отражением и комбинированием наличного в общественном бытии, наличного пока хотя бы лишь в виде тенденции. Но если каждая новая форма общества, каждая новая общественно-экономическая формация возникает как результат имманентного диалектического развития производительных сил и производственных отношений, то это вовсе не значит, что надстройки и различные формы общественного сознания в этом процессе не играют никакой роли. Будучи результатом, целиком обусловленными изменениями, происходящими в базисе, основании общественной жизни, раз возникнув, данная надстройка в свою очередь способствует развертыванию определенного, ее породившего и обусловившего, типа производственных отношений, разрушая и тормозя развитие других. Она в свою очередь играет активную роль, оказываясь в руках класса, представителя новой общественно-экономической формации, орудием переделки общества, всех его сторон, самых старых производственных отношений. Так пролетарское государство, являясь результатом всей предшествующей истории развития капитализма, классовой борьбы пролетариата, оказывается в свою очередь могучим орудием переформирования отживающих отношений, отсталых способов производства, отмирающего быта. Оно способствует одним, задерживает, разрушает другие формы. Не нужно обладать большой проницательностью для того, чтобы видеть, что все это оно не создает из ничего, а лишь замедляет, постепенно видоизменяет или ускоряет темп движения того, что уже есть, существующих уже хозяйственных форм. При этом мощь пролетарского государства в огромной степени усиливается тем, что оно, являясь государством рабочего класса, непосредственно опирается на обобществленный сектор хозяйства, включающий в себя важнейшие отрасли индустрии. Таким образом и здесь исторический материализм подтверждается всем опытом революции, но не в его вульгарном. а в его единственно-истинном диалектическом понимании.

Опыт нэпа—блестящий тому пример. Ленинский «Продналог» может быть и образцом и в то же время подтверждением диалектико-материалистического понимания истории. В нем вскрыто своеобразие экономического строя нашей отсталой страны, необхо-

димость в социалистическом переустройстве общества исходит из наличных, действительных отношений, и вместе с тем указаны пути способствования такому взаимодействию различных хозяйственных укладов, которое вело бы в сторону высшего из них. Этот экономический анализ обусловливает политический анализ, правильная же политика в свою очередь составляет необходимое составное звено прогрессивного экономического развития.

Так, применяясь в ходе революции, исторический материализм не только оттачивает оружие ее, но и оттачивается сам.

* * *

Исторический материализм есть теория классовой борьбы. Марксизм от реформизма отличается тем, что, в то время как реформизм исходит из примирения классов, марксизм исходит из их борьбы. Это остается верным и для переходного периода от капитализма к социализму, для эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы, только в новых формах. На этом положении покоится марксизм, и малейшее отклонение в этом пункте есть измена марксизму.

Историческая действительность классового общества представляет собою в известном смысле своеобразный маскарад. Ни один класс, кроме пролетариата, не выступает добровольно с открытым лицом в классовой борьбе. Каких только масок, каких рож, каких только партий и лозунгов нет! Разве бесконечный звон о демократии на страницах желтых газет не является резонансом звона серебренников в карманах их редакторов и разве фашист Муссолини не клянется именем революции? [1]). Величайшая заслуга марксизма состоит в том, что он учит отличать, что человек или группа говорят или даже думают сами по себе—от того, чем являются они на самом деле. Классовая природа теорий и групп определяется не их фразами и уверениями, а политическим действием, отношением к основным и решающим вопросам классовой борьбы. Срывая маски с врагов, вскрывая классовую сущность явлений, марксизм указывает массам рабочего класса путь к самостоятельному политическому действию, закаляет их классовое самосознание.

После 10 лет революции теория классовой борьбы не нуждается более в доказательствах. Когда Ленин назвал Устрялова идеологом нэповской буржуазии, Устрялов писал, что Ленин «упрощает» явления в духе «марксистской стилизации». Но эта «стилизация» ныне составляет стиль эпохи, и только, кажется, самые безнадежные идиоты, даже в лагере врагов марксизма, про себя, по крайней мере, не сознают, что это единственный стиль, которым можно верно описать действительность.

---

[1]) В одном из последних номеров венской газеты «Нейе Фрайе Прессе» появилась статья Муссолини, посвященная 5-летию фашистской «революции», в которой он изо всех сил стремится доказать, что фашизм есть «настоящая революция». Это должно, по мнению Муссолини, подтвердить то обстоятельство, что число убитых во время фашистской революции было больше, чем при взятии Бастилии. Но если исходить из этого критерия, то несомненно Николай Николаевич, Гинденбург и Фош являются крупнейшими революционерами нашей эпохи!

Теория классовой борьбы усвоена миллионами, испытана миллионами, и это—величайшее из завоеваний революции, опыт, который не забывается. Классы жили, боролись, развивались и распадались, как органические целостности, вместе с изменением их судеб в системе общественного производства. Нужны ли лучшие подтверждения материалистической, производственной теории классов?

Новая проблема, выдвинутая революцией, есть проблема форм классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата. В широкораспространенном ныне определении класса, данном Лениным [1], до сих пор очень мало подчеркивали заключенный в нем исторический момент. Для каждой общественно-экономической формации существуют свои основные классы, воспроизводимые ходом развития данного общества. Для переходного периода от капитализма к социализму, строго говоря, существует лишь один основной класс—пролетариат, который, уничтожая и перерабатывая все остальные классы, перерабатывает и уничтожает самого себя, как пролетариат. Но это вовсе не значит, что и вообще существует в переходном обществе только один класс. В «исторически определенной» для переходного времени системе производственных отношений сохраняются и частично воспроизводятся и другие, оставшиеся от прежних общественно-экономических формаций, классы. Их судьба, пути развития определяются общей динамикой борьбы капиталистических и социалистических элементов переходного общества. Отношение к ним пролетариата есть отношение классовой борьбы, формы этой борьбы меняются и различны по отношению к различным классам. В эти формы входят, на ряду с насилием, и такие формы, как убеждение, пример, помощь в переходе к новому типу хозяйства.

Не даром Ленин говорил, что диктатура пролетариата есть «не только насилие, и. даже не главным образом насилие». Но изменение форм борьбы не есть отмена самой борьбы, отмена значимости теории классовой борьбы для нашего времени. Наоборот, чем сложнее и более замаскированы формы борьбы—тем важнее видеть их истинный смысл. Теория классовой борьбы и в данном случае оказывается единственным верным проводником политического действия.

Что же стоят после опыта революции все писания врагов марксизма об узости его классовой точки зрения?

* * *

В то время как буржуазная социология исходит из взаимодействия абстрактных индивидов и конструирует вследствие этого универсальные схемы, долженствующие составить науку об обществе вообще, независимо от того, на какой ступени развития оно находится,—марксизм под обществом понимает совокупность

---

[1]) В «Великом почине»: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически (курсив наш. *Н. К.*) определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают». (Собр. соч., т. XVI, стр. 249).

производственных отношений, при том всегда на определенном этапе исторического процесса. Марксизм знает лишь одну науку—науку истории,—писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». Исторический материализм без истории пуст, история без исторического материализма—слепа. Именно вследствие своего историзма марксизм всякую общественную форму рассматривает не в ее статике, а в ее развитии, ищет закон ее движения. Он не дает готовых схем, вечных законов и неизменных рецептов, а абстрагируя те формы, в которых протекает реальный исторический процесс, устанавливает их взаимообусловленность и тем самым указывает путь конкретного изучения предмета. Это методологическое понимание смысла исторического материализма отвечает его революционной сущности и находит себе блестящее подтверждение именно в революционную эпоху. Старые формы частью уничтожаются, частью наполняются новым содержанием, создается новое, старое отмирает.

Исторический материализм оказывается единственным методом изучения трансформации общественных форм переходного времени. Диалектика учит, что во взаимоотношении формы и содержания движущим началом является изменение содержания предмета. Но новое содержание, появляющееся в недрах старой формы, не есть нечто равнодушное к форме, а в самом себе носит зародыш соответствующей ему формы. Однако новая форма никогда не появляется сразу в готовом виде. Содержание формируется и процесс его оформления есть вместе с тем процесс ломки, отмирания старых форм. Форма в свою очередь не есть нечто равнодушное к содержанию, нет абсолютно бессодержательных форм, как и нет абсолютно бесформенного содержания; форма активно воздействует на содержание, будучи его производной, оформляет его.

Поэтому только диалектико-материалистический анализ оказывается в состоянии вскрыть законы развития, процесс смены категорий и форм переходной эпохи.

Так, старые категории марксовой политической экономии по видимости сохраняют свое значение в переходный период, поскольку богатство современного нам советского общества также проявляется в форме товаров, поступающих на рынок. Но по отношению к обобществленному хозяйству содержание, выражаемое в этих категориях, принципиально иное, и это новое содержание вступает в противоречие со старой формой, требует соответствующей себе формы, создает для нее предпосылки. Вместе с тем старые формы находят себе почву в необобществленном секторе хозяйства, питаются рыночными отношениями; через них находит себе выражение влияние необобществленного сектора на обобществленный и обратно—обобществленного, облаченного в эти формы, на необобществленный. В единстве таким образом скрываются противоречия, но это не внешние, механические противоречия двух противоположно направленных сил, а внутренние противоречия формы, диалектически превращающейся в свою противоположность.

С другой стороны, нельзя внешне же представлять отношение между старой и новой культурой. Культурой определенной общественно-экономической формации, вообще говоря, можно назвать совокупность знаний и навыков, добытых человечеством в его трудовой деятельности на данной ступени его развития. Тип и

об'ем культуры зависит от характера преобладающего в данную эпоху способа производства и неизбежно поэтому носит на себе печать господствующего класса.

Так из старого рождается новое, со следами прошлого, частью лением лично свободного и способного к производительному труду в условиях машинного производства рабочего, несет с собой элементарную грамотность. Вместе с обобществлением производства и созданием предпосылок для нового социалистического способа производства растут элементы новой культуры, сменяющей старую, требующей не только грамотного, а политехнически образованного работника. Естественно, что новая культура не может быть голым отрицанием старой, а, отметая ее классовую форму и обусловленную ею часть содержания, она «снимает» старую культуру, т.-е. имеет своей предпосылкой достигнутый уже капитализмом уровень истинных знаний и позволяющих господствовать над природой навыков.

Исторический материализм должен помочь вскрыть во всех этих сложных, переходных формах закон их противоречивого развития, обнаружить обусловливающие их отношения между классами, уловить возникновение нового.

Он, не знающий ничего вневременного и надисторического, один лишь в состоянии внести свет в то, что на наших глазах изменяется, проходит и переходит в иное.

Так из старого рождается новое; со следами прошлого, частью с остатками старого содержания в новом, частью с новым в старой форме. Но революционный акт рождения уже совершился, образ нового мира налицо, он побеждает врагов, освобождается от шлака и грязи прошлого, творится в классовой борьбе пролетариата.

Исторический материализм направляет руку борющегося за социализм класса. В этом—величайшее торжество и подтверждение исторического материализма.

Октябрьская революция и методология права.

(Некоторые итоги к 10-летней годовщине).

И. Разумовский.

> Развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой и т. д.,— все это есть одна из основных задач борьбы за социальную революцию...
>
> Ленин.

I.

Подводя итоги теоретическим достижениям марксизма за истекшее десятилетие, с особым удовлетворением приходится останавливаться на тех областях, которые перед Октябрем представляли собою в полном смысле слова непочатую марксистским плугом целину. И, в первую голову, это касается, конечно, юриспруденции: как сферы охватываемых ею конкретных правовых явлений, так и самой методологии изучения права.

Лицам «непосвященным»,—а таковыми—увы!—и по сей день остается огромное большинство марксистов, прекрасно ориентирующихся во всех прочих философских и экономических вопросах— последнее замечание может показаться некоторым преувеличением. Они приведут на память не только целый ряд положений, имеющихся еще у Маркса и у Энгельса и говорящих о государстве и праве. Но они сошлются, кроме того, на известные статьи П. Лафарга, на отдельные замечания, которые не трудно отыскать у Плеханова и у Каутского. Далее память начнет им изменять: едва ли решатся они упомянуть об «юридическом социалисте» К. Реннере и его пресловутых «социальных функциях права» [1]... Да что уж Реннер, когда неубедительным оказывается и прочий пантеон заслуженных марксистских имен! Слишком красноречиво говорит об этом крутой поворот к кантианству, который так легко проделал Плеханов,—а вслед за ним и Л. И. Аксельрод,—в вопросе о «простых истинах права и нравственности» [2]).

Почему в указанный период и не могла создаться марксистская методология права, понять не трудно. Марксисты, типа Лафарга и Плеханова, ведя борьбу с юридическим социализмом, штаммлерианством и струвизмом, правда, делали попытки рассматривать право, как социально-историческое, изменяющееся вме-

---

[1]) И. Карнер, Социальные функции правовых институтов.

[2]) Характерно, что это методологическое отступничество Плеханова и Аксельрод получило уже кантианскую этикетку (не с порицанием, а с похвалой, разумеется!) и в социал-демократическом освещении. См. статью Max Werner, «Der Sowjet-Marxismus»,—«Gesellschaft», Juli 1927.

стей с общественными условиями, явление. Однако в лучшем случае они не шли далее классового анализа юридических норм. Специфическая социальная природа юридической формы и истинный характер взаимоотношений ее с экономикой оставались вне поля их внимания. Неотчетливо представлялась им поэтому и связь права с государством. Марксисты видели в праве лишь законы, «нормы», устанавливаемые государственной властью того или иного класса. Но они и не задумывались под вопросом, по какому же качественно-специфическому признаку и те, и другие, и третьи «нормы» оказывались именно «правом»? Вопрос о формальных особенностях права, о пределах его использования, в качестве орудия борьбы и строительства, в тот период пролетариатом еще не ставился практически. Только пролетарская революция, создавая предпосылки для будущего отмирания правовой формы, обнажила и выдвинула на первый план и все ее специфические особенности. Только воскрешенная и развитая Лениным марксова теория государства сделала возможным создание марксистской теории права.

Переворот, произведенный появлением «Государства и революции» в сфере государственно-правового мышления, был гораздо значительнее, чем это могло показаться сразу. Поднятая им волна всколыхнула не только стоячее болото буржуазного государственно-правового идеализма. С неменьшей силой был нанесен этой замечательной книгой удар юридическому фетишизму и юридическому кретинизму международной социал-демократии. Но, осмеяв ее «суеверное почтение» к буржуазному государству, заклеймив все лицемерие формальной демократии, Ленин, как известно, отнюдь не склонен становиться на стезю голого отрицания политико-юридических форм. Глубина его диалектического воззрения сказалась в постановке им вопроса об экономических основах отмирания государства и права, о тех изменениях, которые претерпевает после революции последовательно проведенная до конца демократия.

Проводя резкую грань между буржуазной и пролетарской демократией, Ленин устанавливает особые черты этой последней, как переходного этапа—с политико-правовой стороны—от капитализма к коммунизму. Глубокое отличие пролетарской демократии от буржуазно-демократического государства, как известно, совершенно пропадает для «юридически мыслящих» Каутских, Куновых и Реннеров. И сейчас они предпочитают говорить о демократии «вообще», о той «чистой» демократии, при коей классовая борьба мыслится только в формах правотворчества, где «общая воля», пресловутая «volonté générale» и завоевание власти путем «большинства» достигаются самым мирным и эволюционным путем—в процессе парламентской борьбы партий [1]). Всячески отгоняют они простую мысль, что диктатура класса «обязательно означает уничтожение (или существеннейшее ограничение, что тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура» [2]). Попытка наиболее «левых» социал-демократов, типа Макса Адлера, только заикнуться о специфи-

[1]) См. хотя бы одну из последних статей К. Реннера, «Der Streit um die Demokratie»,—«Die Gesellschaft», Januar 1927.

[2]) Ленин, т. XV, стр. 450.

ческих особенностях пролетарской демократии вызывает тотчас со стороны прочих самый резкий отпор [1]).

Между тем пролетарская демократия отнюдь не означает только дальнейшего эволюционного, чисто «количественного» развития демократии, только расширения буржуазной демократии—как это мыслят себе социал-демократы. «Вместе с громадным расширением демократизма, впервые становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд из'ятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплоататорам, капиталистам... Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т.-е. исключение из демократии, эксплоататоров, угнетателей народа,—вот каково видоизменение демократии при переходе от капитализма к коммунизму» [2]).

Одновременно, для самих трудящихся, это «видоизменение» связано с таким доведением демократии до ее логического конца, при котором демократия по форме переходит в демократию по содержанию. Напр., характерные для буржуазного парламентаризма особые функции государственной службы теряют свой характер особых функций. Мы приходим «к той интересной грани, где последовательная демократия, с одной стороны, превращается в социализм, а с другой стороны, где она требует социализма» [3])...

Пролетарская демократия—это демократия, но демократия настолько последовательная, настолько «до конца» развитая, что она начинает превращаться в социализм, что «форма» начинает «переходить» в новое социальное «содержание». Исторически неизбежна, исторически необходима все более насыщающаяся конкретным социальным содержанием политико-юридическая переходная форма, в которой происходит и развитие, и отмирание диктатуры пролетариата, в которой осуществляется преодоление всяких юридических форм. Такова одна из интереснейших, не всегда достаточно отмечаемых мыслей Ленина. «Развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой и т. д., все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать ее преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории» [4])...

Необходимости известного «сохранения»,—при всем их «отрицании» и существенном «видоизменении»—политико-юридической формы демократии (а, стало быть, и категорий «равенства», «справедливости», «суб'екта права» и т. д.), необходимости изживать названные формы через посредство их последовательного «доведения до конца», путем «перехода» их в материальное содержание, Ленин дает глубокое экономическое обоснование. Он рассматривает всякое право, как «применение одинакового масштаба к

---

[1]) См. полемику между Максом и Фридрихом Адлерами в «Kampf» за 1926 г. (M. Adler, Zur Diskussion des Parteiprogramms—№ 11; Fr. Adler, Unvollkommenheiten des Programmentwurfes—№ 11).

[2]) Разрядка Ленина: «Государство и революция», т. XIV, ч. 2, стр. 369.

[3]) Там же, стр. 360.

[4]) Там же, стр. 361.

различным людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу», как, по сущности, по своему содержанию «нарушение равенства и несправедливости», Ленин устанавливает этапы отмирания этого «неравенства по существу», экономического неравенства. В своем развитии коммунистическое общество «вынуждено сначала уничтожить только ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами»: оно «не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)». Таким образом, вплоть до первой фазы коммунизма «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота», т.-е. лишь как различие во владении средствами производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку — и лишь постольку—«буржуазное право» отпадает. Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества». Утопизмом было бы думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не даст сразу. А других норм, кроме «буржуазного права», нет» [1]...

Лишь на высшей стадии коммунизма развитие производительных сил и достигнутая привычка работать добровольно, «по способностям», позволяет окончательно преодолеть узкий горизонт буржуазного права. До тех пор—в течение всего периода социалистического строительства—на ряду с «буржуазным правом», неизбежно сохранение и пролетарской демократии, формы государства: «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права». Пролетарская демократия, демократия для трудящихся, характеризуется все возрастающим господством «общей собственности», «правовой» формой распределения труда и продуктов, постепенно переходящим в «содержание» формальным равенством трудящихся и известными из'ятиями из этого равенства для капиталистов. В таком своем виде демократия имеет место до исчезновения классов. По мере уничтожения классов демократия достигает такой полноты, что она «требует социализма», совпадает с социализмом. Она вовсе отмирает вместе с исчезновением всякой нормировки в распределении, вместе с осуществлением принципа «каждому по способностям».

Эти важнейшие идеи Ленина легли в основу создания марксистской методологии права; они же положили начало теории права переходного периода.

II.

Довольно широко известны замечания Маркса и Энгельса об «юристах»—идеологах частной собственности», об юридическом мировоззрении, как «классическом мировоззрении буржуазии». Однако далеко не всегда отдают себе полный отчет в том, какое

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 372—374.

огромное значение имеет юридическое мышление для поддержки самых общих буржуазно-идеалистических построений. Не всегда отмечается и тот сильный отпечаток юридического фетишизма, который лежит на всевозможных отклонениях от последовательно-материалистической, марксистской точки зрения в политической практике.

Достаточно указать, что этой болезнью в большей или меньшей степени заражены сейчас все виднейшие теоретики социал-демократии: начиная от «самого» Каутского, представляющего себе капиталиста не иначе, как «в юридическом смысле», и кончая Реннером, для которого в основе общественного процесса лежит уже не производство, но обращение, а еще проще говоря, юридический договор, оформляющий меновые отношения [1]). Неудивительно после этого, что работы на чисто юридические темы, печатающиеся в теоретических с.-д. органах, не носят на себе уже ни малейших следов марксистского метода. Весь «историзм» в подходе к праву ограничивается в них рассуждениями о том, что, мол, прежде право считали божественным установлением, а ныне оно-де признается общественным учреждением... Неудивительно, что социал-демократические теоретики так легко подхватывают всякого рода «новейшие» буржуазно-юридические теории: Оппенгеймера, Дюги, Гедемана и т. д., что социал-демократические юристы оказываются прекрасными буржуазными министрами юстиции (Г. Радбрух), а большие и маленькие кантианские «философы права» отлично совмещают свой откровенный идеализм с социал-демократическим партбилетом (Карл Форлендер, Зигфрид Марк и др.)! [2]).

Борьба с современным юридическим мировоззрением должна стать, при этих условиях, одной из важнейших задач революционного марксизма. Однако она вовсе не должна сводиться — как это иногда себе представляют — исключительно к обнаружению классового характера всякого права или к огульному отрицанию значения юридических форм, понятий и определений. Известная историческая правомерность определенных юридических форм должна найти себе отчетливое обоснование в природе скрытого за ними их экономического содержания. В то же время необходимо помнить и о пределах этой правомерности, о специфических изменениях, происходящих вместе с изменениями экономики и соотношений классов и в наших юридических определениях.

Перед марксистом-теоретиком права, прежде всего, неминуемо выплывает основной вопрос: каков же специфический об'ект марксистской правовой теории, что именно среди многообразных проявлений права, должно стоять в центре ее рассмотрения, служа ей наиболее надежным критерием правильности ее положений?

Продолжительные поиски этого основного об'екта теоретико-правового изучения, ряд допущенных при этом ошибок, выявленных последовавшей теоретической дискуссией—все это лишний раз показало беспомощность многих талантливых представителей советской юриспруденции в деле применения ими марксистского метода. Стремление подменить марксизм последними «достиже-

[1]) См. К. Реннер, Теория капиталистического хозяйства, русск. пер., 1927 г.

[2]) См. нашу статью «Государственно-правовая идеология современной социал-демократии»,—«Революция Права» № 4, 1927 г.

ниями» буржуазно-юридической мысли, сочетать его с психологизмом, с фрейдизмом, с нормативизмом, с теорией Дюги и т. д.,— вот что характерно для ранних попыток дать марксистское «определение» права. Разумеется, на этих теоретических попытках не мог не отразиться и самый ход развития советского права. Естественно, что такие его элементы, как новое, революционное «правосознание» широким масс или законодательная деятельность классового государства, что эти моменты выпячивались вначале гораздо более на первый план, чем одновременно складывавшиеся новые правовые отношения.

В первую очередь выступило на сцену понимание права, как психологического переживания, как «правосознания». Первый декрет о советском суде указывал на необходимость считать отмененными все законы, противоречащие декретам ЦИК, советов и рабоче-крестьянского правительства, и руководиться законами прежних правительств, лишь поскольку они не противоречат революционному правосознанию. Теоретическим выразителем этого наиболее раннего периода, периода психологического или «идеологического» понимания права, явился проф. М. А. Рейснер. Уже в целом ряде своих прежних работ, дореволюционного времени, проф. Рейснер делает попытку «сочетать» марксизм с психологическим учением Л. Петражицкого о праве, как об «императивно-аттрибутивных переживаниях». Эти построения получают дальнейшее развитие в его «Государстве», где государство об'является «идеологической формой», грандиозной «фантазмой»—в духе младогегельянца Л. Кнаппа [1]). Резкая, отрицательная критика буржуазно-юридического фетишизма и—в то же время—неосознанный собственный фетишизм, ищущий опоры для пролетарского права в совершенно новом классовом «правосознании»!

Основная методологическая ошибка проф. Рейснера заключалась в его своеобразном истолковании роли правовой идеологии, в отсутствии отчетливого диалектического понимания взаимоотношений между экономическим базисом и идеологическими формами. Несомненно, что в целом ряде своих работ и Маркс, и Энгельс говорят о праве, как об идеологической форме, что они проявляют интерес к правовой идеологии, главным образом, характеризуя ее фетишистские, мистифицирующие моменты [2]). Однако крайне ошибочным было бы, основываясь на этом, видеть в праве только психическое явление, некое общественное «переживание», при том еще совершенно разное у различных классов. Крайне легкомысленно об'являть юридическую идеологию исключительно гигантской иллюзией, «фантазмой», легко преодолеваемой нашим научным мышлением,—наподобие того, как, скажем, преодолевается религиозная идеология. Фетишизм и

---

[1]) М. А. Рейснер, «Государство», 2 изд., М. 1919 г. Позже написанная, последняя работа проф. Рейснера—«Право», Л. 1925— выявляет особенно выпукло, к каким печальным результатам может привести психологическая концепция. Здесь автор подменяет ленинскую теорию диктатуры пролетариата учением о советском праве, как своего рода компромиссе между сосуществующими в нашей стране «системами» пролетарского, крестьянского и буржуазного «права» (правосознания). В других своих статьях Рейснер протягивает руку фрейдистским и норматививистским воззрениям. См мою статью «Детские и старческие болезни в правовой теории» («Под Знаменем Марксизма» 1925), а также рецензию т. Стальгевича («Большевик» № 23—24).

[2] См. об этом нашу статью «Понятие права у Маркса и Энгельса» («Под Знаменем Марксизма» 1923 г., № 2—3).

мистика права имеют об'ективную историческую основу—в соответствующей организации общественных, производственных отношений. То обстоятельство, что правовые отношения, складываясь, проходят через общественное сознание и, с этой стороны, являются идеологической формой, также отнюдь не делает правосознание основным об'ектом марксистской теории права. Последняя исходит, прежде всего, из правовых отношений, как из реальной и об'ективной формы общественной организации.

Воззрения М. А. Рейснера находились, однако, в таком разящем противоречии с практическими потребностями и с самим характером юридического оформления системы пролетарской диктатуры, что они могли сыграть известную общественную роль—подобную ранним лозунгам Пролеткульта—лишь на самой первой стадии нашего судебного и законодательного творчества[1]). Вместе с ростом числа декретов и законодательных положений в органах Наркомюста и в советской юридической теории стала постепенно утверждаться некоторая иная концепция права. Она получила особенно сильное развитие уже в период нэпа, когда от разрозненной законодательной деятельности первое пролетарское государство переходило к кодификации существующего права, когда устами Ленина был провозглашен лозунг «революционной законности». Законодательная **норма**, закон, издаваемый нашим классовым государством, согласно этой концепции, есть некое целесообразное «правило», лишенное всякой тени юридического фетишизма. Право, мыслимое лишь как выражение классового интереса, лишь в его классовой сущности, в противоположность формальным построениям буржуазного права—вот что начинает выдвигаться в качестве основного об'екта теоретико-юридического изучения.

Наиболее отчетливое и своеобразное выражение эта новая тенденция получила в работах проф. А. Г. Гойхбарга [2]). Одно время ближайший работник правительственных законодательных органов, один из авторов и талантливый комментатор советского гражданского кодекса—проф. Гойхбарг со всей силой обрушивается на буржуазную «идею права», которую, по его словам, «необходимо вытравлять из пролетарских мозгов». Нет никакой прирожденной правоспособности, существуют лишь права, октроируемые государством в тех или иных целесообразных пределах. В советских условиях, по мнению Гойхбарга, должен окончательно исчезнуть всякий мистический туман, всякий фетишизм права, который нужен лишь для господства эксплоататоров. Советское право должно стать системой рациональных «организационных правил», техническим выражением нашего социалистического планирования. Теоретическую опору своим построениям проф. Гойхбарг ищет в работах некоторых передовых буржуазных юристов, тех именно, которые выражают настроения новой империалистической эпохи, ведущей к ограничению прежней свободной конкуренции. Таковы теория «социальных функций» Дюги, теория «хозяйствен-

---

[1]) Родственные воззрения мы находим сейчас у И. Ильинского («Введение в правоведение»), Чельцова-Бебутова, Энгеля.

[2]) Другими, но более осторожными ее выразителями явились Н. В. Крыленко («Беседы о государстве и праве»), Н. Подволоцкий («Марксистская теория права»), В. И. Вегер («Право и государство переходного периода»). Из работ А. Г. Гойхбарга особенно характерно в этом отношении «Хозяйственное право РСФСР», 3 изд., М. 1927 г.

кого права» Гедемана' и т. д. Ссылаясь на то, что и передовая буржуазная мысль стремится ограничить личный произвол в интересах хозяйственного целого, проф. Гойхбарг выдвигает в качестве основного критерия устанавливаемых правил и предоставляемых государством прав «развитие производительных сил, т.-е. развитие народного хозяйства в целом».

Слишком явно рационалистический характер воззрений А. Г. Гойхбарга, отсутствие у него столь важного для каждого марксиста исторического понимания развития социальных категорий и чисто-механический подход к этим последним. Все эти недостатки сочетаются в то же время с неумением разглядеть истинную классовую подоплеку «передовой» юридической мысли. Несомненно, что нам еще нужна долгая и упорная критика юридического фетишизма: однако эта критика должна исходить из понимания роли юридических форм и определений в переходный период. С другой стороны, наша важнейшая задача— отчетливо выявлять новое, социалистическое содержание юридических форм, отнюдь не подменяя его каким-то безличным, надклассовым правом, «покоющимся на солидарности». Нельзя говорить о развитии производительных сил «вообще», не говоря о социалистическом направлении этого развития. Нельзя ставить на одну доску эволюционистски-реформистские «преобразования гражданского права», которые во весь голос восхваляют теоретики «юридического социализма», с тем полным революционным переворотом в хозяйственном праве, которое производит наличие пролетарской диктатуры. Уже одна, методологическая установка проф. Гойхбарга,—к которой мы еще вернемся, говоря о гражданском праве—она насквозь «социал-демократическая», ничего общего не имеющая с революционным марксизмом и коммунизмом. Она очень напоминает зато глубоко-оппортунистические рассуждения Реннера о «хозяйственной демократии», якобы осуществляющейся ныне в капиталистических условиях[1]).

Характерно, что как юридический психологизм, так и советская «государственная» теория права одинаково приводят своих выразителей к неосознанному юридическому фетишизму. Проф. Рейснер готов распространить свое «правосознание» на все решительно исторические эпохи, при том находя самые разнообразные проявления его у различных классов. Сторонники формулы «право-закон» также утрачивают правильную историческую перспективу. Они подчеркивают в праве исключительно его принудительные и классовые моменты, обусловленные воздействием государства. Но они совершенно упускают из виду иные, более специфические черты правовой формы, свойственные только определенной исторической эпохе. И это неудивительно: историзм в понимании права должен быть неразрывно связан с материалистическим к нему подходом. Подлинным об'ектом марксистской юридической теории могут быть не отдельные характерные моменты, в своей совокупности образующие правовую форму. В первую очередь, этим об'ектом становятся основные, специфические особенности формы права, порожденные самой природой материальных общественных отношений. В центре внимания марксиста должны быть поэтому не «правовая

[1]) См. статьи K. Renner, «Wirtschaftsdemokratie» в «Kamfp» №№ 10 и 12 за 1926 г. и №№ 2 и 4 за 1927 г.

идеология» и не «закон»,—какое бы огромное значение их исторической роли мы ни придавали—но самые исторически складывающиеся правовые отношения!

Все эти моменты были уже в 1919 г. хорошо уловлены П. И. Стучкой, когда он предложил в Наркомюсте следующую формулировку: «Право—это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной силой его». В дальнейшем названная формулировка получила некоторое уточнение: право определялось тов. Стучкой как «форма организации общественных отношений производства и обмена»[1]).

Основная заслуга т. Стучки в деле развития нашего марксистского понимания права, несомненно, та, что в своей полемике с «психологистами» и «нормистами»[2]), он сумел заострить внимание на проблеме права, как общественного отношения. Будучи чужд, в силу практической складки своего мышления, слишком больших и отдаленных тонкостей методологической абстракции, т. Стучка зато всегда глубоко чувствует самое диалектическое движение правовой формы, ее экономическую обусловленность, ее революционные переходы и скачки. Несмотря на внешние недостатки и некоторую разбросанность, ведущую нередко и к отдельным противоречивым высказываниям, работы П. И. Стучки содержат немало ценнейших проблесков марксистского воззрения, являясь наиболее верным и чувствительным барометром нашей советско-партийной политики в области права. В особенности, интересен целый ряд изменений, отмечаемых им в праве переходного периода,—изменений, вносимых в «форму организации общественных отношений» пролетарской революцией и периодом социалистического строительства.

Однако, выдвинув на первый план общественные отношения в качестве важнейшего предмета правовой теории, этим нельзя было ограничиваться. Нужно было установить качественно-специфические черты этих общественных отношений, как отношений правовых,—черты, отличающие их от всех прочих общественных отношений. Нужно было установить известные, хотя и относительные грани между экономическим содержанием и правовыми формами. И в то же время необходимо было выяснить реальную связь между ними: т.-е. выяснить, какова экономическая природа отношений, приводящая на известной исторической ступени развития именно к такого рода «форме организации». В формулировке «право—система общественных отношений» мы рискуем недопустимым смешением, отождествлением между экономикой и правом. Говорить о праве лишь как о «форме организации отношений производства и обмена» (или, как в другом месте выражается т. Стучка, «порядке» этих отношений)—значит превращать право из исторической категории в категорию логическую. Ведь, очевидно, что и при коммунизме мы будем иметь определенные «отношения производства», точно также как они имели место и до классового общества—в ранних исторических

---

[1]) См. П. Стучка, «Революционная роль права и государства», «Классовое государство и гражданское право», «Курс советского гражданского права» и др.

[2]) «Против идеалистического понимания права» («Под Знаменем Марксизма», 1923 г.), критика работ А. Г. Гойхбарга в сб. «Революция права», журнал «Революция Права» № 1.

формациях. Но «формой организации» этих отношений при развернутом коммунизме отнюдь не будет право!

Дискуссии, имевшие место по общим вопросам права, к концу 1923 г. окончательно предопределили те пути, по которым пошла дальнейшая работа над марксистской теорией права. Изучение специфических особенностей формы права имело и практическую основу: эпоха нэпа требовала твердых правовых гарантий для устойчивости товарооборота! Сначала была сделана попытка выяснить особенности правового отношения, как «соотношения воли личностей» (Маркс), т.-е. отношения, уже содержащего в зародыше все элементы юридического мышления, которые полностью выявляются в т. н. правовой идеологии. Методологическое разграничение «воли» участников материального отношения, и той же воли, как их «воли» юридической, устанавливало в то же время известный водораздел между экономикой и правом[1]). Эти идеи получили дальнейшее, наиболее углубленное и всестороннее рассмотрение в работе Е. Б. Пашуканиса: «Общая теория права и марксизм» [2]). Небольшая книжка, выдержавшая на короткое время три издания, по богатству своего содержания и по той роли, которую она призвана была сыграть в деле марксистской критики юридических понятий, приобретает первостепенное значение.

Тов. Пашуканис задается вопросом: каковы те исторические особенности материальных, производственных отношений, которые приводят к тому, что экономическое содержание принимает форму правовых отношений? Ответ на указанный вопрос он находит в специфической природе товарных отношений, где отношение вещей неизбежно должно дополняться «волевым» отношением товаровладельцев — «суб'ектов права». «Юридический суб'ект—это вознесенный на небеса абстрактный товаровладелец». Юридический суб'ект тем самым становится основной «клеточкой» всякой юридической ткани; частное право—источником происхождения правовых категорий во всех областях права. Только вместе с рынком и товарным производством окончательно выявляется частная собственность, как юридическая категория.

Поэтому не следует смешивать государство и право, ибо совершенно невозможно охватить юридической теорией все функции государства. Только с развитием товарного производства публичная власть получает юридическое истолкование: происходит перенесение частно-правовых определений на государство и создается публичное право. Та же «юридическая идея», т.-е. идея товарного эквивалента, лежит в основе теории уголовного права. «Преступление можно рассматривать, как особую разновидность оборота, в которой меновое, т.-е. договорное, отношение устанавливается post factum, т.-е. после своевольного действия одной из сторон. Пропорции между преступлением и возмездием сводятся к той же меновой пропорции». Формы судопроизводства также напоминают процессы, имеющие место на рынке, и развиваются вместе с товарным производством. Аналогичным образом оценивает т. Пашуканис и родственные праву понятия морали...

---

[1]) И. Разумовский, Социология и право, 1924.
[2]) Е. Пашуканис, Общая теория права и марксизм, 3-е изд., 1927.

Многие юристы буржуазной складки и «сменовеховцы», химически выделявшиеся вместе с развитием нэпа, горячо приветствовали брошюру т. Пашуканиса, потому что поняли ее, как известную «реабилитацию» отвергаемых «нормистами» юридических понятий [1]). Несомненно, что в известном смысле т. Пашуканисом дается «оправдание» самому факту существования юридической точки зрения. Различие несколько неотчетливо проведенное им между марксистской социологической и марксистской юридической точками зрения—в действительности марксистское «юридическое» рассмотрение является только специальным приложением и дальнейшим развитием все той же теории исторического материализма—в понимании буржуазных юристов такое различение легко подменялось воскрешением формально-юридического метода. Между тем, мы имеем в работе т. Пашуканиса наиболее глубокое социологическое обоснование об'ективного характера юридических форм на определенном историческом этапе. Здесь, чтобы избежать опасностей юридического формализма, следовало, быть может, более отчетливо подчеркнуть связь этих юридических форм с их изменяющимися производственно-трудовым содержанием, с развивающимися формами собственности—феодальной, буржуазной, социалистической—с соотношениями классов и государством. Следовало сделать ударение на том, что товарные отношения, порождающие характерные черты юридической формы, рассматриваются вовсе не «сами по себе», но в тесной связи с изменяющимися классовыми отношениями распределения, формой проявления которых только и является тот или иной тип товарного производства [2]).

Работа т. Пашуканиса показала, какое громадное значение для решения основных вопросов теории права приобретает правильный методологический подход к юридическим категориям, подход к ним, как к специфическим категориям исторического материализма. Некоторые неясности и спорные моменты требовали здесь, однако, дополнительного рассмотрения и раз'яснения. В дальнейшем марксистское исследование пошло поэтому по пути выяснения действительной роли юридической идеологии в деле образования правовых отношений и тех их особенностей, благодаря которым о них можно говорить, как об «идеологической форме». Кроме того, важно было разрушить представление об юридических формах, как безразличных к своему общественному содержанию. Здесь пришлось установить ту единственно приемлемую для марксизма диалектическую связь между экономическим содержанием и юридическими формами, при которой право, как не покрывающее полностью своего экономического содержания, не отождествлялось бы с экономикой и в то же время юридическая форма представлялась бы, как необходимый момент в развитии своего содержания [3]).

Однако перед революционным марксизмом стояла еще гораздо более важная задача. Нельзя было ограничиться выяснением

---

1) Проф. Н. Тоцкий сделал из «признания» юридических форм выводы, клонящиеся к юридическому психологизму, а некий А. Попов (псевдоним известного сменовеховца) пришел к юридическому и этическому нормативизму.

2) На необходимость большего уточнения всех этих моментов указывали в своих отзывах тт. Стучка, Колоколкин, Разумовский; со многим согласился в дальнейшем и сам т. Пашуканис (см. Революция Права» № 3).

3) См. И. Разумовский, Проблемы марксистской теории права, 1924.

исторического происхождения правовой формы и природы обусловливающего ее экономического содержания в классовом обществе вообще и в товарно-капиталистическом, в частности. Нужно было проследить, какие существенные изменения претерпевает юридическая форма после пролетарской революции— в условиях советского государства и социалистического строительства. Нужно было установить—как конкретно осуществляется глубокая мысль Ленина «о развитии демократии до конца, изыскании форм такого развития»: о том, что и по мере обобществления пролетарским государством важнейших средств производства право все же остается «в качестве регулятора распределения продуктов и распределения труда»—до тех пор, пока не отомрет экономическая основа права, закон трудовой стоимости.

Здесь, как никогда, нужен был отчетливо классовый, строго материалистический, революционно-диалектический подход к вопросам теории права. И эти принципы легли в основу работы постепенно сложившейся Секции государства и права Комм. Академии. Одной из важных и трудных задач, взятых на себя ее сочленами, было создание первой марксистской «Энциклопедии государства и права»[1]). К 10-летию Октября эта задача была выполнена, несмотря на огромные затруднения и крайний недостаток теоретических сил. Каковы бы ни были совершенно-несомненные недостатки этой первой попытки систематизировать марксистские воззрения по вопросам государства и права, уже самая возможность такой систематизации свидетельствовала об огромном прогрессе, сделанном марксизмом в доселе неизведанной области. Одновременно секция ведет борьбу со всевозможными, quasi-«советскими» и quasi-«марксистскими» уклонами от правильного, марксистско-ленинского понимания, дает оценку теоретическим позициям современной буржуазно-юридической мысли[2]), занимается освещением революционных моментов в предшествующей истории государства и права[3]). Вся эта обширная литературная и научная работа секции получила свое оформленное выражение в первом революционно-марксистском журнале по вопросам государства и права—«Революция Права».

Советское право, его специфические черты, его качественно-особый, по сравнению с буржуазным правом, характер—и это несмотря на то, что с формальной стороны оно представляется тем же «буржуазным правом»—вот что стоит в центре внимания редакторов и ближайших сотрудников журнала. Пожалуй, наиболее яркое выражение все эти моменты нашли себе в статье П. И. Стучки: «Государство и право в период социалистического строительства»[4]). Тов. Стучка исходит из той полемики, которая шла недавно в партийных рядах между тов. Буха-

---

[1]) «Энциклопедия государства и права», 3 т., 1925—1927 гг., изд. Комм. Академии.

[2]) См., напр., Е. Пашуканис: «Ленин и вопросы права», И. Разумовский: «Возрождение философии права в немецкой юр. литературе» (сборн. «Революция Права»). Его же: «Философская ревизия и вопросы права» («Под Знам. Марксизма» 1926); его же «Устряловщина в праве»; П. Стучка: «Обзор литературы по гражданскому праву» (журнал «Революция Права» № 2—3).

[3]) Работы т. Я. Старосельского, посвященные идеологии французской революции, Е. Пашуканиса—из истории английского права (журн. «Революция Права»).

[4]) «Революция Права» № 2, 1927.

риным и Преображенским, по вопросу об экономических закономерностях переходного периода. Основываясь на роли, которой в течение продолжительного периода предстоит еще играть закону стоимости, отмирающему лишь в форме **закона трудовых затрат**, он справедливо указывает на необходимость установить связь между методологическими достижениями работы тов. Пашуканиса и трудовым эквивалентом «переходных» отношений производства. Тов. Стучка одновременно показывает, что «цель» буржуазного и советского права, т.-е. **направление** «воли» суб'ектов юридической сделки, совершенно различна в случае простого товарного производства, при капитализме и в «переходных» условиях.

Простое товарное производство сохраняется в условиях переходной экономики, как крестьянское производство, смыкающееся через рынок с социалистической промышленностью. А потому— в интересах устойчивости товарооборота—сохраняется в своих общих чертах и свойственная товарным отношениям юридическая форма с неизбежными категориями «правоспособности», «суб'екта прав», равно как сохраняется и «демократия». Но закон стоимости испытывает постоянные нарушения и искривления со стороны плановой политики советского государства, и эти нарушения в экономическом содержании не могут не отразиться и на «форме стоимости»—на юридической форме. Отрыв юридических форм от экономики, столь характерный для капиталистической эпохи, здесь постепенно исчезает. Юридические формы «демократии», «равенства», «свободы», «суб'екта права», уточняясь и по видимости ограничиваясь в своем количественном охвате—демократия «для кого», равенство «**для кого**»,—в действительности насыщаются, тем самым, огромным социальным содержанием.

Тесная связь постепенно отмирающей правовой формы со своим изменившимся социальным содержанием сказывается на всей нашей законодательной практике: она создает новую теоретическую основу и для **специальных** отраслей советского права.

III.

Как известно, марксизм наносит сильнейший удар догматическому мышлению, мышлению в **системах**, подчеркивая исторический и условный характер всякого рода теоретических систем. их обусловленность каждый раз определенным экономически-классовым содержанием.

Переход на марксистские рельсы должен был, поэтому, поколебать самые основы юридической систематики—в области государственного, административного, уголовного и т. д. права. Внутренняя логическая зависимость в «системах» государственного. уголовного и пр. права оказалась зависимостью, обусловленной историческими особенностями породившего их буржуазного общества. С методологической стороны это обозначает—конец попыткам строить какую угодно отрасль права, как совершенно независимую область, подчиненную лишь собственным законам своего построения. Искусственные грани между отдельными областями права и его исторически создавшиеся подразделения теряют свой абсолютный характер. Их логические предпосылки насыщаются конкретным историческим содержанием, в корне меня-

эти самые методы их построения. Вместе с революцией в области классово-экономических отношений создается возможность и совершенно новых юридических конструкций.

В первую очередь это относится, конечно, к государственному праву. Здесь подлинную революцию должен был произвести самый факт существования государства нового типа, советского государства: вместе с разрушением старой государственной машины, с рождением советской конституции рушилось и старое государственное право. Это обстоятельство усугубилось еще тем неслыханным размахом, который вносил в процесс изменения привычных понятий государственного права сам Ленин. Целый ряд выдвинутых им новых и оригинальных положений, как-то: различие между формальной и пролетарской демократией, особенности советской формы государственности, организация госаппарата, взаимоотношения между единоличным руководством и демократическим контролем масс, причины бюрократических извращений и т. д.—все это заложило основы новой марксистской науки о государстве[1]. Казалось бы, здесь именно, по пути, проторенному Лениным, успешнее всего должна была пойти и теоретико-юридическая работа, направленная на дальнейшее теоретическое развитие и юридическое оформление уже заложенных им начал советского государственного права.

Этого, однако, не случилось. Метод и система старого буржуазного государствоведения—с его понятиями прав «верховной власти», «разделения властей» и т. д.—слишком довлели над умами наших юристов-публицистов. В течение продолжительного времени проблема советской государственности сознательно обходится молчанием в юридической литературе и в университетском преподавании. В дальнейшем юридическое истолкование природы советской власти идет по привычному пути аналогий с буржуазным государственным правом. Одни юристы в этих аналогиях склонны «раз'яснять» юридические «недостатки» советской системы, по сравнению с «нормальным» буржуазным государством[2]).

Другие, более советски настроенные государствоведы (напр., Н. Дурденевский), наоборот, находят в ней ряд положительных достижений—но с точки зрения развития все той же идеи «государственности».

Когда же за этот непочатый край теоретической работы принимались марксисты, то они, обычно, ограничивались изложением советской конституции, историей ее зарождения и систематизацией имеющихся уже у Ленина положений, относящихся к социально-классовой природе советского государства. Такой именно характер носят даже лучшие из появившихся на эти темы работ: П. И. Стучка «Революционная роль права и государства» 1921 г. и «Учение о государстве» 1922 г., Г. Гурвич «Основы советской конституции» 1921 г. и «История советской кон-

---

[1]) См. «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и др. статьи и речи Ленина вплоть до «Лучше меньше, да лучше» (тт. XIV—XVIII Собр. соч. Ленина). Из предшественников ленинского «Государства и революции» следует отметить работу Н. Бухарина—«К теории империалистического государства», полностью опубликованную лишь в сб. «Революция права» 1924 г., и относящуюся к 1911—1912 гг. работу В. Адоратского «О государстве», напечатанную лишь в 1923 г.

[2]) Проф. Магазинер, Общее учение о государстве, 1922.

ституции», М. Рейснер «Основы советской конституции», «Государство буржуазии и РСФСР» и т. д. Мы не упоминаем, конечно, о многочисленных юридических комментаторах советской конституции типа Б. Плетнева, А. Малицкого, Драницына и т. д.

Таким образом, целый ряд моментов марксистской юридической теории в области государства до сих пор не получил еще надлежащего освещения. Тот новый социально-классовый смысл, который приобретают в советском государстве понятия демократии, суверенитета, законности, федерации и т. д., вопрос о так называемых «публичных суб'ективных правах» и т. д., все эти вопросы еще не только не изучены: они должным образом полностью даже еще не поставлены и не подчеркнута самая возможность здесь **новых** юридических конструкций. Кой-какие более или менее удачные попытки лишь подойти к указанным вопросам мы имеем в работах Г. С. Гурвича («Принципы федерализма и автономизма в советской системе», 1924), К. А. Архипова («Закон в советском государстве», 1926), С. М. Бродович («Советское избирательное право», 1925), С. С. Кишкина («Советское гражданство», 1925). Работающие в этой области авторы, однако, по большей части слишком недостаточно вооружены методом марксистской диалектики, чтобы не сбиваться сплошь да рядом на типичную догматико-юридическую точку зрения.

Еще худшее положение имеем мы в области советского **административного права**, где—если не считать некоторых специальных исследований Г. С. Михайлова—авторы вращаются в кругу обычных определений буржуазных административистов. Советская организация власти и управления во всех деталях подвергается формально-логическим «сравнениям» с буржуазным государством. Там же, где юристы встречаются с явлениями, чуждыми привычному «правовому» строю, начинаются аналогии с «полицейским государством» эпохи абсолютной монархии (!). Такой именно характер носят работы А. Елистратова, А. Евтихиева, В. Кобалевского, М. Загряцкова[1]).

Не меньший, если не больший интерес по новизне выдвигаемых проблем должно представлять советское **гражданское право**. При этом важны не только совершенно своеобразные моменты, вносимые советским законодательством в такие специальные области, как теория трудового права, земельного или, напр., брачно-семейного права. Здесь как раз перспектива была в достаточной мере ясна. Как в аграрных взаимоотношениях, так и в семье главной задачей было доведение **до конца** буржуазной революции, изжитие остатков феодализма. Лишь в дальнейшем—путем издания «основ» аграрного законодательства—можно было наметить вехи будущей социалистической **реорганизации** этих весьма консервативных правоотношений. В области труда, в его государственно-социалистической организации мы имели, наоборот, уже нечто явственно новое, выводившее нас за пределы буржуазной «свободы» труда. Но гораздо сложнее обстоял вопрос с применением основных гражданско-право-

[1]) См. А. Елистратов, «Очерки административного права», 1922 г., «Административное право РСФСР», 1925 г; А. Евтихиев, «Основы советского административного права», 1925; В. Кобалевский, «Очерки советского административного права», 1924 г.; М Загряцков, «Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве», 1925 г.

их категорий — таких как суб'ект права, правоспособность и т. п.—к советской промышленности и товарообороту. Уже в области чисто-экономической теории, как известно, шла жестокая полемика с экономистами, видевшими в нашей хозяйственной системе только некоторое подобие государственного капитализма. Полагать советскую экономику лишь своеобразной товарно-капиталистической системой—значило прилагать к ней все привычные гражданско-правовые определения, значило судить о нет по аналогии с буржуазным гражданским правом. Но можно было избрать другой метод—вслед за Лениным, усмотреть значение и руководяще-плановую роль социалистических отношений в нашем хозяйстве, своеобразные формы их переплетония и связи с простым товарным и частно-капиталистическим производством. Последнее вело бы и к признанию качественно-специфических особенностей советского граждапского права.

Но и при правильной политической ориентации теоретическая задача не становилась более легкой и требовала крайне умелого применения марксистской диалектики. В советском государственном или, скажем, трудовом праве изменившаяся экономическая сущпость отношений порождали совершенно отчетливо и новую форму их правовой организации. Меж тем основой частно-празовых понятий служит сам гражданский товарооборот; товарные же отношения в общих своих чертах представлялись неизменными и для переходного хозяйства. Как соблазнителен здесь был путь простых аналогий, с одпой стороны, и насколько, с другой стороны, должен был быть чреват ошибками противоположный путь—путь борьбы с простой рецепцией буржуазного гражданского права!

В первом направлении работала мысль юристов, группировавшихся, главным образом, вокруг журнала «Право и Жизнь». Статьи 1 и 4 Гражданского Кодекса истолковывались ими таким образом, что «социально-хозяйственное назначение» нашего гражданского законодательства имеет целью только «развитие производительных сил». О том, какую классовую окраску должно носить это развитие, скромно умалчивалось. Напротив того, утверждалось, что «организационные формы и методы капиталистического права проникают у нас и в сферу организации государственного монопольного хозяйства, сочетаясь здесь в своеобразные формы государственного капитализма» [1]). Центр тяжести переносился на защиту частных интересов «управомоченного», которую, якобы, главным образом, берет на себя гражданское право. Одним словом, гражданский кодекс изображался, как олицетворение пужд частного хозяйства и частной торговли, как некий буржуазный оазис среди пустынь советского государственного, трудового и т. д. права. Такова была—сознательная или бессознательная—концепция ряда авторов.

Вторая линия была наиболее отчетливо представлена А. Г. Гойхбаргом и его отдельными последователями [2]). Чтобы изгнать

---

[1]) Проф. В. Шретер, Система промышленного права СССР, 1924 г., стр. 6. См. также работы проф. Л. Таля, статьи Л. Фишмана, А. Доброва и др. в ж. «Право и Жизнь».

[2]) См., напр., некоторые работы С. И. Раевича, Земельное право Розенблюма и др., см. также Е. Кельман, Производительные силы и право, 1925.

всякие подозрения в том, что наш Гражданский Кодекс в значительной мере представляет заимствование из буржуазных кодексов, на советскую почву была перенесена дюгистски-гедемановская концепция «социально-хозяйственного назначения» гражданского кодекса. Туманный термин «социально-хозяйственное» совершенно скрадывал новое, социалистическое содержание наших гражданско-правовых отношений. Внимание сосредотачивалось на некоторых, якобы «классовых» статьях Г. К.[1]). В области земельных отношений создавались теории нового «бессуб'ектного» права. Наивно предполагалось, что наше «хозяйственное право»—самый термин «гражданское право» презрительно отбрасывался—представляет собой некоторый жалкий буржуазный островок, самое существование которого в море «классового» права об'ясняется необходимостью «развития производительных сил». Нэп, таким образом, рассматривали лишь как «отступление», а не как наступление на почве гражданского кодекса. И одновременно—как мы уже знаем—наше гражданско-правовое строительство об'являлось завершением тех социалистических (или «социальных») тенденций, которые якобы обнаружились уже в буржуазном праве империалистической эпохи. Так «лево-коммунистическая» фраза зачастую прихотливо переплетается с социал-демократической тенденцией!

Эклектическую позицию заняла группа авторов, усмотревших в наших гражданских правоотношениях новое содержание, социалистическую плановость, но явно метафизически противопоставлявших эти элементы плановости рыночным формам «стихии» товарного производства [2]). Между тем, теоретическая задача заключалась не в том, чтобы «изолировать» или «противопоставлять» гражданско-правовые отношения. Наоборот, она заключалась в том, чтобы об'яснить постепенное проникновение начал гражданского кодекса в область земельного права и постепенное вытеснение их из области промышленного и т. д. права. Здесь нужно было исходить из своеобразных форм проведения начал социалистической плановости и из того или иного конкретного этапа в процессе расширения ее воздействия. Целый ряд важных методологических моментов здесь уже внесен работами секции права,—в первую очередь П. И. Стучкой[3]). Вопрос о специфических особенностях советского гражданского права перенесен в родственную плоскость дискуссии по основным вопросам советской экономики. Отчетливо выступил характер новой складывающейся при диктатуре пролетариата «формы обмена», выявлены специфические особенности казавшихся ранее неизменными товарных отношений,—этой необходимой формы связи между государственно-социалистической промышленностью и мелким товарным производством. В центре внимания стал закон стоимости в советских условиях: изучению подвергаются формы его перехода в закон трудовых затрат—под воздействием новой «цели в праве», т.-е. государственного, социалистического планирования. Тем самым закладываются основы новой систематизации

---

[1]) Ф. Вольфсон, Учебник гражданского права, 1926.

[2]) См., напр., С. И. Асквазий, Очерки хозяйственного права СССР. 1926.

[3]) См. П. Стучка, Курс советского гражданского права; Е. Пашуканис, Марксистская теория права и социал. строительство; И. Разумовский, Категория суб'екта в советском праве; статьи Л. Гинзбурга, А. Павлова и др. в журнале «Революция Права».

своеобразных вновь возникающих правоотношений и всего разнообразия образующих их, различных по своему конкретному содержанию «суб'ектов права».

Аналогичный характер носило развитие марксистской юридической теории в области уголовного права и судебного процесса. И здесь на первых порах советская мысль не пошла дальше новейших, «социологических» достижений буржуазной криминалистики. Отказываясь рассматривать «преступность», как нечто прирожденное природе преступника, признавая его «вину» всегда обусловленной целым рядом социально-исторических условий, буржуазная социологическая школа в уголовном праве тем самым отказывалась и от самых понятий «вины» и «наказания». Социологизм и дюгизм, привнесенные в криминалистику, об'явили практикуемое наказание уже не «возмездием» за вину, но лишь необходимой мерой обороны общества от возможных посягательств на общественную безопасность—мерой социальной защиты. Задачу теории видели в том, чтобы изучать, с одной стороны, так наз. «факторы преступности», а, кроме того, выработать такую систему репрессии, которая, вместо краткосрочного заключения, в первую очередь использовала бы медицинское и воспитательное воздействие на преступника (Прэнс, Лист, Ферри и др.). Само собою, названная школа не была бы буржуазным направлением, если бы она вовсе отказалась от тюрем и т. п. «реальных» мер охраны «священной» собственности. Именно поэтому социологи-криминалисты пошли на компромисс: они оставили «наказание» и на ряду с ним поставили применяемые в отдельных случаях «меры социальной защиты»—медицинские и воспитательные меры. На такой, примерно, позиции стоят и теоретические представители современной социал-демократии, напр., Г. Радбрух [1]).

Горячими поборниками идей социологической школы, точнее «левого», социалистического крыла, на русской, а потом и на советской почве, явились М. Гернет, А. Трайнин, А. Пионтковский, отчасти М. Исаев и некоторые другие. Идее «социальной защиты» («превенции») был придан только новый, якобы, «классовый» и марксистский характер. Отвергая на основании посылок детерминизма самое понятие «вины», названные авторы логически весьма последовательно приходили к отрицанию всяких «наказаний», к признанию только «мер социальной защиты» [2]). Эти авторы не могли не считаться, однако, и с тем обстоятельством, что целый ряд положений нашего Уголовного Кодекса по необходимости носит все характерные черты «наказаний». Поэтому одни занимались изобретением всякого рода компромиссов, оставляя известный практический плацдарм и за наказаниями [3]). Другие пытались различать «общую превенцию», или то же наказание, но применяемое лишь к об'ективному составу данного преступления вообще, независимо от личности преступника, и «специальную превенцию», т.-е. меру социальной защиты, применяемую уже конкретно к определенным преступникам с учетом всех суб'ективных моментов [4]).

---

[1]) См. G. Radbruch, Der Straffgesetzentwurf,—«Gesellschaft». Febr. 1925.
[2]) А. Н. Трайнин, Этюды по уголовному праву («Право и Жизнь» 1924).
[3]) М. М. Исаев, Общая часть уголовного права.
[4]) А. А. Пионтковский, Уголовное право РСФСР.

Нужно заметить, что эти идеи наших доморощенных «социологов» находили себе известное сочувствие и в кругах советского прокурорского и судебного аппарата. Казалось весьма «социалистическим» отказаться от всякого рода буржуазных «возмездий» и применять только одни «меры социальной защиты». Аналогичные крайние выводы делались и в области советского судоустройства. Предлагалось, напр., вовсе отказаться от «буржуазного» принципа состязательности на суде и постепенно свести весь судебный процесс к государственно-административному розыску. При этом упускали из виду, что эквивалентный характер юридической формы «наказания» навязывается нам самой природой экономических, товарных отношений. Что какие бы коррективы мы ни вносили в судебный процесс, судебная состязательность имеет определенные исторические корни и окончательно отомрет только вместе с самыми понятиями «прав» и «обязанностей», «вины» и «наказания», «судебных гарантий» и «судебного произвола».

Совершенно новый методологический подход устанавливается в этой области революционным марксизмом [1]). Необходимо строго различать между классово-социальным содержанием той или иной репрессивной меры и исторической ее, юридической формой, которую на определенной ступени развития получает «социальная защита». Меры социальной защиты—понятие весьма широкое, нейтральное по отношению к классам, мыслимое и вне всякого права; с другой стороны, каждый господствующий класс, применяя свою юридическую форму, пусть то будет «божий суд» или «кара», тем самым применяет и «меру» своей классовой защиты. Мера социальной защиты поэтому не должна противопоставляться наказанию, как нечто специфически-социалистическое. По своему содержанию применяемые пролетариатом репрессии, несомненно, являются, главным образом, мерами его классовой защиты. Но, помимо того, они являются формой охраны и регулирования интересов мелкого товарного производителя, а потому не могут не носить характера известных «правовых гарантий». Момент эквивалентности, в большей или в меньшей степени окрашивающий статьи нашего Уголовного Кодекса, неизбежно будет тем самым придавать и мерам социальной защиты характер «наказания»,—несмотря на то, что мы изгоняем из этого понятия все черты феодальной и буржуазной идеологии.

Мы видим таким образом, что последовательное применение марксизма и ленинизма ко всем основным областям права дало им, прежде всего, правильную методологическую установку. Это одно уже является огромным теоретическим достижением. Разумеется, оно только начало всей той теоретической работы по праву, которую еще предстоит проделать. Целый ряд почти совершенно незатронутых проблем имеется не только в области государственного и административного права. Взять хотя бы понятие государственной собственности в новых условиях, целый ряд моментов в обязательственном праве, проблему диалектического применения и толкования законов, вопрос об ответ-

---

[1]) См. доклады тт. Эстрина и Старосельского в секции права Комм. Академии. Там же обзор литературы по уголовному праву («Революция Права» №№ 1 и 2).

ственности с точки зрения детерминизма, ряд процессуальных моментов в вопросе о нашей судебной организации и бесконечное множество других. Совершенно неразработана еще марксистская методология истории права; почти совершенно пустое место представляет и история политико-правовых учений...

Заметим, в заключение, что кое-какие новые и весьма любопытные моменты вносят в марксистскую теорию и методологию права опубликованные ныне Д. Б. Рязановым ранние статьи и отрывки Маркса—в частности, капитальная «Критика философии права Гегеля». Но это уже музыка нашего теоретического будущего!

Октябрь и марксизм.

К. Милонов.

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

Ленин.

I.

Все мировое рабочее движение ежедневно подтверждает теорию и практику революционного марксизма. Октябрьская революция, как кульминационный пункт этого движения, подтверждает марксизм в наивысшей степени.

Особенно замечательным фактом, ниспровергающим все и всякие обывательские и около-марксистские воззрения на революцию, является факт десятилетного существования диктатуры пролетариата в одной стране, факт укрепления и врастания ее в быт народа.

Опыт прежних революций как будто бы говорил о том, что одна постановка вопроса о десятилетнем существовании революционной власти, не говоря уже о разрешении последней—задач реконструктивных, не может быть правильной, научной. Якобинская власть Великой Французской революции была свергнута торжествующей контрреволюцией жирондистов, когда якобинцы попытались «зайти слишком далеко» в своих стремлениях. И это было в эпоху «классической» буржуазной революции, которой легче, конечно, вызревать и побеждать, чем революции пролетарской. Собственно рабочие восстания, как известно из истории, были скорее вспышками, чем глубокими, перестраивающими быт, революциями. Даже Парижская Коммуна, наивысшее выражение восстаний этого рода, могла просуществовать только три месяца и была затоплена в крови десятков тысяч рабочих. То же относится отчасти и к революции 1905 г. в России.

Из этого «опыта» революций враги диктатуры пролетариата делали вывод, что такая диктатура не просуществует и двух-трех месяцев, как будет свергнута самим народом. Когда же этот срок проявил постоянную тенденцию к удлинению, когда месяцы переросли в год, год—в пятилетие, а пятилетие—в десять лет, и диктатура пролетариата при этом не обнаружила никакого стремления падать, тогда начали говорить, что она—диктатура—не может не переродиться, что она—диктатура пролетариата—уже перерождается.

Каждый, кто не перестал видеть и слышать, знает, что все эти разговоры не имеют под собой никаких действительных оснований. Наоборот, все об'ективные и суб'ективные факторы нашей революции свидетельствуют о своеобразном разрешении ею всех поставленных историей проблем и потому говорят о ненауч-

ности простого перенесения опыта прошлого на нашу современность.

При этом особенно необходимо подчеркнуть, что немалую роль в победоносности пролетарской революции сыграли суб'ективные факторы, и, в частности, марксистско-ленинская политика партии.

Что без наличия революционной ситуации невозможна революция, вряд ли кому нужно сейчас доказывать. Точно также ясно, что глубина и широта общественного переворота определяет интенсивность революции. Но все это еще очень мало говорит об об'ективной успешности революции и, следовательно, о возможности перерастания ее из единовременного акта в целую эпоху революционного переустройства общества на новых основаниях. Такое перерастание может произойти лишь тогда, когда сознательно руководящая сила революции направляет стихийный процесс по необходимому руслу, когда она через неизбежные этапы революции проводит верность конечной цели. А ведь именно в этом перерастании революции как отдельного акта в эпоху органического развития общества на новой основе и заключается высший смысл всякой революции.

С этой точки зрения глубоко-революционное значение якобинцев заключалось в том, что они защищали и пытались осуществлять наиболее передовые, прогрессивные тенденции буржуазной революции. Об'ективно стоявшая пред ними задача и была задачей углубления и дальнейшего развертывания революции. Эту роль якобинцев, в новых условиях, при новой обстановке, для разрешения качественно других задач, играет в пролетарской революции партия большевизма. Восстание угнетенных империализмом и измученных войною масс большевизм превращает в целую эпоху основательнейшей ломки, уничтожения и разрушения капиталистического общества. Но большевики—не только якобинцы, они больше, чем якобинцы, они—представители пролетариата, марксисты. Мелкобуржуазная ограниченность якобинцев ставила предел их творческой работе: даже наиболее революционный мелкий буржуа не может выйти за границы мелкой собственности. Большевизм не знает этой ограниченности, потому-то так решительна, так глубока, так всеохватывающа его работа по переустройству, его созидательная деятельность: не утверждение мелкой собственности, а уничтожение всякой частной собственности на средства и орудия производства, не крайняя левая фракция буржуазии, а уничтожение буржуазии, не новая форма эксплоатации, а полное ее уничтожение.

Другое решающее отличие большевизма от якобинизма в том, что большевики—марксисты. Если революцию оценивать с точки зрения бурности и решительности ее наступления, то Октябрьская революция совершенно разрушила не мало привычных представлений на этот счет. Каждая революция знает моменты под'ема и спуска революционной волны. Некоторыми «марксистами» выдвигался даже «закон», что за периодом революционного наступления идет—и обязательно должен пойти—период свертывания революции, период контрреволюционный. Кое-кто опирался при этом на неверно понятые работы Маркса. Октябрьская революция с правом может сказать: «мы это решительно изменили». И тут дело об'ясняется тем, что революция шла и идет под флагом революционного марксизма.

Якобинцы не удержали власти вовсе не потому, что они были крайней левой фракцией буржуазии. Их власть пала только оттого, что они не сумели удержать в своих руках руководство стихийным процессом. Последний вступал в новую стадию развития, требовал новых мероприятий, а Робеспьер попрежнему предлагал одно средство—террор. На очередь дня ставились проблемы органического роста и развития новой общественной формации, а якобинцы, акушеры буржуазной революции, хотели применять к ребенку, как прежде к матери, кесарово сечение. Стихия свергла якобинцев. А потом создалась легенда, что победоносная контрреволюция неизбежна после периода бури и натиска.

Большевизм удержал и удержит власть и выполнит свою историческую миссию вовсе не потому, что весь путь от Октября до социализма есть одно сплошное восстание, «перманентная» революция. Большевизм разрешит свою всемирно-историческую задачу потому, что он всю свою политику строит на прочной и единственно-верной основе марксизма. В том, что якобы марксистская легенда расценивала, как спад революционной волны, как усталость масс, как об'ективную базу для контрреволюции, марксизм видит вполне законное и естественное стремление масс к реализации революционных завоеваний, к осуществлению лозунгов, за которые была пролита кровь. При этом на сцену выплывают некоторые удивительные для немарксиста вещи: оказывается, что запас революционной энергии вовсе не иссяк в массах в период восстания и гражданской войны, энергия, напротив, как бы аккумулировалась в еще больших количествах, хотя ее трата значительно реже вспыхивает теперь ярким пламенем моментального уничтожения. Энергия тратится теперь в ином направлении,—в «будничной» и «скучной» обстановке хозяйственного строительства. Но только противник марксизма может видеть тут загнивание, перерождение революции. С точки зрения марксиста, именно это составляет после захвата власти важнейший и труднейший, но и благодарнейший ее период.

Большевизм, несмотря на такую смену этапов революции, этапов, решительно отменяющих один другой, остался и сам собой и единственным руководителем революции. И это понятно. Теория и практика большевизма, воспринимающаяся его врагами, как идеология и тактика чистого разрушения, носит в себе с самого момента своего возникновения элементы созидательной, творческой политики, элементы, которые при соответствующей обстановке развертываются в целую науку социалистического строительства.

Если эта сторона большевизма остается для постороннего наблюдателя в тени в эпоху восстания, захвата власти, то виноват тут, конечно, не большевизм, а наблюдатель. Правда, в условиях борьбы за власть творческие элементы большевизма маскируются той стороной, какая формулирует задачи разрушения. Наблюдателя с его обвинениями можно еще понять. Но тем более виновен он, когда не замечает громадных творческих возможностей большевизма в эпоху строительства, когда не видит, что только его теория является руководством для действия и на этом этапе революции. Иными словами—большевизму не надо было перевооружаться тогда, когда он руководил Октябрьским восстанием. Но ему не надо перевооружаться и теперь, в эпоху победоносного социалистического строительства. И восстание и строительство

внутренне присущи большевизму, революционному марксизму, связаны со всеми его основами и вытекают из них.

Основным тезисом марксизма является учение о диктатуре пролетариата. Последняя есть продолжение классовой борьбы, «дубинка» в руках рабочего класса для подавления его врагов. Но та же самая диктатура, согласно учению Ленина, есть средство воспитания и переделки рабочим классом всех трудящихся. Поэтому тот факт, что большевики создали эту диктатуру в результате восстания и что для ее укрепления они прибегали к насилию, отнюдь не исключающе противоречит другому факту— тому, что теперь укрепившаяся диктатура является мощным стимулом мирного социалистического строительства. По одной этой причине вполне закономерно то, что большевизм, руководя диктатурой от момента ее организации в результате вооруженного восстания вплоть до ее полного отмирания при социализме, остается сам собой.

Но есть еще одна сторона большевизма, гениально разработанная Лениным, которая не только оставляет его самим собой независимо от этапов революции, но и позволяет руководить последней, также независимо от особенностей отдельных этапов. Эта сторона—марксистская, ленинская тактика, строящаяся на прочной базе диалектического материализма.

Чего в особенности не хватало якобинизму, как цельной, внутренне-законченной тактике?—Достаточной гибкости, уменья учесть своеобразие наличной обстановки. Чего не достает всем другим теориям тактики, претендующим на революционность?— Того же самого. Отсутствие же гибкости в тактике неизбежно приводит либо к свержению власти революционного класса, либо к ее перерождению, что одинаково не в интересах развития революции. Только один марксизм, большевизм, сделал в этой области, казалось бы, невозможное. Тактика, в основе которой, говоря словами Ленина, лежит «прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, суб'ективизм и суб'ективная слепота»[1], неизбежно ставит рано или поздно перед руководителями революции альтернативу: либо—либо. Обстановка классовой борьбы, особенно быстро меняющаяся в периоды революции, выдвигает перед руководящей партией все новые и новые задачи, настойчиво требуя их быстрого разрешения. И если руководители, цепляясь за вчерашний день, будут попрежнему пользоваться старыми лозунгами, то их отрыв от идущей вперед революции, отрыв от идущих вперед масс совершенно неизбежен. В этом заключается существо дела. Как произойдет такой отрыв,—будет ли это антиреволюционное перерождение руководителей, сохраняющих полноту власти, или свержение существующей власти путем восстания—это с точки зрения существа вопроса не важно. Это только специфические формы, в которые в соответствии с обстановкой облекается основная историческая проблема, проблема несоответствия власти потребностям революции.

Марксистская политика, которая обеспечила десятилетнее существование и укрепление советской власти, именно потому и могла это обеспечить, что она была совершенно чужда указанному выше недостатку.

---

[1] «К вопросу о диалектике», «Большевик» № 5—6 за 1925 г.

Кто видит в марксистской диалектике сплошной парадокс, не согласный с «законами» здравого смысла, тот и десятилетнее существование диктатуры пролетариата в одной, да еще отсталой, стране может воспринимать лишь как «интересную» историческую несообразность. Для него диктатура в таких условиях должна либо переродиться, либо быть свергнутой. Понять, как существует она не перерождаясь, он положительно не в состоянии. И, однако... однако, правы марксисты, когда они издеваются над «здравым смыслом».

Не будет парадоксом сказать, что мы победили и существуем вопреки здравому смыслу, и что именно здесь надо искать основных причин нашей победы.

Диалектический материализм Маркса и Ленина, положенный в основу всей политики революционного пролетариата, учит, что общественная жизнь, отличающаяся особой сложностью, подвержена весьма быстрым изменениям. Эти изменения происходят в результате борьбы противоречий, говоря конкретно—классовых противоречий. Партия, которая связывает себя с революционным классом, только тогда последовательна в своей политике, когда она является выразителем основных интересов данного класса. Партия, как представитель и защитник одного из обоих противоречий,—революционного, может итти, если это потребуется, на известные соглашения и компромиссы, и от этого она отнюдь не теряет своей революционности: служение общим, коренным интересам революционного класса остается ее главной целью. Если же это правило соблюдено со всей необходимой строгостью, то партия, как руководитель и организатор, приобретает силу, которую не в состоянии измерить никакие привычные «здравому рассудку» измерители: эта сила практически бесконечна. Тогда партия может и увлечь массы на изнурительнейшую гражданскую войну, и осуществить во главе их культурную и техническую революцию, перекраивая все заново. Болея горестями своего класса и радуясь его радостями, марксистская партия ни на минуту не забывает защиты его сегодняшних интересов. Но удовлетворение потребностей дня имеет для нее смысл лишь как переход к разрешению задач всемирно-исторических.

Выполнить это можно только при условии того, что политика партии по всем вопросам правильно отражает диалектику истории. Захват власти ставит задачу ее защиты и отвоевания от врагов. Партия главную энергию класса должна сосредоточить на решении этой задачи. Укрепление власти переносит центр тяжести на залечивание ран, полученных во время войны с врагами. Партия обязана перестроить всю свою работу в соответствии с этой новой потребностью. Третий период требует перестройки, реконструкции хозяйства, и партия вновь меняет свою тактику, сосредоточивая на этом свое главное внимание. И при всех этих изменениях тактики партия знает, что они—только разные способы подхода к разрешению одной главнейшей задачи—построения социализма. Только при этом условии, с такой силой подчеркнутом всеми революционными марксистами, партия не может переродиться, сколько бы десятилетий ни руководила она революцией, в какой бы обстановке ни пришлось ей это делать.

Но сказать, что партия должна только отражать диалектику истории—значит сказать слишком мало. Особую силу партия приобретает тогда, когда она может предвидеть развитие событий.

А это дается только диалектическим материализмом Маркса и Ленина и отбором на этой основе вождей и руководителей партии.

Десятилетнее существование Октябрьской революции блестяще доказывает, что единственная марксистская партия—ВКП—полностью соблюдала это условие. Как никто в мире, в работах Ленина и его учеников, она полностью предвидела неизбежность Октябрьского восстания и необходимость защиты его завоеваний вооруженной рукой. С невиданной прежде в общественных науках и политике точностью указала она момент восстания, отметая в сторону как пустое вспышкопускательство, так и запоздалые разговоры о возможности этот решающий момент отдалить. С такой же точностью перешла она от политики «военного коммунизма» к нэпу как раз в момент наибольшего нарастания всех противоречий первой. С невиданной остротой гениальный вождь партии Ленин на десятки лет предуказал путь победоносного социалистического строительства в одной стране, подчеркивая этим интернациональный характер нашей революции.

Такое предвидение возможно только благодаря тому, что марксистская политика стала в руках Ленина наукой. Но эта наука дополняется уменьем угадать, схватить то особенное, что свойственно именно данному моменту и что наиболее быстро ведет к намеченной цели. И тот, кто пренебрег диалектическим материализмом, этим совершеннейшим методом теории и практики, или кто оказывался неспособным угадать коренной вопрос сегодняшнего дня, тот неизбежно мешал, а не помогал победоносному ходу революции за эти славные десять лет.

II.

В условиях ожесточенной политической борьбы массы не всегда имеют возможность за отдельными лозунгами рассмотреть, что борющиеся защищают, по существу, разные, даже взаимно противоречащие мировоззрения. Трудность установления этого факта особенно велика тогда, когда борьба идет между людьми, входящими в одну и ту же партию,—обстоятельство, которое делает общность мировоззрения почти что априорной. И однако, как и весь предшествующий период развития марксизма, десятилетнее существование диктатуры пролетариата показало, что творческие задачи, стоящие перед марксизмом, не могут быть разрешены, если не ведется систематическая борьба за чистоту самого марксизма.

Оценивая в 1908 г. предшествующую историю марксизма, Ленин писал: «До-марксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм» [1]). Вряд ли кто-нибудь сможет отрицать эту полную правоты мысль. Но надо видеть также, что с некоторыми изменениями,—так сказать, терминологического характера,—приведенная оценка Ленина целиком относится и к той эпохе в развитии марксизма, которая по времени совпадает с десятилетием Октября, а пространственно имеет своей базой Россию. Мы говорим о том, что на нашем политическом жаргоне называется оппозицией.

---

[1]) Ленин, Марксизм и ревизионизм, Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 55.

Если десятилетнее существование революции рассматривать с точки зрения идеологической (а следовательно, и с точки зрения политики пролетариата), то нетрудно заметить, что здесь, как и прежде, было налицо два типа мировоззрений, методов, способов разрешения всех задач. Это—революционный марксизм и оппортунизм.

Первый еще раньше принял своеобразное выражение ленинизма, т.-е. того нового, что на основе метода и мировоззрения Маркса внес в марксизм Ленин в соответствии с новой эпохой всемирной истории,—эпохой империализма и социалистических революций.

Второй—оппортунизм—также изменил свою форму в соответствии с общей характеристикой этой революционнейшей в мире эпохи и превратился в «левый» оппортунизм, в оппортунизм «левой фразы и правого дела». Правда, на пороге Октябрьской революции этот вид оппортунизма пытался было отказаться от своей левой фразы, чтобы вполне откровенно выразить свою сущность, но это было его лебединой песней: момент наглядно показал, что откровенно правая идеология не может иметь никакого авторитета в глазах восстающих масс. После такого случая откровенно правая одежда была сожжена оппортунизмом, и даже за пределами страны диктатуры пролетариата он и посейчас вынужден рядиться в центристский, «почти революционный» наряд. Роль ленинизма в этих условиях как бы изменилась. Ленинизм, эта революционнейшая теория революционнейшего класса современного общества, должен был выступать против левой фразы, против ультра-левизны, что для ультра-левых означало переход на точку зрения оппортунизма. На деле же ленинизм оставался самим собой и попрежнему боролся с оппортунизмом, но только с оппортунизмом под левыми лозунгами. Одним лишь ультра-левым ребятам могло показаться, что Ленин и его соратники «правеют».

То, что мы называем оппозицией, на деле есть старый домарксистский социализм, который разбит на своей собственной почве и потому вынужден продолжать борьбу с марксизмом на почве ленинизма. Именно этим и об'ясняется, что представители его до поры, до времени находятся в партии ленинизма, именно поэтому его идеологи и ссылаются всегда в подкрепление своих антимарксистских взглядов на автора ленинизма,—Ленина. Как прежде ревизионисты вынуждены были именовать себя марксистами, так теперь они скромно считают себя только оппозицией и то не к ленинизму как к таковому, а к отдельным его истолкователям. Такова логика борьбы против марксизма!

Конечно, не всякая оппозиция есть абсолютное противопоставление теории марксизма и ленинизма некоторой другой внутренне-законченной теории. Но оппозиционность по отдельным вопросам все же означает, что в том или ином пункте марксистский метод у данного товарища дал осечку, что последний подал уже хотя бы кончик пальца другой теории, другому мировоззрению. Если же ошибки выстраиваются в один ряд, то количество переходит в качество, и мы имеем полное право говорить о другой, не марксистской, не ленинской системе взглядов. Ведь марксистский метод, диалектический материализм, тем и отличается, что он один способен дать полное и единственно правильное разрешение всех вопросов, стоящих перед

пролетариатом. Инакомыслящий поэтому неизбежно оказывается за пределами марксизма...

Когда Ленин давал общую характеристику марксизма, он всегда считал необходимым подчеркнуть, что «Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными течениями вообще»[1]). Это относится, конечно, и к самому Ленину, как продолжателю и завершителю марксизма, и к современному нам ревизионизму, который тоже, понятно, не свалился с неба, а попытался дать свой ответ на основные проблемы, исходя из всей совокупности предшествующих теорий. Отличие этого ревизионизма от Ленина только в том, что последний, сформулировавший в своей теории все наиболее передовое, повлек марксизм вперед, а наши ревизионисты, как и прежние, тащат его назад: Маркс и Ленин завершили ценное и правильное, что было в прежних теориях, ревизионисты же—ложное и скоропреходящее.

Ко всему этому надо добавить, что совершенно несущественным является тот факт, что второе, антиленинское, ревизионистское мировоззрение связывалось в течение десятилетия с разными именами. Важно не это, важно другое, то, что одни, убедившись в его неверности и практической вредности, переходили полностью и целиком на платформу ленинизма[2]), тогда как другие проявили диаметрально-противоположный путь развития [3]), а третьи как подошли к ленинизму со своими старыми взглядами, так с ними и остались, изменив лишь номенклатуру ссылок (т. Троцкий). Кроме того, важно отметить, что антиленинский ревизионизм принимал в течение десятилетия разные формы: «левого коммунизма», рабочей оппозиции, троцкизма,—по существу оставаясь оппортунизмом под левой фразой. Из всех этих форм троцкизм является самой законченной и разработанной, почему он и раскрывает наиболее полно как внешнюю привлекательность громкой, ультралевой фразы, так и всю реакционность своей практической позиции...

Сущность всякой теории исчерпывающе характеризуется ее методом. Это значит, что выяснение метода бросает яркий свет на отдельные положения теории, могущие быть внешне не связанными друг с другом и даже как бы взаимно противоречащими.

Методом марксизма и ленинизма является материалистическая диалектика. Это настолько известно, что тут не стоит долго задерживаться.

Методом ревизионизма, напротив, является противоположность диалектики—метафизика. Этим характеризуется всякий ревизионизм, независимо от своей левизны или правизны: отличия, конечно, есть, но они, как будет ясно ниже, суть различия внутренние, а не различия двух разных точек зрения.

Метод оппортунизма—метафизика. Отодвигая революцию на бесконечное время, оппортунизм проявляет в этом свой чисто ко-

---

[1]) „Карл Маркс“.

[2]) Речь идет о т. Н. И. Бухарине—см., напр., его предисловие к книге В. Сорина „Партия и оппозиция. Фракция левых коммунистов“.

[3]) Тт. Зиновьев и Каменев.

личественный подход к анализу общественной жизни. Выдвигая тезис «цель—ничто, движение—все», оппортунизм совершает ту ошибку всякой метафизики, что отрывает сущность (цель) от явления (движение). Утверждая, что в России нельзя строить социализма из-за технической и культурной ее отсталости, оппортунизм чисто метафизически отделяет социально-экономический базис от политической надстройки и не видит сильнейшего воздействия последней. И т. д., и т. п.

Левый оппортунизм и троцкизм, как его лучший образец, отличается от этого только тем, что в соответствии со «стилем» эпохи, он не противопоставляет прямо диалектике марксизма метафизику, а подменяет первую софистикой и эклектизмом. Поскольку же в основе их лежит та же самая метафизика, постольку и методологические отличия правого и левого оппортунизма суть отличия в деталях, но отнюдь не в главном и решающем. Как метафизика переходит при известных условиях в беспринципный эклектизм, так и оппортунизм в революционную эпоху превращается в левую фразу и правое дело, в троцкизм.

Все это вовсе не значит, что троцкист не бросит время от времени слово «диалектика». Даже напротив: применяясь к господствующей идеологии, троцкизм делает вид, что он упирает на диалектику, всегда, впрочем, в решительные минуты показывая свое действительное лицо.

В этом отношении весьма интересно сопоставить два письма, опубликованные в свое время в журнале «Под Знаменем Марксизма»,—письмо тов. Троцкого и письмо Ленина. Оба письма набрасывают круг вопросов, подлежащих специальному методологическому исследованию. Но как отличаются имеющиеся в них мысли друг от друга!

Смыкаясь с механистами в философии, тов. Троцкий «забывает» в своем письме указать на важность проблем диалектики, все внимание сосредоточивая на вопросах материализма. Для Ленина же вопросы материализма в данных условиях не являются определяющими: «у главных направлений передовой общественной мысли России,—говорит он,—имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция». Внимание надо сосредоточить, по Ленину, на проблемах диалектики,—это действительно «ближе определяет содержание работы» марксистов-теоретиков. Так что Троцкий действительно затронул только «о б щ и е задачи журнала» (слова Ленина), как это делают и наши механисты, не видящие именно специфических теоретических задач современности.

Грандиозное значение письма Ленина состоит в том, что, как бы подытоживая всю свою теоретическую и практическую деятельность, его автор передает своим ученикам ключ к этим работам—серьезное знакомство и овладение диалектикой Гегеля и Маркса.

Другим документом, прямо указывающим на антидиалектичность метода троцкизма и исходящим от самого автора этой теории, является брошюра «Д. И. Менделеев и марксизм». Каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с философскими спорами с механистами, сразу увидит в этой брошюре тождественные механистам взгляды. Тут и сводимость всех явлений к механике, тут и рефлексология Павлова, и т. п.

Этот антидиалектический, метафизический метод в политической области является основой того, что в истории прошедшего

десятилетия началось с поддержки Октябрьской революции, а кончилось к настоящему времени полным разрывом со всеми ее завоеваниями.

Троцкизм не был бы троцкизмом, если бы он хотя бы в одном пункте не совпал с практикой большевизма, правда, по-своему воспринимая эту практику. Это было неизбежно потому, что метафизический метод, когда им пользуются в сложнейшей революционной обстановке, по необходимости приводит к эклектизму, иначе к допущению того, что по сути дела не может быть допущено. Троцкизм, собственно говоря, должен был бы нацело отрицать Октябрьскую революцию за то, что в ней приняли участие и крестьяне, не пролетарии. Впоследствии, мы знаем, это отрицание вылилось в скептицизм относительно возможностей некапиталистической эволюции крестьянства к социализму при диктатуре пролетариата. Но в условиях Октябрьского восстания возобладала левая фраза троцкизма над его правым делом, при этом настолько, что сам Троцкий считал себя в праве заявить о «перевооружении» большевизма. Такая иллюзия, конечно, должна была скоро уступить место реальности,—прямому противопоставлению троцкизма ленинизму. Особенно ярко сказалось это, когда диктатура пролетариата должна была переходить к своим творческим задачам: и тогда осталась, конечно, левая фраза, но практическая правизна решительно перевесила всякую фразу и троцкизм полностью проявил себя, как социал-демократизм. То же самое было бы, конечно, с левым коммунизмом и с рабочей оппозицией (отчасти и было), если бы представители этих течений частью не вошли в основной поток троцкизма, подчинившись ему как господствующей форме современного оппортунизма, а частью не возвратились на платформу учения Ленина.

Эклектическая сущность «левого» оппортунизма делает возможным один чрезвычайно интересный факт,—именно факт почти безболезненного, внутренне-обоснованного перехода левого оппортунизма в оппортунизм откровенно правый. И эта возможность объясняется не только тем, что марксизм, как теория единственно-верная и революционная, отмежевывая себя от всех других, отбрасывает их всех одинаково в болото оппортунизма. Нет, само такое отбрасывание становится неизбежным именно потому, что «левый» и правый оппортунизм совпадают в основном и определяющем,—в своем методе. Как эклектизм и софистика нацело сводятся к метафизике, так и «левый» оппортунизм может всегда возвратиться к своему исходному пункту, сняв свои «левые» покрывала.

История рабочего движения нередко была свидетелем таких переходов. Некоторым русским социалистам последние были—и остаются—свойственны в наивысшей степени в виду особой уплотненности революционных событий в России. При этом фактическое единство двух видов оппортунизма доказывалось тем, что и правые переходили к завуалированию своей тактики левой фразой (тт. Зиновьев и Каменев в момент Октябрьского восстания и на пороге второго десятилетия) и «левые» (тт. Троцкий, Радек и др.) проявляли в конце концов свою фактическую правизну.

Только революционный марксизм, покоющийся на диалектике, оставался всегда верен сам себе, отметая в сторону пустую левую фразу и сосредоточивая все внимание масс на истинно-левых делах. Если принять во внимание, что диалектика покоится на противоречиях, а метафизика, стараясь их избежать, впадает в полную

безысходность на каждом шагу, то можно сказать: строящаяся на признании противоречий политика марксизма дает удивительно цельную и стройную систему путей движения к социализму; «левый» же оппортунизм, троцкизм, желая увильнуть от сталкивающихся противоречий, подставляет себя под их удары и разбивается о них.

III.

Величайшим достижением диктатуры пролетариата в России является, несомненно, переход уже на 8—9 году своего существования к победоносному социалистическому строительству. И характерно, что именно это явилось тем реактивом, который проявил подлинную сущность «левого» оппортунизма, окончательно погубив его в дебрях противоречий. Дело идет о двух принципиально различных оценках общего хода развития диктатуры и предпосылок этого развития. Революционный марксизм, ленинизм, с одной стороны, троцкизм—с другой, сталкиваются, конечно, и здесь,—может быть, даже еще сильнее, чем во всех других вопросах. Противоречия начинаются с определения самого понятия «социализм». Определяя его, троцкизм упирается только в одну его черту,—именно в высоко-развитую индустрию. Отсюда тот вывод, что социализма собственными силами технически отсталая страна построить не в силах, отсюда—боязнь влияния высоко развитой техники капиталистических стран, и т. п. В основе основ этой концепции лежит, как и везде в троцкизме, метафизика: она выражается, во-первых, в отрыве техники от людей и в полном игнорировании творческой силы революционного класса (забвение этой стороны общественного процесса свойственно всему оппортунизму, постоянно ссылающемуся на абсолютную непреоборимость стихийного развития). Она выражается, во-вторых, в диаметрально-противоположном по форме, на деле не совпадающем с бернштейнианством разрыве цели и движения к ней. Цель, социализм, берется чисто утопически, «по Уэльсу», а потом отвергается, раз усмотрено, что в существующей обстановке нет еще желаемых элементов.

Революционный марксизм видит **суть** социализма отнюдь не в этом, а **в уничтожении классов**. Высокое развитие техники есть поэтому факт производный, хотя и совершенно необходимый. Новое слово, сказанное здесь Лениным, заключается в том, что уничтожение классов возможно не только и не столько как стихийный процесс в результате грандиозного развития техники, а напротив, что исходный пункт этого уничтожения есть организация диктатуры пролетариата, сознательное руководство классовыми взаимоотношениями, сознательное подведение культурно-технической базы под развертывающиеся новые отношения людей. Иной взгляд есть, как говорит Ленин, «педантство наших мелкобуржуазных демократов», которые «решающего в марксизме совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики» [1]).

Революционный марксизм видит также диалектическую связь конечной цели и движения к ней. Это значит, что мы не строим себе каких-нибудь социалистических утопий, а берем реальные

[1]) «О нашей революции (по поводу Записок Н. Суханова)»,—Собр. соч., т. XVIII, ч. 2.

отношения. Вот почему прав Ленин, когда он говорит, что «кооперация *в наших условиях* сплошь да рядом *совершенно совпадает с социализмом*» [1]).

И когда мы рассматриваем различные оценки, даваемые троцкизмом и ленинизмом успехам социалистического строительства, мы должны исходить, конечно, из ленинизма, а не троцкизма.

Для революционного марксиста совершенно несомненно, что между полным социализмом и капитализмом должен пройти более или менее длительный переходный период. Суть его заключается в борьбе социализма с капитализмом.

Переход от одной общественной формации к другой всегда совершается путем ломки старого. Переход от капитализма к социализму отличается особой остротой и крутизной этой ломки, почему в нем совершенно неизбежно существование своих переходов и качественно-различных стадий.

Главных этапов этого перехода в России было два—период «военного коммунизма» и период нэпа. Однако в последнем, от начала и до настоящего дня, можно заметить, в свою очередь, две различных стадии: первая—от 1921 года до 1923—1924, вторая—по настоящее время. При этом, если единство всего переходного периода заключается в борьбе социализма с капитализмом, то различия внутри него обусловливаются разными формами этой борьбы. Таким формам можно не придавать, конечно, никакого значения, что и склонен делать троцкизм как метафизическое учение, но это будет означать отказ от марксистского метода исследования.

Период «военного коммунизма» Ленин называл периодом *штурма* капитализма. Если дело идет о внутренних экономических отношениях, то это значит, что социалистическое начало вступило в прямую борьбу с капиталистическим, они сталкиваются в лобовой атаке как прямо исключающие друг друга противоречия. Эту характеристику механически переносит на новый период, период нэпа, троцкизм, сталкивая закон стоимости с изобретенным им «законом социалистического накопления». И тут троцкизм поступает метафизически, не видя, что нэп, как политика, имеет своей ближайшей задачей соединить в известной, выгодной социализму форме частно-хозяйственный интерес с социалистическим.

Что касается дальнейших этапов, то, грубо подразделяя, можно сказать, что годы 1921—1924 были годами возникновения и *укрепления* нэпа. Разрешая торговлю, пролетариат отступал назад, на новые позиции (что было экономически и политически вполне возможно, так как в своем ходе революция шагнула далеко вперед),—на новые основы установления союза пролетариата с крестьянством. Поверхностной формой экономической действительности была цена, которую можно, хотя это по ряду соображений и неудовлетворительно, назвать «реконструктивной ценой». За этой ценой—или, если угодно, под ее крышей—плановое социалистическое начало вело еще *прямую* борьбу со стихией рынка. Об этом и говорят, по существу, теперь, когда устанавливают «двуединый *полу*плановый—*полу*стихийный регулятор». При этом, впадая в троцкизм, не всегда замечают, что специфические особенности последних лет делают подобные

[1]) «О кооперации»,—Собр. соч. т. XVIII, ч. 2. Курсив мой.

теории уже неуместными, поскольку изображают нашу экономику разрезанной на две половинки, только внешне об'единенных под крышей цены. Теперь, после 1924 г. советское хозяйство вступило в органическую полосу строительства, что означает, что противоречия еще есть, но они уже подчинены некоторому ведущему началу.

Не верно думать, что только социализм ведет прямую борьбу со своим антагонистом. И рождающийся капитализм, как мы знаем из «Капитала» Маркса, ведет прямую борьбу с феодализмом. Но если капитализм победил хотя бы в двух—трех решающих пунктах, обстановка меняется: начинается «органический» рост капитализма, экономическим путем подчиняющего себе остатки прежних систем. Это подчинение происходит, главным образом, путем переработки, вовлечения отсталых форм в сферу действия капиталистических отношений: феодальный крестьянин становится фермером, помещик-полуфеодал—капитализируется и т. д. Капитализм побеждает, так как он есть некоторая высшая форма производственных отношений. После Маркса—все это азбука. Конечно, условия создания социализма не тождественны вызреванию капитализма в недрах феодального общества. Аналогии здесь совершенно неуместны. Аналогия, однако, возможна и необходима в том смысле, что победившая в решающих пунктах диктатура пролетариата ставит себе на службу все низшие экономические формы. И тут наступает период органического роста социализма. Это отнюдь не значит, что не происходит борьба социализма с остатками капитализма и докапиталистическими формациями, тянущимися к нему, поскольку они не захвачены еще в орбиту социализма. Борьба происходит так же, как происходит она между промышленной буржуазией и тянущими назад феодалами. Происходит,—с той только решающей разницей, что, во-первых, там дело идет лишь о разных формах частной собственности, а тут—при диктатуре пролетариата—об ее полном уничтожении, что не может не обострить всех противоречий органического роста. И, напротив, во-вторых, в руках пролетариата имеются средства для окончательного разрешения подобных противоречий, чего капитализм не имеет и иметь не может.

Гениальное открытие Маркса заключалось в дефетишизации общественных отношений, принимающих при капитализме вещную форму. И если уже говорить о двойственности в нашей экономике, то надо говорить о следующем. Маркс только теоретически дефетишизировал общественные отношения. Диктатура пролетариата и коммунистическая партия провели это в жизнь практически. Но провели не везде, что и создает об'ективную зацепку для неверных теорий. Государственная промышленность,—тот сектор, который является социалистическим по своему типу,—не знает товарного фетишизма: отношения людей, поскольку в ней уничтожена частная собственность, и есть отношения людей, а не вещей. Но диктатура пролетариата осуществляется у нас в крестьянской, мелкобуржуазной стране. Наша попытка прямого обучения крестьянина марксистской политической экономии с ее теорией товарного фетишизма закончилась неудачно. Оказалось необходимым сохранить старую, миллионам масс привычную форму цены, чтобы постепенно подойти к уничтожению фетишизма, к социалистическому продуктообмену.

Поэтому продукты госпромышленности, повторяем, социалистической по своему типу, вступая в процесс обмена, надевают на себя ослепляющий еще очень многих мундир цены. И если бы возможно было то положение, что существовал бы лишь внутрипромышленный обмен, тогда совершенно не нужна была бы эта форма: налицо имелось бы распределение, а не обмен. Частично так и обстояло дело при «военном коммунизме», с той лишь разницей, что хозяйство находилось в состоянии громадного упадка.

Однако всякие формы не бесполезно навешаны на выраженной в ней сущности, а сами так или иначе определяют ее. Поэтому одежда, одеваемая трудовыми затратами, так сказать, для выхода в свет, накладывает известный отпечаток и на них самих: калькуляция, вычисления, сметы делаются внутри промышленности в форме цен, а не трудовых затрат, хотя здесь эта форма по существу потеряла уже свой raison d'être.

В период диктатуры пролетариата, как в период переходный, существуют, конечно, два начала—ростки социалистические и ростки, могущие дать капитализм (частный интерес). Упрочившаяся экономически, т.-е. с точки зрения классовой борьбы, диктатура пролетариата синтезирует эти два противоположных начала в некотором единстве. Характерной особенностью такого синтеза является не прямая и простая борьба одного с другим, а подчинение частного интереса социалистическому. Это не есть еще социализм, когда не надо никаких форм, в которых действительность перевернута вверх ногами. Но это, говоря словами Ленина, есть все необходимое и достаточное для полного построения социализма. Мы используем отдельные формы, которые при других условиях были бы основой капитализма, как формы, привычные миллионам производителей. Как чистые формы, они будут побеждены новым содержанием.

Социализм есть уничтожение классов, и наша экономика создала для этого уничтожения все необходимое: союз пролетариата с крестьянством и руководящая роль его в этом союзе. Мы уже установили и закрепили новые производственные отношения, высшие сравнительно с капитализмом. И если 5—6 лет тому назад социалистические ростки, с точки зрения внутренних отношений в стране, были под сильнейшей угрозой краха, то теперь на пороге второго десятилетия Октябрьской революции уже нет такой внутренней силы, которая могла бы уничтожить растущий социализм. И чем дальше, тем больше начавшийся уже процесс экономической ликвидации частно-хозяйственного сектора будет ускоряться. Поэтому борьба с частным хозяйством во втором десятилетии не будет борьбой за самые устои диктатуры. Это будет, напротив, обеспеченная с точки зрения средств и конечного успеха активная переделка частного хозяйства побеждающим социализмом.

Очерки по теории советского хозяйства.

Статья первая.

Две тенденции развития в мировом хозяйстве.

Я. Берзтыс.

Послевоенное мировое хозяйство характеризуется сосуществованием двух противоположных хозяйственных систем. С Октябрьского переворота 1917 г. в России на одном из участков мирового капиталистического хозяйства, занимающего около одной шестой части поверхности земного шара, получила начало своего развития новая, более высокая, историческая общественная форма—коммунизм. Последующее развитие мирового хозяйства характеризовалось, характеризуется и будет характеризоваться соревнованием в самых различных формах этих двух, взаимно противоположных, враждебных, друг друга исключающих хозяйственных систем—капитализма и коммунизма. И дальнейшее историческое направление развития мирового хозяйства, как единого целого, будет определяться исходом этой борьбы. «Либо тот, либо другой, в конце концов, победит; либо по Советской республике будут петь панихиды, либо по мировому капитализму». Так ставил Владимир Ильич вопрос в 1920 г., так стоит вопрос и в 1927 г. «Кто кого?»—так стоит вопрос на международной арене борьбы растущего у нас социализма с окружающим его внешним капиталистическим миром. Победит социализм—сфера господства социалистических отношений производства будет расширяться за счет капиталистической, и мировое хозяйство будет приобретать направление своего развития к коммунизму. Победит капитализм—на время снова восторжествует капиталистическое направление развития мирового хозяйства.

Вся история развития капитализма, с момента его зарождения до настоящего времени, одновременно есть история развития мирового капиталистического хозяйства. «Его тенденция,—как говорит Маркс,—заключается в том, что он всякое производство превращает (через сферу товарного обращения. *Я. Б.*) в товарное производство», а «потом постепенно превращает все товарное производство в капиталистическое производство» [1]). Капитализм уничтожил феодализм в области экономики прежде, чем уничтожил его в областях политики. Он сколотил обособившиеся друг от друга хозяйственные области в единые национально-

---

[1]) См. Капитал, т. II, стр. 12—13 и 87.

экономические организмы и развивал, укреплял, оформлял интернациональные экономические связи между последними. Он совершил переворот во всей экономической структуре общества, он создал мировое капиталистическое хозяйство.

В основе быстрого расширения сферы господства капиталистического способа производства, в основе превращения национального капиталистического хозяйства в мировое лежит более высокая производительность общественного труда, которую капитализм создает, во-первых, более совершенной организацией производственного процесса, во-вторых, переходом с консервативной ручной технической базы земледелия и ремесла на революционную техническую базу крупной машинной индустрии, которая «никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную... и постоянно производит перевороты в техническом базисе производства»[1]). Машинная техника производства заменяет ручную технику не только в ремесле и кустарной промышленности, она прокладывает себе дорогу и в сельское хозяйство. И в результате непрерывных переворотов, совершаемых капитализмом в технико-организационной базе производства, производительность общественного труда растет изо дня в день и достигает невиданной прежде высоты. Во всех сферах общественного производства рабочий начинает приводить в движение все большие и большие массы материальных технических средств производства.

Результатом такого массового перехода общественного производства на базу машинной техники является отрыв производства машин и других технических средств производства от прежней базы—земледелия—и превращение его в одну из основных функций крупной городской промышленности. Поэтому технический прогресс на основе машинной техники срастается с крупной промышленностью и становится в зависимость от развития последней. Крупная машинная индустрия становится источником всякого технического прогресса, главной движущей силой материального и духовного производства современного общества.

Расширение сферы господства капиталистического способа производства не есть только процесс разложения докапиталистических форм производства и распределения продуктов. Оно одновременно есть непрерывный процесс распределения и перераспределения производительных сил между отдельными отраслями или сферами производства, прежде всего между промышленностью и земледелием, между городом и деревней. И, как результат такого перераспределения производительных сил, в силу целого ряда естественных, экономических и социальных условий мы имеем более быстрый темп развития производительных сил крупной промышленности по сравнению с земледелием и повышение удельного веса промышленной продукции за счет сокращения удельного веса продукции сельского хозяйства в общенациональном производстве. Земледельческий труд, первоначально превосходящий промышленный труд по своей про-

[1]) Капитал, т. 1, стр. 487.

изводительности, в рамках капитализма уступает свое первенство этому последнему.

И чем быстрее растут производительные силы крупной промышленности, чем больше она выбрасывает товаров на рынок, тем, естественно, более длинной и разветвленной должна стать жел.-дорожная сеть, тем шире должен быть раскинут торгово-посреднический аппарат для реализации этой товарной массы. Следовательно, такой процесс перераспределения производительных сил между промышленностью и сельским хозяйством неизбежно означает изменение экономической структуры страны в направлении увеличения количества рабочих рук, занятых в промышленности, транспорте и торговле, при относительном и даже абсолютном сокращении рабочих рук, занятых в сельском хозяйстве. Так, напр., из 100 самостоятельно зарабатывающих приходилось [1]):

	На сельское хозяйство	На промышленность, транспорт и торговлю
Англия 1911 г.	7,5	74,4
Бельгия 1910 г	2[illegible],0	64,5
Голландия 1909 г.	2[illegible],4	54,7
С. Штаты 1910 г.	33,2	58,1
Германия 1907 г.	35,2	62,4
Франция 1906 г.	42,7	44,3

Словом, эта таблица, где страны следуют в порядке убывающей степени индустриализации, с достаточной яркостью свидетельствует о том, что *чем более развитой в промышленном отношении является данная страна, чем дальше идет в ней прогресс производительных сил крупной промышленности, тем резче выступает противоположность между городом и деревней, тем дальше отстает в своем развитии сельское хозяйство от крупной машинной индустрии.*

Способность крупной промышленности к быстрому скачкообразному расширению находит свое ограничение только в росте производительных сил сельского хозяйства, которое продолжает оставаться сырьевой и продовольственной базой для городской индустрии. Правда, капитализм дает мощный толчок развитию производительных сил сельского хозяйства, однако оно здесь скоро наталкивается на внутренние противоречия самого капиталистического способа производства, которые *исключают возможность совмещения последнего с рациональным ведением земледелия и, следовательно, возможность равновесия между производительными силами промышленности и сельского хозяйства и их развития.*

Поэтому все большие и большие товарные массы выбрасываются из передовых капиталистических стран на иностранные рынки; своей дешевизной убивает здесь ремесленное и кустарное производство, превращая эти страны в места производства соответствующего промышленного сырья и продовольствия. Передовые капиталистические державы экономически срастаются с некапиталистическими отсталыми и колониальными странами Азии,

---

[1]) Ю. Борхардт. Накопление капитала, стр. 164.

Африки, Австралии и Ю. Америки, устанавливаются между ними регулярная экономическая связь и взаимодействие через торговый оборот, характер и изменение характера которой получает свое отражение в изменяющейся структуре этого торгового оборота. Так, напр., согласно данных, приводимых тем же Ю. Борхардгом, импорт 4-х великих держав—Англии, Германии, Франции и С. Штатов—за период с 1900 по 1913 гг. увеличился с 20.000 милл. до 29.300 милл. марок, т.-е. на 46,5%, при одновременном увеличении импорта средств существования и сырья с 15.550 до 24.200 милл. марок, т.-е. на 55,6%. Отсюда увеличение удельного веса импорта сырья и средств существования в общем импорте этих стран с 75 до 80% за указанный период за счет соответствующего сокращения удельного веса импорта готовых изделий. Экспорт их за этот же период возрос с 17.000 милл. до 24.300 милл. марок, т.-е. на 42,9%, при одновременном увеличении экспорта готовых изделий с 9.450 милл. до 15.900 милл. марок, или на 68,2%. Отсюда удельный вес экспорта готовых изделий в общем экспорте этих стран повысился с 55,5 до 69,5%, за счет соответствующего понижения удельного веса экспорта сырья и средств существования.

Словом, в импорте все большее и большее преобладание получают сырье и средства существования, в экспорте—готовые изделия. Общественное разделение труда между городом и деревней и связанное с ними экономическое и политическое порабощение деревни городом, которое характеризует развитие капитализма во всякой отдельной стране, воспроизводится в видоизмененной форме в мировом капиталистическом хозяйстве. «Создается новое,—как говорит Маркс,—соответствующее расположению главных центров машинного производства международное разделение труда, превращающее известные части земного шара в области земледельческого производства по преимуществу, а другие—в области промышленного производства по преимуществу» [1]), и сопровождающее это общественное разделение труда в международном масштабе экономическое и политическое порабощение передовыми империалистическими державами отсталых и колониальных стран.

Таким образом, мы видим, что переход феодального общества в буржуазное сопровождается перемещением экономического базиса общества с земледелия на крупную промышленность. Крупная промышленность есть экономический базис и верховная экономическая сила буржуазного общества, в которой,—говорит Каутский,—«скрыта пружина не только ее собственного развития, но и развития земледелия».

То направление, в каком пойдет развитие самой крупной промышленности и в каком поведет она за собой земледелие, определяется социальной формой, в которой она развивается. А социальная форма крупной промышленности есть функция отношений собственности и зависит от характера и способа соединения рабочего со средствами производства для производи-

---

[1]) Капитал, т. I, стр. 450.

тельного функционирования. В буржуазном обществе рабочий отделен от средств производства, где класс капиталистов имеет монополию на них, и соединение его с ними возможно только на основе купли-продажи рабочей силы капиталистом и последующего за этим ее потребления в процессе производства. Поэтому в буржуазном обществе крупная промышленность может развиваться только в капиталистической форме. И всякая новая страна, вступающая на путь буржуазного развития, неизбежно должна развивать крупную промышленность, и крупную промышленность в капиталистической, а не в какой-либо иной форме. И в той мере, как развивается капиталистическая крупная промышленность, она «действует разрушающим и разлагающим способом на всякую более старую форму производства, которая, рассчитанная преимущественно на непосредственное собственное потребление, превращает в товар только излишек продукта. Продажу продукта она делает преобладающим, главным интересом, при чем спачала она как-будто не затрагивает самого способа производства... Но потом, пустив корни, она разрушает все формы товарного производства, основой которых служил или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде товара только излишков продукта» («Капитал», т. II, стр. 12—13, курсив мой. *Я. Б.*). Следовательно, в буржуазном обществе эволюция всех прежних способов производства, и прежде всего мелкого крестьянского земледелия, в направлении к капитализму своим конечным пунктом имеет образование капиталистического производственного отношения. Социальное содержание ее сводится к отделению мелкого самостоятельного производителя от его собственных средств производства, каковой процесс экспроприации начинается в сфере товарного обращения, а свое завершение получает в сфере производства. Миллионы мелких производителей города и деревни должны пройти муки нищенства и разорения прежде, чем «они не обоснуются в новых условиях существования, в качестве пролетариев» (Энгельс).

Итак, в исторически данных рамках капиталистической производственной формации крупная промышленность—как источник технического прогресса и экономическая база общества—может возникать и развиваться только в капиталистической форме и вести за собою все докапиталистические производственные формы в направлении постепенного врастания их в систему капиталистических производственных отношений путем дифференциации и пролетаризации мелкого самостоятельного производителя города и деревни в сфере обращения и производства товаров. Поэтому рост мирового хозяйства на основе капиталистической крупной промышленности не может протекать в иной социальной форме, кроме как в капиталистической. И рост капиталистического, национального и мирового хозяйства не может не революционизировать общественное разделение труда, не может не расширить и углубить рыночные связи и взаимозависимость между отдельными производствами и отдельными странами, не может не увеличивать анархии производства.

Но капиталистическая крупная промышленность одновременно подготовила и подготовляет все необходимые условия для перехода к новой более высокой общественной формации, к коммунизму. Она довела уровень своих производительных сил до высоты, достаточной для установления «правильных отношений между поступающими от крестьян запасами сельскохозяйственных продуктов и промышленными изделиями» в мировом масштабе [1]). Она создала в мировом масштабе экономическую базу, достаточно мощную для установления, укрепления и сохранения правильных экономических и политических взаимоотношений между городом и деревней, между рабочим классом, организованным в государство, и мелким производителем—собственником вообще. Концентрацией капиталов в руках немногих, обобществлением процесса труда и развитием производительности общественного труда, крупная капиталистическая промышленность создала и создает все необходимые технико-организационные предпосылки для перехода от анархии к плану в производстве и от стихии рынка к организованному социалистическому продуктообмену между городом и деревней.

Но крупная капиталистическая промышленность не только создает материальные и технические предпосылки для перехода к коммунизму. Она создает также ту общественную силу, которая единственно способна взорвать капиталистическую оболочку, «экспроприировать немногих узурпаторов», чтобы снова восстановить на более высокой базе «первоначальное единство между рабочими и средствами производства», которая единственно способна взять на себя руководство в борьбе против буржуазии, в строительстве социализма, и направить дальнейший прогресс общественных производительных сил по пути преодоления противоположности между городом и деревней, делению общества на классы и обеспечить конечную победу за зарождающимся коммунизмом над отживающей свой век капиталистической хозяйственной системой. «Эта способность не дана собой, а вырастает только из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, только пролетариат. Он в состоянии совершить лежащую на нем гигантскую задачу, во-первых, потому, что он самый сильный и самый передовой класс цивилизованных обществ, во-вторых, потому, что в наиболее развитых странах он составляет большинство населения, в-третьих, потому, что в отсталых капиталистических странах, вроде России, большинство населения принадлежит к пролетариям или полупролетариям, т.-е. к людям, постоянно проводившим часть года по-пролетарски, постоянно снискивавшим себе пропитание в известной части работой по найму в капиталистических предприятиях» [2]).

Таким образом, сама капиталистическая крупная промышленность в своем развитии подготовляет все необходимые предпосылки для своего перехода в новую, более высокую, социальную форму ее организации—в социалистическую.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 433—434.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 250.

Однако организованный в государство пролетариат «не свободен в выборе своих производительных сил», он находит уровень производительных сил, знаний и культуры данным, ранее подготовленным капитализмом в виде базы, опираясь на которую он будет вести свое строительство крупного социалистического производства в общественном масштабе и которые послужат ему сырым материалом для дальнейшего форсирования производительных сил на основе ранее добытых капитализмом. А уровень производительных сил определяется и измеряется, с одной стороны, уровнем развития производительных сил крупной промышленности и степенью индустриализации данной страны, так как общий рост производительных сил страны стимулируется прогрессом крупной промышленности, а последний одновременно является процессом такого перераспределения производительных сил между промышленностью и земледелием, при котором соотношение между ними все больше и больше изменяется в пользу первой. Следовательно, чем выше уровень производительных сил крупной промышленности данной страны, тем более мощной будет в ней экономическая база диктатуры пролетариата, тем более многочисленным, сознательным, организованным и дисциплинированным будет самый ее пролетариат, тем легче ему будет решить лежащие на нем гигантские исторические задачи. И наоборот. Отсюда—то или иное конкретное соотношение между промышленностью и сельским хозяйством, между пролетариатом и крестьянством приобретает значение определяющего форму перехода от капитализма к социализму фактора. «Переход от капитализма к социализму,—говорит Ленин,—мыслим в различных формах в зависимости от того, имеем ли мы в стране уже преобладание крупных капиталистических отношений или в ней преобладает мелкое хозяйство... Если бы мы имели государство, в котором преобладает крупная промышленность, или же, скажем, даже не преобладает, но очень сильно развита и очень сильно развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен. Без этого переход (прямой. *Я. Б.*) к коммунизму невозможен экономически» [1]).

В мировом масштабе мы имеем крупную машинную индустрию, обеспечивающую прямой переход от капитализма к коммунизму, достаточно мощную для развития правильного социалистического продуктообмена между социалистической крупной промышленностью и мелкокрестьянским земледелием и для установления политических взаимоотношений между пролетариатом и мелким производителем на прочной экономической базе, в случае установления пролетарской диктатуры. Конечно, отсюда нельзя заключить о возможности прямого перехода от капитализма к коммунизму в каждой отдельной стране, входящей составной частью в мировое хозяйство. Мы уже выше отметили, что неравномерность капиталистического развития создает самые разнообразные соотношения между промышленностью и сельским хозяйством на разных участках мирового капиталистического хозяйства. На ряду со странами с решающим перевесом крупной промышленности над сельским хозяйством мы имеем страны с

[1]) Ленин, Собр. соч. т XVIII, ч. I, стр. 151.

подавляющим перевесом сельского хозяйства над крупной промышленностью. Поэтому **формы перехода** от капитализма к коммунизму в смысле непосредственного или посредственного перехода не могут быть тождественными для **всех**, без исключения, стран.

Следовательно, **социалистическая крупная промышленность является экономической базой общества переходного периода и диктатуры пролетариата, основой перехода к коммунизму и основой социалистической хозяйственной организации.**

Сложный исторический переплет различных условий развития капитализма на отдельных участках мирового капиталистического хозяйства 25 октября 1917 г. выдвинул отсталую крестьянскую Россию во главу международной социалистической революции. Уже десять лет восстановительный процесс мирового хозяйства на основах современной науки и техники протекал и протекает по двум руслам—капиталистическому и социалистическому, под руководством двух классов—буржуазии и пролетариата, по двум разным планам и методам. Но конечная победа над международным капиталом невозможна одними русскими силами. «Соотношения международные говорят яснее ясного: тот русский, который вздумал бы, исходя только из русских сил, ставить задачу свержения международного империализма, был бы человеком, сошедшим с ума» [1]). Поэтому Ленин, исходя из этой далекой исторической перспективы борьбы социализма с **капитализмом**, неоднократно утверждал, что «победить в мировом масштабе полностью, окончательно нельзя в одной России, а можно только тогда, когда во всех, по крайней мере передовых, странах или хотя в нескольких из крупнейших передовых стран победит пролетариат» [2]).

Отсюда, перед нами стала, стояла и продолжает стоять «необходимость вызвать международную революцию, проделав переход от нашей революции, как узко-национальной, к мировой» [3]).

Но все, что мы знаем о мировой революции, это то, что она неизбежна, что об'ективные предпосылки ее созрели. Но календарные сроки мировой революции никем не устанавливаются, конкретные пути ее развития нам заранее не даны. Поэтому перед нами сразу же после Октября стала проблема о возможности вообще строительства социализма в нашей **отсталой крестьянской** стране, покуда наша революция продолжает оставаться узко-национальной. Особенно ярко и выпукло Ленин формулировал эту проблему в одной из своих предсмертных статей, где он ставит вопрос следующим образом: «удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?.. Удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне,

---

1) **Ленин**, Собр. соч., т. XV, стр. 233.
2) Там же. т. XVI, стр. 61. Об этом же см. стр. 195, 390, 403 того же тома и стр. 61, 87, 129, 187, 54? тома XV.
3) Там же, т. XV, стр. 126.

поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии» [1]).

Общий шаблонный ответ социал-демократов, меньшевиков и героев II Интернационала на этот важнейший вопрос гласил, что Россия не достигла достаточной высоты развития производительных сил и культуры, что в России не достает об'ективных экономических предпосылок для социализма и что поэтому в России ни о каком социалистическом строительстве не может быть речи. На эту шаблонную социал-демократическую постановку вопроса в последние годы скатывается наша внутрипартийная оппозиция.

Между тем, Ленин всегда давал положительный ответ на этот вопрос. Полемизируя с Н. Сухановым, он писал следующее: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры, то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [2]). Изгнанием помещиков и капиталистов мы обеспечили наилучшие условия для создания материальных и культурных предпосылок социализма, и на основе этих новых условий мы с удвоенной энергией взялись за создание самих этих предпосылок, которые в передовых странах созданы самим капитализмом, чтобы догнать и перегнать другие народы также экономически. И Ленин неоднократно утверждал, исходя из экономического и социально-классового анализа нашей страны, что мы эти предпосылки сумеем создать, сумеем догнать и перегнать передовые страны экономически, «если нас не задавят военной силой» до этого.

Но как создать экономические предпосылки, материальную базу для культурной революции, как перегнать другие народы экономически, когда в нашей стране нет в наличии достаточно мощной экономической базы, основы перехода к коммунизму и основы социалистической хозяйственной организации—крупной социалистической промышленности?

Поэтому первой, центральной задачей нашего социалистического хозяйственного строительства за прошедшие 10 лет было сохранение и восстановление во что бы то ни стало нашей социалистической крупной промышленности до довоенного уровня, и нашей основной задачей остается на будущее индустриализация нашей страны на базе электрификации, доведение нашей крупной машинной индустрии до размеров, необходимых для уничтожения товарного голода и для установления правильного социалистического продуктообмена между промышленностью и земледелием.

К решению этой основной задачи мы шли разными путями, приемами и методами. В период с 1918 г. до весны 1921 г. генеральная линия нашей экономической политики, навязанная нам «потребностями, соображениями и условиями военными», линия, которая об'единяла все наши практические мероприятия в обла-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 138.
[2]) Там же, стр. 119.

сти хозяйственного строительства в одну стройную систему, или иная так наз. «военного коммунизма», была направлена **на прямой, непосредственный переход от капитализма к коммунизму**, от «старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах». Об этом тов. Ленин говорил не один раз [1]).

Наш тогдашний план восстановления и дальнейшего развития крупной машинной индустрии тов. Ленин сжато и ярко сформулировал в своей статье «О значении золота», следующим образом:

«Восстановим крупную промышленность и наладим непосредственный продуктообмен ее с мелким крестьянским земледелием, помогая его обобществлению. Для восстановления крупной промышленности возьмем с крестьян в долг известное количество продовольствия и сырья посредством разверстки. Вот какой план проводим мы свыше трех лет, до весны 1921 г. Это был революционный подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом» [2]).

«Мы предполагали,—говорил т. Ленин на Моск. губ. партийной конференции,—что обе системы,—система государственного производства и распределения и система частно-торгового производства и распределения—вступят между собою в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной системы» [3]).

Но на этом пути вместо смычки социалистической крупной промышленности с мелким крестьянским земледелием на основе правильного социалистического продуктообмена мы получили натурализацию сельского хозяйства и продовольственный, топливный и сырьевой кризис в городе. Вместо смычки города и деревни получилась их размычка, отрыв экономики социалистической от экономики крестьянской. Опыт нашего экономического строительства за этот период еще лишний раз подтвердил теоретическое положение о тесном взаимодействии между ростом производительных сил крупной промышленности и сельского хозяйства, о **ведущей** роли первой и о невозможности **непосредственного** перехода от капитализма к коммунизму в **аграрно-промышленной** стране, **одиноко** возвышающейся над окружающим ее враждебным капиталистическим миром, какой являлась Россия.

Обстановка весны 1921 г.—окончание гражданской войны, хозяйственный и политический кризис, обусловленный политикой «военного коммунизма»—потребовала **перемены основного курса экономической политики**, характеризующего предыдущий период. Новая обстановка потребовала **иного** подхода, **иной** системы мероприятий, **иного** плана восстановления крупной промышленности и подведения прочного материального фундамента под диктатуру пролетариата.

Новый план, новый курс экономической политики, провозглашенный нашей партией и советской властью весной 1921 г.,

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 371, 369, 389.
[2]) Там же, стр. 409.
[3]) Там же, стр. 391.

за который стоим сейчас и над претворением которого в практическое социалистическое строительство работали и продолжают работать все государственные, хозяйственные и партийные органы, этот новый курс экономической политики, в отличие от прежнего «типа реформистского: не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления» [1].

Этот иной подход к решению основной задачи социалистического хозяйственного строительства—к восстановлению и развитию крупной промышленности, этой экономической базы диктатуры пролетариата и основы для перевода мелкого крестьянского хозяйства на рельсы обобществленного крупного производства—сам, в свою очередь, опять-таки обусловливался и диктовался определенным состоянием производительных сил нашей крупной промышленности. «Если нет цветущей крупной промышленности,—говорил Ленин на IX Всер. С'езде Советов,—способной организоваться так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития мощного союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием под руководством и контролем рабочего государства,—никакого иного пути нет... И только в этом и состоит основа и сущность нашей новой экономической политики» [2] (курсив мой. *Я. Б.*). «В этих условиях,—говорит Ленин,—«не может быть другой экономической связи между крестьянством и рабочими, т.-е. земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля» (курсив мой. *Я. Б.*).

В период так наз. «военного коммунизма» мы грешили против необходимости согласованного под'ема производительных сил всей страны—и промышленности и сельского хозяйства. Отменой свободной торговли, «закупоркой» свободного экономического оборота между городом и деревней (хотя и необходимой и неизбежной в обстановке осажденной крепости) и из'ятием всех крестьянских излишков в порядке продразверстки мы лишили мелкого производителя—и крестьянина и кустаря—всякого стимула к под'ему своего производства выше минимума, необходимого для обеспечения его собственного существования. Отсюда развитие сельского хозяйства стало направляться не в сторону укрепления экономических связей с крупной городской промышленностью, а в сторону их ослабления через возвращение к натуральному замкнутому в себе хозяйству. Восстановление крупной промышленности оттянулось, более того, оно стало под угрозой полного срыва, и вместе с тем под угрозой падения стала диктатура пролетариата.

Поэтому при новой экономической политике мы подходим к решению нашей основной задачи—восстановление крупной промышленности, способной реорганизовать крестьянское земледелие—со стороны немедленного под'ема производительных сил

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 410.
[2] Там же, стр. 434; об этом же стр. 413.

крестьянского хозяйства посредством замены продразверстки продналогом и оживления оборота земледелия и промышленности, обмена продуктов крупной и мелкой промышленности на излишки крестьянского хозяйства. «Все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частно-хозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма... но практически оборота не двигать» [1]). «Обнаружилась отсрочка восстановления крупной промышленности,—пишет Ленин в другом месте,—значит надо налечь на более доступное: восстановление мелкой промышленности. Помочь делу с этой стороны, подпереть этот бок полуразваленного войной и блокадой строения. Всячески и во что бы то ни стало развить оборот, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас (экспроприацией помещиков и буржуазии в экономике, рабоче-крестьянской властью в политике) достаточно узкие, достаточно «умеренные» [2]).

Следовательно, с весны 1921 г. мы прежний курс на непосредственный переход от капитализма к коммунизму сменили на курс посредственного перехода, при помощи посредствующего звена в виде частно-хозяйственного капитализма, который становится «между мелким производством и социализмом: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил» [3]). И новый подход к решению основной задачи социалистического хозяйственного строительства сводился прежде всего к тому, чтобы поднять, подтянуть крестьянское хозяйство посредством оживления оборота промышленности и земледелия, установить смычку социалистической экономики со старой мелко-крестьянской экономикой, использовать оборот и вырастающий на его основе капитализм для дальнейшего постепенного под'ема производительных сил страны и воспользоваться общим экономическим оживлением, под'емом производительных сил всей страны «для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности», не отставая в этой области работы от движения производительных сил мелкого частного производства и не забегая слишком вперед, и не отрываясь этим по-прежнему от сельскохозяйственной базы, а на основе общего под'ема производительных сил земледелия и промышленности над их теперешним уровнем, на основе «величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве» двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем» [4]). «Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально,—говорит т. Ленин,—с одной лошади на другую: именно, с лошади крестьянской, му-

[1]) Там же, стр. 225.
[2]) Там же, стр. 221.
[3]) Там же, стр. 222.
[4]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 29.

жицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии» [1]).

Восстановление и развитие производительных сил крупной промышленности совершается, следовательно, на основе общего под'ема производительных сил нашей страны, на основе согласованного под'ема производительных сил крупной промышленности и мелкого производства, в первую голову, мелкого крестьянского хозяйства, и на основе оживления оборота между городом и деревней. А так как на основе мелкого производства и торговли происходит, — как говорил Ленин,—«неизбежное в известной мере и необходимое нам развитие капитализма», то весь восстановительный процесс нашей крупной промышлености и процесс реконструкции ее проходил и будет проходить в противоречивой форме борьбы социализма с капитализмом прежде всего внутри, в пределах нашего Советского Союза. «Народно-хозяйственный план каждого года посильно решает вопрос о том, «кто кого?», по какому руслу, социалистическому или капиталистическому идет под'ем производительных сил нашей страны. Вся совокупность народно-хозяйственных мероприятий в целом и каждое из них в отдельности должны быть прозеряемы под этим генеральным углом зрения нашей экономической (и не только экономической) политики» [2]).

Мы идем по линии использования капитализма в качестве пособника социализму, «посредствующего звена между социализмом и мелким производством», и мы используем его как в сфере производства, так и сфере обращения для смягчения товарного голода и обслуживания сферы обращения, обеспечивая ему возможность известного накопления. Этим мы известным образом содействуем укреплению враждебных социализму хозяйственных элементов. Однако такие предпосылки, как национализация средств производства, транспорта, кредита, монополии внешней торговли и национализации земли—в экономике, и диктатуры пролетариата—в политике—все эти предпосылки одновременно путь использования капитализма превращают в путь подчинения его государственному регулированию, овладевания им и преодолевания его.

Следовательно, использование капитализма в качестве «посредствующего звена между мелким производством и социализмом» одновременно должно быть постепенное его ограничение и окончательное его устранение на определенной ступени развития социалистических командных высот, прежде всего социалистической крупной промышленности. Поэтому решение вопроса «кто кого?» в пользу социализма не означает всегда и при всех условиях абсолютное сокращение или полное исчезновение капиталистических элементов в нашей хозяйственной системе. Наша задача прежде всего сводится к тому, чтобы использовать все наши командные высоты для такого распределения и перераспределения производительных сил между капитализмом и социализмом, который гарантировал бы более

[1]) Там же, стр. 133.

[2]) «Контр. цифры нар. хоз. СССР на 1927/28 г.», стр. 27.

быстрый темп развития социалистического сектора, в первую голову, социалистической крупной промышленности. Это будет означать рост удельного веса социалистического сектора за счет сокращения удельного веса частно-капиталистического сектора в экономике нашего Союза, более быстрый рост социалистической организации производства и распределения продуктов.

И когда социалистическая крупная промышленность достигнет такого уровня развития, который обеспечивает за ней возможность «снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде» через государственно-кооперативную товаро-проводящую сеть, тогда встанет вопрос о «немедленном разрыве фактических отношений экономического союза или экономического «сожительства» с капиталистом». Тогда установится порядок, когда продукты промышленности будут вырабатываться исключительно на социалистических фабриках и заводах и обмениваться на продукты крестьянского хозяйства через торговые органы государственной власти, принадлежащей рабочему классу, и через рабоче-крестьянскую кооперацию.

Тот же новый подход к задаче восстановления и развития крупной машинной индустрии через оживление взаимодействия социалистической промышленности и мелкого производства чрезвычайно большое значение придал торговле и поставил ее в центре нашего внимания. «Торговля есть единственно возможная» экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, индустрии, способной и по своей технической мощи и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде» (курсив мой. *Я. Б.*).

«Торговля—вот то звено в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 годов, за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской, государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии... Иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать» [1]).

Такое особое значение и внимание, которое приобрела торговля в нашем экономическом строительстве с 1921 г., об'ясняется тем особым положением и той особой ролью, которую она выполняет в экономике страны вообще. «Торговля повсюду,—говорит Маркс,—влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью, главным образом, потребительную стоимость. Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 412—413.

процесс разложения, т.-е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства» [1] (курсив мой. Я. Б.).

В буржуазном строе капиталистическая крупная промышленность, образующая экономическую базу общества и представляющая движущую силу всякого прогресса, господствует над торговлей, революционизирует постоянно торговлю, и развитие последней «повсюду развивает производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость»; разлагая все прежде существовавшие способы производства, развитие торговли здесь ведет неизбежно к капиталистическому способу производства.

В нашем Союзе характер старого способа производства коренным образом изменился. Крупная промышленность—эта экономическая база буржуазного общества—сменила свою капиталистическую форму на социалистическую, стала экономической базой диктатуры пролетариата и основой для перехода к социалистической хозяйственной организации. Однако в условиях отсталости нашей страны и разрухи крупной социалистической промышленности свобода торговли приобрела значение палки о двух концах. С одной стороны, поскольку торговля является экономической связью между социалистической крупной промышленностью и мелким производством вообще, в первую голову, мелким крестьянским хозяйством, постольку ее развитие и оживление обеспечивает возможность развития мелкого производства, прежде всего мелкого крестьянского хозяйства, в направлении к социализму. Но, с другой стороны, в обстановке почти полного развала нашей социалистической крупной промышленности не исключена была возможность, что развитие торговли восстановит экономическую связь и взаимодействие между мелким производством и капиталистической промышленностью, возникающей на основе торговли и мелкого производства, или же между нашим мелким производством, в первую голову, крестьянским хозяйством и мировой крупной капиталистической промышленностью. В этом случае развитие торговли привело бы мелкое производство не к социализму, а к капитализму, а диктатуру пролетариата—к буржуазной демократии.

Словом, перед нами стали два теоретически возможные направления развития мелкого производства, в первую очередь, крестьянского хозяйства: или к социализму или обратно к капитализму, в зависимости от того, кто овладеет механизмом торговли, кто будет господствовать над сферой обращения: государственно-кооперативный капитал или частный капитал.

Перед нами стала задача громадной важности—«овладеть торговлей, дать ей направление, поставить ее в известные рамки» (Ленин). Первой нашей задачей на этом пути было—изолировать нашу экономику от более высоко стоящей капиталистической ми-

[1]) Капитал, т. III, ч. 1, стр. 316, изд. 1922 г.

ной крупной промышленности путем установления монополии внешней торговли. А уже потом, за этой высокой стеной, защищающей нашу переходную экономику от экономической интервенции международного капитала, мы занялись оживлением оборота внутри нашей страны между социалистической и мелкой промышленностью и сельским хозяйством, используя это оживление для восстановления крупной социалистической промышленности и постепенного овладевания самой торговлей. В меру восстановления наших экономических командных высот, прежде всего крупной социалистической промышленности, в меру нашего материального и организационного роста и укрепления проходил процесс все большего и большего охвата торгового оборота, прежде всего оптово-государственно-кооперативной торговой сетью. В настоящее время этот процесс вытеснения частного капитала государственно-кооперативным из сферы обращения зашел так далеко, что по целому ряду отраслей социалистическая крупная промышленность получает возможность через государственно-кооперативный оборот непосредственно связываться с мелким производителем города и деревни, получает возможность оказывать прямое влияние на само мелкое производство в сторону направления его к социализму.

Если на базе капиталистической крупной промышленности развитие торговли разлагающим образом влияло на все прежние способы производства и развивало производство везде в направлении к капиталистическому способу производства, если капиталистическая крупная промышленность овладевала, подчиняла себе все докапиталистические формы производства прежде всего в сфере обращения и через сферу обращения, то в условиях нашего Союза, при наличии мощных экономических командных высот в руках пролетариата,—социалистическая крупная промышленность, по мере своего укрепления, приобретала экономическую возможность вести за собою мелкое производство в направлении к социализму через кооперирование мелких производителей, прежде всего как продавцов-покупателей, затем и как производителей. Мелкое производство подчиняется или попадает под влияние социализма прежде всего в сфере обращения через кооперирование на почве снабжения и сбыта, а уже через сферу обращения социалистическая крупная промышленность непосредственно связывается с мелким производством, начинает влиять технически и организационно на него в сторону перехода к ассоциированному крупному производству.

Разница между капитализмом и социализмом здесь только в способах, методах перевода прежде существовавших способов производства к новому, более высокому. «Простой товаропроизводитель в сельском хозяйстве в капиталистическом обществе может превращаться либо в мелкого капиталиста, либо в пролетария. У него нет третьего пути развития. В условиях пролетарской диктатуры этот путь имеется, поскольку через массовую кооперацию (как в сфере обмена, так все больше и в сфере производства) мелкий товаропроизводитель может систематически втягиваться в процесс общего социалистического строительства. С другой стороны, именно в силу особых условий развития при пролетарской диктатуре беднота имеет возрастающую возможность передвигаться в средние группы крестьянства. Таким образом,

своеобразие процесса дифференциации у нас приводит к дальнейшему росту середняцкого слоя»[1]).

Весь прогресс производительных сил в нашем Союзе приводит нас все ближе и ближе к социализму. Мы твердыми верными шагами приближаемся к тому моменту, когда утвердится нормальный, правильный социалистический продуктообмен между социалистической крупной промышленностью и мелким крестьянским земледелием; когда продукты промышленности будут в достаточном количестве производиться исключительно на социалистических фабриках, перевозиться по социалистическому транспорту и обмениваться на продукты крестьянского хозяйства через рабоче-крестьянскую кооперацию и торговые органы пролетарского государства.

И уже после этого мы окажемся в состоянии обеспечить более быстрый массовый «дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том,—говорит Ленин,—чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое мелкое, обособленное крестьянское хозяйство постепенно об'единялось, сорганизовало бы общественное, крупное земледельческое хозяйство»[2]).

Дальнейший переход будет означать быстрый и массовый под'ем мелкого раздробленного крестьянского хозяйства на современную техническую базу, на базу электрификации, быстрый и массовый процесс производственного кооперирования деревни. Результатом второго этапа должно быть постепенное преодолевание экономической, политической и культурной противоположности между городом и деревней, преодолевание классов и государства вообще. Этот второй этап должен подвести нас вплотную к коммунизму.

И так как на основе новой экономической политики наше социалистическое хозяйственное строительство протекает под влиянием и давлением двух регуляторов равновесия, экономической системы—плана и рынка, то общий под'ем социалистического сектора, который за прошлые годы происходил, продолжает происходить теперь и будет происходить за счет сокращения и отставания частно-капиталистического сектора,—этот общий под'ем одновременно есть процесс преодолевания анархии планом как в производстве, так и в сфере обращения. Наше хозяйственное развитие идет по линии преодолевания общественного разделения труда, этого основного источника непроизводительных расходов всякого неорганизованного способа производства. Мы внедряем план постепенно во все поры общественного организма, мы идем по пути «налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»[3]) (курсив мой. *Я. Б.*). А этот путь есть путь «величайшей экономии», необходимой нам для индустриализации нашей страны, для восстановления и быстрого развития нашей крупной социалистической

---

[1]) Тезисы о работе в деревне, § 7, утв. Пл. ЦК и ЦКК ВКП от 21–23 октября 1927 г.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 189.

[3]) Там же, т. XV, стр. 194.

промышленности, этой основы всего социалистического развития нашего Союза.

Итак, рассматриваемый со всех сторон процесс восстановления и развития производительных сил нашей страны с момента Октябрьского переворота 1917 г. достигается отличными от капиталистического мирового хозяйства методами и приемами, протекает в отличном от капитализма направлении. Что касается нашей страны, то в ней, при отсутствии интервенции, обеспечено развитие в направлении к социализму, обеспечено построение социализма.

Но растущий в СССР социализм сможет расширять постепенно свою базу за счет окружающего нас мирового капиталистического хозяйства, социалистические тенденции развития нашего хозяйства сумеют прокладывать себе дорогу за пределами нашего Союза только через, вслед и в меру превращения нашей социалистической революции из национальной в мировую. Только после свержения буржуазии, только на основе диктатуры пролетариата в других странах может проходить процесс включения этих последних в систему социалистического общественного разделения труда, в систему социалистической организации производства и распределения продуктов.

Но, как бы не проходило дальнейшее развертывание и развитие мировой пролетарской революции и развитие мирового хозяйства в направлении к социализму, окончательная победа социализма над капитализмом в мировом масштабе будет зависеть от того, сумеет ли растущий социализм не только догнать, но и перегнать капитализм в деле развития производительных сил, производительности труда. «Производительность труда—это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда. Это—дело очень трудное и очень долгое, но оно начато» [1]).

* * *

На чем покоилась более высокая производительность труда капитализма над крепостничеством? И на чем должна покоиться более высокая, по сравнению с капитализмом, производительность труда при социализме?

Выяснению этих вопросов будут посвящены следующие очерки.

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 254.

Крестьянство как социально-экономическая категория *).

(По работам Маркса и Энгельса).

О. Танхилевич [1]).

1.

В интересах анализа обычно приходится расчленять то, что в об'ективной действительности дано слитно, нераздельно. Так и в данном случае мы рассмотрим в отдельности экономическое, социальное и политическое значение крестьянства и постараемся затем установить взаимозависимость этих категорий.

Известно, что Маркс и Энгельс рассматривали крестьянство, как «остаток прошлого (феодального) способа производства» (Энгельс). Следовательно, экономическая и социальная сущность крестьянства будут понятны лишь в том случае, если начать анализ с эпохи феодализма.

«Если древность исходила из города и прилегавшей к нему небольшой области, то Средневековье исходит из деревни» [2]). Деревня—центр экономики при натуральном хозяйстве, а крестьянин—его главная производительная сила. Земля выражает все условия труда, поэтому жизнь всего общества зависит от мелкого сельского хозяйства. Но именно в силу того, что земля выражает в с е условия труда, а собственность на эту землю находится в руках у феодала-помещика,—экономические отношения усложняются внеэкономическим принуждением.

«Она (феодальная собственность. *О. Т.*), подобно родовой и общинной собственности, тоже покоится на общественной организации, которой, в качестве непосредственно производящего класса, противостоят, однако, не рабы, как в древности, а мелкие крепостные крестьяне... И е р а р х и ч е с к о е р а с ч л е н е н и е з е м е л ь н о й с о б с т в е н н о с т и и с в я з а н н а я с э т и м с и с т е м а в о о р у ж е н н ы х д р у ж и н д а в а л и д в о р я н с т в у в л а с т ь н а д к р е п о с т н ы м и. Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, являлась ассоциацией, направленной против порабощенного производительного класса» [3]). То же говорит и Маркс в III т. «Капитала», в главе, посвященной воз-

---

*) В порядке обсуждения. *Ред.*

[1]) Эта статья представляет собой одну из глав печатаемой в Гизе работы: «Маркс и Энгельс о крестьянстве». Мы остаемся здесь целиком в пределах Марксова анализа, не затрагивая совсем работ марксистов на ту же тему.

[2]) М а р к с, Немецкая идеология,—«Архив Маркса и Энгельса» кн. I, стр. 255.

[3]) Там же, стр. 255. Курсив наш.

никновению капиталистической земельной ренты: «Далее, ясно, что во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, средств, необходимых для производства его собственного существования, отношение собственности необходимо будет выступать как непосредственное отношение господства и подчинения, следовательно, непосредственный производитель—как несвободный»[1]).

Это положение о внеэкономическом принуждении и о роли сословия,—института, санкционировавшего это внеэкономическое принуждение—играет существеннейшую роль при анализе социальной сущности крестьянства эпохи феодализма.

Итак, натуральное хозяйство стоит и падает, вместе с мелким крестьянским хозяйством. Совершенно иную картину наблюдаем мы, переходя к капиталистическому способу производства. Здесь мелкое крестьянское хозяйство [2]) теряет свое былое значение. То самое мелкое хозяйство, которое при натуральном способе производства имело первостепенное экономическое значение, при капитализме превращается в свою собственную противоположность. Спрашивается, почему это происходит? Почему мелкий крестьянин не может стать необходимым звеном капиталистической экономики, а занимает в ней лишь жалкое место «остатка прошлого способа производства»?

Земля выступает при натуральном способе ведения хозяйства, как простое орудие труда. Господствующее общественное отношение в эту эпоху это, естественно, отношение собственности на землю. Напротив, при капитализме господствующей, определяющей все прочие общественные отношения, становится категория стоимости и прибавочной стоимости. Закон ценности и прибавочной ценности видоизменяет и разлагает также и отношение собственности на землю. Земля из простого орудия труда становится для своего владельца источником капиталистической ренты. Но именно в силу того, что мелкий крестьянин продолжает относиться к земле, как к простому орудию труда, он выпадает из капиталистической экономики. В этом заключается своеобразная «диалектика становления» крестьянства.

«...При системе парцеллирования земля служит для ее собственника просто средством производства»[3]). Поэтому категория капиталистической ренты неприменима к мелкому крестьянскому хозяйству. Мало того. Мелкий крестьянин и к прочим своим средствам производства относится так же лишь, как к простым орудиям труда, а не как к капиталу. Поэтому к мелкому крестьянскому хозяйству не применимы также и прочие конкретные категории капиталистической экономики, как средняя прибыль и цена производства. «Пределом эксплоатации для парцеллярного крестьянина не является ни средняя прибыль на капитал, с одной стороны, поскольку сам он является мелким капиталистом; ни необходимость ренты, с другой стороны, поскольку сам он является землевладельцем. Абсолютной грани-

---

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, гл. 47, изд. под ред. Рязанова и Степанова, стр. 326.

[2]) Здесь и в дальнейшем речь идет не о всяком крестьянском хозяйстве, а лишь о собственно крестьянском, или—как его называли Маркс и Энгельс—мелком крестьянском хозяйстве.

[3]) Маркс, Классовая борьба во Франции, стр. 102.

цей для него, как для мелкого капиталиста, является лишь заработная плата, которую он выплачивает сам себе, за вычетом издержек собственно»[1]).

Говоря о месте мелкого крестьянского[2]) хозяйства в капиталистической экономике, необходимо различать «чистый», или абстрактный капитализм от конкретных капиталистических отношений. Маркс всегда и всюду рассматривал людей, вещи и отношения, как исторические категории, и в этом его основное преимущество перед классической политической экономией. Но, раскрывая смысл всякого понятия, как исторически обусловленного общественного отношения, Маркс не останавливался на чисто логическом анализе категорий. Результаты своего абстрактного анализа он применял не только к изолированному общественному способу производства, но и к конкретным отношениям.

В «чистом», или абстрактном, капитализме вообще нет места никаким иным социальным прослойкам, кроме капиталистов и наемных рабочих, выражающих основное отношение буржуазного способа производства. Здесь нет места ни мелкому крестьянину, ни крупному землевладельцу. Напомним место из «Теорий прибавочной стоимости»: «...при предположении капиталистического способа производства капиталист является не только необходимым, но и господствующим агентом производства. Напротив, землевладелец при этом способе производства является совершенно излишним... Землевладелец, столь важный агент производства в древнем и средневековом мире, в промышленном мире представляет собой бесполезный нарост».

Но если крупный землевладелец не играет никакой роли в «чистом» капитализме, то в конкретном капитализме он выполняет весьма существенную функцию, отрывая непосредственных производителей—в данном случае крестьян—от необходимого условия их труда, земли. Капиталистический способ производства характеризуется разрывом между непосредственным производителем и средствами производства. Поскольку землевладелец в капиталистическом обществе берет на себя выполнение этой роли, он является необходимым звеном буржуазного строя. Экспроприируя земельную собственность у непосредственного производителя, землевладелец, как бы, олицетворяет собой саму эту землю, это «существенное условие производства», он, как бы, отождествляется с ней.

Поэтому Маркс и говорит: «Земельная собственность не имеет никакого отношения к действительному процессу производства. Роль ее ограничивается тем, что она перемещает часть произведенной прибавочной стоимости из кармана капитала в свой собственный. Тем не менее, земельный собственник играет известную роль в капиталистическом процессе производства, не только благодаря тому давлению, которое он оказывает на капитал, и не просто благодаря тому, что крупная земельная собственность является предпосылкой и условием капиталистического способа производства, так как она является предпосылкой и условием экспроприации условий труда у рабочих; но, в особенности, и

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 342.

[2]) В дальнейшем речь будет итти исключительно о мелком крестьянском хозяйстве, т.-е. собственно крестьянском хозяйстве. Крупное или кулацкое хозяйство, приближающееся по своим методам хозяйствования к капиталистическому хозяйству, здесь не принимается во внимание.

потому, что земельный собственник выступает, как персонификация одного из существеннейших условий производства»[1]).

Крупный землевладелец ассимилируется в капиталистическом мире, благодаря тому, что он осуществляет функцию отрыва непосредственных производителей от средств производства. Но в чистом капитализме нет нужды в такой категории, как крупное землевладение. В абстрактном капитализме отрыв непосредственных производителей от средств производства можно мыслить в виде национализации земли.

В существенно ином положении оказывается мелкий крестьянский собственник. Так как его мелкое хозяйство не имеет отношения ни к категории ренты, ни к категории средней прибыли на капитал,—он и в недрах капитализма продолжает оставаться «остатком прошлого способа производства». «Их (крестьян) производство не подчинено капиталистическому способу производства»[2]). Наличие мелкого крестьянского хозяйства показывает лишь недостаточную развитость капиталистических отношений.

Но означает ли это, что крестьянское хозяйство не входит во взаимоотношение с господствующим капиталистическим сектором общественного производства? Отнюдь нет. Взаимодействие между крестьянским и капиталистическим хозяйством есть, но оно очень своеобразно.

Маркс указывает, что бывают общества, в которых уже господствует один способ производства, но он еще не подчинил себе целиком все прочие производственные отношения. В таких случаях влияние господствующего общественного отношения проявляется, подчас, чисто внешним образом, формально. Например, в феодальном обществе, даже простые денежные отношения—очень далекие от сущности феодализма—приобретают отпечаток феодальных отношений. То же в капиталистическом мире происходит с мелким крестьянским хозяйством.

«Здесь перед нами выступает особенность, характерная для общества, в котором преобладает один способ производства, но еще не все производственные отношения окончательно подчинены ему. Напр., в феодальном обществе... феодальное выражение приобретается даже такими отношениями, которые очень далеки от сущности феодализма, напр., простыми денежными отношениями, в которых речь идет вовсе не о взаимных личных услугах сюзерена и вассала. Примером может служить фикция, состоящая в том, что мелкий крестьянин владеет своим имением на ленном праве. Точно так же при капиталистическом способе производства независимой крестьянин...»[3]).

Маркса здесь не следует понимать превратно. В интересах ревизионистов и эсеров было утверждать, что капиталистическое развитие не имеет никакого отношения к деревне, сельскому хозяйству. Сельское хозяйство, якобы, развивается по каким-то там своим, своеобразным путям и тому подобное. Маркс, напротив, считал, что развитие сельского хозяйства не есть нечто принципиально отличное от развития городской промышленности. Влияние капитализма выражается в том, что натуральные отно-

[1]) Маркс. Капитал, т. III, ч. 2, стр. 358.
[2]) Маркс, Теория прибавочн. стоим., ч. I, Приложение, стр. 275; не лишне напомнить, что речь идет о мелком крестьянском хозяйстве.
[3]) Там же.

шения в деревне вытесняются торгово-денежными отношениями. В области социальной происходит процесс «вымывания» середняка, появляются два полюса—батрак и сельский капиталист (безразлично, будь то крупный землевладелец, капиталистический арендатор либо крестьянин-кулак).

Но на ряду с этой капиталистической деревней продолжает уживаться мелкий крестьянин (в России—середняк и в известном смысле бедняк, поскольку он имеет самостоятельное хозяйство). Поскольку хозяйство этого крестьянина на $^9/_{10}$ ведется старыми методами, поскольку оно носит характер натурального хозяйства, наемный труд, как правило, не употребляется,—постольку влияние на него капиталистических отношений остается, в основном, чисто внешним. Когда же влияние капитализма из внешнего становится действительным, реальным, это означает одно из двух: либо середняк разорился, либо перешел в высшую категорию, стал капиталистом-кулаком. Таким образом, здесь происходит своеобразная борьба двух начал: старого натурального способа производства с новым—капиталистическим. Капитализм в той или иной форме неизбежно побеждает в конечном счете. Но это не исключает известной—до поры до времени—живучести мелкособственнического сельского хозяйства.

Крестьянское хозяйство входит во взаимодействие с капиталистическим миром, и эта зависимость его от господствующих товарно-денежных отношений проявляется прежде всего в том, что крестьянин становится продавцом хлеба, товаропроизводителем. Но отсюда вовсе не следует, что тем самым крестьянское хозяйство подпадает целиком под действие капиталистических законов. Товарное крестьянское хозяйство имеет свои собственные законы развития. Категория капиталистической прибыли, цены производства и ренты, как мы видели, не имеет никакого отношения к мелкому товарному хозяйству.

Но мелкое товарное сельское хозяйство, все же, может получать дифференциальную ренту. Что это за рента? Подобно тому, как Маркс различал до-капиталистические формы ренты—отработочную, натуральную и денежную,—он отличает также капиталистическую ренту от ренты, получаемой с парцеллярного крестьянского земельного участка. Отработочная, натуральная и денежная формы ренты, выражавшие отношения между помещиками и крепостными, были формами не-капиталистической ренты. Феодальная рента опиралась на внеэкономическое принуждение и выражала не «избыток сравнительно со средней прибылью», как капиталистическая рента, а была «нормальной формой прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда, передаваемого собственнику условий производства»[1]).

Подобно этому, рента с парцеллярного участка не является капиталистической рентой. В противоположность натуральной и трудовой формам ренты, парцеллярная рента не опирается больше на внеэкономическое принуждение; но, с другой стороны, она не есть также и избыток над средней прибылью, так как категория средней прибыли здесь не применима. Парцеллярная рента есть добавочная прибыль (или добавочный продукт) тех крестьян, которые обладают лучшими участками земли. Наконец, особенность ренты заключается здесь в том, что она не принимает

---

[1]) Маркс. Капитал, т. III, ч. 2, стр. 334.

обособленной формы прибавочной стоимости», но идет в карман самого крестьянина—земельного собственника.

«По существу дела сами производители, крестьяне, должны потреблять здесь преобладающую долю сельскохозяйственного продукта, как непосредственное средство существования, и только избыток над этим может, как товар, принимать участие в торговле с городами. Как бы ни регулировалась здесь средняя рыночная цена земледельческого продукта, дифференциальная рента, избыточная часть цены товаров, с лучших или лучше расположенных земель, очевидно, должна существовать здесь точно так же, как при капиталистическом способе производства. Даже в тех случаях, когда эта форма существует при состояниях общества, при которых еще, вообще, не развилась общая рыночная цена, дифференциальная рента, все же, есть; тогда дифференциальная рента выступает в виде прибавочного продукта»[1]).

Что же касается абсолютной ренты, то «приходится, в общем, предполагать, что абсолютной ренты не существует и что, следовательно, наихудшая земля не приносит никакой ренты, так как абсолютная рента или предполагает, что реализуется избыток стоимости продукта над его ценой производства, или предполагает избыточную монопольную цену, превышающую стоимость продукта»[2]).

Взаимоотношение мелкого крестьянского хозяйства с капиталистическим сектором производства этим не исчерпывается. Если влияние капиталистических отношений на мелкое сельское хозяйство выражается в его растущей товарности, то и—обратно—мелкое товарное хозяйство воздействует на капиталистический сектор. Поскольку мелкое сельское хозяйство вступает в товарный обмен не как капиталистическое хозяйство, а как «остаток прошлого способа производства», оно привносит сюда отношения, противоречащие капиталистическому способу производства. В этом, между прочим, кроется секрет известной конкурентоспособности мелкого крестьянского хозяйства. В силу того, что мелкий крестьянин ищет лишь рабочей заработной платы, а не рассчитывает на прибыль, он может конкурировать с крупным капиталистическим земледелием, продавая свой хлеб по более низким ценам.

На теоретическом языке это означает, что мелкое крестьянское хозяйство может препятствовать процессу выравнивания нормы прибыли, т.-е. может препятствовать выражению в чистом виде законов капиталистической экономики. Поэтому, Маркс, говоря о выравнивании нормы прибыли, указывает, что это «выравнивание наталкивается на значительные препятствия в том случае, когда многочисленные и обширные отрасли производства, эксплоатируемые не-капиталистическим путем (например, земледелие мелким крестьянством), втираются между предприятиями капиталистическими и связываются с ними»[3]).

Причины возможности существования мелкого крестьянского хозяйства, этого «варварского способа производства», на ряду с капиталистическим земледелием, коренятся, следовательно, в том,

[1]) Там же, ч. 2, стр. 341—342. Курсив наш.
[2]) Там же. В нашу задачу, конечно, не входит детальное рассмотрение вопроса о ренте, абсолютной и дифференциальной, в крестьянском хозяйстве.
[3]) Капитал, т. III, ч. 1, гл. 10, стр. 148.

что крестьянин, что называется, «сбивает цены» у капиталистического предпринимателя. Крестьянин покупает землю по более высоким ценам и платит более высокую арендную плату, ибо земля представляет для него, попрежнему, все условия труда; это располагает, естественно, землевладельца к отдаче земли мелкими участками. Крестьянин, наконец, продает хлеб по более низким ценам. Конечно, такая борьба с капиталистом за существование обходится мелкому крестьянину не дешево. И высокие цены на землю, и низкие цены на хлеб идут за счет самоэксплоатации, пониженного жизненного уровня, за счет отдачи землевладельцу не только ренты и прибыли, но и части заработной платы.

Известная конкурентоспособность мелкого земледелия, построенная на таких гнилых—с точки зрения капиталистического производства—основаниях, не может приостановить или задержать процесс его уничтожения. Мелкое крестьянское хозяйство неудержимо влечется к гибели. Этот неизбежный процесс в довольно резкой форме изображен и у Маркса [1]), и у Энгельса. «Капиталистическое крупное производство так же легко переступит через их бессильное устаревшее мелкое хозяйство, как поезд железной дороги через тачку» [2]). А также в другом месте: «Подобно тому, как механическое прядение и ткачество вытеснили самопрялку и ручной ткацкий станок, так и эти новые сельскохозяйственные способы производства должны беспощадно уничтожить крестьянское мелкое хозяйство и заменить его крупным земледельческим хозяйством, если... если им судьба подарит необходимое для этого время» (т.-е. если до того времени не произойдет пролетарская революция. *О. Т.*) [3]).

Но все же на ряду и параллельно с концентрацией идет также и процесс парцеллирования поземельной собственности, несколько ослабляющий и замедляющий действие концентрации. «Наконец, если во Франции уже начался поворот от парцеллирования к концентрации, то в Англии крупная поземельная собственность идет гигантскими шагами к раздроблению и неопровержимо свидетельствует о том, что до тех пор, пока вообще продолжают существовать буржуазные отношения, земледелие вынуждено постоянно вращаться в этом круговороте концентрации и парцеллирования» [4]). Чернов, между прочим, очень обеспокоен тем, что этой мысли Маркс уделяет всего «каких-то 6 строк» рецензии на книгу Жирардена, и он умозаключает отсюда, что мысль о двойном процессе концентрации и парцеллировании была для Маркса «случайной». Для вящшего спокойствия Чернова приведем еще одну цитату: «Имела бы, например, в противном случае собственность вообще какую-нибудь историю, принимала ли бы она различные формы, так что, например, земельная собственность, в зависимости от различных условий, развивалась бы во Франции от парцеллярной формы до централизации ее в немногих руках, в Англии же, наоборот, от централизации в немногих руках до парцеллярной формы?» [5]).

---

[1]) См. Капитал, т. III.
[2]) Engels, Die Bauernfrage in Frankreich u. Deutschland,—«N. L.» 1894–5, I B., S. 303.
[3]) Энгельс, Маркс, пер. под ред. Рязанова, стр. 96.
[4]) Aus dem litter. Nachlass, III B., S. 440.
[5]) Немецкая идеология,—«Архив» кн. I, стр. 224.

Наконец, как на одну из причин, задерживающих рост концентрации и рационализации земледелия, Маркс указывал на большую выгодность мелких аренд, что заставляет землевладельца дробить крупные участки земли на мелкие парцеллы.

Основная причина гибели, а потому и центр тяжести критики мелкого земледелия, лежит в нерациональности его методов ведения хозяйства. «Вся критика мелкой земельной собственности, в конце концов, сводится к критике частной собственности, как границы и помехи для земледелия»[1]). При капиталистическом способе производства всякая частная земельная собственность,—и мелкая, и крупная,—является препятствием к рациональному земледелию. Крупная собственность ограничивает арендатора в производительном применении капитала, ибо прибыль, в конечном счете, пойдет в карман землевладельца, а не арендатора. Мелкая же собственность просто ограничена в средствах, чтобы применять к земледелию новейшие достижения науки и техники. Но само по себе крупное хозяйство в земледелии, так же, как и в индустрии, идентично с понятием рационального; мелкое—с понятием нерационального, хищнического способа ведения хозяйства.

В III т. «Капитала» в главе о мелкой крестьянской земельной собственности Маркс перечисляет причины, по которым эта собственность должна неизбежно уничтожиться. Сюда относятся: уничтожение деревенской домашней промышленности, представляющей естественное дополнение и подспорье мелкого хозяйства; постепенное, из года в год, истощение почвы, не получающей соответственного удобрения и обработки; экспроприация общинной земельной собственности с ее лугами и пастбищами, без которых для мелкого хозяйства немыслимо держать скот; конкуренция крупного сельского хозяйства; прогресс агрономической культуры, находящей применение в крупных хозяйствах. Этот прогресс вызывает снижение цен на земледельческие продукты и не компенсируется ничем в мелком земледелии.

Мелкое крестьянское хозяйство нерационально. Оно ставит преграды применению сельскохозяйственных машин и улучшению почвы. Вместе с ростом парцеллирования земельных участков идет и истощение почвы, уменьшается плодородие земли. «В той же мере, в какой дробится земля, уменьшается ее плодородие. Применение машин к возделыванию земли, разделение труда, серьезные способы для улучшения земли, как, например, устройство осушительных и оросительных каналов и т. п., становится все более и более невозможным, тогда как faux frais, непроизводительные расходы по возделыванию растут в одинаковой пропорции с раздроблением самого средства производства» (т.-е. земли. О. Т.)[2]).

Мало того, что мелкое крестьянское хозяйство нерационально. Его беда заключается в том, что оно никогда не может стать иным в пределах капиталистического строя. Основная причина, мешающая крестьянину рационализировать свое хозяйство, заключается в том, что малоземельный крестьянин, обычно, вынужден вкладывать свой денежный капитал не на улучшение культуры земли, а, в первую очередь, на покупку самой земли. Этому положению

---

[1]) Капитал, т. III, ч. 2, стр. 350.
[2]) Маркс, Классовая борьба во Франции, стр. 102.

Маркса, между прочим, огромное значение придавал Ленин при анализе русского экстенсивного земледелия.

«Затрата капитала на покупку земли отвлекает этот капитал от культуры ее»[1]). В этом как раз заключается противоречие капиталистического способа производства. Капитал, затраченный на покупку земли, в противоположность затратам на сырье и орудия труда, не входит в цену производства. При мелком землевладении создается представление, что земля обладает стоимостью и поэтому, в качестве капитала, входит в цену производства. На самом деле это не так. «Затрата денежного капитала на покупку земли не есть приложение земледельческого капитала»[2]).

Уничтожение мелкого земледелия, нерационального, варварского, хищнического хозяйства—таков естественный финал этого «остатка прошлого (феодального) способа производства» в пределах капитализма, если только до того времени пролетарская революция не положит конец всему буржуазному строю в целом.

2.

После анализа экономического значения крестьянства в системе натурального и товарного капиталистического хозяйства, сами собой напрашиваются выводы о его социальной природе. Благодаря той роли, какую мелкое земледельческое хозяйство играло в производственном организме, при феодализме крестьянство было не только единым, но и одним из основных классов общества. Непосредственный производитель эпохи феодализма, или крепостной, владел на ленном праве землей и фактически, и юридически орудиями труда[3]). В силу этого противоречия,— именно: крепостной был собственником орудий труда и лишь владельцем, а не собственником земли,—отношения между непосредственным производителем, крепостным, и феодалом-помещиком неизбежно должны были принять форму внеэкономического принуждения.

Единым классом при феодализме крестьянство было, во-первых, в силу той роли, какую оно играло в общественном производстве; во-вторых, в силу общности материальных интересов и, наконец, в-третьих, в силу общности правового угнетения, бесправия.

Классовая сущность крестьянства, подобно всем прочим классам средневековья, скрывалась за юридической оболочкой сословия. В «Нищете философии»[4]) и в «Немецкой идеологии»[5]) Маркс проводит ту мысль, что в средние века сословие было следствием разделения труда, фиксацией, закреплением за известной личностью определенной отрасли работы. Возможность такой фиксации об'яснялась консервативным застойным характером общественных отношений феодализма, медлительностью общественного развития. Сословный характер приобретало все то, что было непосредственно связано с занятием данного индивидуума, например, сословный капитал (т.-е. капитал, неразрывно связан-

---

1) Капитал, т. III, ч. 2, стр. 344.

2) Там же, стр 347.

3) К России это не имело отношения, ибо здесь имущество крепостных крестьян не отделялось от имущества помещиков.

4) Стр. 142. 137.

5) Стр. 235, 244, 256.

ный с трудом владельца, совершенно не отделимый от него), сословная собственность и проч.

Основные сословия феодального строя—сословия дворян и зависимых крестьян—были результатом известного общественного разделения труда и, вместе с тем, юридической фиксацией того внеэкономического принуждения, в котором выражалось господствующее общественное отношение. Сословный признак крестьянства нужен был феодальному строю для того, чтобы, с одной стороны, узаконить и закрепить на вечные времена то свойство крестьянина, что он непосредственный производитель, работник земли; и чтобы сделать отсюда социальный вывод о несвободе крестьянина и обязанности его своему господину,—с другой.

Итак, понятия класса, сословия и профессии были при феодализме неразрывно связаны между собой, нередко совпадая в своих границах. Классовый признак об'единял известную часть общества в сословие; но и, обратно, юридическое бесправие или, наоборот, привилегии определяли классовую принадлежность. Так, крепостное крестьянство, несмотря на имевшееся в его среде имущественное неравенство, оставалось единым классом.

На наличие такого имущественного неравенства, причину которого он видит в медлительности развития общественных отношений, указывает и Маркс: «Предположим, например, что барщинный труд на земельного собственника первоначально составлял два дня в неделю. Эти два дня барщинного труда в неделю, таким образом, установились, являются постоянной величиной, законно урегулированной обычным или писаным правом. Но производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходимо развивается в процессе его опыта» [1]. Конечно, классовое единство было обусловлено, в первую очередь, незначительным различием в имущественном положении всего крестьянства в целом, а также и монопольной собственностью на землю помещиков-феодалов. Но не последнее место занимало здесь и юридическое бесправие.

Далее, перестав быть сословием, крестьянство больше не существует, как единый класс. Само собой разумеется, что и здесь в основе лежало экономическое отношение, так как раскрепощение крестьян сопровождалось повсеместно отнятием общинных земель, обезземелением крестьян.

При капиталистическом способе производства крестьянство больше не является ни сословием, ни общественным классом. Единственно, что об'единяет еще все крестьянство в целом, это—общность земледельческого труда. Но общность земледельческого труда больше не образует класса. В капиталистическом обществе крестьянин является «пережитком прошлого способа производства»; он не представляет больше собой необходимой социально-экономической величины. С другой стороны, изнутри крестьянство раз'едается процессом дифференциации, отлагает в себе различные прослойки, уже не образующие единого, об'единенного общностью интересов, класса.

Те страницы III т. «Капитала», которые посвящены генезису капиталистической земельной ренты и возникновению капиталистического арендатора из недр феодального общества, имеют пер-

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 330.

второстепенное значение. На них особенное внимание обращал еще Ленин в своей статье о Марксе в «Энциклопедическом словаре» Граната.

Денежная рента есть форма разложения феодальной—отработочной и натуральной—ренты. При денежной ренте—в противоположность непосредственному принуждению при отработочной и узаконенному государством принуждению при натуральной ренте—общественные отношения становятся договорными. Только теперь в прямое договорное отношение землевладелец вступает уже не с непосредственным производителем, землепашцем, а с арендатором. При дальнейшем развитии денежной ренты возникает необходимость отдачи земли в аренду капиталистическим арендаторам. Арендатор становится между землевладельцем и землепашцем. Теперь землепашца эксплоатирует уже не землевладелец, а арендатор, а рента превращается в избыток над капиталистической прибылью.

Каким же образом возникает капиталистический арендатор?

Разложение денежной ренты приводит либо к самостоятельной мелкой крестьянской собственности, либо к возникновению капиталистического земледелия. Генезис капиталистического арендатора таков: это—или пришедший извне капиталист, желающий приложить к земле свой капитал, или же это сумевший «выйти в люди» крепостной крестьянин. Второй путь возникновения капиталистического арендатора есть, вместе с тем, результат процесса расслоения внутри крестьянства, выделения из его среды батраков, с одной стороны, и капиталистических арендаторов,—крупных крестьян,—с другой.

«Превращение натуральной ренты в денежную ренту не только необходимо сопровождается, но даже антиципируется образованием класса неимущих и нанимающихся за деньги батраков. Поэтому в период возникновения этого нового класса, когда он выступает еще лишь спорадически, у обязанных к платежу ренты крестьян, находящихся в лучшем положении, необходимо развивается обыкновение эксплоатировать сельских наемных рабочих за собственный счет,—совершенно так же, как уже в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне, в свою очередь, держали вассалов. Таким образом, для них постепенно развивается возможность собрать известное состояние и самим превратиться в будущем в капиталистов» [1]).

Здесь необходимо обратить внимание на своеобразное понимание дифференциации крестьянства у Маркса и Энгельса. Мы уже видели выше, что Маркс и Энгельс несколько ускоряли темп гибели мелкого крестьянского хозяйства. Аналогичным образом они представляли себе дифференциацию крестьянства, делая большее ударение на процессе пролетаризации крестьянства, чем на процессе выделения крупных крестьян.

«В сфере земледелия,—говорит Маркс,—крупная промышленность действует с величайшей революционностью в том смысле, что она уничтожает оплот старого общества «возделывателя» (крестьянина) и выдвигает на его место наемного рабочего. Таким образом, потребность социального переворота и антагонизмы становятся в деревне одинаковыми с городом. На место самого рутинного и самого нерационального, нецеле-

---

1) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 335.

сообразного производства выступает сознательное технологическое применение науки»[1]). Продолжая ту же мысль Маркса о гибели мелкого хозяйства и мелкой земельной собственности, Энгельс писал в 1894 г.: «Мы имеем твердое экономическое убеждение в том, что крупный и средний крестьянин должны неминуемо погибнуть от конкуренции капиталистического хозяйства и дешевого заокеанского хлеба—как на это указывает все возрастающая задолженность и повсеместно очевидный упадок также и этих крестьян»[2]).

Следовательно, и Маркс, и Энгельс, видя расслоение внутри крестьянства, ведущее, в конечном счете, к выделению батраков, с одной стороны, и крупных крестьян—с другой, представляли себе процесс пролетаризации более быстрым, более ускоренным, чем обратный процесс выделения капиталистов из среды крестьян. По мысли Энгельса, выходит даже, что уже выделившиеся из среды крестьянства средние и крупные слои сохраняют неустойчивое положение и, так сказать, балансируют на высоте лишь с тем, чтобы с еще большей силой ринуться с этой высоты вниз.

О дифференциации крестьянства, помимо т. III «Капитала», мы находим в следующих сочинениях Энгельса: в «Революции и контрреволюции в Германии», в предисловии к «Крестьянскому вопросу в Германии» и в «Крестьянском вопросе во Франции и Германии». Любопытные соображения находим мы также в письме Энгельса к Марксу от 1 ноября 1869 г., в связи с решением Базельского конгресса о земельной собственности.

Энгельс дает, в своих работах, преимущественно характеристику германского крестьянства. В зависимости от того, о какой эпохе идет речь, он намечает различные прослойки в среде крестьянства. В «Революции и контрреволюции в Германии» он различает такие прослойки: 1) крупные и средние крестьяне, владеющие более или менее обширными участками земли и держащими, каждый, по нескольку наемных рабочих; 2) мелкие свободные крестьяне; 3) мелкие феодальные зависимые и 4) сельскохозяйственные рабочие. В предисловии к «Крестьянской войне» Энгельс уже несколько варьирует эту характеристику, различая: 1) сельскохозяйственный пролетариат, 2) мелких парцеллярных крестьян, которые, в свою очередь, делятся: на феодальных, мелких арендаторов (подобно Ирландии) и мелких земельных собственников. Между прочим, в своем письме от 1 ноября 1869 г. Энгельс выделяет крестьян-арендаторов в отдельную группу; 3) крупных крестьян. И, наконец, в 1894 г., когда больше не могло быть речи о феодально-обязанных крестьянах в Германии, Энгельс в «Крестьянском вопросе» различает просто три прослойки внутри крестьянства: мелкое, среднее и крупное крестьянство. Средние и крупные, это такие крестьяне, которые эксплоатируют наемный труд, «которые не могут обойтись без батраков и батрачек и даже поденщиков».

Что касается классовой принадлежности, то Энгельс каждую прослойку характеризует так: сельскохозяйственный пролетариат, это—часть всего рабочего класса в целом. Крупные крестьяне—относятся к буржуазии»[3]). К собственно-крестьянам относятся

[1]) Маркс, Капитал, т. I, под ред. Степанова, стр. 506. Курсив наш.
[2]) Engels, Die Bauernfrage usw.,—«N. Z.», S. 304.
[3]) Предисловие к „Крестьянской войне", стр. 19.

востепенное значение. На них особенное внимание обращал еще Ленин в своей статье о Марксе в «Энциклопедическом словаре» Граната.

Денежная рента есть форма разложения феодальной—отработочной и натуральной—ренты. При денежной ренте—в противоположность непосредственному принуждению при отработочной и узаконенному государством принуждению при натуральной ренте—общественные отношения становятся договорными. Только теперь в прямое договорное отношение землевладелец вступает уже не с непосредственным производителем, землепашцем, а с арендатором. При дальнейшем развитии денежной ренты возникает необходимость отдачи земли в аренду капиталистическим арендаторам. Арендатор становится между землевладельцем и землепашцем. Теперь землепашца эксплоатирует уже не землевладелец, а арендатор, а рента превращается в избыток над капиталистической прибылью.

Каким же образом возникает капиталистический арендатор?

Разложение денежной ренты приводит либо к самостоятельной мелкой крестьянской собственности, либо к возникновению капиталистического земледелия. Генезис капиталистического арендатора таков: это—или пришедший извне капиталист, желающий приложить к земле свой капитал, или же это сумевший «выйти в люди» крепостной крестьянин. Второй путь возникновения капиталистического арендатора есть, вместе с тем, результат процесса расслоения внутри крестьянства, выделения из его среды батраков, с одной стороны, и капиталистических арендаторов,—крупных крестьян,—с другой.

«Превращение натуральной ренты в денежную ренту не только необходимо сопровождается, но даже антиципируется образованием класса неимущих и нанимающихся за деньги батраков. Поэтому в период возникновения этого нового класса, когда он выступает еще лишь спорадически, у обязанных к платежу ренты крестьян, находящихся в лучшем положении, необходимо развивается обыкновение эксплоатировать сельских наемных рабочих за собственный счет,—совершенно так же, как уже в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне, в свою очередь, держали вассалов. Таким образом, для них постепенно развивается возможность собрать известное состояние и самим превратиться в будущем в капиталистов» [1]).

Здесь необходимо обратить внимание на своеобразное понимание дифференциации крестьянства у Маркса и Энгельса. Мы уже видели выше, что Маркс и Энгельс несколько ускоряли темп гибели мелкого крестьянского хозяйства. Аналогичным образом они представляли себе дифференциацию крестьянства, делая большее ударение на процессе пролетаризации крестьянства, чем на процессе выделения крупных крестьян.

«В сфере земледелия,—говорит Маркс,—крупная промышленность действует с величайшей революционностью в том смысле, что она уничтожает оплот старого общества «возделывателя» (крестьянина) и выдвигает на его место наемного рабочего. Таким образом, потребность социального переворота и антагонизмы становятся в деревне одинаковыми с городом. На место самого рутинного и самого нерационального, нецеле-

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 335.

сообразного производства выступает сознательное технологическое применение науки»[1]). Продолжая ту же мысль Маркса о гибели мелкого хозяйства и мелкой земельной собственности, Энгельс писал в 1894 г.: «Мы имеем твердое экономическое убеждение в том, что крупный и средний крестьянин должны неминуемо погибнуть от конкуренции капиталистического хозяйства и дешевого заокеанского хлеба—как на это указывает все возрастающая задолженность и повсеместно очевидный упадок также и этих крестьян»[2]).

Следовательно, и Маркс, и Энгельс, видя расслоение внутри крестьянства, ведущее, в конечном счете, к выделению батраков, с одной стороны, и крупных крестьян—с другой, представляли себе процесс пролетаризации более быстрым, более ускоренным, чем обратный процесс выделения капиталистов из среды крестьян. По мысли Энгельса, выходит даже, что уже выделившиеся из среды крестьянства средние и крупные слои сохраняют неустойчивое положение и, так сказать, балансируют на высоте лишь с тем, чтобы с еще большей силой ринуться с этой высоты вниз.

О дифференциации крестьянства, помимо т. III «Капитала», мы находим в следующих сочинениях Энгельса: в «Революции и контрреволюции в Германии», в предисловии к «Крестьянскому вопросу в Германии» и в «Крестьянском вопросе во Франции и Германии». Любопытные соображения находим мы также в письме Энгельса к Марксу от 1 ноября 1869 г., в связи с решением Базельского конгресса о земельной собственности.

Энгельс дает, в своих работах, преимущественно характеристику германского крестьянства. В зависимости от того, о какой эпохе идет речь, он намечает различные прослойки в среде крест[illegible]. В «Революции и контрреволюции в Германии» он раз[illegible]ые прослойки: 1) крупные и средние крестьяне, владеющ[illegible] или менее обширными участками земли и держащими, каждый, по нескольку наемных рабочих; 2) мелкие свободные крестьяне; 3) мелкие феодальные зависимые и 4) сельскохозяйственные рабочие. В предисловии к «Крестьянской войне» Энгельс уже несколько варьирует эту характеристику, различая: 1) сельскохозяйственный пролетариат, 2) мелких парцеллярных крестьян, которые, в свою очередь, делятся: на феодальных, мелких арендаторов (подобно Ирландии) и мелких земельных собственников. Между прочим, в своем письме от 1 ноября 1869 г. Энгельс выделяет крестьян-арендаторов в отдельную группу; 3) крупных крестьян. И, наконец, в 1894 г., когда больше не могло быть речи о феодально-обязанных крестьянах в Германии, Энгельс в «Крестьянском вопросе» различает просто три прослойки внутри крестьянства: мелкое, среднее и крупное крестьянство. Средние и крупные, это такие крестьяне, которые эксплоатируют наемный труд, «которые не могут обойтись без батраков и батрачек и даже поденщиков».

Что касается классовой принадлежности, то Энгельс каждую прослойку характеризует так: сельскохозяйственный пролетариат, это—часть всего рабочего класса в целом. Крупные крестьяне—относятся к буржуазии»[3]). К собственно-крестьянам относятся

---

[1]) Маркс, Капитал, т. I, под ред. Степанова, стр. 506. Курсив наш.
[2]) Engels, Die Bauernfrage usw.,—«N. Z.», S. 304.
[3]) Предисловие к „Крестьянской войне“, стр. 19.

мелкие крестьяне, а средние—находятся посредине между крупными и мелкими крестьянами.

Так как мелкое крестьянство и составляет то, что понимается обычно под собственно крестьянством, мы рассмотрим подробнее его социальную характеристику.

«Под мелким крестьянином,—пишет Энгельс,—мы имеем здесь в виду собственника или арендатора—главным образом, первого—участка земли, обычно не больше того, что он в состоянии обработать сам со своей семьей, и не меньше того, сколько необходимо для прокормления этой семьи. Такой мелкий крестьянин, так же, как и мелкий ремесленник, есть, следовательно, работник, который тем отличается от современного пролетария, что он владеет еще своими средствами труда; следовательно, он является остатком (Ueberbleibsel) прошлого способа производства»[1]). Следовательно, здесь имеется в виду, приблизительно, тот слой, который соответствует нашему понятию «середняка».

От крепостного такой крестьянин отличается тем, что он более не связан феодальными повинностями. Но зато он лишился поддержки общины и права пользования ее землями, а это в экономическом отношении перевешивает уничтожение феодальных повинностей. Наконец, он лишился домашних подсобных промыслов. В результате, мелкий крестьянин все более и более разоряется, входит в неоплатные долги, пауперизируется. Одним словом, «он будущий пролетарий»[2]).

Аналогичным образом характеризует мелкого французского крестьянина и Маркс: «В форме процентов за лежащий на земле ипотечный долг, в форме процентов за непревращенные в ипотеки долги у ростовщиков французский крестьянин отдает капиталистам не только земельную ренту, не только предпринимательскую прибыль, словом, не только весь чистый доход, но даже некоторую часть зарплаты... Как видно, эксплоатация крестьян только по своей форме отличается от эксплоатации рабочих. Эксплоататор у тех и других один и тот же—капитал»[3]). Следовательно, мы имеем право рассматривать мелкое крестьянство вообще, так как границы этого понятия в различных странах приблизительно совпадают и так как в каждой стране есть такая категория самостоятельных по форме и каждодневно разоряемых крупным землевладением и капиталом крестьян.

Отсюда мы можем, кроме того, сделать вывод, что при капитализме, в общем и целом, сохраняется прослойка, которая может быть названа собственно крестьянством. По терминологии Маркса и Энгельса это и будет как раз мелкое крестьянство. Эта крестьянская прослойка характеризуется общими экономическими условиями существования, общностью земледельческого труда, общностью эксплоатации ее крупным капиталом и известной общностью политических интересов. Спрашивается, чем определяется возможность наличия такой группы?

Давая экономический анализ мелкого крестьянского хозяйства, мы уже видели, что именно помогает крестьянину сохранить известного рода самостоятельность в недрах капиталистического строя. Эта самостоятельность мелкого крестьянина имеет подобно

---

[1]) Engels, Die Bauernfrage, S. 294.
[2]) Там же, стр. 295.
[3]) „Классовая борьба во Франции", стр. 104.

палке два конца: она опирается на недоедание, на самоэксплоатацию, на нищенские жизненные условия. Это—фикция самостоятельности, опирающаяся на фикцию частной собственности на землю. Это—мнимая самостоятельность, влекущая в конечном счете крестьянство к гибели, но дающая ему, все же возможность временного жалкого существования.

Маркс прекрасно видел, что на ряду с концентрацией происходит процесс парцеллирования поземельной собственности, но он все же несколько преувеличивал темп разложения мелкого крестьянского хозяйства. Мелкое хозяйство оказалось более жизнеспособным, чем Маркс мог предполагать в свое время. Но этому есть множество экономических и политических причин. Из них основные, это—задержка вложения капиталов в сельское хозяйство; недостаток рабочих рук в деревне, благодаря отходу рабочих в города, что побуждает к закреплению рабочих рук в деревне, путем создания мелкой земельной собственности; наконец, политическая заинтересованность крупного капитала и крупного землевладения в создании политической опоры в деревне в лице консервативного крестьянского населения.

Таково существо дела. В. Чернов же на основании Марксова утверждения об эксплоатации мелкого крестьянина крупным капиталом умудрился сделать неожиданный для марксиста, но приятный сердцу эсера вывод, что мелкое крестьянство является частью «рабочего народа», родным братом пролетария и никоим образом не может быть отнесено к разряду мелкой буржуазии. «Опираясь на эти слова (вышеприведенные слова Маркса. *О. Т.*), не трудно оспаривать самую правильность включения трудового крестьянства, для которого земля есть только «ein reines Produktionsinstrument», в общую рубрику «средних слоев», Mittelstände, вместе с лавочниками, ремесленниками, словом, «мелкой буржуазией» (Kleinbürgertum). Крестьянство, рассматриваемое, конечно, не в качестве сословия, а лишь как класс мелких самостоятельных производителей, живущих собственным трудом и хотя эксплоатируемых, но не отлученных от средств производства, есть, несомненно, только часть той самой огромной армии труда, часть того самого рабочего народа, другой частью которого является индустриальный пролетариат» [1]).

Здесь налицо вся беспомощность эсеров, когда они приступают к классовому анализу. Крестьянство есть часть мелкой буржуазии, но ее своеобразная часть. Маркс никогда не мог утверждать о крестьянстве что-либо иное. Достаточно напомнить известное место из «Коммунистического манифеста»: «Существующие еще мелко-мещанские средние слои: мелкие промышленники, торговцы и рантье, ремесленники и к р е с т ь я н е...» и т. д. [2]).

Но крестьянство—мелкая буржуазия деревень, со всеми теми специфическими чертами, которые накладывает деревня. В теоретическом разрезе разница между ремесленником и крестьянином заключается в том, что крестьянин, будучи собственником не только орудий производства, но и земли, в этом своем качестве

[1]) В. Чернов, Марксизм и аграрный вопрос, ч. I, стр. 150. Отрицание принадлежности крестьянства к мелкой буржуазии неожиданно было встретить в статье марксиста Борзенко. См. „Под Знаменем Марксизма“ №№ 6—8 за 1926 г.

[2]) Das Kommunistische Manifest, S. 15. Курсив наш.

мелкие крестьяне, а средние—находятся посредине между крупными и мелкими крестьянами.

Так как мелкое крестьянство и составляет то, что понимается обычно под собственно крестьянством, мы рассмотрим подробнее его социальную характеристику.

«Под мелким крестьянином,—пишет Энгельс,—мы имеем здесь в виду собственника или арендатора—главным образом, первого—участка земли, обычно не больше того, что он в состоянии обработать сам со своей семьей, и не меньше того, сколько необходимо для прокормления этой семьи. Такой мелкий крестьянин, так же, как и мелкий ремесленник, есть, следовательно, работник, который тем отличается от современного пролетария, что он владеет еще своими средствами труда; следовательно, он является остатком (Ueberbleibsel) прошлого способа производства»[1]). Следовательно, здесь имеется в виду, приблизительно, тот слой, который соответствует нашему понятию «середняка».

От крепостного такой крестьянин отличается тем, что он более не связан феодальными повинностями. Но зато он лишился поддержки общины и права пользования ее землями, а это в экономическом отношении перевешивает уничтожение феодальных повинностей. Наконец, он лишился домашних подсобных промыслов. В результате, мелкий крестьянин все более и более разоряется, входит в неоплатные долги, пауперизируется. Одним словом, «он будущий пролетарий»[2]).

Аналогичным образом характеризует мелкого французского крестьянина и Маркс: «В форме процентов за лежащий на земле ипотечный долг, в форме процентов за непревращенные в ипотеки долги у ростовщиков французский крестьянин отдает капиталистам не только земельную ренту, не только предпринимательскую прибыль, словом, не только весь чистый доход, но даже некоторую часть зарплаты... Как видно, эксплоатация крестьян только по своей форме отличается от эксплоатации рабочих. Эксплоататор у тех и других один и тот же—капитал»[3]). Следовательно, мы имеем право рассматривать мелкое крестьянство вообще, так как границы этого понятия в различных странах приблизительно совпадают и так как в каждой стране есть такая категория самостоятельных по форме и каждодневно разоряемых крупным землевладением и капиталом крестьян.

Отсюда мы можем, кроме того, сделать вывод, что при капитализме, в общем и целом, сохраняется прослойка, которая может быть названа собственно крестьянством. По терминологии Маркса и Энгельса это и будет как раз мелкое крестьянство. Эта крестьянская прослойка характеризуется общими экономическими условиями существования, общностью земледельческого труда, общностью эксплоатации ее крупным капиталом и известной общностью политических интересов. Спрашивается, чем определяется возможность наличия такой группы?

Давая экономический анализ мелкого крестьянского хозяйства, мы уже видели, что именно помогает крестьянину сохранить известного рода самостоятельность в недрах капиталистического строя. Эта самостоятельность мелкого крестьянина имеет подобно

---

[1]) Engels, Die Bauernfrage, S. 294.

[2]) Там же, стр. 295.

[3]) „Классовая борьба во Франции“, стр. 104.

палке два конца: она опирается на недоедание, на самоэксплоатацию, на нищенские жизненные условия. Это—фикция самостоятельности, опирающаяся на фикцию частной собственности на землю. Это—мнимая самостоятельность, влекущая в конечном счете крестьянство к гибели, но дающая ему, все же возможность временного жалкого существования.

Маркс прекрасно видел, что на ряду с концентрацией происходит процесс парцеллирования поземельной собственности, но он все же несколько преувеличивал темп разложения мелкого крестьянского хозяйства. Мелкое хозяйство оказалось более жизнеспособным, чем Маркс мог предполагать в свое время. Но этому есть множество экономических и политических причин. Из них основные, это—задержка вложения капиталов в сельское хозяйство; недостаток рабочих рук в деревне, благодаря отходу рабочих в города, что побуждает к закреплению рабочих рук в деревне, путем создания мелкой земельной собственности; наконец, политическая заинтересованность крупного капитала и крупного землевладения в создании политической опоры в деревне в лице консервативного крестьянского населения.

Таково существо дела. В. Чернов же на основании Марксова утверждения об эксплоатации мелкого крестьянина крупным капиталом умудрился сделать неожиданный для марксиста, но приятный сердцу эсера вывод, что мелкое крестьянство является частью «рабочего народа», родным братом пролетария и никоим образом не может быть отнесено к разряду мелкой буржуазии. «Опираясь на эти слова (вышеприведенные слова Маркса. *О. Т.*), не трудно оспаривать самую правильность включения трудового крестьянства, для которого земля есть только «ein reines Produktionsinstrument», в общую рубрику «средних слоев», Mittelstände, вместе с лавочниками, ремесленниками, словом, «мелкой буржуазией» (Kleinbürgertum). Крестьянство, рассматриваемое, конечно, не в качестве сословия, а лишь как класс мелких самостоятельных производителей, живущих собственным трудом и хотя эксплоатируемых, но не отлученных от средств производства, есть, несомненно, только часть той самой огромной армии труда, часть того самого рабочего народа, другой частью которого является индустриальный пролетариат» [1]).

Здесь налицо вся беспомощность эсеров, когда они приступают к классовому анализу. Крестьянство есть часть мелкой буржуазии, но ее своеобразная часть. Маркс никогда не мог утверждать о крестьянстве что-либо иное. Достаточно напомнить известное место из «Коммунистического манифеста»: «Существующие еще мелко-мещанские средние слои: мелкие промышленники, торговцы и рантье, ремесленники и к р е с т ь я н е...» и т. д. [2]).

Но крестьянство—мелкая буржуазия деревень, со всеми теми специфическими чертами, которые накладывает деревня. В теоретическом разрезе разница между ремесленником и крестьянином заключается в том, что крестьянин, будучи собственником не только орудий производства, но и земли, в этом своем качестве

[1]) В. Ч е р н о в, Марксизм и аграрный вопрос, ч. I, стр. 150. Отрицание принадлежности крестьянства к мелкой буржуазии неожиданно было встретить в статье марксиста Борзенко. См. „Под Знаменем Марксизма" №№ 6—8 за 1928 г.

[2]) Das Kommunistische Manifest, S. 15. Курсив наш.

может получать ренту... «При капиталистическом способе производства независимый крестьянин или ремесленник разрезывается на-двое. Как владелец средств производства—он является капиталистом, как рабочий—он свой собственный наемный рабочий. Он уплачивает себе свою зарплату, как капиталист, и извлекает прибыль из своего капитала, т.-е. эксплоатирует сам себя... Равным образом, может случиться, что он в качестве землевладельца уплачивает себе еще и третью часть (ренту)»[1]).

Основная ошибка Чернова заключается в том, что он рассматривает крестьянство в его статике, а не в динамике. Поэтому он не замечает существеннейшей черты мелкого крестьянина—его двойственности. Благодаря тому, что крестьянин есть «остаток» прежнего способа производства, в капиталистическом обществе он попадает в двусмысленное положение. «При капиталистическом способе производства независимый крестьянин или ремесленник разрезывается на-двое. Как владелец средств производства—он является капиталистом, как рабочий—он свой собственный рабочий».

Это положение о том, что мелкий производитель относится «как свой собственный капиталист к самому себе, как к наемному рабочему», в одно и то же время верно и неверно.

В капиталистическом обществе средства производства лишь постольку выступают, как капитал, поскольку совершилось уже социальное разделение общества на класс наемных рабочих и класс капиталистов. Соединение наемного рабочего и капиталиста в одном лице есть nonsens, с точки зрения развитого капиталистического строя. Поэтому в рассматриваемом случае мелкий производитель не является ни капиталистом, ни наемным рабочим. «Средства производства становятся капиталом лишь постольку, поскольку они самостоятельно выступают против труда, как особая сила. В рассматриваемом случае, производитель-рабочий—является владельцем своих средств производства. Стало быть, они—не капитал, точно так же, как он сам не есть наемный рабочий»[2]).

Но, с другой стороны, этот производитель создает сам для себя прибавочную ценность, и если он может сам присваивать себе весь продукт своего труда, не делясь с третьим лицом,—то «этим он обязан не своему труду,—в этом отношении он ничем не отличается от других рабочих,—а только тому обстоятельству, что он владеет средствами производства»[3]). Следовательно, в этом смысле, мелкий производитель все же относится «как свой собственный капиталист к самому себе, как к наемному рабочему».

Как же разрешить это противоречие? Так что же, все-таки, фикция или реальность, что мелкий крестьянин является в одно и то же время и капиталистом, и своим собственным наемным рабочим?

Это противоречие может быть разрешено только диалектическим путем, динамикой самой общественной действительности. Неразрешимое в статике, это противоречие разрешается дина-

---

[1]) Маркс, Теории прибавочной стоимости. Понятие произв. труда, ч. I, стр. 275. Курсив наш.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

ническим пониманием мелкой буржуазии, и в частности крестьянства, как в тенденции, одним своим полюсом направленной к буржуазии, а другим—к пролетариату. «Таков закон экономического развития, что функции разделяются им между различными лицами и что как ремесленник, так и крестьянин, ведущий производство при помощи своих собственных средств производства, или мало-по-малу превращается в мелкого капиталиста, эксплоатирующего одновременно и чужой труд, или лишается своих средств производства (это наиболее возможный случай, хотя крестьянин номинально и остается их собственником, как, например, при ипотечной задолженности) и превращается в наемного рабочего. Такова тенденция того общественного строя, в котором преобладает капиталистический способ производства» [1]).

Мелкий крестьянин, конечно, лишь по форме является в одно и то же время капиталистом и наемным рабочим, облекаясь в несвойственную ему оболочку капиталистических отношений [2]). Но в тенденции это положение верно, ибо хотя мелкий крестьянин еще не является ни капиталистом, ни наемным рабочим, он может стать или тем, или другим. Чернов же принял тенденцию развития за уже свершившийся факт, относя крестьянство в общую рубрику с индустриальным пролетариатом. Но это неверно.

Рассматриваемое статически, крестьянство представляет собой часть мелкой буржуазии вообще. Взятое динамически, в тенденции своего развития, оно одним боком приближается к буржуазии, другим—к пролетариату. Процесс дифференциации приводит крестьянство к выделению крупных капиталистических крестьян на одном полюсе и сельскохозяйственных рабочих—на другом. Что же касается мелкого крестьянина,—основной массы крестьянства,—стоящего посредине между крупным, капиталистическим крестьянином и с.-х. рабочим, то для него все эти процессы расслоения вполне актуальны. Поэтому социальная сущность мелкого крестьянина насквозь двойственна и динамична. Можно сказать, что динамика как бы пропитывает социальную статику мелкого крестьянина.

Динамичность самого понятия мелкого крестьянина происходит от того, что в капиталистическом обществе как бы фиксируются, затвердевают все те противоречия, которые в нем заключены. Мелкий собственник является, с одной стороны, собственником орудий производства и наемным рабочим—с другой. Капитализм закрепляет эти противоречия тем, что, не уничтожая мелкой земельной собственности, превращает ее в фикцию, а мелкого производителя превращает, фактически, в наемного рабочего, получающего простую зарплату. Следовательно, об'ективное основание основного противоречия мелкой частной собственности заложено в эксплоатацию его крупным капиталистом, а самоэксплоатация мелкого крестьянина есть не что иное, как эксплоатация его тем же крупным капиталом и крупным землевладением.

Эта динамическая характеристика мелкого крестьянина чрезвычайно важна и составляет существеннейшую часть марксова учения о крестьянстве. Здесь дано социально-экономическое обо-

---

[1]) Там же, стр. 276—277. Курсив наш.

[2]) См. выше, где речь идет о господствующих производственных отношениях и о формальном моменте.

снование двойственной политической «души» крестьянина, обоснование его колебаний, политической неустойчивости. Без понимания этого социально-экономического дуализма мелкого крестьянина нельзя понять ни его политической сущности, ни его роли в буржуазно-демократической и пролетарской революции, нельзя, наконец, правильно определить тактику пролетариата и его партии в отношении к крестьянству.

3.

При анализе какого-либо класса Маркс тщательно разграничивал его экономическую и политическую физиономию. С этой целью он пользовался даже специальной терминологией, обозначая понятием класс «в себе»—класс, как экономическую—и класс «для себя»—класс, как политическую категории. Классом «для себя», по Марксу, становится такой класс, который может конституироваться, как класс, через самостоятельную идеологию, или через самостоятельную партию, отображающую интересы данного класса, или же, наконец, через овладение государственной властью.

Класс осознает себя классом в процессе классовой борьбы. Это можно наблюдать, хотя бы, на примере пролетариата. «Экономические отношения обратили сначала массу населения в работников. Господство капитала создало для этой массы некоторую общую почву, некоторые общие интересы. Таким образом, эта масса людей уже составляет класс в противоположность капиталу, но себе самой еще не представляется таковым. Однако в этой борьбе, которую мы охарактеризовали в немногих фазах, масса эта об'единяется и выступает уже как класс, задающийся общими целями. Интересы, которые он отстаивает, становятся классовыми интересами» [1]).

Однако не всякий класс, в экономическом смысле слова, может стать классом «для себя». Понятие класса «для себя» у Маркса связано с понятием прогрессирующего класса. В класс «для себя» сложилась, в свое время, буржуазия, «классом для себя» сделался пролетариат. Но крестьянство никогда не может быть классом «для себя», и, прежде всего, потому, что это отмирающий класс. Решающую роль играет здесь и разобщенность, территориальная разбросанность крестьянства.

В известном месте в «18 брюмера» Маркс пишет: «Парцеллярные, карликовые крестьяне составляют огромную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, друг с другом в какие-либо прочные и сложные отношения. Их способ производства не только не создает между ними взаимного общения, но прямо-таки изолирует их друг от друга... Каждая отдельная крестьянская семья почти довлеет себе, самостоятельно производит большую часть предметов своего потребления и добывает, таким образом, свои жизненные средства более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Клочок земли, крестьянин и его семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Известная сумма таких семейств образует деревню, известная сумма деревень—департамент. Таким образом, наибольшая часть французской нации составляется пу-

---

[1]) Маркс, Нищета философии ч. 2, стр. 180.

тем простого сложения одноименных величин, в роде того, как мешок картофеля из отдельных картофелин. Поскольку миллионы людей существуют в экономических условиях, благодаря которым они по своему образу жизни, по своим интересам и образованию отличаются от всех других классов и даже враждебны им, они сами образуют класс. Но поскольку между малоземельными крестьянами существует только локальная связь, поскольку тожественность их интересов не создает никакой общности, никакого национального об'единения, никакой политической организации, они не образуют класса» [1]).

Следовательно, разобщенность мешает крестьянству конституироваться, как классу «для себя». Из этой разобщенности проистекают и прочие отрицательные политические качества и свойства крестьянства:

1) Его неспособность представлять свои собственные интересы. «Они (крестьяне) поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от собственного имени ни в парламенте, ни в каком-либо конвенте. Они не могут сами представлять себя, они должны быть представлены другими. Их представитель должен быть в то же время их господином, авторитетом, вооруженным неограниченной правительственной властью» [2]).

2) Его неспособность к революционной инициативе. «...Сельскохозяйственное население никогда не может успешно начать самостоятельное движение: слишком уж сильно рассеяно оно по обширным пространствам, и потому было бы трудно об'единить значительную часть его для совместных действий. Крестьянство нуждается в инициативе и толчке со стороны более сконцентрированного, просвещенного и подвижного населения городов» [3]). Аналогично у Маркса: «Несмотря на расцвет промышленности и торговли, который вдруг выпал на долю Франции, масса населения, 25 миллионов крестьян, переживают угнетенное положение. Хорошие урожаи последних лет понизили цены на хлеб во Франции еще больше, чем в Англии, и положение задолженных, истощенных ростовщичеством и придавленных налогами крестьян далеко не блестяще. Но история последних трех лет достаточно доказала, что этот класс населения совершенно неспособен к революционной инициативе» [4]).

Из этой же разобщенности проистекает и слабость движения сельскохозяйственного пролетариата. «Рассеяние сельских рабочих на большой площади сламывает силу их сопротивления, между тем, как концентрация городских рабочих усиливает ее» [5]).

Отсюда, однако, вовсе не следует, что крестьянство в истории не играет никакой политической роли. Несмотря на свою неспособность к самостоятельной организации и к самостоятельной политике, крестьянство представляет собой огромную политическую силу,—хотя бы, благодаря своей численной величине— которая может влиять на ход событий и которая может даже решить исход классовой борьбы. При этом, конечно, резуль-

---

[1]) «18 брюмера», стр. 222—223.
[2]) Там же.
[3]) Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии, стр. 224.
[4]) Классовая борьба во Франции, стр. 116.
[5]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 507.

снование двойственной политической «души» крестьянина, обоснование его колебаний, политической неустойчивости. Без понимания этого социально-экономического дуализма мелкого крестьянина нельзя понять ни его политической сущности, ни его роли в буржуазно-демократической и пролетарской революции, нельзя, наконец, правильно определить тактику пролетариата и его партии в отношении к крестьянству.

3.

При анализе какого-либо класса Маркс тщательно разграничивал его экономическую и политическую физиономию. С этой целью он пользовался даже специальной терминологией, обозначая понятием класс «в себе»—класс, как экономическую—и класс «для себя»—класс, как политическую категории. Классом «для себя», по Марксу, становится такой класс, который может конституироваться, как класс, через самостоятельную идеологию, или через самостоятельную партию, отображающую интересы данного класса, или же, наконец, через овладение государственной властью.

Класс осознает себя классом в процессе классовой борьбы. Это можно наблюдать, хотя бы, на примере пролетариата. «Экономические отношения обратили сначала массу населения в работников. Господство капитала создало для этой массы некоторую общую почву, некоторые общие интересы. Таким образом, эта масса людей уже составляет класс в противоположность капиталу, но себе самой еще не представляется таковым. Однако в этой борьбе, которую мы охарактеризовали в немногих фазах, масса эта об'единяется и выступает уже как класс, задающийся общими целями. Интересы, которые он отстаивает, становятся классовыми интересами» [1]).

Однако не всякий класс, в экономическом смысле слова, может стать классом «для себя». Понятие класса «для себя» у Маркса связано с понятием прогрессирующего класса. В класс «для себя» сложилась, в свое время, буржуазия, «классом для себя» сделался пролетариат. Но крестьянство никогда не может быть классом «для себя», и, прежде всего, потому, что это отмирающий класс. Решающую роль играет здесь и разобщенность, территориальная разбросанность крестьянства.

В известном месте в «18 брюмера» Маркс пишет: «Парцеллярные, карликовые крестьяне составляют огромную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, друг с другом в какие-либо прочные и сложные отношения. Их способ производства не только не создает между ними взаимного общения, но прямо-таки изолирует их друг от друга... Каждая отдельная крестьянская семья почти довлеет себе, самостоятельно производит большую часть предметов своего потребления и добывает, таким образом, свои жизненные средства более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Клочок земли, крестьянин и его семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Известная сумма таких семейств образует деревню, известная сумма деревень—департамент. Таким образом, наибольшая часть французской нации составляется пу-

[1]) Маркс, Нищета философии ч. 2, стр. 180.

тем простого сложения одноименных величин, в роде того, как мешок картофеля из отдельных картофелин. Поскольку миллионы людей существуют в экономических условиях, благодаря которым они по своему образу жизни, по своим интересам и образованию отличаются от всех других классов и даже враждебны им, они сами образуют класс. Но поскольку между малоземельными крестьянами существует только локальная связь, поскольку тожественность их интересов не создает никакой общности, никакого национального об'единения, никакой политической организации, они не образуют класса»[1].

Следовательно, разобщенность мешает крестьянству конституироваться, как классу «для себя». Из этой разобщенности проистекают и прочие отрицательные политические качества и свойства крестьянства:

1) Его неспособность представлять свои собственные интересы. «Они (крестьяне) поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от собственного имени ни в парламенте, ни в каком-либо конвенте. Они не могут сами представлять себя, они должны быть представлены другими. Их представитель должен быть в то же время их господином, авторитетом, вооруженным неограниченной правительственной властью»[2].

2) Его неспособность к революционной инициативе. «...Сельскохозяйственное население никогда не может успешно начать самостоятельное движение: слишком уж сильно рассеяно оно по обширным пространствам, и потому было бы трудно об'единить значительную часть его для совместных действий. Крестьянство нуждается в инициативе и толчке со стороны более сконцентрированного, просвещенного и подвижного населения городов»[3]. Аналогично у Маркса: «Несмотря на расцвет промышленности и торговли, который вдруг выпал на долю Франции, масса населения, 25 миллионов крестьян, переживают угнетенное положение. Хорошие урожаи последних лет понизили цены на хлеб во Франции еще больше, чем в Англии, и положение задолженных, истощенных ростовщичеством и придавленных налогами крестьян далеко не блестяще. Но история последних трех лет достаточно доказала, что этот класс населения совершенно неспособен к революционной инициативе»[4].

Из этой же разобщенности проистекает и слабость движения сельскохозяйственного пролетариата. «Рассеяние сельских рабочих на большой площади сламывает силу их сопротивления, между тем, как концентрация городских рабочих усиливает ее»[5].

Отсюда, однако, вовсе не следует, что крестьянство в истории не играет никакой политической роли. Несмотря на свою неспособность к самостоятельной организации и к самостоятельной политике, крестьянство представляет собой огромную политическую силу,—хотя бы, благодаря своей численной величине—которая может влиять на ход событий и которая может даже решить исход классовой борьбы. При этом, конечно, резуль-

---

1) «18 брюмера», стр. 222—223.
2) Там же.
3) Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии, стр. 224.
4) Классовая борьба во Франции, стр. 116.
5) Маркс, Капитал, т. I, стр. 507.

таты—как мы видели это на примере революции 1848 г. во Франции—не всегда оказываются на пользу самому крестьянству.

Экономическое и социальное положение крестьянства при феодализме и капитализме определяет и его роль в буржуазной и пролетарской революциях. В Средние века крестьянство было чуть ли не единственным революционным будирующим элементом. «Подмастерья и ученики были организованы в каждом ремесле так, как этого требовали интересы мастеров. Патриархальные отношения между ними и мастером сообщили последнему двоякую силу: 1) они имели прямое влияние на всю жизнь подмастерья; 2) работа подмастерьев у одного и того же мастера была действительной связью, об'единявшей их против подмастерьев других мастеров и обособлявшей их от последних; наконец, подмастерья были связаны с существующим строем своими собственными интересами, именно, возможностью стать самим мастерами. Поэтому, в то время, как чернь поднимала иногда мятежи против всего этого городского строя,—мятежи, которые при бессилии ее, не приводили ни к какому результату,—подмастерья ограничивались мелкими вспышками в рамках отдельных цехов, что, собственно, входило в существо самого цехового строя. Великие восстания средневековья исходили все из деревни, но, ввиду раздробленности крестьян и связанной с этим грубости их, они тоже оставались совершенно безрезультатными» [1]). В качестве примера можно привести крестьянскую войну в Германии XVI столетия, которую Энгельс рассматривал, как одну из форм буржуазной революции.

Совершенно естественно, что в буржуазной революции крестьянство в целом, вместе с буржуазией, идет против своего заклятого врага—помещика-феодала. Союз крестьянства с буржуазией здесь вполне понятен, ибо «вместе с буржуазией крестьянство может добиться многого, против буржуазии—ничего» [2]). Поскольку крестьянство в целом страдало от гнета феодала, оно и в революции (буржуазной) выступает, как единое целое, как класс-сословие.

Несравненно сложнее анализ поведения крестьянства в социалистической революции.

При капиталистическом способе производства крестьянство не является более единым классом: оно расслоено. Поэтому поведение каждой из этих прослоек внутри крестьянства должно быть рассмотрено в отдельности.

Поскольку крупное крестьянство «относится к буржуазии», оно тем самым определило уже свое место в революции пролетариата. Поведение среднего крестьянина,—как указывает Энгельс,—различно и определяется обстоятельствами времени и места. «В тех местах, где средний крестьянин живет среди парцеллярных крестьян, он не отличается от них существенно своими интересами и воззрениями; его собственный опыт должен ему сказать, сколько равных ему крестьян спустилось до мелких. Там же, где преобладают средние и крупные крестьяне, и ведение хозяйства требует, вообще говоря, помощи батраков и батрачек, дело обстоит совершенно иначе» [3]). Но в общем и

---

[1]) Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, стр. 235. Курсив наш.

[2]) Энгельс, Революционные движения 1847 г.

[3]) Engels, Die Bauernfrage, S. 304.

целом средний крестьянин также реакционен. Он, все же, ближе к крупному, чем к мелкому крестьянину, ибо он также эксплоатирует наемный труд. «Средний крестьянин... будет тоже реакционным»[1]). Единственным же действительным союзником пролетариата в революции является сельскохозяйственный пролетариат[2]).

Наибольшей неопределенностью в социалистической революции отличается поведение мелкого крестьянина[3]). А как раз мелкий крестьянин, благодаря своей численности, может оказаться решающей силой в революции. Точно так же, как двойственна социально-экономическая природа мелкого крестьянина, так же неустойчива и полна колебаний его позиция в революции пролетариата.

Поскольку крестьянин является мелким собственником и поскольку он тяготеет к закреплению этого своего состояния на вечные времена,—постольку он, *даже выступая против буржуазии*, об'ективно является реакционной силой. Но поскольку крестьянин страдает от эксплоатации крупного капитала и тем самым является «своим собственным наемным рабочим», т.-е. поскольку он в тенденции пролетаризируется,—постольку крестьянин может оказаться революционным. Но чтобы перейти «на точку зрения пролетариата», ему нужно осознать процесс своего обнищания.

«Из всех классов, противостоящих теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же именно ею создается. Средние слои, мелкие промышленники, мелкие купцы, ремесленники, крестьяне,—*все они борются против буржуазии, чтобы отстоять свое существование, как средних слоев*. Следовательно, они не революционны, а консервативны. Более того, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. *Если они революционны, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, но будущие свои интересы, поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата*»[4]).

---

[1]) *Энгельс*, Письмо к Марксу от 1 ноября 1869 г.

[2]) См. предисловие к «Крестьянск. войне», «Обращение ЦК к Союзу», «Революция и контрреволюция в Германии».

[3]) Напоминяем читателю, что под «мелким» крестьянином Маркс и Энгельс ра умели крестьянина типа нашего «середняка». Мы не говорим здесь отдельно о крестьянской прослойке, соответствующей нашему «бедняку», т. к. ни Маркс, ни Энгельс не выделяли мельчайших крестьян, как самостоятельный слой, подобно тому, как впоследствии это делал Ленин.

[4]) Das kommunist Manifest. S. 16. Это место на только важно, что конец его мы приведем в оригинале: «Sind sie revolutionär, so sind sie es im Hinblick auf den Ihnen bevorstehenden Uebergang in's Proletariat, so verteidigen sie nicht ihre gegenwärtigen sondern ihre zukünftigen Interessen, so verlassen sie ihren eigenen Standpunkt um sich auf den des Proletariats zu stellen». Курсив наш. Аналогично о реакционности крестьян высказывается и Энгельс: «Если же в настоящее время стремятся к демократии, как *к цели*, тогда приходится опираться на крестьян и мелких буржуа, которые, *если они искусственно хотят сохраниться*, *реакционны* по отношению к пролетариату» (*Энгельс*, Письмо к Бернштейну от 24 марта 1884 г.,— «Архив», кн. I, стр. 356).

Выступая против феодала-помещика, крестьянин выступает, как революционно-демократический слой. В такой революционности крестьянства сомневаться не приходится. Но когда речь идет о пролетарской революции, возникает вопрос о революционности мелкого крестьянства в социалистическом смысле слова. Об этом именно и говорит приведенная только что цитата из «Коммунистического манифеста».

Это замечательное место из «Коммунистического манифеста» Ленин комментировал таким образом: «В положительной форме мы можем (и обязаны) указать на консервативность мелкой буржуазии. И лишь в условной форме мы должны указать на ее революционность. Только такая формулировка будет в точности соответствовать всему духу учения Маркса»[1].

Слова Маркса можно понять лишь так. Рассматриваемое статически, как мелкобуржуазный слой, мелкое крестьянство неизбежно реакционно в своих интересах и стремлениях. Но поскольку он, в тенденции своего развития, является будущим пролетарием, постольку мелкий крестьянин потенциально революционен. Он еще не стал, но он может стать на точку зрения пролетариата. Такая постановка вопроса чрезвычайно важна, ибо она является предпосылкой для нейтрализации, а в дальнейшем и союза пролетариата с мелким и мельчайшим крестьянством.

Когда Маркс и за ним Ленин говорят о революционности крестьянства в «условной форме», это можно понять лишь так, что об'ективные предпосылки для антибуржуазных настроений в среде крестьянина имеются налицо. Эти об'ективные предпосылки—разорение мелкого крестьянского хозяйства, всесторонняя эксплоатация и вытеснение его крупным капиталом. Но «условная революционность», с другой стороны, означает, что антибуржуазные настроения крестьянства отнюдь не сразу и не всегда перерастают в революционное действие в пролетарском смысле этого слова. Перерастание здесь тормозится мелкобуржуазной сущностью крестьянина, его стремлением сохранить, законсервировать свою мелкую собственность. Крестьянин всегда будет колебаться между буржуазией и пролетариатом. Лишь пролетариат является единственным до конца революционным классом. «Если бы мы действительно положительно знали, что мелкая буржуазия поддержит пролетариат при совершении им его, пролетарской, революции, тогда не к чему бы и говорить о «диктатуре», ибо тогда вполне обеспечено было бы нам такое подавляющее большинство, что и без диктатуры прекрасно обошлись бы... Признание необходимости диктатуры пролетариата, самым тесным и неразрывным образом связано с положением «Коммунистического манифеста», что пролетариат один только есть действительно революционный класс»[2].

Задача пролетарской партии раз'яснить мелкому крестьянину бессмысленность его борьбы с крупным капиталом на почве капитализма, указать ему иные—революционные—пути борьбы, вместо мелкой собственности дать ему иной идеал—социализм и коллективное хозяйство. Задача пролетарской партии в том, чтобы

---

[1] Ленин, Замечания на проект программы,—Ленинский сборник II, стр. 79.

[2] Там же, стр. 80.

оторвать крестьянина от буржуазии и ускорить его переход на точку зрения пролетариата. Но и тут нельзя строить себе иллюзий.

Крестьянин, конечно, далеко не сразу становится на точку зрения пролетариата. Его мелкобуржуазная природа еще очень долго и очень сильно дает себя знать. Об этой внутренней борьбе мелкого крестьянина, его колебаниях между буржуазией и пролетариатом, говорит Энгельс в «Крестьянском вопросе во Франции»: «Он (мелкий крестьянин) есть будущий пролетарий. В качестве такового он должен был бы с готовностью открыть уши для социалистической пропаганды. Но в этом ему еще пока служит помехой глубоко вкоренившееся в нем чувство собственности. Чем тяжелее для него становится борьба за свой обремененный долгами клочек земли, чем с большей силой отчаяния цепляется он за него—тем более видит он в социал-демократе, говорящем о передаче земельной собственности обществу, такого же опасного врага, как в ростовщике или адвокате».

То обстоятельство, что мелкому крестьянину чрезвычайно трудно сразу перейти на сторону пролетариата, не исключает, конечно, т о г о, что этот переход, рано или поздно, все же может произойти. С другой стороны, это обстоятельство также нисколько не противоречит и тому, что мелкое крестьянство, как таковое,—если оно даже и не «покидает своей точки зрения» и не «переходит на точку зрения пролетариата»—вовсе не обязательно должно выступить п р о т и в пролетариата. Эксплоатация мелкого крестьянина крупным землевладением и крупным капиталом является, сама по себе, достаточным основанием и предпосылкой для нейтрализации мелкого крестьянина в пролетарской революции. Кроме того, в обоих случаях очень многое, безусловно. зависит от умелой и гибкой тактики пролетарской партии.

Маркс и Энгельс говорили о возможной революционной роли крестьянства лишь в самой общей форме. Ленин впоследствии уточнил это положение для Октябрьской революции, формулировав конкретно лозунг о союзе пролетариата с крестьянством.

На этом теоретический анализ должен быть закончен. Осветить детально все возможные комбинации во взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством в социалистической революции—задача конкретного анализа. На практике возможна целая гамма оттенков в настроении и поведении мелкого крестьянства в революции пролетариата.

Многое тут, прежде всего, зависит от того, в каких конкретных условиях развивается пролетарская революция. В зависимости от того, идет ли речь о соединении пролетарской революции с революцией аграрной, когда крестьянство, как единый класс-сословие борется с остатками феодализма, или же речь идет о пролетарской революции в высокоразвитых капиталистических странах,—в зависимости от всех конкретных обстоятельств строится и соответственная тактика партии пролетариата в отношении к крестьянству. Одно лишь можно сказать с уверенностью, что «чистой» революции пролетариата, без участия в нем широких масс, в том числе мелкой буржуазии, в природе не встречается. И в этой борьбе пролетариата с буржуазией, крестьянство сможет сыграть об'ективно революционную роль.

Напомним, в заключение, что говорил по этому поводу Ленин: «Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции... Социалистическая революция в Европе не может быть ни чем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней—без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция—и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии свои слабости и ошибки. Но об'ективно они будут нападать на капитал» [1]).

---

[1]) Ленин, Итоги дискуссии о самоопределении, Собр. соч., т. XIII, стр. 431.

Современное состояние методологии литературоведения.

Валерьян Полянский.

Значение Октябрьской революции не исчерпывается переворотом в области политических и экономических отношений людей. Оно шире и глубже. Революция завоевывает науку и даже такие научные дисциплины, как математика, медицина, филология и т. п. Мы не говорим о науках общественных. Революционный марксизм и ленинизм, как пролетарское мировоззрение, как научный метод, вытесняют буржуазное миропонимание и идеалистические методы исследования. Отчетливее всего это сказывается в области методологии. Сейчас в СССР идет перестройка всех наук,—наука, как идеологическая надстройка, выравнивается по экономическому базису и революционным отношениям людей. Естественно и неизбежно, что вопросы методологии захватили все умы. Реорганизована вся система образования; если раньше образование сводилось преимущественно к знанию многочисленных теорий и накоплению бесконечного количества фактов, то теперь на первом плане стоит овладение научным методом, чтобы плодотворно работать над той или иной областью фактов.

«Октябрь» в науке начался значительно позднее семнадцатого года. В первые годы революции марксизм подвергался с университетских кафедр осмеянию, как ненаучная дисциплина. Царила либерально-демократическая и отчасти народническая мысль. Преобладал идеализм и вульгарный материализм. В годы гражданской войны, голода и холода некогда было думать о науке, стояли другие неотложные задачи. Старые ученые пребывали в смятении, в раздумьи; растущая смена была занята на других фронтах. И все же за какие-нибудь пять лет в области наук сделано очень много, можно уже подвести некоторые итоги. К десятилетию Октябрьской революции марксизм завоевал господствующее положение. Попробуем проследить это в области методологии литературоведения.

* *
*

Дореволюционное литературоведение в основном жило идеями Гердера и Тэна. Гердер смотрел на литературу, как на художественное выявление национального духа страны в ее историческом развитии. Для Тэна с его культурно-исторической теорией литература—результат взаимодействия климата, расы и среды.

В условиях русской дооктябрьской общественности эти теории принимали различный характер и оттенок.

М. Гершензон культурно-историческую среду рассматривал, как продукт человеческого духа. Он писал: «Как изменения земной поверхности являются лишь следствием процессов, совершающихся в недрах земли, так, говоря вообще, и всякое умственное течение имеет своим источником темную и сложную сферу человеческого духа».

Д. Овсянико-Куликовский в литературных произведениях видит «наиболее яркие документы душевной жизни, умственного и волевого уклада». Литературные типы и герои—это те люди эпохи, «которые являлись выразителями ее «духа» и ее особенного психического склада». У него «на первый план выступает психология исканий, томлений мысли, душевных мук идеологов, «отщепенцев», «лишних людей», их преемников в пореформенное время,—«кающихся дворян», «разночинцев» и т. п. На фоне культурно-исторической среды Д. Овсянико-Куликовский дает не сколько историю, сколько психологию. Он—«en pleine psychologie»

С. Венгеров настаивает, что «задачи нравственные в русском литературном сознании всегда стояли на первом плане». «Русская литература отвергает мир, доколе он основан на несправедливости и ни в каком виде не приемлет благополучия мещанского». Она «с безгранично-высокими идеалами, с неустанной борьбой за правду-справедливость, в форме ли прямого призыва к подвигу, в форме ли ухождения от зла мира, в форме ли тоски вообще, но тоски творческой». Центр внимания в психологии социальной несправедливости, корни которой остаются вне исследования.

А. Веселовский со своей теорией историко-сравнительного метода требует от историка литературы, чтобы он исследовал литературное произведение и понимал личность художника, как выражение сознания его времени и определенного общественного слоя. По А. Веселовскому—«история литературы есть история общественной мысли в образно-поэтическом переживании и выражающих его формах». Эту формулу А. Веселовский понимал по-своему, не так, как, например, А. Пыпин. В центре исследования у него всегда стояло само произведение, в совокупности всех его элементов, только содержанию отводилось преимущественное значение. Историк литературы должен выявить содержание произведения, и основные моменты этого содержания в их первоначальном, не облеченном в художественную форму виде отыскать в общественном сознании окружающей поэта среды.

Во всех этих разнообразных вариантах идей Гердера и Тэна не дано ни настоящего понимания задач истории литературы, ни научного метода исследования, хотя временами отдельные ученые как будто и приближались к разрешению вопроса. Не хватало сознания, что художественная литература есть своеобразное отражение борьбы классов и что сознание художника определяется общественным бытием. Эти идеи стали входить в литературную критику по мере того, как укреплялся марксизм. Основоположником марксистской критики надо считать Г. В. Плеханова. Он дал не только ряд блестящих статей о писателях-народниках, но в своих общих статьях об искусстве, а также в работах о Белинском и Чернышевском дал ряд основных методологических указаний. К семнадцатому году марксистская

критика имела за собой уже два десятка лет, но, в силу целого ряда условий общественного порядка, она, несмотря на свою силу, не занималась ни вопросами истории литературы, ни вопросами методологии. Она служила преимущественно другим целям, пропаганде принципов марксизма и политических взглядов социал-демократии. Общественная борьба помешала Плеханову заняться систематической разработкой вопросов методологии литературоведения.

Из работ по истории русской литературы необходимо отметить работы Е. Андреевича и В. Келтуялы. Их марксизм носит своеобразный характер и в наши дни подвергается решительной критике, все же в свое время они оказали серьезную поддержку марксизму в литературоведении. Е. Андреевич первый подчеркнул диалектический метод изучения литературы и показал, что «литература наша росла вместе с разложением нашего дворянского и патриархального общественного строя, основанного на земледелии и крепостном праве». Он убедительно показал, как за противоречиями жизни «идет затем ряд противоречий внутри самой литературы».

В период революции марксизм столкнулся с формализмом, с литературной школой, которая основной проблемой изучения считает форму, «как нечто основное для художественного явления, как организующий его принцип». По мнению Б. Эйхенбаума и В. Шкловского, «факты художественной эволюции об'ясняются процессом, происходящим в самом искусстве». В. Жирмунский пробовал сдвиги в искусстве «связать с общим сдвигом духовной культуры»; В. Шкловский провозгласил тогда абсолютный разрыв искусства от социальной среды. Завязалась сравнительно длительная борьба между формальным и социологическим методами в литературе.

Таково было положение на методологическом фронте литературоведения. По мере того, как волею революции марксизм стал господствующим мировоззрением и начал завоевывать в университетах одну кафедру за другой, завоевана была и литература. Началось углубленное изучение исторического материализма, марксистской методологии вообще и в частности работ Плеханова по вопросам искусства и литературы. Влияние марксизма оказалось настолько сильным, что даже такие ученые, как П. Н. Сакулин со своим эклектически-социологическим методом либерально-социалистической окраски, не в силах писать больше своих работ, не опираясь на марксистские авторитеты. На этой почве бывают страстные бои между последовательными марксистами и разного вида эклектиками, берущими из марксизма то, что подходяще для их эклектических теорий.

* *
*

Методологические завоевания марксизма сказались прежде всего в ликвидации целого ряда научных предрассудков.

Среди молодых ученых уже нет таких, которые стали бы распространяться в общих формулировках о зависимости литературы от общественной среды, культурно-исторической обстановки, о выражении в художественном творчестве национального духа страны. Социологически-расплывчатый термин—социальная сре-

да,—термин, в который каждый вкладывал свое особое содержание, заменен другим четким понятием—класс. Литература—это отражение и результат классовой борьбы. Естественно, исчезло и понятие национального духа страны. Этими обветшалыми терминами уже не оперируют, подрастающая смена никогда, старые ученые употребляют их лишь изредка. Как-то совершенно незаметно случилось, что почти все теоретики литературоведения и критики, пишущие в наши дни, исходят в своих рассуждениях из основных принципов марксизма: бытие определяет сознание и история есть история борьбы классов. Правда, в ученой деятельности некоторых эти принципы часто остаются изолированными, не приспособленными к ходу мыслей, но все же они снова и снова обращаются к этим принципам. Само собою понятно, что теория чистого искусства еще раз потерпела жестокий крах. Формализм развалился.

Рухнула старая идеалистическая легенда о писателе-гение, который стоит над массой и руководит ею. Это была глубоко интеллигентская теория, питавшаяся своими корнями в убеждении, что интеллигенция—свет и соль земли, что она призвана к руководству и учительству широких масс. Конечно, писатель, как всякий идеолог, неизбежно имеет определенное и большое значение, но все же теоретически довольно относительное, так как он не только продукт вообще социальной среды, а сын определенного класса, выразитель интересов определенной общественной группы. Вне этой группы он теряется, утрачивает свою социальную базу и идеологическое значение, падает со своего пьедестала. Класс выдвигает писателя, им руководит и направляет его. Писатель только острее видит и воспринимает окружающее по сравнению с другими рядовыми членами класса.

Естественно, коренным образом изменился и взгляд на об'ективную научность, на исследователя. Исследователь, критик, историк литературы, методолог подходят к взятому ими литературному материалу со своей классовой точки зрения. Внимание и анализ их направлены в ту сторону, куда толкают интересы класса. Значение их исследований становится «об'ективным» постольку, поскольку их выводы совпадают с интересами того класса, который история выдвинула в данный момент на первый план, как организатора и руководителя жизни, движения вперед. Абсолютные, извечные, об'ективные методы и цели исследования исчезли. Стало ясным, что все обусловливается не только общей исторической обстановкой, но и конкретным историческим моментом. Да и сама классовая позиция берется не отвлеченно, а в связи с историческим развитием класса. В зависимости от этого видоизменяются задачи исследования.

Само собой разумеется, что при подобной постановке вопроса исчезли всякие разговоры об общечеловеческой точке зрения. Сейчас критик и исследователь прежде всего определяют, какой опыт берет художник, т.-е. какой общественной группе материал принадлежит, каково его количественное и качественное значение, к какому историческому времени и к какому этапу развития класса он относится,—далее, с какой точки зрения, какими методами и приемами, в свете какого миросозерцания художник взятый материал обработал. Такой характер общего исследования реорганизует исследование отдельных проблем, например, о со-

циальном значении отдельного произведения, писателя или целой литературной школы,—о соответствии формы и содержания, о литературных влияниях, о стиле, о классовом характере образа, эпитета, сравнения, ритма, музыкальности, живописности произведения и т. д. Если художник берет опыт рабочего класса, обрабатывает его методами марксистского понимания исторического процесса, а в то же время музыкальность, ритм и живописность его произведения напоминают усадебные романы 40—50-х годов, исследователь делает целый ряд соответствующих выводов о влияниях и в детальном анализе социальной обстановки пролетария и дворянина отыскивает, выявляет и устанавливает причины этих влияний.

Несмотря на то, что русской литературе всегда отводилась большая социальная роль, в методологии литературоведения велись большие и ожесточенные споры о том, что такое история литературы, история ли содержания или история стилей? Каково взаимоотношение формы и содержания? Теперь вопрос решен твердо в пользу примата содержания, которое влияет на форму произведения, не изменяя основного характера формы, определяемого исторической эпохой, экономическими отношениями, классом, которому данная литература служит. Эти большие, но все же в известной степени второстепенные вопросы определили разрешение основного, очень большого вопроса, что такое художественность литературного произведения.

Почти всегда в обыденной речи, довольно часто в критических и публицистических статьях, нередко даже в серьезных научных исследованиях понятие художественности мыслится, как хорошо и тонко вещь сработана, независимо от ценности содержания. Плеханов дал формулу, что художественность произведения определяется в конечном счете удельным весом содержания. Несмотря на эту четкую и ясную формулу в критических работах, даже и у видных марксистов часто встречаются заявления, что произведение не имеет серьезного общественного значения, хотя и отличается большими художественными достоинствами, или что произведение будет иметь длительное общественное значение, хотя оно и страдает многими художественными недостатками. В этих обобщениях есть известная доля противоречия с Плехановым. Вопрос о художественности в наши дни встал очень остро. Он дебатируется в печати, в университетах, в исследовательских институтах и в литературных кружках. Мысль Плеханова взята за основу прочно, непоколебимо. Она разрабатывается, уточняется и укрепляется на ряде конкретных примеров. Современный молодой исследователь уже прекрасно понимает разницу между художественностью произведения и художественной техникой выполнения. Пред'являя к художнику известный минимум требований в отношении внешнего и внутреннего оформления взятого материала, исследователь определяет художественность произведения не только классовой исторической точностью и соответствием формы и содержания, но и исторической ценностью обрабатываемого опыта. Ряд этих методологических положений обязывает исследователя признать при всех других равных условиях наиболее художественным то произведение, которое шире захватывает эпоху, или показывает основное, органическое, длительное, хотя бы и не так сильно бьющее в глаза, как случайное, однодневное.

В вопросах методологии всегда очень большую роль играли вопросы «психологии творчества». Тут как раз больше всего привносилось метафизики, идеализма, наивного и вульгарного материализма, да и сами процессы творчества рассматривались скорее статически, чем динамически, а между тем, характер мышления так же диалектичен, как и исторический процесс.

Усиленное стремление к классовому об'яснению и классовой классификации литературных явлений, напряженное искание строго материалистического об'яснения процессов творчества и рассмотрение всего этого в свете исторического процесса, в динамике, диалектически,—вот три основные серьезнейшие завоевания в области методологии литературоведения. Эти достижения еще не вполне оформились, но все говорит за то, что они уже пустили прочные корни, а пережитки заплесневелых теорий не в силах их заглушить.

* *
*

В художественном творчестве, как известно, громадную роль играет интуиция, подсознательное. Подсознательное всегда было настолько неизвестной величиной, что ссылка на него уже была достаточным ответом. Механика деятельности высшей нервной системы и марксизм начинают проливать свет и на эту скрытую во мраке неизвестность. Подсознательное, как и сознательное, питается соками общественной среды, носит классовый характер, у различных общественных групп различно по содержанию, по интенсивности влияния на творческий процесс. Подсознательное — невыявленное сознание. Это — не проявленная фотографическая пластинка, которая уже имеет определенное содержание, но последнее можно видеть только при определенных условиях. Если мы теперь психологию, чувства человека рассматриваем, как неорганизованное сознание, то подсознательное в этом ряде должно занять первичную ступень. Подсознательное, психика, сознание. Эти три момента постоянно и причудливо переплетаются в творческом процессе. Между этими тремя моментами часто бывают конфликты. Казалось бы, что начало высоко организованное, сознание, должно побеждать, а начало менее организованное, чувства и подсознательное, играть подчиненную роль. В реальном процессе мы часто наблюдаем противоположное. Чувство и подсознательное порабощают сознание; неорганизованное, стихия, побеждает организованное. Нужно иметь очень сильную и твердую мысль, чтобы торжествовало организованное. Однако эти противоречия не исключают единства указанных трех начал. Противоречия идут в одном определенном человеческом организме, с известной «психической установкой», с определенной организацией нервной системы, в одинаковых социальных условиях—все это придает им принципиально единую сущность; ряд становится стройным, внутренне целостным при доминировании сознания. Эти биологические процессы играют существеннейшую роль; их сплетение, их расхождение и схождение многое в творчестве делают туманным, загадочным. А между тем поднятые проблемы играют колоссаль-

ную роль хотя бы, например, при выяснении идеологической сущности и ценности художественного произведения.

Классовая точка зрения на литературу с особенной остротой выдвинула вопрос о том, что такое история литературы? В процессе споров вопрос усложнился другими не менее важными проблемами,—что такое исследование? Что такое критика? Где границы между этими тремя видами деятельности? Что в них общее и специфическое? Последние вопросы только еще входят в проработку литературоведов, но по первому, основному вопросу об истории литературы, о ее содержании и методах писания, за годы революции накопилось много материала. П. Сакулин обосновал свой социологически-эклектический метод, назвав его синтетическим; В. Келтуяла разработал свой историко-материалистический метод. Марксизм еще не дал законченной методологии, но он поставил вопрос шире, разностороннее, углубленнее. Марксистский метод ясен, но им не проработан еще довольно длинный ряд методологических проблем. В основном идет спор, не пытаются ли марксисты превратить историю литературы в историю общественной мысли, в иллюстрацию гражданской истории, не устраняют ли они на задний план проблемы искусства, а ведь литература прежде всего искусство. Идет спор об имманентном и каузальном строении истории литературы. В связи с этим ликвидируется идеологическое наследство Гердера, Тэна, Брюнетьера, Лакомба,—падают искусственные деления на периоды по десятилетиям, по культурно-историческим эпохам, по направлениям, выявляется принцип деления истории литературы на те же периоды, на которые следует делить и гражданскую историю. Каждый период истории выдвигает на общественную сцену определенные классы и группы, они борются, и побеждает тот класс, который отчетливее слышит шаги истории и яснее видит перспективы будущего. Этот процесс в той или иной степени, в зависимости от ряда самых различных условий, находит полное или частичное отражение в литературно-художественном творчестве.

Как всегда, общая проблема поставила вопросы частного порядка. Вопросы о роли законченного текста, о творческой истории, о центральном типе произведения, о биографии писателя вызывают ожесточенные споры как среди ученых старшего поколения, так и выступающей смены. Старое все переворачивается, новое принимается со строгой критикой и продуманностью, каждую проблему хотят ухватить за самую сердцевину. В полемической борьбе выступают крайние заостренные точки зрения. Пытаются начисто отрицать биографию, иногда нейдут дальше данного текста, считая все остальное от лукавого. В моменты исканий это неизбежно.

Проводя раздел между исследованием, историей и критикой, современная методология вплотную подошла к вопросу, что такое критика вообще и в частности научная критика? Какие задачи она ставит? Где кончаются ее пределы? Какими приемами она пользуется. Насколько неизбежно в ней исследование и т. д.? Признав, что литература не имеет самодовлеющего значения, а носит общественно-утилитарный характер, современная методология постепенно начинает усваивать, что нет постоянных и абсо-

лютных принципов критики, что они обусловливаются не только общественной средой, не только данным классом, но не редко даже и задачей данного дня. Конечно, критика не теряет своего исторического подхода, и нельзя, например, творчество Некрасова или Пушкина рассматривать с точки зрения современных задач; критик должен суметь проникнуться духом той эпохи, понять движущие силы ее борьбы и развития, стать на определенную классовую точку и пересмотреть творчество, пользуясь всеми данными современной науки, имеющими отношение к литературоведению. К этим наукам относятся: экономика, политика, история, философия, общественная мысль, культура, быт, сельское хозяйство, естествознание в отдельных своих частях и ряд других научных дисциплин, какой-либо своей частью соприкасающихся с литературоведением.

Уделяя очень большое внимание вопросам связи материального и духовного производства, связи экономики и искусства, современная методология усиленно работает над вопросами стиля. Помимо пересмотра таких проблем, как: что такое стиль, из каких элементов он состоит, каково их взаимоотношение? ставится основная задача, выяснить зависимость стиля от способа производства. Теперь каждый студент на память знает цитату из Плеханова о работе Франца Фейергерда, что, «сообразно господствующему способу производства и той форме государства, которая им обусловливается, рассудок людей направляется в известные стороны и остается недоступным для других. Поэтому существование каждого стиля (в искусстве. *Г. П.*) предполагает существование таких людей, которые живут при вполне определенных политических условиях, производят при вполне определенных отношениях производства и имеют совершенно определенные идеалы». «Когда даны эти причины, тогда люди создают соответствующий им стиль с такою же естественною необходимостью и неизбежностью, с какой происходит процесс беления холста, чернеет бромистое серебро и в облаках появляется пышная радуга, как только солнце, как причина, вызывает все эти следствия; это, конечно, так, и очень интересно то обстоятельство, что это признается историком искусства». Эти общие методологические указания вызвали пересмотр вопроса о внутренней и внешней форме, о их составных элементах, о взаимодействии этих элементов, уперлись в выяснение того момента, когда форма внешняя переходит в форму внутреннюю, через что осуществляется в творческом процессе единство формы и содержания. Это в свою очередь выдвинуло вопрос о классовом анализе эпитета, сравнения, образа, языка и даже слова. Эти вопросы опять-таки еще не разрешены, но они уже настолько назрели и так настойчиво требуют точного и определенного ответа, что нельзя отвечать на них ссылкой на то, что все эти понятия условны и относительны. Все это отчасти верно, но, в целях единства изучения литературных явлений, и условные понятия должны иметь точное содержание, чтобы исследователи об одном и том же предмете не говорили на разных языках и понимали друг друга.

* *
*

У нас нет еще работ ни нидивидуальных, ни коллективных, в которых указанные основные методологические проблемы получили бы точное разрешение и систематическое изложение; по многим вопросам идет еще дискуссия, но в многочисленных статьях эти проблемы подняты и уже намечаются определенные решения в духе марксизма. Время настойчиво требует, чтобы нашелся свободный человек, который взялся бы если не за самостоятельную разработку методологии, то, по крайней мере, за систематизацию поставленных вопросов и отчасти уже разрешенных. Надо положить первый камень намечающегося построения. Иначе в литературоведении произойдет временное топтание на месте, несмотря на горение мысли и искание методологических путей. Проделанная работа требует оформления.

Марксистское искусствознание за годы революции [1]).

(1917—1927).

А. Михайлов.

I.

Имеем ли мы право утверждать, что проработка вопросов теории искусства с марксистской точки зрения может зафиксировать известные, даже значительные результаты? И не является ли это марксистское искусствоведение пустым местом, или, в лучшем случае, совсем не проработанной еще гипотезой, оперирование которой дает лишь сомнительные результаты? Так часто указывают представители старых школ искусствознания, в ответ на попытки подвергнуть критике их методологические позиции. Подобные вопросы не совсем, конечно, безосновательны, ибо разработка марксистской методологии искусствознания до известной степени отстала, в своем развитии, от общего движения марксистской научной мысли. Уже много раз указывались причины этого, из которых главная относится к общей трудности завоевания пролетариатом культурной области и, особенно, области художественной культуры. Нужно вспомнить при этом, что искусство в буржуазном обществе являет большую, нежели другие области, кастовую замкнутость. Мало того, что художник считается избранным,—самое использование художественных произведений, «проникновение» в них об'является доступным лишь для чрезвычайно узкого круга людей. Соответственно с этим и искусствовед должен будто бы обладать особой восприимчивостью к «тайнам» искусства. Научное познание искусства, как общественно значимой величины, заменяется, поэтому, сплошь и рядом «знаточеством» и дилетантизмом, приговоры которых принимаются a priori. Они не могут быть проконтролированы, поскольку в основу их кладется суб'ективное восприятие, единственным аргументом правильности которого служит утонченный, непрерывно упражняемый «вкус» к пониманию художественной формы. Потому-то, собственно, не будет преувеличением сказать, что в России, где в предреволюционные годы все искусствознание состояло именно в знаточестве и дилетантизме, не было никакого об'ективно-научного искусствознания [2]). Все это, само собой разумеется, имеет об'яснение в классовой природе буржуазного общества.

---

[1]) Данная статья касается лишь теории изобразительных искусств. Основная задача ее наметить общую линию развития марксистской теории изобразительных искусств за 10 лет.

[2]) Это не касается, конечно, немногих марксистских работ Плеханова, Фриче и Луначарского.

Таким образом, при построении марксистского искусствознания—приходится создавать почти не существовавшую ранее научную область в исключительно неблагоприятных условиях,—одно из которых—значительное воздействие на русскую науку об искусстве весьма развитого западно-европейского идеалистического (всевозможных оттенков) искусствознания. Мы не можем здесь проследить становление марксистского искусствознания шаг за шагом, не имеем возможности и учесть всю литературу, об этом говорящую,—постараемся лишь наметить основные вехи.

II.

В период, предшествовавший Октябрьской революции, развитие русской науки об искусстве—по линии теоретической—являло, прежде всего, такую слабость, что почти не заходила речь об искусствознании, как определенной научной дисциплине, если не считать попыток сконструирования этой науки на почве археологии или философии, что одинаково отнимало возможность рассматривать искусство, как специфическую часть общественной идеологии, и об'ективно об'яснить ход его развития. История же искусства, лишенная каких-либо об'ективных методологических предпосылок для об'яснения художественных фактов, превращалась в историю чисто описательную, суб'ективную и, конечно, не научную. Искусство, как творчество, об'являлось делом великих художников, которые, в свою очередь, обусловливали творчество более мелких. Изучение художественных произведений преследовало цель определить лишь формальные приемы данного мастера или школы, найти им аналогии в мировом искусстве (влиянием которых в большинстве случаев и об'яснялось самое возникновение произведений) и, наконец,—поставить это произведение (или школу, эпоху) на определенную ступень, опять-таки, чаще всего руководствуясь личным вкусом. Конечно, последний всегда определяется господствующим в это время классовым мировоззрением, но именно это последнее и толкало искусствознание на путь ненаучности, об'являя искусство высшей ценностью внеклассовой и внеобщественной, использовывая его в то же время, как орудие классового господства. Буржуазия рассматривает искусство, как предмет, служащий индивидуальному наслаждению (в согласии в общим индивидуально-анархичным характером буржуазного общества), искусство становится роскошью, доступной лишь буржуа, с другой стороны, искусство это служит оправданием существующего порядка вещей посредством изображения или не реального, или переработанного в согласии с этим реального. Ясно, что если бы искусство было лишено своей фетишизации, если б с него сорвали эти таинственные покровы, то этим самым была бы ослаблена его действенность в качестве орудия классового господства буржуазии.

В зависимости от этого первые шаги марксистского искусствоведения были направлены к разоблачению общих положений буржуазной эстетики, как искажающих смысл и значимость искусства. Мы будем говорить о развитии в этом направлении русского искусствознания, ибо только в СССР, особенно за последние годы, оно идет данным путем, и хотя можно назвать несколько работ западно-европейских искусствоведов, ставящих или пытающихся ставить вопросы искусствознания в плане материа-

листическом, они не вносят что-либо новое, не разрешенное русским марксистским искусствознанием (в теоретической части). Если мы обратимся к основоположникам марксизма, то у них не найдем специальных высказываний об искусстве. Лишь у Маркса мы имеем черновой отрывок, трактующий об искусстве [1]), где взят частный пример греческого искусства для уяснения мысли, что всякая ступень художественной культуры соответствует данному состоянию производительных сил. Вместе с последними искусство непрерывно развивается, и каждый этап его развития существенно отличается от предыдущего. На данной ступени развития производительных сил возможно только определенное, а не какое-либо искусство. Эту мысль Маркс иллюстрирует примером, что при технике XIX в. греческое искусство невозможно, и указывает, что если оно и сохраняет свое на нас воздействие, то лишь как определенная, уже пройденная ступень, как некое «детство» искусства, достигшее значительного совершенства в разрешении определенных задач, поставленных, в данном случае, развитием греческого общества. Некоторые комментаторы [2]) этого отрывка были введены в заблуждение его первой фразой («относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета не стоят ни в каком соотношении с общим развитием общества, а следовательно, и развитием материальной основы последнего») и обращением Маркса к мифологии, и сочли возможным отнести слова Маркса за счет увлечения идеалистической эстетикой. Однако данная фраза в контексте всего отрывка имеет значение не положительного утверждения, а лишь формулирует общепринятую точку зрения с тем, чтобы, рассмотрев ее, придать ей новое содержание. Так, несмотря на краткость этого отрывка, он является первым шагом в марксистском искусствознании и имеет, в качестве такового, значительную ценность. Но если бы это было даже и не так, то вопрос об идеологии вообще настолько разработан в классических трудах Маркса и Энгельса, что теоретик искусства обязан отправляться от них в своих изысканиях.

Подлинным основоположником марксистского искусствоведения является, несомненно, Плеханов [3]), еще 30 лет тому назад заложивший его первый фундамент. Задачей Плеханова было указать место искусства в общем развитии общественной жизни, указать корни, его обусловливающие, и дать критерии его изучения, т.-е. применить марксистский метод к изучению искусства. Не подлежит сомнению, что в общих чертах эта методологическая задача была им выполнена. Отправляясь от материала первобытного искусства, Плеханов прекрасно показал зависимость его возникновения и развития от материальной основы общества. Вместе с зависимостью развития искусства от экономико-классовой динамики указана его утилитарность. Он наметил основные вехи научно-материалистического изучения искусства, не только указанием на эту основу, но и выяснением ряда посредствующих звеньев, воздействующих на искусство и его об'ясняющих. В во-

---

1) Во «Введении к критике политической экономии».

2) См., напр., Ю. Деникe, Маркс об искусстве (в сборнике «Искусство и общественность» под ред. П. С. Когана).

3) Статьи Плеханова об искусстве собраны в XIV томе его Сочинений, а также в отдельном сборнике «Искусство». Его взглядам на искусство посвящен ряд работ (Аксельрод, Фриче, Вольфсона, Лежнева, Воронского и др.).

просе о классовой природе искусства Плеханов продолжил эстетику Чернышевского[1])—первого, ясно наметившего формулировку зависимости искусства от классовой психики на примере оценки искусства различными классами. Плеханов много занимался вопросами искусства, и его мечтой было создать стройную марксистскую теорию искусств. Но он сделал лишь первые шаги в этом направлении, и разработка оставленных им положений стала делом следующих поколений. И когда, после Октябрьской революции, встали задачи построения пролетарской художественной культуры, а вместе с тем и научной марксистской теории и истории искусств, опираясь на которую и можно лишь правильно намечать пути художественного развития и оценивать прошлые художественные культуры,—то имелись только начатки данной теории.

III.

Уже из вышесказанного ясно, какие трудности должны были испытать те немногие искусствоведы (а часто и не искусствоведы), которые встали на путь марксистской методологии и пытались выполнить насущные требования, пред'явленные к ним пролетарской общественностью. Если мы еще примем во внимание, что искусствоведы-марксисты до сих пор считаются немногими единицами, в то время как искусствоведы-формалисты, стоящие на идеалистических позициях, составляли и составляют корпорацию весьма значительную, то эти трудности не потребуют дальнейшей аргументации. Однако время не ждало, и нужно было работать. Первой задачей, которая здесь встала, явилась необходимость собрать все те начатки марксистской теории искусства, о которых говорилось, и сконструировать их в цельную систему, чтобы тем самым дать хотя бы не претендующую на окончательную разработанность и схематичную,—но все же отправляющуюся от марксистского мировоззрения,—рабочую гипотезу. Вместе с тем, нужно было наметить в основных чертах линию марксистского подхода к искусству наиболее актуальных в наши дни конкретных эпох. Этим вопросам был посвящен ряд работ, достаточно удовлетворительно их разрешивших. В. М. Фриче, являющийся в настоящее время главой марксистской школы искусствознания, больше всех сделал в этом направлении. Исходя из плехановских предпосылок, комментируя их и развивая, он в своих многочисленных работах шаг за шагом подходил к созданию единой марксистской теории искусств.

Но основная тяжесть работы первого периода падает, конечно, на задачи популяризации и широкого распространения основных первичных положений марксистского искусствознания. Эта работа никоим образом не затрагивала еще академические круги, в огромном большинстве продолжавшие политику неприемлемости марксистской методологии. Работу этого первого периода можно было бы охарактеризовать как стремление сделать все ранее проделанное и полученные в результате этого выводы—достоянием возможно более широких кругов. Искусствознание выходит из кабинетов, и теоретические вопросы его широко обсуждаются на страницах газет и журналов и на специальных собраниях. И если мы

[1]) Эстетические отношения искусства к действительности, 1855.

искусство первых лет Октябрьской революции характеризуем его стихийным стремлением к массовости (плакат, проекты украшения городов, оформление массовых действ, уход искусства в производство и т. д.), то и искусствознание этих лет следует тому же принципу. В качестве результатов этой работы мы можем указать ряд книг и статей, которые ставили вопрос об искусстве, его общественной значимости, обусловленности и т. д. Они, конечно, не пытались ставить вопрос об искусстве строго научно и зачастую ставили его слишком обще и популярно, но почти за всеми ими необходимо признать значительную заслугу в том, что они искренно и успешно стремились приблизить теорию искусства к массам трудящихся и рассматривали само искусство как общественно-классовое явление (см., напр., Богданов—Искусство и рабочий класс, М. 1918; Залевский—Искусство и пролетариат, 1918; Францев—Искусство и пролетарское государство, Орел 1921; Чужак—ряд статей; ряд работ и статей В. М. Фриче, А. В. Луначарского, Л. Д. Троцкого, Воронского, Арватова и др. Здесь невозможно их перечислить все).

Число журналов, посвященных искусству, в первые годы революции значительно, что снова говорит о стремлении к широкому распространению знания искусства (см., напр., журнал «Дом искусства»; «Искусство»—вестн. ИЗО НКП—1919; «Искусство»—изд. Моссовета—1918; «Искусство Коммуны» 1918—1919; «Творчество» (Харьков с 1919); «Жизнь искусства»—газ. 1918—1922, СПБ; «Творчество» (Моссовет), ряд журналов и газет по провинции и т. д.).

Многое в них может показаться нам сейчас элементарным, давно известным и зачастую даже неверным, но в то время вся эта работа была совершенно необходима и ее положительные результаты редко учитываются во всей полноте. В особенности надо отметить работу ЛЕФ'а (см. «Искусство Коммуны» и др.), в обстановке того времени весьма значительную и оправданную. Но если вышеупомянутые работы в большинстве случаев рассматривали искусство в плане теоретическом (хотя бы и популярно), то уже тотчас после революции перед деятелями искусствознания встал вопрос ориентировки рабочего класса в восприятии и оценке наиболее актуальных в наши дни художественных эпох. Необходимо было оправдать теоретические предпосылки на конкретном материале,—и показать, как в разное время искусство выполняет свою общественную функцию, и что с этой точки зрения есть в нем ценного для современности. Естественно, что наиболее важными в этом отношении явились эпохи или нам созвучные по своему идеологическому эквиваленту, или наиболее близкие в порядке хронологически преемственном. Еще Плеханов оставил нам ряд оценок конкретных эпох. В. М. Фриче марксистски рассмотрел новое русское искусство (это он сделал еще до революции, но наибольшую значимость его работа приобрела именно в наше время); кроме того, ряд статей он посвятил искусству западному, преимущественно современному [1]); в том же плане работал частично А. В. Луначарский. Вместе с тем определялись и задачи современного искусства в пролетарском государстве [2]), ибо новый класс мощно требовал фиксации в искусстве

[1]) В. М. Фриче, Очерки по искусству, 1923 г., и ряд статей.

[2]) Ibid., см. также Луначарский, «Искусство и революция», «Социальные основы искусства» и др.

своей психологии, своих классовых устремлений настоящих и будущих. Все эти работы намечали лишь общую линию, они были не «академичны», но их значение несомненно даже в наши дни, ибо, от них отправляясь, мы продолжаем углублять работу над конкретным материалом. Упомянем еще о той работе, которая была проделана по собиранию и, если так можно выразиться, обобществлению того, что писали об искусстве основоположники марксизма или близкие к марксистской точке зрения ученые. В результате этой работы вышел целый ряд сборников, которые как бы суммировали эти материалы, и на базе их должно было итти дальнейшее строение марксистской теории искусства («Искусство и литература в марксистском освещении», изд. «Мир» 1925 г., т. I; «Искусство и общественность»—хрестоматия под ред. П. С. Когана; «Вопросы искусства в свете марксизма»—сборн. 1925 и «Введение в изучение искусства и литературы» Десницкого). Этим мы ограничиваем первый этап работы, который занят, таким образом, конкретной реализацией всего сделанного до революции, популяризацией этого материала, и первыми шагами к приложению теоретических выводов на фактическом материале. Работа в большей степени шла вширь, но уже и этим подготовлялось ее углубление.

IV.

Обращаясь теперь к следующему этапу—мы видим попытки дальнейшего углубления начатой работы и постепенное (весьма медленное) вовлечение в нее научно-искусствоведческих организаций. Несмотря на революционный шквал, казалось бы уничтоживший окончательно предпосылки для существования идеалистического искусствознания, последнее уступает свои позиции с великим боем пядь за пядью, и даже еще сейчас марксистское искусствознание не на всех, высокопарно выражаясь, высотах водрузило свое знамя. Те принципы формально-идеалистического подхода к искусству, о которых мы говорили в начале, слишком крепко привились в научно-искусствоведческих кругах, чтобы легко их покинуть. До самого последнего времени ряд искусствоведческих организаций российского масштаба продолжал (а в ряде случаев и продолжает) стоять на этих теоретических позициях. Напомним, что еще в 1924 г. вышел сборник Ленинградского Института Искусств «Задачи и методы изучения искусств», в предисловии которого хотя и было оговорено (уступка времени!), что искусство «одна из надстроек, определяемых, как и все остальные, экономической структурой общества»,—но в содержании всего сборника была выдержана четко идеалистическая концепция. Не будем упоминать о ряде работ ГАХН'а и др., говорящих о том же.

Однако ясно уже начинало чувствоваться, что все это неспособно оправдать искусствоведение, как положительную об'ективную науку, и ряд молодых искусствоведов начинает работать в плане марксистской методологии. Немного работ можем мы назвать здесь, так или иначе удовлетворяющих поставленному заданию—в большинстве случаев они не пошли дальше предварительной постановки вопросов, но уже самый факт их появления весьма знаменателен. Из этих работ отметим прежде всего «Марксистскую историю изобразительных искусств» А. А. Федорова-Давыдова, заслуга которой заключается в своевременной постановке ряда

важнейших проблем теории искусства и добросовестных, иногда правильных попытках их разрешения. Но она не пошла дальше суммирования уже известных положений, а в наиболее важном вопросе—диалектическом методе рассмотрения искусств—оказалась, по выражению В. М. Фриче, «дефективной» [1].

В своей последующей статье «Проблема формы и содержания в искусстве» («Печать и Революция» 1925 г., № 5—6, стр. 118 и сл.) Федоров-Давыдов пытался исправить некоторые промахи главы о диалектике упомянутой книги, но, об'явив тавтологией положение Плеханова о единстве формы и содержания (и диалектическом их развитии, следовательно, как единого целого), он не смог заменить его ничем, кроме схематичной триады, разрывающей неосновательно об'ект искусства и устанавливающей искусственный диалектический процесс между формой и содержанием (содержание—гармония формы и содержания—форма. Из этого явствует, что синтез предшествует коварным образом антитезе). Более убедительно вопрос о форме и содержании был разрешен И. Маца (см. «Сверхматер. теория искусства», «Вестник Комм. Академии». № 14, стр. 275 и сл.).

Далее нужно отметить статью Корницкого («Марксистская методология и наука об искусстве») [2], которая касается самых общих вопросов методологии искусствознания (и скорее марксистской методологии вообще). К сожалению, автор избрал несколько своеобразный, и не совсем себя оправдавший, способ указания методологических предпосылок изучения искусства путем опять-таки своеобразной апелляции к «Введению к критике политической экономии» Маркса, где трактуется о производстве, при чем автор ограничился лишь заменой в своих целях понятия «производство» понятием искусства. Поэтому его работа, давая некоторое общее, довольно неполное представление о марксовой методологии вообще, не вносит чего-либо существенно нового в изучение искусства, кроме ряда сомнительных положений.

Необходимо несколько подробнее остановиться на работах Б. Арватова [3], который, несмотря на все ошибки (формализм и т. д.), наиболее резко заострил вопрос о неприемлемости буржуазного искусствознания. Он отчетливо пытался уяснить, какими принципиальными чертами пролетарское искусство должно отличаться от буржуазного (буржуазный станковизм и искусство в производстве в пролетарском обществе). Вопрос о классовости искусства и эстетики наиболее им заострен. Он настойчиво проводил мысль о массовом искусстве через слияние его с производством. И, наконец, наиболее положительная черта его работ в их действенности, активности,—для него нет художественной теории без художественной практики,—они взаимно друг друга пронизывают,—и именно исходя из художественной практики он пытался построить теорию искусства.

Таким образом, каждая из рассмотренных работ имеет все же нечто положительное, которое было еще более значительным

---

1) См. В. М. Фриче, К диалектике искусства,—«Вестник Комм. Академии», XXI, 1927; рецензии на эту книгу см. еще в «Печать и Революция» 1925, № 4 (Луначарский) и «Воинствующий Материалист» № 4, 1925 (Руминй, стр. 254 и сл.),

2) «Искусство»—журнал ГАХН, № 1.

3) Арватов, «Искусство и классы» (1923), «Искусство и производство» (1926) и целый ряд статей.

в свое время. Но более существенные результаты мы наблюдаем в работах старшего поколения. И здесь нам, как это ни удивит многих, приходится начинать с «Теории исторического материализма» Бухарина, которым дана была исчерпывающая формулировка искусства [1]), и его место в системе общественного развития. Также весьма существенна его статья (стенограмма речи на диспуте) «О формальном методе в искусстве» (см. «Красная Новь» 1925 г., № 3).

У А. В. Луначарского и В. М. Фриче мы находим дальнейшее углубление их работы в теоретическом плане. Общественная значимость искусства и его классовый характер были уже достаточно выяснены предыдущей работой. Дальнейшая работа должна была заключаться в разрешении сложных вопросов взаимодействия движущих сил искусства и самой диалектики художественного развития. Мы коснемся прежде всего работ А. В. Луначарского — они собраны в его недавно вышедшей книге «Очерки марксистской теории искусства» (АХРР, 1926). Он рассматривает развитие искусства в форме триады (раньше это было сделано Федоровым-Давыдовым [2]). Подобные же попытки встречаются и у искусствоведов идеалистов—Вельфлин). Об этой постановке вопроса (по отношению к Федорову-Давыдову) было замечено Фриче [3]), что она не совпадает с линией общественного развития. Период наиболее совершенного и развитого искусства совпадает с разложением класса—что, конечно, не может иметь места.

Второй важный вопрос, поднимаемый А. В. Луначарским в теоретическом плане—это об имманентных законах развития искусства—наиболее, пожалуй, спорный в наше время. Автор является сторонником этих имманентных законов и их существо видит в развитии искусства от симметрии к большой свободе. Во всяком случае, как бы ни были спорны эти положения, важно, что они поставлены с достаточной основательностью и их разрешение намечено в плане марксистской методологии.

В. М. Фриче, линия которого за весь рассматриваемый период оставалась, может быть, единственной принципиально выдержанной и неуклонно продолжающей строение марксистской методологии в совершенно приемлемом плане—сделал значительный вклад своей капитальной работой «Социология искусства» (1926) [4]) и рядом статей. Мы не можем остановиться на всех его работах—отметим наиболее важные их результаты. В упомянутой книге впервые была сделана попытка использовать положительное наследие западно-европейского искусствознания, с одной стороны, и предварительно разрешить стоящие перед марксистским искусствоведением сложные проблемы—с другой. Тезис Плеханова о развитии искусства путем смены противоречий (закон антитезы) положен в основу методологии этой работы и с точки зрения закона антитезы прослежено развитие мирового искусства. Вместе

---

[1]) Искусство, как систематизация чувств в образах. Работу над определением сущности искусства мы находим у Воронского (искусство как познание жизни), Арватова и Чужака (искусство как строит. жизни, производственная теория) и др.

[2]) В «Марксистской истории изобразительных искусств», глава о диалектике.

[3]) В упомянутой статье «К диалект. искусства».

[4]) Экстракт этой книги в статье «Задача и проблемы социологии искусства»,—«Вестн. Комм. Академии» № 15, 1926 г.

с тем книга явилась суммированием достижений материалистической мысли в области искусствоведения. Если даже не соглашаться с разрешением ряда вопросов—это нисколько не умаляет значения работы, которой, конечно, нужно посвящать не несколько строк, а специальное исследование. Мы не имеем этой возможности в рамках нашей информации. Поэтому обратимся к последней работе В. М. Фриче [1]), ставящей вопрос о диалектическом развитии искусства. Посвящая эту статью просмотру искусствоведческих работ, так или иначе поднимающих вопросы диалектики, он указывает совершенно основательно на необходимость обратиться в этом вопросе к классическим работам Плеханова, который в ряде мест дал указания на сущность диалектики искусства. Основываясь на понимании диалектического процесса Лениным и Плехановым, В. М. Фриче приходит к выводу, что «развитие и движение художественной надстройки преимущественно антитетично—и только в этом смысле (развивается. *А. М.*) «диалектически», и что сама эта диалектика обусловлена борьбой классов и внутриклассовых групп (т.-е. диалектикой общества). Кроме этого ряд статей Фриче был посвящен критике фрейдизма в искусстве.

Нужно упомянуть еще о работах Л. И. Аксельрод [2]), которая также поднимает ряд наиболее основных вопросов марксистской методологии искусствознания. Ряд статей был посвящен специально вопросу стиля (Фриче [3]), Циммер [4]). Упомянем весьма ценную статью Якубовского «О природе искусства» («Печать и Революция» 1926, кн. 1) и др.

Таков, примерно, итог работы в области теоретической — в смысле ее углубления и научного разрешения ряда проблем. Кроме того, нужно сказать о работе, связанной с критикой позиции искусствоведов—не-марксистов, или ориентирующихся на марксизм. Сама эта критика в большинстве случаев предельно-основательная и серьезная [5]) указывает на усиление материалистического искусствознания, которое, критикуя, противопоставляет свою уже достаточно разработанную во многих отношениях и выдержанную методологию (К таким работам относятся статьи В. М. Фриче [6]), Корницкого [7]) и Федорова-Давыдова [8])—о Шмите («Искусство (1925) Луначарского—о Гаузенштейне [9])

---

1) «К диалектике искусства».

2) Л. И. Аксельрод, Методологические вопросы искусства («Красная Новь» 1926 г., №№ 6—7, 12).

3) См. его статью «К постановке проблемы стиля» в «Вестн. Коммун. Акад.» № 4.

4) См. Циммер, Мировоззрение и формы стиля,—«Вестн. Комм. Академии» № 4, стр. 362 и сл.; см. также статьи: Шиллер, Марксизм, психоанализ и искусство (критика книги Роланд-Гольст),—«Вестн. Комм. Акад.» № 18, стр. 244—257; Вайнштейн, Искусство и организационная теория,—«Вестн. Комм. Акад.» № 11, стр. 204 (критика Богданова); статьи Румия («Воинствующий Материалист», ряд №№), ряд заметок в «Под Знаменем Марксизма» и т. д.

5) Это не избавляет нас от необходимости указать, что, помимо этих немногих критических марксистских статей, положение с критикой искусствоведческой литературы обстоит совершенно не благополучно.

6) В. М. Фриче, Арифметич. социол. иск.,—«В. К. А.» № 13, 1925 г., стр. 269—277; см. также его «Кризис буржуазного искусства»,—«В. К. А.» № 2

7) Труды социол. отд. Научн.-Исслед. Института Арх. и Иск., 1927, в. I.

8) См. «Красная Новь» № 5, 1926 г.

9) Луначарский, Гаузенштейн (в «Искусстве» № 1, 1923, в сб. того же автора «Искусство и Революция» и в «Маркс. теор. искусства».

и Федорове-Давыдове[1]), Фриче—о Гаузенштейне [2]), Маца—о Люмертэн [3]) и др.).

Но работа в области марксистского искусствоведения не исчерпывается этим фактами. К десятилетию Октябрьской революции мы можем зафиксировать известные сдвиги и в замкнутых доселе академических кругах. Начать с того, что имеется ряд секций и отделений в ученых учреждениях, непосредственной задачей которых является проработка вопросов марксистской методологии искусствознания и обработка фактического материала с этой точки зрения. Из них в первую очередь нужно назвать секцию теории и методологии Научно-Исследовательского Института Археологии и Искусствознания РАНИОН, Социологический Комитет Госуд. Инст. Истории Искусства (Ленинград) и социологическое отделение ГАХН'а. Помимо них имеется секция искусства и литературы при Комм. Академии, где ведется значительная работа. Из них некоторые (ГИИИ) только еще приступают к серьезной работе или собираются приступать (ГАХН, Социолог. Отд.), другие дали уже значительную продукцию. Секция теории и методологии Научно-Исследов. Института Археологии и Искусствознания готовит к выпуску 2-й сборник своих трудов. 1-й сборник дал ряд работ, посвященных практике марксистского подхода к искусству (напр., Федоров-Давыдов, «К социологии лубка» и др.). Ленинградский Институт Истории Искусства выпустил сборник «Проблемы социологии искусства» (1926), но его едва ли можно назвать выдержанным методологически (а он, очевидно, характеризует всю социологическую работу этого Института)—в особенности это касается передовой статьи Ф. И. Шмита («Искусство.—Проблемы методологии искусствознания»), который, несмотря на все попытки встать на марксистскую позицию, безнадежно увяз в дебрях физиологии и биологии и воскрешенной им, в качестве основного фактора движения искусства, «борьбы за существование».

Модернизация эстетики Толстого «в марксистском переплете» также едва ли вызывается об'ективной необходимостью. То же можно сказать и о его предыдущей работе «Искусство» (1925), где он стоит примерно на той же позиции, но уже разрешает ряд наиболее важных вопросов (глава о диалектике)[4]). Эта диалектика (и вся социология) аттестована В. М. Фриче в качестве «арифметической» и содержит не совсем обоснованные (или совсем не обоснованные) мысли о цикличной эволюции искусства в 6 фазах, императивно устанавливаемых. Мировая история тоже делится на 6 фаз. Но симптоматичен уже тот факт, что Ф. И. Шмит, а за ним и несколько других ученых пошли навстречу марксистскому искусствоведению, тем самым признав несостоятельность формальной школы. К тому же, несмотря на данную выше общую оценку его трудов, нам кажется, что у него есть много весьма положительного и для нас ценного, а это заставляет надеяться, что он, может быть, найдет правильный путь к

---

1) «Печать и Революция» 1925 г.

2) См. предисловие к «Опыту социол. изобр. искусства» Гаузенштейн и т. д.

3) «Вестн. Комм. Акад.» № 14: Сверхматериалистическая теория искусства, стр. 275 и сл.

4) Она изложена также в его статье «Диалектика развития искусства»,—«Под Знаменем Марксизма» 1924 г., № 12, стр. 231 и сл.

материалистическим позициям. Так, например, он совершенно прав в оценке сущности формального метода (западно-европейского искусствознания), он прав и в требовании установления более определенной линии (основанной на марксистской методологии) в руководстве искусством в государственном масштабе—правильно учитывая социально-организующую роль искусства. Переход академических искусствоведческих организаций на путь марксистского изучения искусства неизбежен, поскольку пролетариат по отношению к искусству, а следовательно, и науке об искусстве пред'являет определенные, согласные с его мировоззрением, требования. Медленность же этого перехода об'ясняется уже указывавшимися причинами. Пролетариат не может построить свою художественную культуру сразу и должен пойти, временно, на сохранение в искусстве (и искусстве об искусстве) ряда черт предшествующей буржуазной эпохи. Но, повторяем, лишь в течение определенного (и не такого уж большого) промежутка времени. К тому же плановое руководство искусством в государственном масштабе дает гарантию быстрого их изживания.

Возвращаясь к прерванному изложению, отметим большую работу, произведенную за последние годы над фактическим материалом искусства. Если в первые годы революции задача исчерпывалась необходимостью наметить общую линию социальной обусловленности развития искусства некоторых актуальных эпох, то теперь во весь рост встает вопрос о кропотливом изучении истории искусства с марксистской точки зрения. Конечно, и здесь в первую очередь выдвигаются эпохи более актуальные. В этом направлении нужно прежде всего отметить работу секции искусства и литературы Комм. Академии, которая занимается вопросами теории и исследованием современного искусства. К результатам работ этой секции относятся многие из упоминавшихся работ Фриче, а также работа Маца («Искусство современной Европы»). Последний выполнил большой трудности задачу: охарактеризовать с точки зрения материалистического подхода развитие современного западного искусства. Это—единственная работа, способная по-марксистски ориентировать в том сложном и противоречивом сплетении художественных направлений современного Запада, которые в свою очередь отражают не меньшей сложности переплетение классовых противоречий. Ряд докладов этой секции был посвящен вопросам современного искусства. О работах в области конкретной социологии секции теории и методологии Института Арх. и Иск. мы уже говорили. Необходимо лишь добавить, что проделанная ею работа не исчерпывается материалами, помещенными в «Трудах» секции. Ряд эпох и отдельных моментов в развитии мирового искусства так или иначе рассмотрены были социологически в докладах этой секции. Такая же работа велась и в ГИИИ и в меньшей степени в ГАХН'е. Наконец, в самое последнее время встала реально задача критики основ западно-европейского искусствознания. Почин в этом отношении принадлежит Л. Зивельчинской (см. ее «Критика эстетики Канта». 1926). Общей критике формального метода в искусстве, кроме упоминавшейся речи Бухарина, посвящена статья Луначарского в одном из номеров «Печати и Революции», посвященных дискуссии по этому вопросу [1]).

---

[1]) См. «Печать и Революция» 1924 г., № 5, стр. 19—32.

Суммируя все, о чем говорилось, нужно признать, что если, как сказано было выше, марксистское искусствознание и отстает в своем развитии от общего движения марксистской мысли, чему причиной ряд об'ективных условий, все же при весьма малочисленных силах оно сумело достичь значительных результатов. И когда называют его становящимся, а не ставшим,—это не во всех отношениях верно.

V.

Однако нужно иметь в виду, что не разрешен еще ряд больших задач и что попрежнему ряды марксистов-искусствоведов немногочисленны. Формальная же школа искусствознания, хотя и терпит одно поражение за другим—сильна еще достаточно. Об этом свидетельствуют работы ряда искусствоведческих учреждений, об этом говорят отдельные труды. На каждую марксистскую работу в области искусства до сих пор приходится насчитывать несколько десятков формалистических—неприемлемых для нас абсолютно. Последнее обстоятельство было весьма категорично высказано на последнем совещании по вопросам театра при АПО ЦК ВКП(б) (май 1927) [1]. И если мы взяли на себя смелость говорить о развитии марксистского искусствоведения за 10 лет, да позволено будет сказать несколько слов и о задачах, которые стоят в этой области в настоящее время. Ибо только при учете опыта и ясном осознании грядущих задач возможна плодотворная работа. Обращаясь к этому вопросу, мы затронем прежде всего задачи чисто теоретического характера. Уже предыдущее развитие в этом направлении подсказывает дальнейший путь. Это прежде всего углубленная и строго научная проработка марксистской методологии искусствознания, отправляясь от ранее сделанного. Основным здесь является насущнейшая необходимость применения диалектического метода в изучении искусства. Лишь когда мы достаточно подробно и точно проработаем вопросы диалектики искусства в теоретическом плане—сможем мы охватить развитие мирового искусства об'ективно научно. Этот общий вопрос диалектики искусства в свою очередь выдвигает ряд из него вытекающих (к таким мы отнесли бы вопрос об «имманентных» законах развития искусства, вопрос о «влияниях» и частных законах диалектики (закон психологической антитезы) и т. д.). Подобная работа, кроме всего прочего, предполагает критическую проработку буржуазного искусствознания во всех моментах их развития. Ибо, хотя мы и произнесли ему суровый приговор в начале статьи, ни в ком все же, думаем, не вызовет сомнений то утверждение, что много в этом наследии мы можем найти и положительного. Использование этого положительного совершенно необходимо. Но этот критический просмотр имеет еще целью и вскрытие отрицательного, все еще действенного ведь в наши дни (так индивидуалистичность, ненаучность, дилетантизм, знахарство и т. д.). Само собой разумеется, что классовый характер буржуазной эстетики должен быть вскрыт с исчерпывающей полнотой.

---

[1] См. «Пути развития театра». Матер. совещания при АПО ЦК ВКП(б) в мае 1927. Театр. изд., 1927. Ряд выступлений по этому вопросу.

Второй раздел работы должен быть направлен по линии овладения конкретным материалом. Недостатком большей части предшествующих теоретических работ марксистского искусствознания было использование конкретного материала в обработке формальной школы. Иначе поступать было нельзя, ибо социолого-марксистская первичная обработка художественного материала—вещь почти еще не существующая. Мы должны ее построить, ибо даже первичная обработка материала с помощью формального метода для нас неприемлема. Формалист и при первом взгляде на художественное произведение отмечает чаще всего не те моменты, которые склонен выделить марксист-социолог, исходя из об'ективно значимых методологических предпосылок. Поэтому задача построения так называемой «конкретной социологии искусства», имеющей целью своей обработку каждого отдельного памятника, с начала до конца, приемами марксистского искусствоведения—является исключительно важной.

Как раздел теоретический предполагает пересмотр буржуазной эстетики, так и этот раздел предполагает своего рода генеральную ревизию истории искусства, с ее до сих пор существующими границами стилей и школ и т. д. и оценками их. И мы утверждаем, что как марксистская теория искусства отличается от формалистически-буржуазной, так и наша история, исходя из предпосылок этой теории, будет коренным образом отличаться от буржуазной истории искусства. Она должна стать историей проявления в искусстве психологии классовых коллективов, но не историей отдельных художников или школ.

Эти основные разделы рождают ряд следующих задач, о которых нужно говорить специально, а не в пределах данной статьи. Нам важно лишь наметить общую линию и крупнейшие задания.

Нужно полагать, что созываемый в недалеком будущем в Москве мировой конгресс по социологии искусства (самый факт созыва которого имеет величайшую важность и достойным образом заканчивает работу в области марксистского искусствознания за истекшее десятилетие) окончательно зафиксирует достигнутые результаты и наметит пути дальнейшего развития работы.

Современное состояние психологии в СССР.

К. Корнилов.

I.

В настоящую десятую годовщину Октябрьской революции, когда во всех областях нашей жизни подводятся результаты совершившегося социального переворота в нашем Союзе, целесообразно было бы и нам, психологам, оглянуться на пройденный путь за эти десять лет и отдать себе отчет в том, насколько же велики те сдвиги, которые произошли за это время в нашей науке, что конкретно сделано нами в течение этого времени и каковы те перспективы, которые открываются перед нами.

Надо ли говорить, что совершившийся социальный переворот неизбежно должен был повлечь за собой соответствующий переворот и в области научной мысли. В самом деле, если радикально изменились социально-экономические условия, изменился политический строй, ясно, что тем самым должны были столь же радикально измениться и все идеологические надстройки, и в первую очередь наша наука. Каковы же те изменения, которые вызвал Октябрьский переворот в области научной мысли вообще и в частности в нашей психологии?

Если бы мы поставили своей задачей в немногих словах охарактеризовать сущность этих изменений в науке вообще, мы должны были бы остановиться на констатировании радикальной переоценки двух следующих основных моментов научного знания: во-первых, переоценки тех методологических предпосылок, которые лежали раньше и лежат теперь в основе каждой научной дисциплины, и, во-вторых, переоценки тех целей и задач, которые ставились ранее и ставятся теперь для всякого научного знания. Остановимся подробнее на рассмотрении этих двух моментов.

Каковы же были те методологические предпосылки, которые лежали в основе научного знания в период до Октябрьской революции? И каковы эти методологические предпосылки в настоящее время?

Надо ли доказывать, что одной из основных методологических предпосылок не только нашей психологии, но в подавляющем большинстве и всякой другой научной дисциплины в старой дореволюционной России был философский идеализм и метафизика. Это касается не только области гуманитарных наук, где этот идеализм и метафизика кичливо выпячивались вперед по всему фронту, но от этого идеализма не была свободна одинаково и сфера естествознания, где, казалось бы,

для идеалистических тенденций не было столь широкого простора, как в области гуманитарного знания. В самом деле, в этом идеализме повинны не только русские философы—Вл. Соловьев, С. Трубецкой, Лопатин, Франк и др., за подавляющим большинством которых не даром сохранилось меткое наименование «богоискателей», не только русские психологи, вроде Грота, Челпанова и др., которые никак не могли расстаться с душой и «душевной жизнью», не только русские социологи, вроде М. Ковалевского, Сорокина, Де-Роберти и др., которые наполовину растворяли социологию в биологии и психологии, но даже такие представители естествознания, как математик Бугаев, физики Шишкин и Умов, химик Менделеев, биолог Мечников, физиолог Павлов, психиатр Корсаков и многие другие, также не являлись и не являются свободными от идеалистического налета в своем мировоззрении.

Октябрьский переворот с корнем вырвал всякую почву для идеализма и метафизики и взамен этого выдвинул антитезу идеализму—диалектический материализм. Представители гуманитарных наук, из них в первую очередь экономисты и социологи, т.-е. представители тех областей, в которых сам Маркс дал классические образцы конгкретного применения диалектического метода, были первыми поборниками и проводниками этого метода в своих научных исследованиях. Следом за ними представители истории, права, литературы и искусства восприняли этот метод, и едва ли в настоящее время можно назвать хотя бы одну какую-нибудь научную дисциплину гуманитарного порядка, чтобы на ней так или иначе не отразились методологические предпосылки марксизма.

Совершенно по иному обстояло дело с областью естествознания. Гордые своим естественно-научным материализмом, полупрезрительно всегда относившиеся ко всякой философии, мотивируя это тем, что «наука сама себе философия», многие крупные представители современного естествознания, забывши завет Энгельса, что «только диалектика может помочь естествознанию выбраться из затруднений» [1]) и вопреки совсем недавнему завету Ленина, что «естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т.-е. должен быть диалектическим материалистом», для чего Ленин и рекомендовал «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения..., своего рода общества материалистических друзей гегелевской диалектики» [2]),—эти представители естествознания и сделали как раз натиск на эту гегелевскую диалектику, стремясь заменить ее механическим естествознанием и его выводами» [3]). Появилась декларация особого «механистического мировоззрения» с его лозунгом: «Наука сама себе философия». Это «механистическое мировоззрение», хотя и оставляло прежний термин диалектического материализма, но вкладывало в него совсем иное содержание: на ряду с историческим материализмом, оно исключало окончательно всякий «философский

---

[1]) Энгельс, Диалектика природы, стр. 127.

[2]) Ленин, «Под Знаменем Марксизма» № 3, 1922 г., стр. 9—11.

[3]) См. сборник Научно-исслед. института им. Тимирязева: «Механистическое естествознание и диалектич. материализм».

материализм», заменивши его «механистическим естествознанием» и его выводами. Задачи же этого механистического естествознания видело в сведении сложных явлений—биологических, психологических и социальных—к простым физико-химическим явлениям.

Несмотря на указания критики, что исторический материализм нельзя рассматривать оторванно от теории марксизма, от общей системы марксистской теории, от его философских основ, а тем более нельзя эти философские основы заменять современным естествознанием и его выводами, ибо само по себе естествознание не является чем-то безоговорочно положительным и в нем, пожалуй, более реакционных, нежели прогрессивных моментов,— несмотря на вышедшую в этот период жаркой полемики «Диалектику природы» Энгельса, которая в корне расходилась с позицией, занятой сторонниками механистического естествознания,— несмотря на все это, значительная часть естествоиспытателей упорно осталась на своей позиции механического материализма, настойчиво подчеркивая, что они за механистическое естествознание и против диалектики Энгельса, а тем самым, повидимому, и против марксизма [1]).

Полемика эта между диалектиками и механистами не изжита еще и сейчас: однако можно думать, что чем более естествоиспытатели будут углубляться в изучение диалектики, тем более, говоря словами Ленина, они «найдут в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании» [2]).

Таким образом, мы видим, что вместе с революцией материализм стал одной из основных методологических предпосылок современной русской науки. Что же касается вопроса о так называемой «диалектизации наук», то это является очередной и насущной задачей нашей науки, над разрешением которой еще много придется поработать в ближайшем будущем.

II.

Этот переворот в матодологических предпосылках общественных наук и естествознания не мог, конечно, пройти бесследно и для соединительного звена этих двух основных сфер человеческого знания, каковым является наша психология. К тому же положение психологии до Октябрьского переворота и в первые годы после него было безоговорочно архаическим, особенно в Москве: это было никем не оспариваемое господство не только суб'ективной эмпирической психологии в том лучшем ее понимании, как это мы находим в трудах таких психологов чисто эмпирической школы, как Н. Ланге или А. Нечаев, но это было господство всецело метафизического направления в психологии, которое традиционно закрепило свои позиции в Московском университете, в лице проф. Грота, Лопатина и Челпанова.

Психология, по определению этих ученых, была «учением о душе, в которое совершаются душевные явления, а не только

---

[1]) См. статью проф. Самойлова, Диалектика природы и естествознание, №№ 4 и 5 «Под Знаменем Марксизма» 1926 г.

[2]) «Под Знаменем Марксизма» № 3, 1922 г., стр. 9—11.

о душевных явлениях, которые совершаются без души»[1]). Понятно, что таким образом определяемая психология являлась абстрактной наукой, совершенно оторванной от своих материальных, анатомо-физиологических основ. Даже экспериментальная психология определялась Гротом, как «наука, которая изучает законы и связи душевных явлений, состояний, фактов между собою, совершенно независимо от характера физических и физиологических явлений и процессов, сопровождающих психическую деятельность и психическое взаимодействие суб'ектов»[2]). Ясно, что в такого рода психологии главную роль играет самонаблюдение или внутренний опыт, а внешний опыт имеет значение совершенно побочное[3]), и т. д.

Заниматься подробной критикой этого направления—задача мало благодарная: несостоятельность этого направления в настоящее время настолько очевидна, и отход от этого направления психологов не только у нас, но и за границей настолько совершившийся факт, что сторонников этой психологии приходится выискивать в настоящее время с фонарем Диогена. Стремление же некоторых из этих авторов, в роде проф. Челпанова или А. Португалова, защищать эмпирическую психологию, а тем более доказывать, что только эмпирическая психология и согласуется с марксизмом, как это делает проф. Челпанов, является делом совершенно безнадежным[4]).

Поэтому вполне понятным становится тот бурный натиск, который пришлось выдержать этой «эмпирической» психологии со стороны целого ряда чуть ли не одновременно возникших материалистических попыток обоснования психологии. Не считая учения об условных рефлексах Павлова и рефлексологии Бехтерева, существовавших до революции, психология поведения Блонского[5]), теория новой биологии Енчмена[6]), реактология, а затем марксистская психология Корнилова[7]), научная психология Струминского[8]),—все эти работы, появившиеся в промежутке двух каких-нибудь лет (с 1921 по 1923 г.), ставили своей задачей коренной пересмотр господствовавшей до тех пор суб'ективной психологии.

Несмотря на громадное различие друг от друга всех перечисленных авторов в их исходных пунктах, понимании задач психологии и методах их работ, все же можно указать основные

---

[1]) Г. Челпанов, Психология и Основной курс, Москва 1909 г. стр. 11.

[2]) Грот, Основания эксперим. психологии, стр. 46 в «Очерке психологии» Вундта (курсив мой).

[3]) Там же, стр 46.

[4]) См. брошюры Челпанова, Психология и марксизм, М. 1924 г., и ответы на нее Корнилова и Франкфурта в сборниках: «Психология и марксизм» и «Современные проблемы психологии» Института Экспериментальной Психологии. См. статью А. Португалова, Как исследовать детскую психику в сборнике Детская психология и антропология», вып. 1 и 2.

[5]) Блонский, Очерк научной психологии, М. 1920

[6]) Э. Енчмен, Восемнадцать тезисов к теории новой биологии, 1920 г. Теория новой биологии и марксизм, 1923

[7]) Корнилов, Учение о реакциях человека (реактология) 1921 г., 3-е издание 1927 г. Современная психология и марксизм. 1923 г.

[8]) В. Струминский, Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма, Оренбург 1923 г.

методологические принципы, которые являются общими для всех этих авторов. Первым таким общим методологическим принципом является **материализм**, возникший как антитеза к господствовавшему до тех пор идеализму. Так, Блонский проводил в своей книге мысль, что «жизнь не противоположность материи, но высшая ступень типичных свойств материи... С этой точки зрения странно говорить о противоположности между психикой и материей: нервно-психическое есть самое развитое материальное, если можно так выразиться, материя в кубе»[1]. Енчмен утверждал, что «живые об'екты отличаются от неживых только особой сложностью своей двигательной реактивности—именно физиологической, т.-е. рефлексологической, в отличие от вообще физико-химической двигательной реактивности»[2]. Струминский определял психику, как «вещественный процесс в организме, совершающийся по законам органической жизни»[3]. Наконец, Корнилов, опираясь на основоположников марксизма, определял психику, как «свойство высокоорганизованной материи» и как «интроспективное выражение физиологических процессов»[4].

Все, позднее появившиеся работы, касавшиеся в той или иной мере методологических предпосылок психологии, принципиально стояли на точке зрения материалистического обоснования психологии. Некоторое исключение составляло только учение Бехтерева о его «энергии, которая при современном научном знании перестает быть материальной и физической». Но и то мы склонны это уклонение считать скорее односторонним выражением мыслей автора, нежели принципиальным разногласием с материалистами.

Таким образом, материализм стал прочным органическим достоянием нашей русской психологии по всему ее фронту.

На ряду с материализмом имеется и вторая методологическая предпосылка, которая также органически вросла в нашу психологию и приемлется в настоящее время совершенно безоговорочно. Эта методологическая предпосылка касается вообще детерминированности человеческого поведения и в первую очередь детерминированности социальными факторами, вопреки господствовавшему ранее индетерминизму, согласно которому поведение человека, человеческая воля являются свободными и ничем не обусловленными. Следует ли напоминать, что как эмпирическая психология, так одинаково и рефлексология или обходили полнейшим молчанием роль социальных факторов в поведении человека, или же касались их вскользь, и если рефлексология и говорила о какой-либо обусловленности, то скорее обусловленности чисто биологического порядка. Правда, и сейчас между сторонниками марксистской психологии идут еще споры о пределах значимости социального и биологического факторов, но во всяком случае социальный и биологический детерминизм стал одной из основных методологических предпосылок нашей психологии, мимо которого не может пройти отныне ни один из будущих психологов.

---

1) Блонский, Очерк научной психологии, стр. 3 .
2) Енчмен, Восемнадцать тезисов теории нов й биологии, стр 25.
3) Струминский Психология, стр. 36
4) Корнилов, Современная психология и марксизм, т . 7 и 97.

Но если эти две выше указанные методологические предпосылки стали безоговорочным достоянием нашей психологии, совсем по иному обстоит дело с третьей и, пожалуй, самой основной предпосылкой, это с диалектизацией психологии. Выше мы видели, что этот вопрос о роли диалектического метода в естествознании стал критическим моментом, разбившим естествоиспытателей на два непримиримых лагеря—механистов и диалектиков. То же самое мы наблюдаем и в психологии. Здесь также обнаружились два течения: сторонников механического и диалектического понимания психики и вообще поведения человека.

Основной нерв различия тех и других лежит в вопросе, что представляют собой сложные формы поведения человека. Наследие, которое мы получили от старой суб'ективной и об'ективной психологии (рефлексологии), в ответе на этот вопрос носило насквозь механический характер. Унаследованное от естествознания XIX века механическое мировоззрение было столь же механически перенесено в область биологии и психологии. Подобно тому как механическое естествознание стремилось понять все многообразие явлений неорганической и органической природы как механическое сочетание и движение однородных частиц материи и потому стремилось свести все сложные явления к основным законам механики, подобно этому и в психологии, безразлично суб'ективной или об'ективной, стремились понять все сложные формы поведения как простое механическое сочетание или цепи психических элементов или же рефлексов. Отсюда-то, как архаический отзвук этой старой эпохи научной мысли, берут свое начало эти «сочетательные» и «цепные» рефлексы, отсюда-то и зародились эти тенденции, присущие рефлексологии, сводить социально-экономические принципы и явления к ничего не об'ясняющим основным законам механики: принцип классовой борьбы—к закону противодействия, равного действию, конкуренцию и соперничество—к закону отталкивания, а движение людей к торговым и культурным центрам—к закону тяготения, и т. д. [1]).

Не освободились от этого механического подхода к пониманию поведения человека многие и из современных материалистов, желавших психологию построить на основах марксизма. Здесь имеется сейчас целый ряд оттенков этого механического материализма. Одни, упрощая все многообразие детствительности, стремились сложные явления свести к более простым, вопреки предостережению Энгельса, что подобного рода сведение «главных форм» к «побочным», есть чистое «ребячество», ибо при этом «смазывается» специфический характер высших законов [2]). Таков в первую очередь Енчмен, который социологию растворял всецело в биологии, а биологию сводил только к физике и химии [3]). Таков Струминский, который, считая психику «вещественным процессом в организме», сводил ее к простому механическому движению [4]). Таковы, наконец, кое-кто и из близких нам идеоло-

---

[1]) Бехтерев, Коллективная рефлексология, ч. 2.

[2]) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 2, стр. 143.

[3]) См. критику в книге Бухарина, «Атака», М. 1926 г., и сборник «Очередное извращение марксизма», 1926 г.

[4]) См. полемику Струминского и Корнилова в №№ 3, 4 и 5 «Под Знаменем Марксизма», 1926 г.

гически бывших и настоящих сотрудников нашего Института Экспериментальной Психологии, которые скорее по недосмотру, нежели принципиально, то утверждали, что «сжатие руки в кулак и моя мысль—это явление одного и того же порядка», то считали, что «суб'ективная сторона реакций человека совершенно безразлична, так как она не имеет никакой био-социальной ценности. Если бы эта сторона отсутствовала, то задачи психологии нисколько бы не изменились».

Сказать безоговорочно, что сжимание руки в кулак и моя мысль—это явление одного порядка, а тем более утверждать, что психика, сознание человека не имеет никакой био-социальной ценности, и ничего не изменится, если это сознание исключить совершенно из поведения человека,—это значит заведомо упрощать явления, это значит «смазать», по выражению Энгельса, «особую качественную характеристику» психики, это значит отождествить архитектора с пчелой, о которых говорит Маркс, больше того—это значит отождествить этого архитектора не только с пчелой, но с тем манекеном, который мы иногда видим в китайских чайных магазинах на выставочном окне, в виде большой движущейся куклы,—под названием «Сам-Пью-Чай». Поэтому утверждать, что если бы сознание человека отсутствовало совершенно, то от этого ничуть бы не изменились задачи психологии, можно только тогда, если эти задачи психологии понимать чисто механически, как это понимают бихевиористы крайнего лагеря. С точки же зрения марксистской диалектической психологии «снять» это суб'ективное в человеке, это значит в социальном смысле «снять» и все идеологическое в обществе, а в биологическом смысле «снять» и то физиологическое, чем человек отличается не только от неорганического, но и от органического в низших его формах. А в общем это значит упрощенно смотреть на всю сложность структуры человека, как био-социального существа, каковое упрощение, как я указывал выше, и является основной характерной чертой для антидиалектического мышления.

Все это говорит о том, что с «диалектизацией» психологии дело обстоит не совсем благополучно, и без борьбы за проведение в жизнь этой основной методологической предпосылки дело не обойдется. К тому же, надо признаться, что для успешного проведения этой борьбы мы далеко не во всеоружии. Наша сильная сторона в этой борьбе заключается в нашем теоретическом понимании этой «диалектизации» психологии. Надо сказать, что четыре года нашей работы над методологией марксизма не прошли даром. Требуя познания поведения человека во всей его целостности, ибо оно является органическим единством, рассматривая эту целостность, как механически неразложимый процесс на какие бы то ни было элементы, учитывая всю совокупность обусловливающих поведение человека социальных и биологических факторов, мы эту широко протоптанную нашими дискуссиями дорогу диалектических положений уже углубили до того, что миновать этой дороги не могут, с одной стороны, ни наши идеологические противники справа,—которые в лице проф. Челпанова, вдруг после тридцатилетнего умолчания о марксизме, так усиленно заговорили о нем, и ни наши идеологические противники слева, которые в лице акад. Бехтерева делают столь тщет-

ные потуги доказать, что рефлексология всегда была диалектической дисциплиной [1]).

И в этом стремлении всех, следом за нами, стать диалектиками лежит несомненно сильная сторона наших методологических позиций.

Но на ряду с этим мы имеем и слабую сторону, которая является присущей не только психологии, но и естествознанию.

Сторонники механистической точки зрения в борьбе с диалектикой выявили это в лице проф. физиологии Самойлова в следующем виде: «Докажите на деле, что диалектический метод ведет скорее к цели,—завтра же вы не найдете ни одного естествоиспытателя не-диалектика» [2]). На Поставленный столь прямо вопрос нам, психологам, мы должны сознаться, что в этом отношении делаем пока первые скромные шаги, но тем не менее задача использовать диалектический метод, не только как принцип об'яснения, но и как метод исследования—это наша очередная задача. Что же нам в этом последнем отношении может дать диалектический метод? Для того, чтобы показать это на совершенно конкретном примере, позвольте остановиться на своих собственных лабораторных опытах.

Всякий, кто знаком с сущностью моих лабораторных работ, изложенных в реактологии, знает, что в основном они сводились к следующему: если мы даем испытуемому систему последовательно усложняющихся раздражителей для восприятия, и заставляем его на эти раздражители реагировать, то вместе с усложнением раздражителя оказывается также последовательно начинает падать интенсивность его реакции. Так, если при восприятии одной пред'явленной ему электрической лампочки испытуемый, реагируя тратит, положим, 2.000 силовых единиц, то стоит только усложнить его процесс восприятия, например, пред'явить ему две или, тем более, четыре лампочки, как тотчас же интенсивность реакции начинает падать, и вместо 2.000 силовых единиц он начинает тратить положим 1.700 или 1.500 силовых единиц и т. д. (для примера я беру круглые цифры). Если мы еще более усложним раздражитель и начнем пред'являть испытуемому для восприятия не лампочки, а громко произносимые или написанные слова, то тем самым еще более ослабим его реакцию, выражаемую в движении руки, и получим еще меньшие числа—1.200, 900 и т. д. силовых единиц.

Вот эти-то опыты с последовательным усложнением раздражителей и констатируемым столь же последовательно падением интенсивности реакции и привели меня к принципу—однополюсной траты энергии, который говорит о том, что чем более сложной становится система раздражителей, связанная с центральной затратой энергии, тем все более падает периферическая трата энергии в движении руки. Иначе говоря, центральная и периферическая трата энергии находятся в обратном отношении друг к другу: чем более усложняется и становится интенсивной центральная затрата энергии, тем менее интенсивным становится внешнее выявление движения, и на оборот. Нужно заметить, что вывод этот находит свое полнейшее под-

---

[1]) Бехтерев, «Под Знаменем Марксизма» № 11, 1926 г.
[2]) «Под Знаменем Марксизма» № 3—4, 1926 г., стр. 81.

тверждение во всех опытах и над всеми испытуемыми в процессе длительного их исследования.

Но что является особенно интересным в процессе опытов, это то, что хотя вышеприведенный принцип и находит свое подтверждение, тем не менее всегда бывают единичные опыты, которые находятся в противоречии с общей намечающейся тенденцией. Такого рода опыты мы всегда склонны бываем считать «случайными», и обычно не принимаем их во внимание, тем более, что при статистическом подсчете они затериваются и не оказывают заметного влияния на окончательные результаты. На самом же деле, для диалектически мыслящего экспериментатора подобного рода «случайные» опыты должны бы сделаться крайне симптоматичными, ибо не говоря уже о том, что ничего «случайного» для диалектики не существует, всякий такого рода «случайный» опыт, на основе все того же диалектического принципа, может стать источником зарождающейся тенденции, стоящей в противоречии с устанавливаемым или уже установленным вами принципом, и тем самым может привести к новым и совсем неожиданным результатам. Так именно это и было в моих собственных исследованиях. Эти «случайные» опыты побудили меня искать—нет ли и в данном случае зарождающейся тенденции, противоречащей установленному мной принципу однополюсной траты энергии. Для этого я стал еще более количественно усложнять систему раздражителей и наблюдать за качественным изменением реакции. Именно, вместо сложных операций со словами, которые являлись раздражителями, я перешел к еще более и неизмеримо более сложным раздражителям, в виде математических задач, решивши которые, мой испытуемый и должен был реагировать. На основании прежде установленного принципа однополюсной траты энергии, я, казалось бы, должен был получить еще большее падение величины реакции, на самом же деле я получил как раз прямо обратные результаты: величина реакции под влиянием слишком усложненного раздражителя вместо падения резко возросла, приобрела взрывной характер, почему эти реакции я и назвал «взрывными», а принцип, обусловивший появления их,—«принципом взрывности». Таким образом, принцип однополюсной траты энергии привел к своей противоположности, к принципу взрывности.

В применении к поведению человека эти оба принципа говорят о том, что человек, занятый определенной умственной работой (центральный разряд), будет расходовать в движениях своих органов— глаз, конечностей (периферический разряд), тем менее энергии, чем сложней умственный труд. Но если мы сделаем эту умственную работу чрезмерно тягостной, она неизбежно приведет, рано или поздно, к взрывному, аффективному выявлению заторможенной периферической деятельности: таким образом, если интеллектуальная деятельность человека является следствием интенсивной центральной траты энергии при заторможенной периферии, то аффективная деятельность человека является как раз обратной: это есть бурное растормаживание периферии при заторможенной центральной трате энергии, т.-е. при понижении интеллектуальной деятельности. Диалектичность, тем самым,—налицо.

Является теперь вопрос, какую же роль сыграл в этом процессе установления этих двух противоречивых принципов диа-

лектический метод? По моему, единственную и чрезвычайно важную: как метод исследования, он дал возможность заранее предвидеть получение этого нового принципа, чисто диалектически, вытекающего из экспериментально уже добытого принципа. И в этом-то предвидении и лежит вся колоссальная значимость этого метода, ибо с марксистской точки зрения только тот метод и имеет громадную значимость, который дает возможность предвидеть появление какой-то новой закономерности, ибо предвидеть, это значит и овладеть, а тем самым и регулировать явление, в чем и заключается в конечном счете значимость всякого научного знания. Поэтому вопреки скептическому вопросу проф. Самойлова, всякий диалектически образованный исследователь подтвердит, что именно диалектический метод ведет скорее к цели, ибо он дает возможность предвидеть появление новых закономерностей. В этом-то и заключается непререкаемая значимость диалектического принципа, как метода исследования. И если в узкой области экспериментальной психологии мы только делаем первые и неуверенные шаги в использовании этого метода, и тем не менее все же видим осязательные его результаты, то для широчайшей области естествознания умелое применение диалектического метода именно доказало бы «на деле», как этого требует проф. Самойлов, что «диалектический метод ведет скорее к цели», нежели всякий другой. Я не говорю уже о значимости диалектики, как принципа об'яснения, что для науки имеет также колоссальное значение.

Таковы те изменения, которые произошли в методологических предпосылках науки вообще, в частности в психологии у нас в СССР со времени Октябрьской революции.

III.

Но помимо этих коренных изменений, в методологических предпосылках отдельных научных дисциплин, я указал выше, что не менее радикальным образом изменились и воззрения на задачи и цели науки, в частности психологии. В самом деле, давно ли еще в области оценки научного знания наши российские идеологи, в роде проф. Петражицкого, проф. Кареева и многих других, резко отделяли область «чистого знания» и «чистого искусства» от «прикладного знания» и «прикладного искусства». Первое—«чистое знание» и «чистое искусство» были достоянием по преимуществу привилегированных академий и университетов, венчавших строителей этого знания и искусства высокими званиями магистров, докторов, академиков и «свободных художников», в то время как на долю прикладного знания и искусства выпадала прозаическая роль служить непосредственным потребностям жизни, без всяких пышных наименований в специальных школах чисто технического порядка. В силу этого столь прочно утвердившегося наследия глубокого средневековья, продолжающего столь усиленно культивироваться в буржуазных странах и до сего времени, целый ряд практических областей знания, имевших колоссальнейшее общественное значение, вроде педагогики, агрономии, техники и т. п., не могли или совсем переступить порога университетских знаний или же скромно ютились

у этого порога, выполняя побочные роли дисциплин факультативного порядка.

В этой своеобразной иерархии наук, ярко отражавшей классовое деление общества, наша психология была не только в числе привилегированных «чистых» дисциплин, но занимала среди них почти центральное положение, являясь ближайшей наперсницей «царицы наук»—философии, этой давнишней и общепризнанной служанки богословия. Поэтому естественно, что психология была философской наукой по преимуществу, задачей которой, в первую очередь, являлось установление законов абстрагированной от всего материального «душевной жизни». Прикладные задачи шли во вторую очередь.

Совершившийся Октябрьский переворот в корне изменил это положение вещей. Завет Маркса о том, что необходимо не только стремиться объяснить мир, чем занимались по преимуществу прежние философы и ученые, но нужно, в первую очередь, стремиться и овладеть этим миром, этот завет выдвинул на первый план прикладные задачи науки, подчинивши им всецело теоретические их устремления.

Храмы «чистой науки»—университеты и «чистого искусства»—академии—подверглись ожесточенному штурму бурно поднявшейся революционной волны. И хотя радикальный проект о превращении университетов в целый ряд институтов со строго специальным и практическим назначением проведен был только на Украине, тем не менее даже и там, где сохранились университеты, под их сводами нашли свое прочное место и прикладные отрасли знаний: педагогические, индустриальные и агрономические факультеты. Академии художеств превратились в «мастерские», а специальные школы и семинарии—в «техникумы». И над всем этим на фронтоне, старейшего в Союзе, Московского университета появился основной лозунг всех этих перемен: «Наука—трудящимся». Этот лозунг говорит о том, что отныне нет и не должно существовать этого академически-схоластического деления знания на «чистое» и «прикладное»: одно обусловлено взаимно другим и оба должны быть направлены в русло непосредственного служения жизни и в первую очередь — жизни трудящихся. Так положен был конец узкому и тупому академизму, где жизнь ученых сплошь и рядом тратилась на разработку проблем, не имевших никакой социальной значимости. Отныне эта социальная значимость разрабатываемых проблем у нас в СССР становится основным нервом всякой научной работы, и лишь с этой точки зрения и должна получать свою оценку та или иная научная работа. Наша современная практика жизни всем своим бытием подтверждает это. Навстречу этому настойчивому требованию жизни должна пойти и наша психология. И нужно отдать ей справедливость—она идет, о чем мы подробно будем говорить в конце настоящей статьи.

IV.

Но если вышеприведенные сдвиги в области психологии являются у ней общими с другими научными дисциплинами, то на ряду с этим в области психологии имеются и свои специфические сдвиги и достижения.

Прежде всего, под влиянием изменения в методологических предпосылках психологии коренным образом изменилось пони-

мание как предмета, так и методов психологии. Если базирующаяся на идеализме суб'ективная психология оперировала с «душой», «душевными явлениями», «психикой», «сознанием» человека, при чем все эти об'екты своего изучения эта психология абстрагировала от живого человеческого индивида и часто превращала их в самостоятельные сущности, по самой своей природе отличные от всего физического, то само собой понятно, что и основным методом изучения этих абстрагированных сущностей эта психология считала самонаблюдение. Все другие методы, в том числе и экспериментальный, имели значение для этой суб'ективной психологии лишь постольку, поскольку они служили для уточнения метода самонаблюдения.

Надо ли говорить, что материалистическая психология должна была оперировать не с абстрактными «душевными явлениями», а с живым конкретным человеком, ставя своей задачей изучение его поступков, действий, реакций, вообще поведения человека. Однако, давая такое определение предмета психологии, мы ни-чуть не солидаризуемся этим ни с американским бихевиоризмом и ни с русской рефлексологией. Помня, что, по Марксу, «психика есть интроспективное выражение физиологических процессов, с особой качественной характеристикой», мы вовсе не склонны впадать в другую крайность и забывать в живом конкретном человеке и этой его «качественной характеристики», его сознания.

Я никак не могу понять представителей того чисто механического течения, которые, как я выше говорил, находят, что «суб'ективная сторона реакций человека совершенно безразлична, так как она не имеет никакой био-социальной ценности», а потому, с их точки зрения, «если бы эта сторона отсутствовала, то задачи психологии нисколько бы не изменились». Какой же отсюда делается вывод сторонниками этих взглядов? По моему можно сделать вывод один только: если психика, сознание человека не имеет никакой био-социальной ценности, то прямой логический вывод отсюда один только: не стоит изучать эту психику и сознание. Но отсюда никак нельзя сделать вывода, что нельзя изучать эту психику и сознание, ибо для этого надо доказать сначала, что психика и сознание—это нечто несуществующее, это призрак, мираж, выдуманный мистиками. Но вот вся непоследовательность, алогичность представителей этого течения и заключается в том, что они не отрицают реальности психики и сознания, но они считают, что «все, что об'ективно—мы должны изучать; то, что суб'ективно—мы не можем изучать». Следовательно, с точки зрения представителей этого течения выходит так, что существуют такие реальные об'екты, которые изучить, познать для науки нельзя, это и есть точка зрения наитипичнейшего агностицизма, как бы они ни протестовали против этого.

По-моему вся суть этих, несомненно, агностических рассуждений заключается в том, что представители этих воззрений не признают реальности психики. Поэтому-то она и не имеет, с их точки зрения, никакого био-социального значения. Ибо опять-таки для них, как для биологов, должно бы быть яснее, чем для кого-либо другого, что реальность, не имеющая никакой био-социальной ценности, просто отмерла бы в процессе эволюции, и если эта реальность все же существует, следовательно, должна иметься и какая-то значимость за ней. Отрицание значимости сознания и есть отрицание реальности этого сознания, ибо реально

только то, что значимо. И потому стоит только на одну минуту представить себе, что произошло бы, если бы сознание, это, по выражению Бухарина, «интроспективное выражение физиологических процессов с особой качественной характеристикой», вдруг потеряло эту «особую качественную характеристику», иначе говоря, просто было бы выключено из нашего жизненного обихода и осталось бы одно физиологическое. Можно себе представить, что представляла бы собой жизнь: вся идеологическая сторона жизни отмерла бы, ибо без мышления, ясно, никаких бы идей, а тем более их систематизирования не было бы, и человек просто обратился бы в животное, ибо одно из характерных отличий человека от животного и заключается в этом отсутствии идеологии у последнего. Вот в этом-то упрощении, сведении психологии к физиологии и заключается антидиалектичность подобного рода рассуждений.

А что эта антидиалектичность всегда имеет не только лишь теоретическое значение, но и глубоко практическое (а в этом-то и вся суть), это видно из прямого вывода, который вытекает из положения, что сознание человека не имеет никакого био-социального значения. Ведь если этому поверить, то что же получается? Значит никакого просветления, никакой обработки этого сознания и не нужно, значит зря это мы работаем в миллионах рабочих клубов, курсов, школ, университетов и т. п., ибо ведь сознание человека—это ни на что не нужный случайный придаток. Так антидиалектичность, что то же упрощение всей сложности реальной действительности, неизбежно ведет к реакционности. Судите же сами, насколько все эти моменты—отрицания значимости за сознанием, признания его непознаваемости, аннулирования роли идеологий и консерватизм—находятся в согласии с основами марксистского мировоззрения.

Вот почему в своей речи на V конгрессе Коминтерна Бухарин предупреждал, что «в русской партии мы находим уклоны, но в другой форме, я позволю себе употребить ученое выражение—в форме агностического позитивизма, которым пытаются заменить марксистский материализм. Некоторые товарищи базируются на учении, неправильно понимаемом, русской физиологической школы, на так называемой рефлексологии. Это во всяком случае не является точкой зрения революционного марксизма»[1]).

Вот почему марксистская психология не может и не должна из понятия поведения, реакций человека выключать это суб'ективное, ибо, вопреки рефлексологии и бихевиоризму, мы признаем не только реальность, а тем самым и значимость психики, но и ее познаваемость. Высказанная мной когда-то мысль, что марксистская психология должна быть диалектическим синтезом суб'ективной и об'ективной психологии, несмотря на ожесточенную критику ее со стороны механистов—Струминского, Залманзона и др.,—эта мысль сохраняет свою значимость всецело и сейчас. Вот почему марксистская психология не может аннулировать и всякую значимость метода самонаблюдения, вопреки всем тем же «чересчур-материалистам», каковыми являются крайние об'ективисты в психологии. Наша формула—самонаблюдение

---

[1]) «Правда» № 145, 1924 г.

под контролем об'ективных методов—сохраняет свое значение и сейчас.

Таковы основные сдвиги психологии в понимании как предмета, так и методов исследования. Посмотрим теперь, каковы же достижения психологии за эти 10 лет, прошедшие со времени Октябрьского переворота.

Считаю нужным оговориться, что труды по рефлексологии я не мог рассматривать, дабы не усложнять свою задачу.

V.

Как известно, психология, имеющая своим предметом изучение поведения человека и животных, представляет целый ряд ответвлений: общая психология, изучающая основные формы поведения нормального взрослого человека, при различного рода жизненных ситуациях, психотехника, имеющая своим предметом изучение трудового поведения человека, детская психология (педология), изучающая поведение ребенка, зоопсихология, изучающая поведение животных, коллективная психология, изучающая поведение человека в коллективе, и т. д.

Если мы поставим вопрос, какая же конкретная работа проделана каждой из этих отдельных ветвей психологии за эти протекшие десять лет, то мы должны будем, как это и естественно, на первый план выдвинуть общую психологию. Естественно это потому, что всякого рода крупные переломы и принципиальные сдвиги в науке всегда бывают тесно связаны с изменениями в методологических предпосылках данной науки, что и лежит всегда непосредственно в пределах общей дисциплины, а не ее отдельных ветвей. Этому учит нас не только история нашей русской психологии, но и история психологии в других странах.

Если мы обратимся теперь к этой общей психологии, к конкретному учету того, что сделано в этой области за истекшие десять лет, то мы, в первую очередь, должны будем остановиться на работах нашего Института Экспериментальной Психологии. В первую очередь я говорю потому, что это учреждение является самым крупным во всесоюзном масштабе. Стоит указать только на то, что наш Институт имеет свыше тридцати аспирантов, готовящихся к преподавательской и научно-исследовательской работе в вузах.

Следует при этом учесть, что Институт в новом его составе стал работать только с 1924 года, поэтому развернуть работу Института за протекшие три с половиною года так, как это хотелось бы, ясно, было нельзя.

Основной задачей нашего Института является разработка психологических проблем с точки зрения марксизма. Поэтому, естественно, все силы Института были направлены, в первую очередь, на проработку методологических предпосылок психологии, на обоснование этой психологии с точки зрения диалектического материализма. С этой целью в 1923 и 1924 годах мной был напечатан целый ряд статей в журнале «Под Знаменем Марксизма», которые были затем выпущены в виде отдельной книжки: «Современная психология и марксизм».

С этого же 1924 года Институт приступил к изданию своих научных трудов, в виде отдельных сборников, из которых до

сих пор, как известно, появилось два: «Психология и марксизм» и «Современные проблемы психологии». В самое ближайшее время выходит третий сборник, в виде «Ученых записок» Института. Из статей методологического порядка в этих сборниках следует отметить: две моих статьи—«Психология и марксизм» и «Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека», статьи Л. С. Выготского: «Сознание как проблема психологии поведения» и «Методика рефлексологического и психологического исследования», В. А. Артемова: «Проблема одаренности и марксизм», З. И. Чучмарева: «Рефлексология и реактология как отделы науки о поведении человека», М. А. Рейснера: «Социальная психология и марксизм» и другие. Методологическим же вопросам были посвящены две работы Ю. В. Франкфурта: «Рефлексология и марксизм» критически рассматривавшие воззрения Бехтерева, Сеченова и Павлова.

Следует заметить, что все эти методологические статьи, имевшие своей задачей не только обоснование психологии с точки зрения марксизма, но и отмежевание этой марксистской психологии от других течений, главным образом, эмпирической суб'ективной психологии, рефлексологии и механического материализма, вызывали иногда очень жаркую полемику.

Это об'ясняется тем, что никогда еще в истории русской психологии не было почти одновременного появления такого числа работ, которые бы самым коренным образом расходились друг с другом по основным принципиальным вопросам. В самом деле, суб'ективная психология Челпанова, бихевиоризм Блонского, механический материализм Енчмена и Струминского, реактология и марксистская психология Корнилова, рефлексология Бехтерева, учение об условных рефлексах Павлова—все это вызвало такой круговорот мыслей, разобраться в котором тогда было до чрезвычайности трудно. Крайне остроумную и верную характеристику этому разнобою мыслей в области психологии дает Португалов в своей, появившейся позже, статье: «Как исследовать психику». Он говорит: «Средний провинциальный педагог или врач может растеряться при тех противоречиях, какие проистекают из учений названных авторов (Павлова, Бехтерева и Корнилова), ибо предстоит нелегкая задача выбора: упразднить совсем психологию—Корнилов не позволяет; признать ее—Павлов не позволяет; признать материализм—Бехтерев не позволяет; признать энергетизм—Корнилов не позволяет; допустить пространственность психизма—Павлов не позволяет; допустить непространственность психизма—Корнилов и Бехтерев не позволяют, и т. д.[1]). Надо заметить, что положение—было действительно таковым.

Но ясно также было, что положение это не могло оставаться таковым, и между авторами столь противоречивых мнений, конечно, должна была возникнуть ожесточенная полемика. 1924—1925 годы и являются годами ожесточеннейшей полемики. Если воспользоваться остроумно-шутливым языком Португалова, то период этой полемики можно было бы изобразить в таком виде: Павлов не признает рефлексологии Бехтерева; Бехтерев не признает никакой психологии и упрекает Корнилова в суб'ективизме; Корнилов обвиняет Павлова и Бехтерева в механическом материа-

[1]) Детская психология и антропология. Сборник статей под ред. Португалова, вып. I, Самара 1925 г.

лизме; Челпанов упрекает Корнилова в незнании марксизма; Франкфурт уличает рефлексологов в эклектизме, а Челпанова в извращении марксизма; Челпанов, не оставаясь в долгу, обвиняет Франкфурта в снчменизме; Струминский упрекает всех московских психологов-марксистов в суб'ективизме, и т. д., и т. п.

И нужно быть справедливым: действительность не так уж была далека от этой карикатуры. Но вместе с тем нельзя сказать того, что эта полемика не имела своих хороших качеств: с одной стороны, она уточняла методологические предпосылки самих участников этой полемики, а с другой—она вовлекала в свой водоворот читателей, особенно учащуюся молодежь, привыкавшую в этих боях оттачивать свое марксистское мировоззрение.

Из этих полемических статей сотрудников нашего Института должны быть отмечены следующие: по линии борьбы с суб'ективистами в психологии—статьи мои и Ю. В. Франкфурта, помещенные в двух наших сборниках, как ответные на критику наших позиций проф. Челпановым в ряде его брошюр: «Психология и марксизм», «Об'ективная психология» и др. По линии полемики с рефлексологами следует отметить работы Ю. В. Франкфурта и ответную на нашу критику брошюру В. М. Бехтерева: «Психология, рефлексология и марксизм». И, наконец, по линии борьбы с механическим материализмом нужно отметить мою статью: «Механический материализм в современной психологии», как ответную на критику наших позиций со стороны Струминского в его статье: «Марксизм в современной психологии». Обе статьи напечатаны в журнале «Под Знаменем Марксизма», №№ 3—4—5 за 1926 г.

В начале 1926 года этот полемический период, продолжавшийся почти два года, можно считать законченным. Правда, полемический зуд еще не был изжит всецело, и даже в конце 1926 года появлялись еще мелкие полемические статьи, вроде статьи А. Залманзона: «В защиту об'ективной психологии»[1], направленной сколько против моих принципиальных воззрений, столько же и против меня лично. Но отвечать на это уже не стоило: эта «критика» напоминала скорее наскок одинокого запоздавшего к бою кавалериста, который в течение двух лет, пока шел бой, не принимал в нем никакого участия, а теперь, когда этот бой давно уже закончился, вдруг проявил необычайную храбрость и замахал неизвестно для чего кулаками...

Итак, полемический период был изжит. И пора было переходить к проверке нашей теории в практике, к исследовательской экспериментальной работе на конкретном материале. Из этих экспериментальных работ по общей психологии должны быть отмечены следующие: приходится начинать со своей «Реактологии», которая появилась в печати в 1921 году и окончательно откололa меня от школы Челпанова. Как известно, реактология ставила своей задачей изучение реакций человека, как живого, конкретного, а главное целостного организма, в противовес рефлексологии, изучавшей рефлексы, прямое физиологическое значение которых сводится к проявлению отдельных изолированных органов, если только этому понятию «рефлекса» не придавать иного переносного значения и искусственно не расширять его до пределов реакции. Изучение этих реакций должно было охватывать

[1]) «Вестник Комм. Академии» № 18.

не только качественную их сторону, но должно было дать им и количественную характеристику. И если Павлов находит эту количественную характеристику изучаемых им условных рефлексов в работе слюнной железы собаки, в количестве выделенных капель слюны, если Бехтерев эту количественную характеристику при выработке сочетательных рефлексов у человека находит в двигательном рефлексе ноги, раздражаемой электрическим током, то я в реактологии эту количественную характеристику нахожу в движении руки на любой данный раздражитель. Эта количественная характеристика охватывает все три стороны, имеющиеся в каждой реакции—быстроту, интенсивность и форму движения.

Эти-то три стороны реакций при различного рода ситуациях и исследовались в большинстве законченных в нашем Институте работ. Такова, прежде всего, моя печатающаяся в третьем сборнике экспериментальная работа о, так называемых, «Взрывных реакциях», базирующаяся на измерении интенсивности реакций. Такова опубликованная работа Л. С. Выготского о «Доминантных реакциях», базирующаяся также на измерении интенсивности реакций. Такова опубликованная работа А. Р. Лурия и А. Е. Леонтьева об «Исследовании об'ективных симптомов аффективных реакций» и печатающаяся в 3-м нашем сборнике экспериментальная работа А. Р. Лурия, сводящаяся к исследованию формы движения руки при реакциях. Таков, наконец, целый ряд незаконченных еще работ, ведущихся аспирантами. В 3-м сборнике Института появляются, кроме того, две экспериментальные работы: В. А. Артемова об «Исследовании репродуктивных процессов» и Н. Ф. Добрынина об исследовании «Установки при реакциях».

Кроме экспериментальных работ по вопросам общей психологии, Институт ведет целый ряд работ по экспериментальной педагогике. Эти работы идут в контакте с Главполитпросветом, который открыл с нынешнего года пять экспериментальных школ, в которых под руководством Института разрабатываются проблемы, имеющие отношение к вопросам обучения грамоте, письму и счету взрослых. Институт считает эту работу чрезвычайно важной, ввиду ее громадной социальной значимости.

Если теперь ко всем этим работам присоединить целый ряд выпущенных Институтом популярных работ и учебников, в роде «Учебника Психологии» Корнилова, «Психологической Хрестоматии» и «Практикума по экспериментальной психологии»—Артемова, Выготского, Добрынина, Лурия и Бернштейна, «Педагогической психологии» Выготского, «Введение в сравнительную психологию» Боровского, «Статистического метода в психологии и педологии» Беляева-Башкирова, «Души и тела» Варшавы, «Науки о поведении человека» Занкова и др., то вот, собственно говоря, и все работы, которые вышли из нашего Института за эти три с половиною года.

Вторым крупным центром, где ведется экспериментально-психологическая работа, является Украинский Психоневрологический Институт в Харькове. Нужно отметить мимоходом, что это чуть ли не единственный научно-исследовательский пункт на Украине, где еще сохранилась психология. «Диалектически» мыслящий Украинский Наркомпрос попросту свел психологию к физиологии и ввел везде преподавание рефлексологии. Результаты такого рода «диалектики», конечно, не замедлили сказаться, и в своем обращении, разосланном целом ряду научных учрежде-

ний от 28 июля 1926 г. за № 5988, Украинский Наркомпрос должен был констатировать, что «рефлексологическое обоснование и построение педагогических дисциплин в настоящее время приводит на практике к значительным затруднениям, по большей части к своеобразному и некритическому эклектизму». Но чего же иного мог ожидать от такого мероприятия Украинский Наркомпрос: эклектизм в марксистском мышлении его Научно-Методологического Комитета привел и к эклектическим результатам!..

Тем не менее чудом сохранившееся от такой культурно-разрушительной политики «отделение экспериментальной психофизиологии» Украинского Психоневрологического Института проделало громадную научно-исследовательскую работу. За четыре года существования этого отделения проф. З. И. Чучмаревым и его сотрудниками проведено около 20 экспериментально-психологических работ. Назовем из них наиболее крупные: «Исследование реакций больных эпидемическим энцифалитом», «Исследование слюнных рефлексов у человека», «Законы ритма речи», «Исследование труда телеграфистов», с прекрасным марксистски-выдержанным методологическим введением и т. д.

Из других работ по общей психологии, вышедших из других учреждений и лабораторий, необходимо отметить следующие: из Московской Академии Коммунистического Воспитания вышли две работы П. П. Блонского: «Очерк научной психологии» и «Психологические очерки», из Ленинградского Института Научной Педагогики работы проф. М. Я. Басова: «Психология, рефлексология и физиология» и проф. И. В. Эвергетова: «После эмпиризма. Главнейшие течения в психологии на Западе» и др.

К общей же психологии приходится отнести и целый ряд работ по психоанализу Фрейда. В виду того, что оценка общепсихологических воззрений Фрейда была далеко не однозначна, и в то время как приверженцы учения Фрейда считали, что фрейдизм вполне согласуется с марксизмом, другие авторы, марксисты, находили, что система Фрейда имеет насквозь идеалистический характер. Отсюда разгорелась ожесточенная полемика, вызвавшая богатую литературу. Из отдельных работ по этому вопросу следует отметить статьи тт. Сапира, Юренца, Залкинда, Рейснера, Лурия, Фридмана, Быховского и др.

Таков в основных чертах масштаб работ по общей психологии, появившихся в печати за протекшие десять лет.

Перейдем теперь к рассмотрению работ по отдельным отраслям психологии, и в первую очередь по наиболее боевым отраслям, таковыми являются психотехника и педология.

Надо ли говорить о том, чем обусловливается рост именно этих двух отраслей современной психологии: ударная задача поднятия нашего производства вполне естественно вызывает неудержимый рост психотехники, как, с другой стороны, забота о подрастающем молодом поколении вызывает столь же интенсивный рост педологии. Насколько велика сеть широко раскинувшихся учреждений по педологии и психотехнике, это можно видеть из суммарного, далеко не точного учета количества всех учреждений, работающих в этой области. Таких учреждений—59 по всему Союзу, начиная со столичных крупных научно-исследовательских Институтов и кончая крохотными лабораториями при педтехникумах в уездных городах и на железнодорожных станциях далекой Сибири.

Если мы обратимся теперь к психотехнике, то увидим, что научная работа сосредоточилась по преимуществу в крупных центральных учреждениях Москвы, Ленинграда, Харькова, Минска и т. п. Всюду в этих городах имеются или специальные институты, или же лаборатории, разрабатывающие психотехнические проблемы. Если мы теперь отдадим себе отчет в том, какие же основные проблемы разрабатывались в этих учреждениях, то должны будем отметить следующие основные направления работ. Во-первых, самая важная и основная линия работ по методологии психотехники. Следует отметить, что в своем подавляющем большинстве психотехнические работы носят чисто эмпирический характер и используют по инерции взятые из-за границы методы, обычно тесты, не подвергая эти методы должному критическому анализу. И если за границей мы все же имеем ученых, занятых разработкой методологических проблем, то у нас мы не сможем назвать ни одной крупной и оригинальной работы в этом отношении. Лишь за последнее время этими проблемами начали заниматься в Харькове (Сыркин, Мандрыка), а также и в нашем Институте—С. И. Гинзбург, готовящий диссертацию по оценке значимости метода тестов, и В. М. Коган.

Второй линией психотехнических работ является профессиография. Здесь следует отметить работы заведующего психотехнической секцией нашего Института И. Н. Шпильрейна: «Трудовой метод изучения профессий». Затем работы директора Харьковского Института Труда Дунаевского о «Теоретическом рассмотрении проблем и методологии проф. отбора». Далее работы — В. Рабиновича по обоснованию об'ективного метода изучения профессий (Ленинградский Институт Мозга). И, наконец, работы М. Юровского из Казанского Института Труда и А. Гайворовского из Минска.

Третьей основной линией работ является применение конкретных методов к отбору представителей различных профессиональных групп.

Работ здесь произведено такое большое количество, что перечислить их нет никакой возможности. Можно лишь указать на некоторые из них, произведенные сотрудниками нашего Института: И. Н. Шпильрейном — «Испытание вагоновожатых московского трамвая», С. Г. Геллерштейном—исследование труда наборщиков, П. А. Рудиком—обследование студентов физкультурников и телеграфистов, В. М. Коганом и Шпигелем—рационализация работы телеграфистки, А. А. Нейфах—анализ профессии продавца и т. д.

Наконец, целый ряд работ посвящен проблемам утомления и упражняемости. Из отдельных работ здесь следует отметить исследования И. Н. Шпильрейна, напечатанные в нашем 2-м сборнике трудов Института. Затем работы представителей других учреждений—Кекчеева, Толчинского, Карпова, А. Смирнова и многих других.

За истекшие годы было три психотехнических конференции: в 1922, 1924 и 1927 годах.

Переходя теперь к области педологии, я должен оговориться прежде всего (дабы устранить обвинение психологии в том, что она неправомерно экспроприирует педологию, считая ее одной из своих отраслей), что педологию я буду рассматривать

лишь как науку о поведении ребенка. Ибо, поскольку поведение ребенка есть лишь частный вид поведения человека вообще, постольку и педология, по крайней мере в этой своей части, является одной из ветвей психологии.

Нужно заметить, что педология есть продукт всецело нашего советского строя. Правда, в дореволюционное время существовала эта педология, но существование это было чересчур миниатюрным. Только в послереволюционное время педологическое движение приобрело необычайно широкие размеры. Об этом по крайней мере говорит специальное открытие сначала педологических вузов, а затем педологических отделений при университетах. И не будь переживаемых сейчас нами экономических затруднений, это педологическое движение достигло бы необычайного расцвета.

Но даже если взять и современное положение вещей, мы должны отметить, что педология далеко опередила психотехнику по количеству научных работ, имеющих принципиальное методологическое значение. Если, делая обзор психотехники, вы не находите ни одной крупной научной работы такого значения, как, например, работы Мюнстерберга, Штерна и др. заграничных авторов, и вся русская психотехника ушла почти в одну лишь технику, то в области педологии, наоборот, мы имеем целый ряд крупных трудов, являющихся, несомненно, солидным вкладом в науку. Таковы по углубленности и цельности трактовки материала, в первую очередь, труды П. П. Блонского и В. Я. Басова.

Но и помимо этого мы имеем в педологии целый ряд очень ценных работ, из которых одни выделяются своим марксистским уклоном, каковы труды А. Б. Залкинда, С. С. Моложавого, Л. С. Выготского и др., другие—новизной и оригинальностью предмета исследования—каковы работы т. Залужного на Украине, третьи, наконец, богатством разработки частных проблем педологии—каковы работы заведующего секцией детской психологии в нашем Институте—Н. А. Рыбникова и его сотрудников—А. М. Шуберт и М. С. Бернштейна, а также работы А. П. Болтунова, В. А. Артемова, П. Г. Бельского, И. В. Эвергетова, А. С. Грибоедова, В. П. Кащенко, К. П. Веселовской, А. Ф. Фортунатова и многих других, перечислить которых нет никакой возможности. Насколько велик масштаб педологической работы, это видно из того, что на предстоящий с'езд по педологии, который будет в декабре этого года, заявлено до 250 докладов.

Наконец, идут две отрасли психологии, сравнительно мало развитые—з о о п с и х о л о г и я и с о ц и а л ь н а я, вернее, к о л л е к т и в н а я п с и х о л о г и я.

Что касается з о о п с и х о л о г и и, то и в прежнее время она всегда выделялась миниатюрным масштабом своих работ. Крупные и очень ценные труды В. А. Вагнера, работы Н. Г. Садовниковой и Н. Н. Котс—вот почти и все научные работы, известные в печати в дореволюционное время, при чем все эти работы велись индивидуально и не создали своих оригинальных школ. Поэтому крупным фактом нужно считать открытие при нашем Институте секции зоопсихологии, которой заведует В. М. Боровский. За короткий трехлетний срок существования этой секции мы имеем целый ряд появившихся в печати работ. Таковы целый ряд теоретических и экспериментальных работ В. М. Боровского, помещенных в наших двух сборниках, а также в других журналах, между прочим и немецких. В выходящем 3-м сборнике Инсти-

тута печатается экспериментальная работа нашего аспиранта тов. Акимова. Основной проблемой для работ нашей секции является изучение навыка у животных. Опыты ведутся над крысами и морскими свинками, для которых мы имеем специально-оборудованный виварий.

Из других работ, вышедших за время революции, следует отметить работы В. А. Вагнера и крупную работу Н. Н. Котс: «Познавательные способности обезьяны».

Как ни странно для положения нашей марксистской психологии в Советском Союзе, о социальной или, вернее, коллективной психологии приходится говорить в самом конце, в то время как, казалось бы, об этом надо говорить в самом начале. Но для этого имеются и свои извиняющие обстоятельства. В то время, как в области изучения индивида мы получили богатый теоретический и экспериментальный материалы от прежней психологии, в области изучения коллектива мы получили окончательно неприемлемые для нас теоретические изыскания таких авторов, как Лебон, Тард, Фрейд и другие. Экспериментальная же методика в применении к коллективу остается почти неразработанной. Поэтому ясно, что в этой области надо начинать всю работу почти с начала. Правда, в теоретической части мы все же имеем у нас целый ряд вышедших за последние годы работ: таковы, в первую очередь, работы М. А. Рейснера, затем Л. Н. Войтоловского и В. А. Артемова, которые прокладывают путь к марксистскому пониманию проблем социальной психологии.

Наш Институт, претендующий на разработку марксистской психологии, не может, конечно, не взяться за эти проблемы, на разработку которых толкает весь наш общественный строй, и посильно мы ведем эти работы. Так, двое из наших аспирантов работают в области теоретических изысканий и двое, вместе со мной, ведут экспериментальную работу по изучению индивидуальных и коллективных реакций человека.

Задача грядущего десятилетия направить молодежь на исследование проблем коллективной психологии и предоставить возможность этой отрасли психологии скорее возглавлять психологию, нежели тащиться в хвосте, как это мы видим в настоящее время.

VI.

Подводя теперь итоги всему мной сказанному, я должен отметить, что психология за эти истекшие десять, вернее, даже пять лет пережила колоссальнейшее идеологическое движение. Такого обилия выброшенных на общественный рынок идей, часто противоречивых, может быть, и ошибочных, даже не нужных, мы не наблюдали никогда еще в истории русской психологии. И этот колоссальнейший поток и столкновение не прошел бесследно: в результате его мы имеем не менее колоссальный сдвиг—от идеализма и метафизики к диалектическому материализму.

На ближайшее десятилетие в нашем Союзе мы предвидим двоякое течение идей, при помощи которых будут разрешаться проблемы науки о поведении человека: это течение крайнего об'ективизма или рефлексологическое и наше течение—марксистской психологии. Я не говорю о суб'ективной эмпирической психологии, несомненно обреченной на вымирание. Но и в пределах

рефлексологического движения, как известно, существуют два течения: учение об условных рефлексах И. П. Павлова и рефлексология В. М. Бехтерева. С первым течением, поскольку оно и само себя рекомендует, как изучение «работы больших полушарий головного мозга», т.-е. как физиологию, хотя бы и высшей, но все же нервной деятельности, и поскольку это движение оценивается такими умами, как т. Бухарин, как чисто физиологическое [1]), постольку мы не только не сталкиваемся с ним, наоборот, смотрим на него, как на ближайшего сотрудника, вскрывающего столь важную для психологии область, как физиологические механизмы. Но ясно, что учение об условных рефлексах для всякого диалектически мыслящего человека не покрывает, да и не может покрыть собой психологии, ибо надо ли говорить, что поведение человека определяется не только одной работой головного мозга, т.-е. биологическими факторами, но, как мы это подчеркивали не раз, еще в большей степени социальными факторами. Об этих социальных факторах И. П. Павлов даже не упоминает, ибо это выходит за пределы его занятий физиологией.

Иное дело рефлексология В. М. Бехтерева. Здесь ставятся определенно задачи изучения поведения человека, которые имеет своим предметом и марксистская психология. Таким образом, предмет изучения один. Что касается применяемых методов, то никакого принципиального различия между методами, применяемыми рефлексологией и марксистской психологией, я не вижу. Отрицание метода самонаблюдения рефлексологией? Но ведь В. М. Бехтерев сам же одной из задач рефлексологии ставит—«изучение соотношения между об'ективными процессами, лежащими в основе соотносительной деятельности и суб'ективными явлениями, открываемыми человеком в самом себе путем самонаблюдения» [2]), даже больше того—он говорит «о возможном и даже неизбежном в будущем построении рефлексологии с особенным рассмотрением суб'ективных явлений» [3]). В этом отношении предложенная мной формула о контроле суб'ективных данных при помощи об'ективных [4])—является совершенно правильной и приемлемой как для марксистской психологии, так и для рефлексологии. Применяемая методика исследования—реактологическая и рефлексологическая—слишком близки: в реактологии—это реагирование рукой на данное раздражение, в рефлексологии—это движение ногой на то же раздражение.

Таким образом, остаются только принципиальные разногласия в области методологических предпосылок. Здесь разногласия есть и сгладить их нельзя, поскольку марксистская психология приемлет целиком и безоговорочно диалектический материализм. Здесь рефлексологии придется сдать свои позиции на все сто процентов. Рефлексология должна будет отказаться и от признания «нематериальной» и «нефизической» энергии и от антидиалектического сведения социальных законов к законам механики, и от столь же механического понимания сложных образований из простых рефлексов, и от излишне выпирающего биологизма, в ущерб обусловленности человеческого поведения факторами со-

---

[1]) Бухарин, Атака, стр. 341.
[2]) Бехтерев, Общие основы рефлексологии, стр. 146.
[3]) Там же, стр. 345.
[4]) Корнилов, Учение о реакциях человека, 3 изд., стр. 29.

циального порядка. Одним словом, рефлексологии придется (хочет она этого или не хочет) принять все методологические предпосылки диалектического материализма. А тем самым будут устранены окончательно и все препятствия для полного слияния реактологии и рефлексологии. Не вести же, в самом деле, борьбу из-за одних лишь наименований, тем более, что это наименование и предрешено, ибо и здесь, как и во всех других сферах жизни, марксизму и только марксизму принадлежит ближайшее будущее. Поэтому работа над построением науки о поведении человека в марксистском ее понимании—это очередная и огромная задача, которую поставил перед нами Октябрьский переворот и над разрешением которой будет работать еще не одно поколение ученых.

Современное естествознание и „Материализм и эмпириокритицизм" Ленина.

А. Максимов.

Современные нам философские ревизионисты марксизма—механисты ревизуют марксизм не по линии гносеологии, а по линии методологии марксизма, оставаясь формально на почве материализма и словесно изо всех сил защищая якобы этот материализм. В этом их внешнее отличие от махистов. Тем не менее об'ективное значение их «школки» несомненно реакционное. Замена механистами диалектического материализма философией современного естествознания об'ективно обозначает не что иное, как ликвидацию революционной философии марксизма и замену ее непоследовательным, стихийным, часто, очень часто скатывающимся в фидеизм и идеализм, материализмом современного естествознания.

И это направление, эта школка в среде современных марксистов не остается неиспользованной враждебным революционному марксизму лагерем. Наоборот, за нее хватаются все, кто хотел бы вообще отбросить марксизм, как нечто ненужное (см. заявления проф. Боричевского и А. Самойлова). Эта школка является собирательным центром для всех, кто хотел бы заменить революционный марксизм интеллигентским, мелкобуржуазным мировоззрением. Поэтому, несмотря на суб'ективные добрые намерения вождей современного механизма, об'ективное значение их теоретических попыток является реакционным.

Вскрывая все шатания и отступления от марксизма махистов, Ленин доказывал, что «в этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от об'ективной истины, не падая в об'ятия буржуазно-реакционной лжи» [1]). Поэтому видимость согласия с марксизмом, различных отступлений от него, может быть осуществлена лишь в результате путаницы и замазывания, неизбежно вытекающих из ревизионистских посылок выводов. Эта же путаница и непоследовательность характерна и для наших механистов.

Как ни отличны эти механисты от махистов, действовавших 20 лет тому назад, тем не менее приемы ревизии марксизма остаются в общем теми же самыми, если не считать весьма верного замечания Ленина о «прогрессе» ревизионизма: «Все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм—вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии,

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 275.

и в вопросах тактики, и в философии вообще как в гносеологии, так и социологии»[1]).

По поводу приемов махистов Ленин писал: «...махисты боятся признать правду. Они борются с материализмом, а делают вид, будто борются с Плехановым: трусливый и беспринципный прием»[2]).

Не выступая открыто против основ марксизма и в то же время не увязывая концов с концами, махисты выдвигали идею маленьких поправок к марксизму. «Нашим махистам понадобилось запутать вопрос,—писал Ленин,—чтобы представить свой разрыв с марксизмом и переход в лагерь буржуазной философии в виде «маленьких поправочек» к марксизму!».

К сожалению, все эти типичные черты ревизионизма мы встречаем и у наших механистов. Они тоже вносят «маленькую поправочку», правда, не к Марксу, а к Энгельсу, что, как известно, имеет одно и то же значение. Это они были теми изобретателями, которые выдвинули «теорию двух Энгельсов», заключающуюся в утверждении, что в зрелый период жизни Энгельс не всегда держался одних и тех же взглядов по коренным вопросам философии марксизма, что эти взгляды у него менялись. Это именно механисты сделали «открытие», что у Энгельса есть виталистические утверждения, у Энгельса, который в витализме и идеализме вообще понимал, конечно, более, чем все механисты взятые вместе!

Механистам же принадлежит и другой прием—делать вид, что нападение делается не на марксизм в целом, а на некоторых, отдельных, якобы заблуждающихся марксистов. Вместо того, чтобы посчитаться как следует с диалектическим материализмом, против которого они в сущности и воюют, механисты делают вид, что они воюют лишь против якобы метафизических и идеалистических уклонов, якобы имеющихся у тов. А. М. Деборина. Трусливый и беспринципный прием!

Справедливым и по отношению к механистам является и то утверждение Ленина, где он говорит, что малейший уклон от основ марксизма ведет в об'ятия буржуазной идеологии, буржуазной «лжи». В тех немногих случаях, когда механисты пытались, исходя из своих посылок, последовательно и до конца мыслить, они договаривались до защиты идеализма, как, напр., случилось это с тов. Степановым в его «диалектическом» оправдании средневекового реализма и древнего пифагореизма[3]).

Механистическое течение в марксизме, как вполне оформившееся течение, существует уже более трех лет. Такое длительное существование обусловливается не только тем, что механистическая концепция, несмотря на всю, казалось бы, случайность возникновения ее (послесловие т. Степанова к книге Гортера «Исторический материализм»), сделалась выражением до той поры неоформленных течений среди части марксистской и немарксистской интеллигенции и особенно студенческой молодежи, но также и тем, что это течение своей путаницей, непоследовательностью и стремлением подкраситься под ортодоксальный марксизм вводит в заблуждение часть марксистов по вопросу об отно-

---

[1]) Там же, стр. 279.
[2]) Там же, стр. 66.
[3]) См. «Под Знаменем Марксизма» за 1925 г., №№ 8—9.

щении механистической концепции к диалектическому материализму, затушевывает в действительности ревизионистский характер этого течения.

В этом своем стремлении механисты не только вносят «маленькую поправочку» к Энгельсу, но и Ленина, особенно его «Материализм и эмпириокритицизм», толкуют вкривь и вкось. Такому, искажающему истинные взгляды Ленина, приему можно противопоставить лишь серьезное изучение и систематическое изложение самого Ленина. Последующее изложение ставит себе целью систематически рассмотреть взгляды Ленина, высказанные им в его «Материализме и эмпириокритицизме», и относящиеся к вопросам методологии естествознания.

Ленин в указанном его произведении неоднократно подчеркивает, что основной целью его работы является разбор гносеологии махизма и, соответственно, гносеологических потуг российских махистов. Вопросы методологии вообще и естествознания, в частности (а тогда естествознание также было арсеналом, как и теперь, из которого черпались ревизионистами их доводы против марксизма), были на втором плане. Именно поэтому экскурсы Ленина в методологию, составляющую с гносеологией, конечно, некоторое конкретное, неразрывное целое, разбросаны в различных местах его произведения и требуют сведения их воедино в систематическом изложении.

Центром, вокруг которого вращаются все основные вопросы гносеологии и методологии, является проблема материи. Вокруг нее шли споры с махистами в плоскости гносеологии, вокруг нее же идут теперь споры с механистами в плоскости методологии. Поэтому центром нашего рассмотрения будет именно проблема материи.

Проблема материи с точки зрения гносеологии.

Прежде чем перейти к разбору взглядов Ленина на вопросы методологии, мы установим круг тех вопросов, которыми занимается гносеология и которые составляют основное содержание рассуждений в «Материализме и эмпириокритицизме». Это облегчит нам более ясную постановку методологических проблем.

Основной вопрос гносеологии—отношение нашего мышления к бытию, к об'ективной реальности. Два противоположных ответа на этот вопрос делят всех философов на два больших лагеря: материалистов и идеалистов.

Идеалисты отрицают какое бы то ни было независимое от нашего сознания существование внешнего мира. Они критикуют самое понятие вне нас существующей об'ективной реальности.

Материалисты в противоположность идеалистам выдвигают на передний план об'ективную, независимо от нас существующую реальность.

Так как общим философским наименованием этой об'ективной реальности является понятие материи [1]), то понятно, что вопрос о материи, как о чем-то первичном, как о чем-то независимом от мышления является коренным вопросом гносеологии.

Для материалистов, как определяет Ленин (само собой разумеется, в полном согласии с основоположниками марксизма),—«ма-

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 103.

терия есть философская категория для обозначения об'ективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [1]).

С точки зрения основного вопроса гносеологии—отношения нашего мышления к об'ективной реальности—философское понятие материи уже целиком содержится в приведенном определении: материя—самое общее выражение для об'ективной, независимо от нас существующей реальности.

Ленин неоднократно в «Материализме и эмпириокритицизме» подчеркивает, что с точки зрения гносеологии понятие материи ничего другого в себе не содержит. «Понятие материи ничего иного,—говорит он,—кроме об'ективной реальности, данной нам в ощущении, не выражает» [2]).

С точки зрения разграничения материалистического и идеалистического направления—это определение вполне достаточно. Более того, всякое затушевывание или подмена основного смысла, вкладываемого материалистами в понятие материи, является смазыванием основного вопроса гносеологии, смазыванием основного различия коренных философских направлений. Именно поэтому Ленин нападал на махистов, обвиняя их в путанице и искажении материалистической линии, когда махисты смешивали философское понятие материи с представлением о том или ином физическом или химическом строении материи. «...Совершенно непозволительно,—писал он,—смешивать, как это делают махисты, учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией,—смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании об'ективной истины и т. п.» [3]).

Но, если материализм философское понятие материи в применении к проблемам гносеологии сводит к понятию вне нас и независимо от нас существующей об'ективной реальности,—это еще не значит, что материализм безразлично относится к конкретному решению проблемы материи естествознанием или что философское понятие материи ограничивается лишь гносеологической проблемой. Понятие материи, с точки зрения гносеологии, разграничивает философов на два больших лагеря—материалистов и идеалистов. Среди материалистов оказываются и Дюринг и Бюхнер, Молешотт и другие материалисты XIX века и материалисты XVIII века и т. д. В этом лагере материалистов оказываются и более последовательные материалисты и менее последовательные, и сознательные и бессознательно исповедующие материалистическую позицию «стихийные» материалисты естествоиспытатели. Сюда же относятся и Фейербах и Маркс, Энгельс и Ленин, как и наши горе-материалисты механисты. Точно так же идеалистический лагерь оказывается представленным бесконечным рядом различных оттенков идеализма, начиная с от'явленного махрового фидеизма попов, кончая различными разновидностями кантианизма, зачастую уживающегося в головах «стихийных» (на практике) материалистов-естество-

---

[1]) Там же, стр. 103.
[2]) Там же, стр. 224. См. также стр. 103 и 218.
[3]) Там же, стр. 103.

шении механистической концепции к диалектическому материализму, затушевывает в действительности ревизионистский характер этого течения.

В этом своем стремлении механисты не только вносят «маленькую поправочку» к Энгельсу, но и Ленина, особенно его «Материализм и эмпириокритицизм», толкуют вкривь и вкось. Такому, искажающему истинные взгляды Ленина, приему можно противопоставить лишь серьезное изучение и систематическое изложение самого Ленина. Последующее изложение ставит себе целью систематически рассмотреть взгляды Ленина, высказанные им в его «Материализме и эмпириокритицизме», и относящиеся к вопросам методологии естествознания.

Ленин в указанном его произведении неоднократно подчеркивает, что основной целью его работы является разбор гносеологии махизма и, соответственно, гносеологических потуг российских махистов. Вопросы методологии вообще и естествознания, в частности (а тогда естествознание также было арсеналом, как и теперь, из которого черпались ревизионистами их доводы против марксизма), были на втором плане. Именно поэтому экскурсы Ленина в методологию, составляющую с гносеологией, конечно, некоторое конкретное, неразрывное целое, разбросаны в различных местах его произведения и требуют сведения их воедино в систематическом изложении.

Центром, вокруг которого вращаются все основные вопросы гносеологии и методологии, является проблема материи. Вокруг нее шли споры с махистами в плоскости гносеологии, вокруг нее же идут теперь споры с механистами в плоскости методологии. Поэтому центром нашего рассмотрения будет именно проблема материи.

Проблема материи с точки зрения гносеологии.

Прежде чем перейти к разбору взглядов Ленина на вопросы методологии, мы установим круг тех вопросов, которыми занимается гносеология и которые составляют основное содержание рассуждений в «Материализме и эмпириокритицизме». Это облегчит нам более ясную постановку методологических проблем.

Основной вопрос гносеологии—отношение нашего мышления к бытию, к об'ективной реальности. Два противоположных ответа на этот вопрос делят всех философов на два больших лагеря: материалистов и идеалистов.

Идеалисты отрицают какое бы то ни было независимое от нашего сознания существование внешнего мира. Они критикуют самое понятие вне нас существующей об'ективной реальности.

Материалисты в противоположность идеалистам выдвигают на передний план об'ективную, независимо от нас существующую реальность.

Так как общим философским наименованием этой об'ективной реальности является понятие материи [1]), то понятно, что вопрос о материи, как о чем-то первичном, как о чем-то независимом от мышления является коренным вопросом гносеологии.

Для материалистов, как определяет Ленин (само собой разумеется, в полном согласии с основоположниками марксизма),—«ма-

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 103.

терия есть философская категория для обозначения об'ективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [1]).

С точки зрения основного вопроса гносеологии—отношения нашего мышления к об'ективной реальности—философское понятие материи уже целиком содержится в приведенном определении: материя—самое общее выражение для об'ективной, независимо от нас существующей реальности.

Ленин неоднократно в «Материализме и эмпириокритицизме» подчеркивает, что с точки зрения гносеологии понятие материи ничего другого в себе не содержит. «Понятие материи ничего иного,—говорит он,—кроме об'ективной реальности, данной нам в ощущении, не выражает» [2]).

С точки зрения разграничения материалистического и идеалистического направления—это определение вполне достаточно. Более того, всякое затушевывание или подмена основного смысла, вкладываемого материалистами в понятие материи, является смазыванием основного вопроса гносеологии, смазыванием основного различия коренных философских направлений. Именно поэтому Ленин нападал на махистов, обвиняя их в путанице и искажении материалистической линии, когда махисты смешивали философское понятие материи с представлением о том или ином физическом или химическом строении материи. «...Совершенно непозволительно,—писал он,—смешивать, как это делают махисты, учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией,—смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании об'ективной истины и т. п.» [3]).

Но, если материализм философское понятие материи в применении к проблемам гносеологии сводит к понятию вне нас и независимо от нас существующей об'ективной реальности,—это еще не значит, что материализм безразлично относится к конкретному решению проблемы материи естествознанием или что философское понятие материи ограничивается лишь гносеологической проблемой. Понятие материи, с точки зрения гносеологии, разграничивает философов на два больших лагеря—материалистов и идеалистов. Среди материалистов оказываются и Дюринг и Бюхнер, Молешотт и другие материалисты XIX века и материалисты XVIII века и т. д. В этом лагере материалистов оказываются и более последовательные материалисты и менее последовательные, и сознательно и бессознательно исповедующие материалистическую позицию «стихийные» материалисты естествоиспытатели. Сюда же относятся и Фейербах и Маркс, Энгельс и Ленин, как и наши горе-материалисты механисты. Точно так же идеалистический лагерь оказывается представленным бесконечным рядом различных оттенков идеализма, начиная с от'явленного махрового фидеизма попов, кончая различными разновидностями кантианизма, зачастую уживающегося в головах «стихийных» (на практике) материалистов-естество-

---

[1]) Там же, стр. 103.
[2]) Там же, стр. 224. См. также стр. 103 и 218.
[3]) Там же, стр. 103.

испытателей. Среди идеалистов мы встречаем и представителей типичного метафизического (в марксистском смысле этого слова) образа мыслителей и представителей немецкой классической философии—Канта. Фихте, Шеллинга, Гегеля, давших в идеалистической форме образцы диалектики.

Признание об'ективно вне нас существующей материи—основной вопрос материалистической гносеологии. «Нельзя быть материалистом,—писал Ленин,—не решая утвердительно этого вопроса, но можно быть материалистом при различных взглядах на вопрос о критерии правильности тех изображений, которые доставляют нам чувства» [1]).

Но, если на основе положительного ответа на этот основной вопрос гносеологии образуется общий лагерь материалистов, то ответы на другие важнейшие вопросы философии делят лагерь материалистов на различные направления.

Основным делением материалистов уже с точки зрения методологии будет деление на метафизических и диалектических материалистов.

Дух и материя.

Материалисты в отличие от идеалистов утверждают, что дух, мышление—это вторичное, материя, об'ективный вне нас существующий мир—первичное.

Однако это противопоставление материи духу имеет смысл только в пределах основной гносеологической проблемы, имеет относительное значение. Именно попам и их прислужникам философам идеалистам испокон веку было присуще приписывать абсолютное различие духа и материи. Это для них материя есть нечто мертвое, что может быть приведено к жизни творческим духом, т.-е., попросту говоря, богом. Именно для них дух, бог есть первичное, начало мира. Философы специалисты эту простую мысль одевают лишь в специальную, менее понятную для несведущих людей, форму, придают ей квази-научный вид. По существу же дело остается тем же самым.

В противоположность этой точке зрения материалисты утверждают, что противопоставление духа материи имеет лишь относительный характер и применимо лишь с точки зрения основной гносеологической проблемы.

Точно так же материалисты отбрасывают утверждение идеалистов о том, что материя и дух обладают различной степенью реальности. Именно идеалистам свойственно утверждать, что духу присуща бо́льшая реальность, чем материи (в тех, конечно, случаях, когда идеалисты сохраняют этот термин).

То обстоятельство, что материалисты за первичное признают материю, дух же—за вторичное, за производное, давало многократно повод для идеалистов к обвинению материалистов в том, что они приписывают духу, мышлению меньшую реальность, чем материи, чем внешнему нам миру. Материалисты отбрасывают и этот упрек.

«Это, конечно, сплошной вздор,—писал Ленин,—будто материализм утверждал «меньшую» реальность сознания». Ленин подчеркивал неоднократно смысл противопоставления духа мате-

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 89.

рии с точки зрения основной проблемы гносеологии. «Что это противопоставление не должно быть «чрезмерным», преувеличенным, метафизическим, раз'яснял он,—это бесспорно (и в подчеркивании этого состоит большая заслуга диалектического материалиста Дицгена). Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют направление гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи духу, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» [1]).

Ленин приводит ряд цитат из Фейербаха и Дицгена, направленных против поповских утверждений об абсолютном различии духа и материи. «Конечно, произведения фантазии тоже,—говорит Фейербах в одной из таких цитат,—произведения природы, ибо и сила фантазии, подобная всем остальным силам человека, есть, в последнем счете, по своей основе, по своему происхождению сила природы...» [2]).

Дицген утверждает: «Материалистическая теория познания сводится к признанию того, что человеческий орган познания не испускает никакого метафизического света, а есть кусок природы, отражающий другие куски природы» [3]).

Ленин, подчеркивая этими и другими цитатами положение, что дух, мышление не есть что-то сверх-, вне- или надматериальное, а нечто обладающее такой же реальностью, как и все процессы внешнего мира, в то же время поправляет Дицгена, когда тот пытается «расширить» понятие материи до приписывания к числу ее свойств и свойства познавать. «Это путаница,—писал Ленин,—способная только смешать материализм и идеализм под видом «расширения» первого» [4]). «Что в понятие материи надо включить и мысли, как повторяет Дицген в «Экскурсиях»,—это путаница,—еще раз подчеркивает Ленин,—ибо при таком включении теряет смысл гносеологическое противопоставление материи духу, материализма идеализму, на каковом противопоставлении Дицген сам настаивает» [5]).

В противоположность такой неудачной формулировке Дицгена, Ленин неоднократно дает формулировку, подытоживающую наши естественно-научные сведения об отношении мышления, сознания, ощущения к другим формам материального бытия, сведения, служащие основой для утверждений материалистической теории познания.

«Материализм,—говорит он,—в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя)...» [6]).

Так шаг за шагом Ленин устанавливает в противовес утверждениям махистов материалистическую теорию познания. Однако на этом не останавливаются его рассуждения. Попутно намечается

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 205. См. также стр. 119.
[2]) Там же стр. 93—94.
[3]) Там же, стр. 205.
[4]) Там же, стр. 204.
[5]) Там же, стр. 205.
[6]) Там же, стр. 30. См. также стр. 39, 56, 90, 191.

решение ряда важнейших методологических проблем. Одной из таких проблем, близко примыкающих к кругу только что затронутых вопросов, является проблема активности или всеобщей одушевленности материи [1]).

Проблема активности материи.

Абсолютное противопоставление материи духу играло и играет большую роль в аргументации приверженцев религии. Они обычно говорят, что материя есть нечто инертное, мертвое, тогда как дух в противоположность ей есть сила активная, творческая. Отсюда делается вывод о том, что организованный материальный мир не мог произойти без воздействия активного начала, духа, в конце концов, бога.

Такая поповская точка зрения получила как бы некоторое подтверждение в широко распространенных естественно-научных представлениях об инертности материи, в особенности поскольку речь идет о мертвой природе. Этой мертвой природе приписывалось лишь свойство передавать извне полученное движение, повторять установленный «вечными» законами природы ход. Такая точка зрения в естествознании не только уживалась с религией, но, более того, требовала ее, как предпосылки, в виде первоначального божественного толчка. На такой точке зрения стояло естествознание времен Ньютона, подкрепляемое в этом своем убеждении авторитетом упомянутого великого естествоиспытателя.

Эпоха Великой французской революции впервые в истории выдвинула на передний план, сочетав с общей социальной борьбой, борьбу с религиозным обманом и мировоззрением. Эта эпоха выдвинула талантливейших борцов за научное мировоззрение в противовес религиозному—французских материалистов. Именно им пришлось доказывать, что материя не есть нечто мертвое, неактивное, требующее постороннего творческого начала, а, наоборот, носитель всех реально-существующих форм бытия, будут ли это мертвый камень или машина или живое, сознательное существо. Именно французские мыслители ополчились против соединения естествознания с религией, как это делал Ньютон.

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» приводит обширную цитату из Дидро, самого талантливейшего и наименее метафизичного из французских материалистов, где трактуется этот вопрос в форме диалога: Дидро—Даламбер. Дидро доказывает, что способность ощущения, специфическая способность живых существ, не есть нечто абсолютно чуждое неодушевленной материи. Наоборот, он, исходя из тогдашних (правда, еще недостаточных, но принципиально правильно трактуемых Дидро) фактов естествознания, доказывает, что мертвая материя на известной стадии способна сама собой, в силу присущих ей свойств, превратиться в живую материю, без участия каких бы то ни было нематериальных агентов; что способность ощущения не есть какая-то способность, принципиально чуждая мертвой материи, но что мы имеем основание предполагать, что мертвая материя

---

[1]) Мы предпочитаем остановиться на первом термине, как более ясном, тогда как второй лиц, мало знакомых о чем идет речь, вводит часто в заблуждение.

не есть нечто абсолютно инертное, а нечто по существу своему активное. Поэтому происхождение из мертвой материи—живой не есть чудо или вмешательство нематериальных агентов, т.-е. бога, а есть закономерный естественный процесс.

Дидро говорит в одном месте, цитируемом Лениным: «Во вселенной есть только одна субстанция, и в человеке, и в животном. Ручной органчик—из дерева, человек—из мяса. Чижик—из мяса, музыкант—из мяса, иначе организованного; но и тот и другой—одинакового происхождения, одинаковой формации, имеют одни и те же функции, одну и ту же цель» [1]).

Так опровергали французские материалисты поповские утверждения об абсолютном отличии живой материи от мертвой. Однако проблема стояла еще глубже, если принять во внимание, что естествознание в лице Ньютона принимало первоначальный божественный толчок для мира мертвой природы, допускало, что материя могла быть в какой-то период неподвижной, из которого ее и выводил этот толчок. Нужно было показать, что и в пределах явлений мертвой природы материя сама по себе может перейти из состояния неподвижности (хотя бы относительной). в состояние движения, нужно было разрушить метафизические представления естествознания того времени.

И эта задача, если и не окончательно, была поставлена и решена в эпоху французской революции одним из ее идеологов, действовавших на немецкой почве, —Кантом.

Именно Кант отбросил идею Ньютона о первоначальном толчке и неизменности форм движения мертвой природы. Вместо этого он положил в основу своих рассуждений диалектическую мысль о развитии мертвой природы. В своей знаменитой Всеобщей истории и теории неба», где Кант стоит на материалистической позиции, он дает не только научную теорию развития солнечной вселенной, но и пытается в своей космогонической теории обойтись не только без божественного толчка, но и вообще без всякого первоначального механического толчка (от чего другой соавтор родственной космогонической теории—Лаплас отказался). Проблема, которую пытался решить Кант, сводилась к тому, чтобы научно представить себе, как сама по себе неподвижная (движение же во времена Канта понималось исключительно в смысле обычного механического движения и не включало в себя понятие теплового и эфирного движения) материя может быть причиной движения другой материи. Он пытался одним лишь взаимодействием эфира и первоначальной туманности об'яснить возникновение вращательного движения этой туманности, после чего уже по законам ньютоновой механики можно было об'яснить все дальнейшее развитие мира.

Мы не можем здесь входить в обсуждение того, насколько строго научно удалось решить поставленную проблему Канту и какие перипетии испытывала эта проблема со времен Канта до наших дней. Для нас достаточно подчеркнуть, что и с точки зрения естествознания и его учений о мертвой природе поставленная Кантом проблема имеет величайшее значение. Кант вполне сознательно связывал эту свою проблему с критикой основных понятий механики и поэтому разбираемая проблема по своему

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 23.

значению выходит далеко за пределы проблем собственно космогонии.

С точки зрения философской проблема сводится, как формулировал ее Ленин, к тому—можно ли в фундаменте самого здания материи «предполагать существование способности, сходной с ощущением» [1]). Под ощущением здесь понимается не ощущение живых существ в их развитом виде, а вообще свойство активно отвечать на внешнее раздражение. Ленин в согласии с Дидро отвечает на этот вопрос положительно.

Приверженцы религии говорили отвергавшим ее, что из материи инертной, двигающейся по законам механики Декарта—Ньютона, нельзя об'яснить происхождение сознательных существ; более того, нельзя об'яснить закономерности явлений природы. Материалисты уже в эпоху французской революции (если не говорить еще о более ранних мыслителях, как, напр., Спинозе), не отметая постановки и разбора проблемы о происхождении живых существ, отвергали утверждения теологов уже тем, что они отказывались от упрощенного взгляда на материю, как на нечто только инертное, как на нечто, хотя бы и в своих простейших формах, целиком характеризуемое законами механики. Утверждая активность материи даже в ее простейших проявлениях, материалисты устраняли вопрос об об'яснении ощущения, мышления, сознания сведением этого сознания к движению инертной материи или к выведению этого сознания из движения инертной материи. Этим устранялись все примитивные попытки эпохи французской революции свести организм к простому механизму машины.

Ленин целиком принимает именно этот взгляд на материю, отграничивающий в данном вопросе диалектических материалистов от материалистов метафизических. Он так характеризует «настоящие взгляды материалистов»: «Не в том состоят эти взгляды, чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи» [2]). Речь здесь идет, как мы уже отмечали, о существовании прежде всего «в фундаменте самого здания материи» способности, сходной с ощущением.

Допуская существование такой способности в самом фундаменте материи и отвергая тем упрощенный взгляд на материю, материалисты в то же время, конечно, ничуть не смазывают вопроса о происхождении способных ощущать живых существ, о возникновении мышления и сознания. Допущение активности материи, способности, сходной с ощущением (а мы выше отметили, что центр вопроса сводится к признанию активности материи), не сводится к признанию сознания, в том виде как мы его знаем и понимаем под этим словом, всеобщим свойством материи. Если бы было так, то устранялся бы вопрос о происхождении этого сознания, весьма важный и трудный вопрос. Наоборот, материалисты признают, что от «способности, сходной с ощущением», до ощущения живых существ дистанция огромного размера. Именно суб'ективные идеалисты и в том числе махисты, признавая психическое в том виде, как оно дано нам в нашем сознании, за тождественное с физическими, устраняли проблему

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 30.
[2]) Там же, стр. 32.

происхождении живых, ощущающих и сознательных существ. Материалисты с этим всегда боролись и Ленин это подчеркивает много раз в своем «Материализме и эмпириокритицизме». «Эта видимость лживая,—писал он по поводу махистского словечка «элемент», долженствовавшего устранить проблему о происхождении психического,—ибо на деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям» [1]).

Так, Ленин на конкретной проблеме активности материи решал весьма важный вопрос о том, какие свойства нужно приписывать материи вообще, когда мы переходим к вопросам методологии. Он не ограничился одной только рассмотренной проблемой, а, как мы увидим сейчас, поставил в «Материализме и эмпириокритицизме» в общем виде проблемы конкретности материи [2]).

Проблема конкретности материи.

Развитие немецкой классической философии привело в лице Гегеля к критике формальной логики, критике, начатой уже Кантом. Гегель с полной уже ясностью показал, что мышление происходит не согласно закону тождества и прочим законам формальной логики, а согласно прямо противоположному закону единства противоположностей. Он показал, что истинное, действительное мышление должно пользоваться взаимно противоположными определениями не как исключающими друг друга, а, наоборот, как взаимно связанными в некоторое конкретное единство, только и могущее выразить конкретную истину. То, что Кант доказал лишь для четырех случаев своих антиномий— взаимную обусловленность прямо противоположных понятий,— оказалось, как это и обосновал Гегель, законом всего нашего мышления, оказалось приложимым ко всем понятиям.

Кант не понял всего значения открытых им антиномий и не приписывал им об'ективного значения. В противоположность Канту Гегель утверждал, что противоречие присуще отнюдь-таки не одному мышлению, а есть закон природы, закон, относящийся и к вещам. Таким образом, в лице Гегеля идеализм снова вплотную подошел к материализму, с критики которого он начал свое движение. Гегелевский идеализм оказался «перевернутым материализмом».

Для вопроса, который мы здесь разбираем, важно отметить лишь один вывод, к которому приходит диалектическая логика.

[1]) Там же, стр. 30—31.

[2]) Мы совершенно не коснулись проблемы ощущения и мышления с суб'ективной стороны, что нас вывело бы за пределы поставленной пред нами задачи. Достаточно лишь отметить здесь еще весьма важные замечания Ленина по поводу оценки значения тезисов Маркса о Фейербахе профессором А. Леви. Соглашаясь с этой оценкой, Ленин говорит: «А. Леви прав по существу, когда он говорит, что для Маркса «феноменальной деятельности» человечества соответствует «деятельность вещей»... См. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 82—83.

Отдельные абстрактные понятия не имеют абсолютного значения, не могут выражать правильно действительные реальные отношения вещей, они конечны, ограничены в сфере своего приложения, выражают истину лишь частично. За сферой приложения данного понятия истинным оказывается прямо ему противоположное, также выражающее действительные отношения. Конкретная действительность может быть более глубоко познана лишь при совместном употреблении прямо противоположных понятий, как взаимно связанных. Эти два взаимно связанных понятия переходят в третье—более конкретное и лучше отражающее реальную действительность. В свою очередь это третье понятие носит в себе черты ограниченности, относительности и имеет противопоставленным себе некоторое противоположное понятие, с которым оно дает еще более конкретное понятие, еще лучше выражающее действительные отношения и т. д. до бесконечности. Процесс мышления, по мере охвата им реальной действительности, идет от абстрактных понятий к все более конкретным. Так мышление приближается от относительного знания к абсолютному, т.-е. равнозначному действительности.

Слабость и беспомощность идеализма обнаружились как раз при разрешении вопроса о том, что же значит этот переход от абстрактных понятий ко все более конкретным?

Ни Кантом, ни даже Гегелем этот вопрос не был решен правильно.

Кантом были открыты заслуживающие здесь нашего внимания антиномии: простого и сложного и конечного и бесконечного. Он пришел к выводу, что каждое из пары этих понятий неизбежно, логически ведет к прямо ему противоположному так, что понятие простого предполагает понятие сложного, и наоборот; понятие конечного предполагает понятие бесконечного. Однако Кант не понял и не мог, благодаря своей суб'ективно идеалистической точке зрения, понять значения такой взаимной обусловленности понятий. Эта обусловленность делается понятной лишь с точки зрения материализма.

Действительно, лишь приписывая понятиям об'ективное значение, способность выражать реальные отношения, мы можем понять диалектику простого и сложного, конечного и бесконечного и т. д. Опыт о внешнем мире учит нас, именно, что простое есть лишь относительно простое. Так, земля может считаться даже точкой с точки зрения астрономии, тогда как по отношению к атому она бесконечно сложна. Атом прост по отношению к земле и в то же время, как мы знаем, сложен и т. д. В действительности оказывается, что понятия простого и сложного лишь относительные, взаимно связанные понятия, что истина лежит не на стороне употребления того или другого понятия, а на стороне совместного употребления их обоих: земля и проста и сложна, атом и прост и сложен.

То же самое и с диалектикой понятий конечного и бесконечного. Земля конечна по отношению ко вселенной и бесконечна по отношению к атому, электрону [1]) и т. д. Атом не так давно считался чем-то действительно конечным и простым. Однако вот уже несколько десятков лет все развитие науки

[1]) Кант рассматривает одновременно также антиномию конечного и бесконечного во времени.

доказывает, что в действительности атом бесконечен, так как наука открывает в атоме все новые и новые свойства и т. д.

Гегель диалектические переходы понятий пытался изобразить, как мистическую игру абсолютного духа. Его отказ от суб'ективного идеализма и в то же время признание диалектики понятий сделали совершенно неизбежным переход философии на материалистическую позицию, сделали невозможным дальнейшее ее развитие в прежних формах идеализма и метафизики.

Правильность диалектической логики в ее материалистическом истолковании блестяще подтверждается всем ходом развития естествознания и науки вообще.

Если бы нужно было сказать в нескольких словах, куда движется развитие научной теории, то ответ бы был: от абстрактного к конкретному.

Действительно, каждое новое открытие, новое расширение нашего опыта и практики неизбежно требует в конце концов и соответствующего расширения и углубления наших теоретических представлений. Те понятия, в которых до поры до времени выражаются научные познания, со временем оказываются недостаточными и или расширяются до охвата новых фактов или заменяются новыми понятиями, в которые прежние ограниченные понятия входят лишь как подчиненный момент. Само собой разумеется, что развитие науки приводит нередко и к устранению оказавшихся ложными понятий и представлений.

Например, понятие атома претерпело огромнейшие изменения со времен древности, когда оно было введено в науку. Это понятие из весьма примитивного, в каком виде мы его находим, например, у Лукреция Кара, теперь приобрело уже очень большую конкретность и современный атом уже не есть нечто физически неделимое, а, наоборот, заведомо сложное, состоящее из множества составных частей. Современное понятие атома предполагает как соподчиненные понятия—понятия протона, электрона, эфира.

То же мы имеем и по отношению к любому из веществ или из свойств одного из этих веществ. Наше современное научное представление о весьма обычнейшем веществе—воде—могло бы быть изложено лишь на многих сотнях страниц сжатого, особо краткого научного языка.

Другим примером этого хода развития науки может явиться развитие геометрии и механики.

В течение долгого времени геометрия Евклида считалась единственной. Однако развитие науки привело к открытию неевклидовых геометрий. Эти геометрии не устраняют евклидову геометрию, а содержат ее в себе как подчиненный момент. То же самое сейчас происходит с механикой. Ньютонова механика оказывается недостаточной. Но она не отменяется совсем новой механикой. Ньютонова механика содержится в новой механике как частный случай, как часть в целом.

Из всего этого хода развития науки вытекает один чрезвычайно важный методологический вывод: Природа бесконечно сложна; наше познание отражает эту природу лишь частично, лишь относительно правильно. Поэтому теоретический аппарат науки, ее по-

нятия и теории должны в се время меняться и развиваться, делаясь из абстрактных все более конкретными, все более сложными.

Если с точки зрения гносеологии материя есть общее наименование существующей вне нас об'ективной реальности, отражением которой являются наши представления, то с точки зрения методологии, мы должны сказать, что материя есть нечто бесконечно сложное, есть наивысшая конкретность. Поэтому философское понятие материи с точки зрения методологии не может быть заменено или приравнено к какому-либо другому ограниченному понятию. Философское понятие материи и в области методологии, как в области гносеологии, не сводится к тому или иному ограниченному представлению материи в какой-либо отдельной отрасли знания. Физики и химики изучают материю в лице атомов, молекул, электронов и т. п. Но изучаемый физиками и химиками мир есть не только часть всей об'ективной реальности, но, более того, часть, изученная лишь частично, лишь относительно. Поэтому материя вообще как философская категория не может сводиться к временным и ограниченным представлениям в отдельной отрасли знания. Этим, конечно, не только не умаляется значение физических или химических или каких-либо иных представлений о материи, но, более того, наше утверждение о бесконечной сложности материи, о ее конкретности опирается на эти выводы частных наук.

Заслуга диалектического материализма в области философского учения о материи как раз и заключается в умении превзойти ограниченную точку зрения на материю и ее движение, чем диалектический материализм в области методологии коренным образом отличается от метафизического, ограниченного материализма.

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» решительно выступает не только против ошибок в определении материи с точки зрения гносеологии, но и с точки зрения методологии. Фронт борьбы усложняется именно тем, что приходится бороться не только против идеализма, но и против метафизического материализма, делая, конечно, по характеру стоявшей перед Лениным задачи, ударение на идеализме.

Так как махисты, воюя с материализмом вообще, воевали лишь с метафизическим материализмом, не зная о существовании диалектического материализма, и опровергали в сущности лишь метафизику, то Ленину приходится не только защищать материализм в гносеологии, но в то же время, признавая справедливость возражений махистов против метафизического материализма, в области методологии, доказывать, что эти их справедливые, но примитивные и непоследовательные возражения давно устранены диалектическим материализмом. Ленин многократно подчеркивает в своей книге, что махисты, ополчившись против метафизического материализма, именно не зная диалектического материализма, скатились в идеализм.

Махисты, как суб'ективные идеалисты, как эпигоны Беркли, утверждают, что реальность—это наши ощущения, что никакой иной реальности, находящейся за нашими ощущениями, нет. Таким образом, они конкретность мира сводят к совокупности

наших суб'ективных переживаний. Ленин решительно возражает против этого взгляда и в противоположность махистам утверждает, что научная точка зрения примирима только с утверждением об'ективного существования мира, который обладает бесконечной сложностью по сравнению с тем, что уже познано, что дано нам в наших ощущениях. Он говорит: «Они (махисты. А. М.) не признают об'ективной, независимой от человека реальности, как источника наших ощущений. Они не видят в ощущениях верного снимка с этой об'ективной реальности, приходя в прямое противоречие с естествознанием и открывая дверь для фидеизма. Напротив, для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны» [1]).

Ополчаясь на материализм, махисты в действительности ополчаются лишь против метафизического взгляда на материю и движение. Именно метафизическому материализму свойственно материю, как философскую категорию, приравнивать к каким-либо частичным взглядам на материю в области естествознания, именно метафизическим материалистам свойственно брать за первоначальные, неизменные, абсолютные свойства материи, из которых эти материалисты выводят все прочие формы, такие формы, которые являются относительными, присущими лишь некоторым состояниям материи. Ленин решительно отбрасывает такой упрек, как упрек материализму вообще, и подчеркивает, что этот упрек относится лишь к м е т а ф и з и ч е с к о м у материализму: «Признание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» и т. п. не есть материализм, а есть м е т а ф и з и ч е с к и й, т.-е. антидиалектический материализм. Поэтому, добавляет Ленин, И. Дицген подчеркивал, что «об'ект науки бесконечен», что неизмеримым, непознаваемым до конца, н е и с ч е р п а е м ы м является не только бесконечное, но и «самый маленький атом», ибо «природа во всех своих частях без начала и без конца...» [2]).

Указав, что махисты, борясь с материализмом, «боролись с метафизическим... материализмом, с его односторонней «механичностью»,—и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка», Ленин снова говорит: «Никакой «абсолютной субстанции» в том смысле, в каком разрисовала эти понятия праздная профессорская философия, для Маркса и Энгельса не существует. «Сущность» вещей или «субстанция» т о ж е относительны; они выражают только углубление человеческого познания об'ектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня—дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих в е х познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же н е и с ч е р п а е м, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно с у щ е с т в у е т, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание ее с у щ е с т в о в а н и я вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма» [3]).

---

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 102.
[2]) Там же, стр. 218.
[3]) Там же, стр. 219—220. См. также стр. 236.

Вместо исходной точки зрения механистического материализма—материи, как она дана нам в механике, или с механистической точки зрения трактуется в физике и химии, Ленин призывает изучать материю во всей ее бесконечной сложности: «Мир есть,—говорит он,—движущаяся материя,—ее можно и должно бесконечно изучать в бесконечно сложных и детальных проявлениях и разветвлениях этого движения, движения этой материи...» [1]).

Камнем преткновения для махистов явилась проблема относительности нашего знания. Махисты не сумели сделать правильного вывода из того факта, что наши теоретические знания являются лишь приблизительно верным отражением действительности, только частично охватывающим ее; они не поняли того, что прогресс науки заключается в создании все более точного и верного образа мира действительности, образа, включающего в себе все, соответствующие действительности, черты, которые были созданы наукой предшествующего периода.

Из факта относительности нашего знания они сделали вывод вообще об условности, иллюзорности об'ективного знания. Вместо принятия диалектической точки зрения на понятия и теории науки, махисты, в результате критики метафизического материализма, откинули совсем понятие об'ективной действительности, вне нас существующего мира, приближением к которому и являются наши знания.

Так рисует Ленин злоключения махистского течения в физике конца XIX и начала XX века. «Такие сочинения, как «Теория физики» П. Дюгема или «Понятия и теории современной физики» Сталло, которые особенно рекомендует Мах, показывают,—пишет Ленин,—чрезвычайно наглядно, что всего больше значения придают эти «физические» идеалисты именно доказательству относительности наших знаний, колеблясь в сущности между идеализмом и диалектическим материализмом. Оба автора, принадлежащие к различным эпохам и подходящие к вопросу с различных точек зрения, воюют всего энергичнее с атомистически-механическим пониманием природы. Они доказывают ограниченность такого понимания, невозможность признать его пределом наших знаний, закостенелость многих понятий у писателей, держащихся этого понимания. И такой недостаток старого материализма,—добавляет Ленин,—несомненен; непонимание относительности всех научных теорий, незнание диалектики, преувеличение механической точки зрения,—за это упрекал прежних материалистов Энгельс».

Ленин дальше не только указывает больной пункт философии махистов, но и указывает путь, который бы повел к выздоровлению, если бы только этот путь был известен махистам.

«Но Энгельс сумел (в отличие от Сталло) [2]),—продолжает Ленин цитируемое нами место,—выбросить гегелевский идеализм и понять гениально-истинное зерно гегелевской диалектики. Энгельс отказался от старого, метафизического материализма в пользу диалектического материализма, а не в пользу релятивизма, скатывающегося в суб'ективизм. «Механическая те-

---

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 291.

[2]) Сталло—бывший правоверный гегельянец, выпустивший в 1848 г. натур-философию в старо-гегелевском духе (указание Ленина).

рия,—цитирует Ленин Сталло,—вместе со всеми метафизическими теориями гипостазирует частные, идеальные и, может быть, чисто условные группы атрибутов или отдельные атрибуты и трактует их, как разные виды об'ективной реальности. «Это верно,—отвечает на это Ленин,—если вы не отрекаетесь от признания об'ективной реальности и воюете с метафизикой как антидиалектикой» [1]).

Но из этих верных критических замечаний по отношению к метафизическому материализму махисты не сделали правильного вывода.

«Но в том-то и беда Дюгема, Сталло, Маха, Пуанкаре,—пишет Ленин,—что двери, открытой диалектическим материализмом, они не видят. Не умея дать правильной формулировки релятивизма, они катятся от него к идеализму» [2]).

Так Ленин разрешал проблему материи с точки зрения методологии диалектического материализма и определял ошибки в этом вопросе, делаемые и метафизическими материалистами и махистами.

К сожалению, наши механисты ни в малой степени не учли результатов этого блестящего, именно диалектического, анализа проблемы Лениным. Они, испугавшись махизма, идеализма и поповщины вообще и, точно так же, как махисты, не зная диалектического материализма (а его знать без знания Гегеля нельзя), но желая оставаться на почве материализма, скатились к метафизическому материализму..

Все попытки, как, напр., попытка тов. Тимирязева, изобразить дело таким образом, что, мол, Ленин, Маркс и Энгельс понимали под **с т а р ы м** материализмом материализм только французских материалистов XVIII века, а не материализм современных естествоиспытателей, совершенно безнадежны, если не говорить еще о том, что они лишний раз указывают именно на незнание нашими механистами истории материализма. Махисты воевали с метафизическим, **с т а р ы м** материализмом не каких-то им как раз неведомых французских материалистов, а именно метафизическим материализмом естествоиспытателей конца XIX и начала XX века. Наши махисты не понимают того, что этот материализм является по сравнению с диалектическим материализмом **с т а р ы м**, независимо от того, высказан ли он в XVIII веке или продолжает высказываться еще и в XX веке. Более того, если бы наши механисты знали французских материалистов XVIII века, то они увидели бы, что у этих, хронологически действительно старых, материалистов есть черты, которые их ставят выше представителей метафизического, механического материализма XIX и XX веков, что как раз неоднократно и подчеркивалось Лениным.

Не поняв взглядов Ленина на материю, естественно, что механисты обошли совершенно без внимания недвусмысленные, неоднократные и глубокие замечания Ленина об отличии механического материализма от материализма диалектического. Поэтому мы остановимся здесь на выяснении и этой стороны взглядов Ленина.

---

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 261—262.
[2]) Там же, стр. 262.

Механический и диалектический материализм.

Характерным для естествознания, начиная с последней четверти XIX века, является тот кризис, в который вступило это естествознание с указанного момента. Этот кризис, связанный с крушением старых теорий в результате новейших открытий, приобрел своеобразные черты.

С одной стороны, он отразил общий политический, экономический и культурный кризис, в который вступило буржуазное общество с наступлением эры монополистического капитализма, эры империализма. Реакция в области общественно-политической жизни нашла себе отражение в области науки в развитии упадочных, эпигонских философских течений, направленных против материализма—махизма, энергетики и проч.

С другой стороны, естествознание в результате колоссальнейших успехов как общей, так и специально, естественно, научной экспериментальной техники вступило в полосу величайших открытий, неизбежно вызвавших необходимость пересмотра всех основных теорий естествознания, считавшихся до той поры незыблемо установленными. Чтобы согласовать новейшие открытия естествознания с старыми теориями, нужно было отказаться от всех застывших, метафизических точек зрения в этих теориях.

Обе эти черты и нашли себе отражение в натурфилософских течениях последней четверти XIX века и начала XX. Эти течения ополчились против материализма, имевшего еще во второй половине XIX века среди естествоиспытателей своих открытых проповедников, а в скрытом виде продолжавшем быть стихийным убеждением подавляющего большинства естествоиспытателей; с другой стороны, эти натурфилософские течения оперировали от имени новейшего естествознания, опирались на его открытия и обрушивались на метафизические моменты в воззрениях материалистически мысливших естествоиспытателей.

Так реакционные стороны в этих натурфилософских течениях переплелись с моментами, отражавшими революционный ход современного естествознания.

Эта двойственность ярко сказалась на махизме, ополчившемся против метафизическо-материалистических убеждений естествоиспытателей. В этой двойственности кроется и причина того, что махизм, как и другие ему родственные течения, не разрешили кризиса, в которое вступило естествознание, а углубил этот кризис, увлекши часть естествоиспытателей на неверный путь.

В том, что махизм критиковал механический материализм, сказалась положительная сторона развития естествознания, для которого стали тесны рамки метафизической точки зрения. В том же, что эта критика в лице махизма вылилась вообще в критику материализма, сказалась реакционная, гнилая сущность махизма, полная неспособность его решить вставшую перед естествознанием проблему.

Таким образом, суть кризиса естествознания, в который оно вступило, начиная с последней четверти XIX века, если отвлечься от общих социальных причин, заключалась и заключается, с одной стороны, в наличии метафизических воззрений в теориях естествознания, а с другой—в неумении философствующих естествоиспытателей разрешить этот кризис, в скатывании этих философствующих естествоиспытателей в идеализм.

Для Ленина ясна была двойственность кризиса современного естествознания. Прежде всего, он ясно видел метафизические черты современного естествознания, против которых боролся уже Энгельс.

«О закостенелости понятий у многих современных естествоиспытателей, об их метафизических (в марксистском смысле слова, т.-е. антидиалектических) взглядах,—пишет Ленин,—Энгельс говорит неоднократно с полной определенностью. Мы увидим ниже,—добавляет он,—что Мах именно на этом пункте свихнулся, не поняв или не зная соотношения между релятивизмом и диалектикой»[1]).

Эта закостенелость особенно вредна была тем, что она, соединенная с правильной философской позицией в области гносеологии, давала метафизический материализм естествоиспытателей и тем самым при кризисе метафизического мировоззрения открывала для нападок материализм вообще.

То, что естествознание к концу XIX века и к началу величайших открытий не доросло до научного, диалектического материализма и составляет, по мнению Ленина, одну из характернейших черт кризиса естествознания.

«Суть кризиса современной физики, —читаем мы в «Материализме и эмпириокритицизме»,—состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании об'ективной реальности вне сознания, т.-е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом»[2]).

В другом месте Ленин, перечисляя причины идеалистических течений в современной физике, снова говорит, что эта причина—принцип релятивизма, относительности нашего знания, —принцип, который с особенной силой навязывается физикам в период крутой ломки старых теорий и который,—при незнании диалектики,—неминуемо ведет к идеализму». «В действительности,—добавляет Ленин,—единственная теоретически правильная постановка вопроса о релятивизме дается материалистической диалектикой Маркса и Энгельса, и незнание ее неминуемо должно привести от релятивизма к философскому идеализму»[3]).

Какие же проблемы правильно нащупал «физический идеализм», т.-е. махизм, которые он не сумел разрешить и потому скатился в идеализм?

Ленин подробно цитирует махистов и других авторов, где освещается этот вопрос. Особенное внимание он оказывает «полумахисту» А. Рею, путанику, как замечает Ленин, когда заходит дело о философии, но усердному профессору по части собирания фактов и обработки литературы вопроса. Вот те упреки махистов против метафизического, механического материализма, которые справедливыми считает и Ленин, и которые не сумел разрешить махизм, несмотря на то, что он о них так много говорил и с критики которых начал свой поход:

«Верили в чисто механическое об'яснение природы; принимали, что физика есть лишь более сложная механика, именно—молекулярная механика. Расходились только по вопросу о приемах сведения физики к механике, о деталях механизма»[4]).

---

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 31.
[2]) Там же, стр. 216.
[3]) Там же, стр. 260.
[4]) Там же, стр. 212.

В другом месте: «Традиционная физика, до половины XIX века, принимала, что достаточно простого продолжения физики, чтобы получить метафизику материи. Эта физика придавала своим теориям онтологическое значение. И эти теории были всецело механические» [1]...

Нащупав эти проблемы, махизм даже, по мнению Рея, сделал неправильный вывод. «Крах традиционного механизма или, вернее, та критика, которой он был подвергнут, —говорит Рей.—привела к следующему положению: наука тоже потерпела крах. От невозможности держаться попросту и исключительно традиционного механизма заключили к невозможности науки» [2].

Или вот еще цитата, часть которой Ленин передает своими словами: «Традиционный механизм построил систему материального мира». В учении о строении материи он исходил из «элементов качественно однородных и тождественных», при чем элементы должны были рассматриваться «неизменными, непроницаемыми» и т. д. Физика «строила реальное здание из реальных материалов и реального цемента. Физик обладал материальными элементами, причинами и способом их действия, реальными законами их действия». «Изменения этого взгляда на физику состоят преимущественно в том, что отбрасывают онтологическую ценность теорий и чрезвычайно подчеркивают феноменологическое значение физики» [3].

Что же отвечает Ленин на упреки махистов? Защищает ли он «традиционный механизм» или он соглашается с выводами махистов?—Ни то и ни другое!

Ленин решительно, уничтожающе критикует все идеалистические «выверты» махистов, чему и посвящено основное содержание «Материализма и эмпириокритицизма», но он признает и ограниченность механического, метафизического материализма. Этим Ленин отнимает у махистов какое бы то ни было основание из критики механического материализма делать вывод о непригодности научного, диалектического материализма, материализма вообще.

В чем отрицательные стороны механического материализма? Эти отрицательные стороны уже отмечены в приведенных цитатах из А. Рея, а еще ранее в цитате из Сталло.

Суть указаний на эти отрицательные стороны сводится к указанию на «гипостазирование частных, идеальных и, может быть, чисто условных групп атрибутов или отдельных атрибутов», на попытку путем «простого продолжения физики получить метафизику материи», на стремление из «качественно однородных и тождественных элементов» построить «систему материального мира».

При рассмотрении проблемы материи мы уже видели, что Ленин решительно отвергает попытку метафизического материализма частные, идеальные группы атрибутов возвести в ранг общего учения о материи, представления физики или механики на материю выдать за философию материализма.

---

1) Там же, стр. 213. Здесь под «метафизикой материи» понимается философское учение о материи вообще.

2) Там же, стр. 214.

3) Там же, стр. 215.

Столь же ошибочным является также и стремление более сложные области, богатые новыми соотношениями, отличающиеся качественно-новыми закономерностями представить лишь как простое усложнение механики или физики и тем самым одну группу своеобразных, качественно особенных соотношений свести до другой, короче говоря, сложное об'яснить через простое, понимая эти термины метафизически, а не диалектически.

Метафизичным является стремление свести явления всего мира к комбинациям «качественно однородных и тождественных элементов».

Механический материализм, придерживающийся таких взглядов, забывает или не знает, что «простое», «однородное» и т. п. есть лишь относительно простое и однородное, в действительности же бесконечно сложное. Поэтому всякий переход от одних относительно однородных и «простых» форм материи (напр., переход от так называемой «первоматерии» или мирового эфира к электронам и атомам, от этих последних к физическим и химическим телам и т. д.) к другим относительно сложным может быть изображен лишь диалектически, лишь при посредстве диалектической логики, которая учит, как связывать ограниченные, относительно верные, более или менее абстрактные понятия в конкретное единство, осуществлять переходы одних понятий в другие все более конкретные так, чтобы все более охватывать, отражать, изображать бесконечно сложную реальную действительность. Ошибка механического материализма заключается в том именно, что он бесконечную сложность мира на словах пытается свести к немногим абстрактным, ограниченным, конечным представлениям, отражающим лишь одну небольшую, частично познанную нами, область действительности.

Так как эти ошибки делал и повторяет делать «механистский» и «неомеханистский» (по терминологии Ленина) материализм, то Ленин, воюя с махистами, неоднократно отгораживается от этого материализма, выдвигая диалектический материализм.

Излагая взгляды Риккера, автора, физика по специальности, выступившего в свое время против идеалистических течений в естествознании и утверждавшего, «что механическая теория атомов и эфира—теперь она не завершена,—добавляет Риккер,—но если бы она могла быть завершена—дает нам полное и идеально точное представление о реальностях», Ленин подчеркивает, что это типичная стихийно-материалистическая точка зрения естествоиспытателя, и добавляет, что «неточности философии Риккера вытекают из необязательной защиты «механической» (почему не электромагнитной?) теории движения эфира и из непонимания соотношения относительной и абсолютной истины» [1]).

Разбирая возражения Уорда Риккеру, напавшего именно на утверждение Риккера, что «механизм есть основа всего», и приписавшего Риккеру стремление признавать за психическими явлениями меньшую реальность, чем за остальными (физическими и проч.), Ленин снова говорит: «Сплошной вздор, будто материализм утверждал «меньшую» реальность сознания или обязательную «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира, как **движущейся материи**» [2]).

---

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 232.
[2]) Там же, стр. 235.

Наконец, Ленин еще в третий раз по поводу все тех же выступлений Риккера и Уорда высказывается по вопросу о механическом материализме. Он снова отвечает на упреки Уорда, что механическая теория есть обязательное об'яснение мира, что атомистическая гипотеза в ее метафизическом понимании берется за основу материализма, и говорит: «...Мир есть движущаяся материя и законы движения этой материи отражает механика по отношению к медленным движениям, электромагнетическая теория—по отношению к движениям быстрым»... «Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма...» [1]).

В другом месте «Материализма и эмпириокритицизма» Ленин. отмечая материалистические взгляды физика А. Корню, исходившего из картезианских взглядов, говорит: «Люсьен Пуанкаре в своей книге о «Современной физике» справедливо отмечает, что эта картезианская идея была воспринята и развита энциклопедистами XVIII века, но ни этот физик, ни А. Корню не знают о том, как диалектические материалисты Маркс и Энгельс очистили эту основную посылку материализма (единства физических сил. *А. М.*) от односторонностей механического материализма» [2]).

Таким образом, Ленин в полном согласии с Энгельсом решительно выступает против механического материализма. Попытки наших механистов замазать истинные взгляды Ленина и изобразить дело так, что якобы их механистическая точка зрения не противоречит марксизму—совершенно безнадежны. Было бы гораздо последовательнее и добросовестнее, если бы наши механисты открыто выступали против соответствующих утверждений диалектического материализма по отношению к механическому материализму. Вместо этого наши механисты выдвигают беспринципные и трусливые увертки, утверждая, как мы уже отмечали, что к современным механистам до утверждения Энгельса и Ленина не относятся, или делая такие глубокомысленные доводы, что, мол, механизм был в XVIII веке, а теперь не механизм, а механистическое мировоззрение, что теперь механика уже не та, что была столетие тому назад.

Механика теперь действительно не та, что была столетие тому назад и еще более изменится с течением времени. Механисты не поняли только одной простой вещи, что какая бы ни была механика—будь то механика XVIII или XX века—сводить к ее положениям основы материалистического мировоззрения есть ошибка, есть упрощенство, есть метафизически-попятное движение назад и с точки зрения философских основ марксизма движение реакционное.

Оступившись в этом вопросе, естественно механисты неизбежно должны были сделать ряд других ошибок: «Коготок увяз—всей птичке пропасть»,—писал Ленин о махистах,—утверждение, справедливое по отношению ко всем и всяческим ревизионистам.

К числу таких ошибок, кроме уже перечисленных, относится еще ошибка, заключающаяся в приравнивании современного мировоззрения естествоиспытателей—диалектическому материализму.

---

[1]) Там же, стр. 236.
[2]) Там же, стр. 251.

Материализм естествоиспытателей и диалектический материализм.

Ленин большое внимание уделил в «Материализме и эмпириокритицизме» вопросу о позиции современных естествоиспытателей по отношению к материализму. Он рассмотрел этот вопрос со всех сторон.

Прежде всего Ленин останавливается на общем вопросе: соединим ли идеализм вообще и в частности идеализм «физических идеалистов»—махистов и проч.—с современным естествознанием?

Ленин доказывает, что идеализм, как общая установка, а не как шатания известной прослойки среди естествоиспытателей, совершенно не совместим с естествознанием. Естествоиспытатель, говорит Ленин, исследующий природу, волей или неволей, сознает ли он это или не сознает, должен стоять на почве материализма, т.-е. на почве признания об'ективного, независимого от нас существования внешнего мира. Без этого допущения падает весь смысл исследовательской естественно-научной работы.

На убеждении в существовании внешнего мира, в об'ективность исследуемых процессов и предметов построен весь язык, вся терминология естествоиспытателей, на этом убеждении строится вся их деятельность. И Ленин не мало потешается над попытками махистов увязать свою идеалистическую терминологию с повседневной естественно-научной практикой, увязать свои утверждения, что все тела суть лишь комплексы наших ощущений, что мы при научном исследовании не выходим за пределы нашего «я», что вообще нет ничего вне нас, что такая терминология, допускающая существование внешнего мира, есть «метафизика»,—увязать с необходимостью для естествоиспытателей оперировать приборами, иметь дело с веществами, наблюдать процессы и т. п.

Подчеркнув неизбежность материалистической позиции естествоиспытателей в их практической деятельности, Ленин в то же время отмечает, что эта позиция у большинства естествоиспытателей проявляется стихийно, как стихийно убеждение всего человечества в существовании внешнего мира. «Весь махизм **борется**,—говорит он,—с начала до конца с «метафизикой» естествознания, называя этим именем **естественно-исторический материализм**, т.-е. стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски бессознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в об'ективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием» [1]).

От этого стихийного убеждения до сознательного и тем более последовательного проведения материалистической точки зрения еще очень большое расстояние. Даже в тех случаях, когда мы имеем дело с философствующими естествоиспытателями, выступающими против идеализма, сплошь и рядом приходится констатировать их непоследовательность, боязнь открыто защищать материализм, их незнание философии, а потому примитивность и наивность в постановке философских проблем. Ленин на примерах многих естествоиспытателей иллюстрирует это положение.

Прежде всего достойна упоминания в этом отношении история знаменитого естествоиспытателя Э. Геккеля. Никто другой, как именно Геккель со своими книгами «Мировые загадки» и пр. сделался в конце XIX и начале XX века вдохновителем восстания

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 293.

части естествоиспытателей против идеалистической реакции. Именно он об'единил вокруг себя широкие слои свободомыслящей интеллигенции, не хотевшей итти на поводу у от'явленной поповщины в науке, именно он сделался мишенью бешеных нападок философствующих попов и поповствующих философов. И что же?!

«И особенно характерно во всей этой трагикомедии то обстоятельство,—говорит Ленин,—что Геккель сам отрекается от материализма, отказывается от этой клички. Мало того: он не только не отвергает всякой религии, а выдумывает свою религию (тоже что-то вроде «атеистической веры» Булгакова или «религиозного атеизма» Луначарского), отстаивая принципиально союз религии с наукой» [1]).

«В чем же дело?—спрашивает Ленин и отвечает:—Дело в том, что философская наивность Э. Геккеля, отсутствие у него определенных партийных целей, его желание считаться с господствующим филистерским предрассудком против материализма, его личные примирительные тенденции и предложения относительно религии,—все это тем более выпукло выставило общий дух его книжки, неискоренимость естественно-исторического материализма, непримиримость его со всей казенной профессорской философией и теологией. Лично Геккель не желает рвать с филистерами, но то, что он излагает с таким непоколебимо наивным убеждением, абсолютно не мирится ни с какими оттенками господствующего философского идеализма» [2]).

Заслугу Геккеля Ленин видит в том, что он как «естествоиспытатель, безусловно выражающий самые прочные, хотя и неоформленные, мнения и тенденции подавляющего большинства естествоиспытателей конца XIX и начала XX века, показал сразу, легко и просто, то, что пытались скрыть от публики и от самой себя профессорская философия,—именно, что есть устой, который становится все шире и крепче и о который разбиваются все усилия и потуги тысячи и одной школки философского идеализма, позитивизма, реализма, эмпириокритицизма и прочего конфузионизма. Этот устой—естественно-исторический материализм. Убеждение «наивных реалистов» (т.-е. всего человечества) в том, что наши ощущения суть образы об'ективно реального внешнего мира, есть неизменно растущее и крепнущее убеждение массы естествоиспытателей» [3]).

История с Геккелем, не видящим того, что он стоит на почве материализма и, отрекаясь от последнего на словах, защищает его всей своей стихийной установкой, повторяется и с другими крупнейшими естествоиспытателями.

Ленин приводит цитаты из работ знаменитого английского естествоиспытателя Т. Гексли, показывающие, что он фактически, именно как естествоиспытатель защищал материализм, был «стыдливым материалистом», сознательно же исповедывал философские взгляды, представляющие «смесь юмизма и берклеанства» [4]).

То же повторяется с Гельмгольцем, которого т. Тимирязев возвел в последовательные, т.-е. в диалектические материалисты.

Гельмгольц, не менее, если не более крупная научная величина, чем Геккель. Его роль в истории естествознания опреде-

---

[1]) Там же, стр. 296.
[2]) Там же.
[3]) Там же, стр 227.
[4]) Там же, стр. 172.

ляется его авторством в открытии закона сохранения энергии, закона, окончательно доказавшего единство физических сил и нанесшего сокрушительный удар теологии. Сочинения Гельмгольца полны положений, прямо подтверждающих правильность материалистической позиции. И тем не менее, как пишет Ленин, он «был в философии непоследователен, как и громадное большинство естествоиспытателей. Он склонялся к кантианству» [1].

«Против прямого, ясного, открытого материализма Гельмгольц питает,—пишет Ленин,—непреодолимое предубеждение» [2].

Другой крупнейший физик, один из основателей современного учения об электричестве,—Генрих Герц, «в сущности, был так же непоследователен, как Гельмгольц» [3]. Но, так же как и Гельмгольц, Герц в своих естественно-научных взглядах стоит на стихийно-материалистической точке зрения... «Философское введение Г. Герца к его «Механике»,—пишет Ленин,—показывает обычную точку зрения естествоиспытателя, напуганного профессорским воем против «метафизики» материализма, но никак не могущего преодолеть стихийного убеждения в реальности внешнего мира» [4].

Наконец, приведем еще замечание Ленина о также знаменитом физике Больцмане. «Больцман,—пишет Ленин,—конечно, боится назвать себя материалистом и даже специально оговаривается, что он вовсе не против бытия божия. Но его теория познания по существу дела материалистическая, и выражает она, как признает историк естественных наук в XIX веке, С. Гюнтер, мнение большинства естествоиспытателей» [5].

Вот ряд, основанных на внимательном изучении, оценок материалистической позиции современных естествоиспытателей. Случайно ли то, что Ленин не находит ни одного естествоиспытателя, которого бы он мог противопоставить всем прочим, как последовательного диалектического материалиста?—Нет, не случайно, и Ленин поясняет, почему это не случайно!

Это не случайно потому, что, как пишет Ленин, «вся обстановка, в которой живут эти люди (современные естествоиспытатели. *А. М.*), отталкивает их от Маркса и Энгельса, бросает в объятия пошлой казенной философии» [6]. А обстановка эта заключается в травле материализма попами и их философскими подголосками, которая все более усиливается по мере приближения смертного часа для господства буржуазии. Осмеливающийся открыто выступать в буржуазном обществе в защиту материализма исключает себя из этого общества со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями, на что, конечно, профессору решиться очень трудно.

Под давлением общественного окружения происходит искажение идеологии современных естествоиспытателей. В практической работе они—материалисты (Ленин это доказывает и по отношению к махистам), но чуть они отходят от этой почвы, на которой стоят, начинается отход и от материалистической позиции. У одних

---

[1]) Там же, стр. 194.
[2]) Там же, стр. 195.
[3]) Там же, стр. 197.
[4]) Там же, стр. 238.
[5]) Там же, стр. 241.
[6]) Там же, стр, 221.

это выражается лишь в непоследовательно материалистическом мировоззрении, тогда как другие в области философии скатываются целиком в идеализм.

Поэтому диалектика современного естествознания находит себе место во взглядах современных естествоиспытателей так сказать противоестественным путем, помимо их сознания и тем самым путь к диалектическому материализму не оказывается прямым и непосредственным: стихийный материализм — диалектический материализм.

Ленин подчеркивает этот противоречивый характер современного естествознания неоднократно... «Физика колеблется,—говорит он в одном месте,—бессознательно и стихийно между диалектическим материализмом, который остается неизвестным для буржуазных ученых, и «феноменализмом» с его неизбежными суб'ективистскими (а далее и прямо фидеистическими) выводами»[1].

В другом месте Ленин отмечает, что буржуазной философией элементы диалектики с момента начала идеалистической реакции (после вспышки материалистических учений в Германии в половине XIX века) усваиваются в односторонней и искаженной форме (например, релятивизм)[2].

В то же время, при общей стихийной позиции естествоиспытателей в их исследовательской работе, эти отступления некоторой части естествоиспытателей в идеализм Ленин рассматривает лишь как временные «зигзаги», отклонения от неизбежного конечного результата—усвоения естествознанием диалектического материализма, как сознательной философии естествоиспытателей и ученых вообще.

«Уклон в сторону реакционной философии, обнаружившийся и в том и в другом случае (в случае уклона в идеализм знаменитого физиолога И. Мюллера и в случае с махизмом. *А. М.*) у одной школы естествоиспытателей в одной отрасли естествознания, есть,—пишет Ленин,—временный зигзаг, преходящий болезненный период в истории науки, болезнь роста, вызванная больше всего к р у т о й л о м к о й старых установившихся понятий»[3].

Несколько страниц далее в том же «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин еще ярче подчеркивает это же положение: «Одним словом,—пишет он,—сегодняшний «физический» идеализм точно так же, как вчерашний «физиологический» идеализм, означает только то, что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму. Этот шаг делает и сделает современная физика, но она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм. Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, они дают неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот. К числу этих отбросов относится весь

---

1) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 220.
2) Там же, стр. 279.
3) Там же, стр. 257.

физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпириосимволизмом, эмпириомонизмом и пр. и т. п.» [1]).

Заключительным утверждением ко всему разбираемому вопросу является утверждение Ленина об условиях победы материализма в естествознании: «Материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с непременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим» [2]).

К сожалению, всех этих ясных и доступных пониманию всех положений Ленина не усвоили наши механисты: они подняли голос не за поднятие естествознания до диалектического материализма, а за растворение марксизма в метафизическом материализме естествознания.

Из положений Ленина, касающихся естествознания, ясно вытекает для марксистов вывод о необходимости выявлять, поддерживать и развивать стихийно-материалистические убеждения естествоиспытателей до сознательного усвоения диалектического материализма.

Из положений Ленина вытекает требование решительной борьбы с идеализмом в естествознании. Но нигде и никогда не могло быть у Ленина намека на то, чтобы мировоззрение современного естествознания приравнять к мировоззрению диалектического материализма.

По поводу увлечений российскими «марксистами»-махистами учениями Маха, Оствальда, Дюгема, Пуанкаре и проч. под предлогом, что они выражают течения самоновейшего естествознания, Ленин писал: «Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии» [3]).

Наши механисты не поняли, что нельзя итти слепо и за естествоиспытателями, так или иначе приближающимися к материализму, что нельзя и им доверяться, когда их материализм есть лишь стихийное убеждение.

Вместо того, чтобы выдвигать философию Маркса и Энгельса, призывать к ее изучению естествоиспытателей, наши механисты заявили [4]), что современное естествознание уже пропитано диалектическим материализмом в лице К. Тимирязева, Гельмгольца, Томсона, Больцмана и прочих, никогда в действительности не поднимавшихся до диалектического материализма естествоиспытателей и выступавших лишь с более или менее материалистическими утверждениями.

Ленин прямо сравнивал современное естествознание с буржуазной экономической наукой и писал: «Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (т.-е. профессорами. *А. М.*) (вы не сделаете, например,—добавляет Ленин в скобках,—ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь

---

[1]) Там же, стр. 264.
[2]) Там же, стр. 258.
[3]) Там же, стр. 290.
[4]) См. указанную выше дискуссионную литературу. Ошибку, подобную нашим механистам, делает и т. Троцкий в брошюре «Менделеев и марксизм», где он об'являет Менделеева диалектическим материалистом в области естествознания.

трудами этих приказчиков), и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов» [1]).

Вот этого-то умения вести свою линию, уметь переработать завоевания буржуазной науки, и не сумели сделать наши механисты. Они в лучшем случае популяризировали завоевания современного естествознания и примитивную философию современных естествоиспытателей-материалистов.

Задача же переработки успехов современного естествознания с точки зрения диалектического материализма, задача неизмеримо более трудная, чем задача популяризации, осталась за пределом поля зрения наших механистов.

Плывя по течению, наши механисты естественно порастеряли уже кое-что из тех завоеваний, которые сделаны были в области философии диалектическим материализмом по сравнению с материализмом механическим. В этом причина сделанных ими ошибок и в этом корень несомненного поворота их назад от марксизма к материализму времен Бюхнера, Дюринга и др.

Вот ряд методологических и тактических вопросов, которые блестяще разрешил Ленин попутно с детальным разбором гносеологических блужданий махистов.

Мы не рассмотрели ряда других вопросов, затрагиваемых Лениным: об элементах теории диалектики, о релятивизме и диалектике (что важно с точки зрения нашего отношения к принципу относительности А. Эйнштейна), об отношении Ленина к Гегелю, о пространстве и времени и физических законах, о биологии и социологии и т. д.—все это нас завело бы далеко за пределы журнальной статьи и потребовало бы рассмотрения и других сочинений Ленина, кроме «Материализма и эмпириокритицизма», рассмотрению которого и посвящены эти строки. Мы остановились лишь на главнейших проблемах и видели, как далеко то, что говорит Ленин, от утверждений наших механистов.

В заключение мы остановимся еще вкратце на вопросе, который неоднократно поднимался в устных дискуссиях с механистами и почти не получил своего отражения в печати. Механисты неоднократно выдвигали против защищавших точку зрения диалектического материализма (так называемая школа Деборина), что последние, критикуя механистов, ослабляют обще-революционный фронт материализма, направленный против идеализма и поповщины.

Если бы наши механисты и в данном вопросе лучше изучили хотя бы только «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, то они нашли бы для себя весьма поучительные справки из предыдущей истории марксизма, которые говорят за то, что критика механистов, как непоследовательных примитивных и упрощающих материализм представителей есть революционная обязанность, есть заслуга защищающих диалектический материализм от искажений, откуда бы они ни исходили.

Действительно, уже не в первый раз случается в истории революционного движения рабочего класса, когда под флагом этого

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 290.

движения начинают проповедываться философские взгляды, ведущие это движение, по сравнению с уже сделанными в теории в лице марксизма завоеваниями, назад.

Мы оставим в стороне идеалистические философские реакционные течения в социал-демократии и остановим внимание только на материалистических течениях, которые вели не вперед, а назад.

Поучительной в этом отношении является история с Дюрингом и Бюхнером, которые оба стояли на материалистической позиции и выступали от имени рабочего движения.

Мы знаем, какой беспощадной критике был подвергнут Дюринг и как презрительно Маркс и Энгельс третировали Бюхнера и проч. материалистов половины XIX века.

Была ли эта критика ослаблением материалистического фронта? Оправдывалась ли эта критика с точки зрения развития революционного движения рабочего класса?

Вот некоторые из очень ценных замечаний Ленина на этот счет, разбросанных в его «Материализме и эмпириокритицизме».

Прежде всего Ленин подчеркивает, что Маркс и Энгельс, критикуя Дюринга и Бюхнера, критиковали их не за материализм, не за основную гносеологическую посылку, по отношению к которой между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и указанными старыми материалистами, с другой, никакой разницы нет, а за непоследовательно материалистическую позицию, за примитивность подхода к проблемам, которые они трактовали [1]).

«Энгельс яснее ясного говорит,—пишет Ленин,—что Бюхнер и К° «не вышли ни в чем за пределы их учителей», т.-е. материалистов XVIII века, не сделали ни шагу вперед. За это и только за это,—подчеркивает Ленин,—упрекает Энгельс Бюхнера и К°, не за их материализм, как думают невежды, а за то, что они не двигали вперед материализма, «не помышляли раньше о том, чтобы развивать дальше теорию «материализма». Только за это упрекает Энгельс Бюхнера и К°» [2]).

По вопросу о критике Дюринга Ленин пишет, что расхождение было не в вопросе признания правильности исходного пункта материалистической гносеологии: «Нет. В этом он вполне сходился с Дюрингом, как и со всяким другим материалистом. Он критиковал Дюринга, с диаметрально противоположной точки зрения (чем его критиковали махисты с идеалистической точки зрения. *А. М.*), за непоследовательности материализма, за идеалистические причуды, оставляющие лазейку фидеизму» [3]).

Далее Ленин разбирает вопрос, почему именно Маркс и Энгельс обращали большее внимание не на защиту материализма вообще и его азбучных истин, а на критику материалистов, упрощавших материализм. «И Маркс с Энгельсом,—пишет Ленин,—и И. Дицген выступили на философское поприще тогда, когда в передовой интеллигенции вообще, в рабочих кругах в частности, царил материализм. Совершенно естественно поэтому, что не на повторение старого обратили все свое внимание Маркс и Энгельс, а на серьезное теоретическое развитие материализма, на применение его к истории, т.-е. на достраивание здания мате-

---

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 201.
[2]) Там же, стр. 200.
[3]) Там же, стр. 201.

риалистической философии доверху. Совершенно естественно, что они ограничивались в области гносеологии исправлением ошибок Фейербаха, высмеиванием пошлостей у материалиста Дюринга, критикой ошибок Бюхнера, подчеркиванием того, чего этим, наиболее распространенным и популярным в рабочей среде, писателям особенно недоставало, именно: диалектики. Об азбучных истинах материализма, о которых в десятках изданий кричали разносчики, Маркс, Энгельс и И. Дицген не беспокоились, направляя все внимание на то, чтобы эти азбучные истины не вульгаризировались, не упрощались чересчур, не вели к застою мысли («материализм внизу, идеализм вверху»), к забвению «ценного» плода идеалистической системы, гегелевской диалектики—этого жемчужного зерна, которого петухи Бюхнеры, Дюринги и К° (вместе с Леклером, Махом, Авенариусом и пр.) не умели выделить из навозной кучи абсолютного идеализма»[1].

Так характеризовал Ленин взгляды основоположников марксизма по отношению к примитивным механическим материалистам Бюхнеру, Дюрингу и проч. И это было в период, когда Маркс и Энгельс ограничивались областью общественных наук (по преимуществу), когда перед марксизмом не стояла вплотную задача руководства наукой и в области естествознания, как она встала перед нами теперь в СССР.

Со времен Маркса и Энгельса, конечно, много воды утекло и многое изменилось. Нет более господства материализма в западной интеллигенции, свирепствует идеалистическая реакция. социал-демократия окончательно и в области общественных наук и в области философии отказалась от учения марксизма, заменив последний эклектической похлебкой из кантианствующих буржуазных профессоров[2]).

Но зато мы имеем СССР, где социализм действительно строится, где марксизм впервые в истории получил поле деятельности во всех областях науки, в том числе и в естествознании. где пред марксизмом стоят колоссальнейшие задачи.

Если во времена Дюринга и Бюхнера Маркс и Энгельс жестоко критиковали механических материалистов, если Ленин уже во время наступившей идеалистической реакции в лице махистов и проч. подчеркивал, что ограниченность механического материализма одна из существеннейших причин скатывания естествоиспытателей в идеализм, то что мы должны сказать про условия, при которых приходится действовать и развиваться далее марксизму в СССР, где социализм должен строиться и строится во всех областях жизни, в том числе и в науке?

---

[1]) Там же, стр. 202.

[2]) По поводу отношения Энгельса к измельчавшим, выродившимся течениям современных философов интересно отметить одну справку, которую дает Ленин по этому поводу в «Материализме и эмпириокритицизме». Говоря о презрении, которое питал Энгельс к эпигонским течениям идеализма, не удостоивавшимся даже упоминания Энгельса, хотя он о них знал, Ленин в то же время отмечает, что Энгельс считал за положительное явление в среде буржуазных философов возврат к серьезному изучению классической философии, который можно было одно время наблюдать в Скандинавии и Англии. Ленин пишет: «Совершенно очевидно, что Энгельс, наблюдая повторение модной немецкой и английской философией старых догегелевских ошибок кантианства и юмизма, готов был ждать добра даже от поворота (в Англии и Скандинавии) к Гегелю, надеясь, что крупный идеалист и диалектик поможет узреть мелкие идеалистические и метафизические заблуждения»... («Мат. и эмпир.», стр. 286).

Если мы примем во внимание, что материализм внутри СССР распространяется десятками тысяч пропагандистов, учителей и т. д., марксистов и немарксистов, что атеизм нашел себе прочную базу и широкое распространение даже в крестьянстве, не говоря уже о рабочих, когда защитников идеализма в области философии, осмеливающихся еще его защищать, мы можем легко пересчитать почти по пальцам (если, конечно, не считать попов всех религий, пользующихся темнотой некоторых слоев населения), то не трудно убедиться, что опасность для марксизма сейчас грозит именно со стороны упрощенства, вульгаризации в результате медвежьих услуг лиц, выступающих от имени марксизма, но его почти или совсем не знающих.

Что опасность для марксизма грозит именно с этой стороны, показала вся история с возникновением и развитием механистического течения среди марксистов СССР. Именно наши механисты возглавили и оформили, с одной стороны, упрощенские подходы некоторых групп популяризаторов материализма (поучительна в этом отношении история Тимирязевского института, организационно и материально поддерживавшего механистическое течение),—с другой, как мы уже говорили, стихийно-материалистические обычно-механистические убеждения некоторых групп студенчества и профессуры, опасающихся и не желающих распространения влияния марксизма на науку.

Что мы должны развивать и прилагать марксистскую теорию и к новым областям—это диктуется теперь всей обстановкой, в которой мы живем и действуем. Если во времена Маркса и Энгельса центр тяжести теоретической работы лежал в области общественных наук, а в области практической работы—в завоевании руководства движением рабочего класса, то теперь внимание марксистской теории должно быть обращено и на естественные науки, на отвоевание для строительства социализма ученых-естественников. Важность этой проблемы видел уже Энгельс, который от применения диалектики «вверху» снова попытался спуститься «книзу», т.-е. к учению о природе, чтобы здесь приложить метод диалектического материализма, без которого естествознание обречено на мучительный процесс переживания кризисов при каждом новом существенном открытии. Об этом нам говорят опубликованные теперь обширные отрывки из «Диалектики природы», которую пытался разработать и не успел разработать Энгельс.

С точки зрения всех этих задач механисты тащут марксизм назад, а не вперед.

Вне СССР положение, конечно, иное. Оно пожалуй хуже, чем во времена расцвета махизма: идеалистическая реакция еще более осмелела, материалистические воззрения естествоиспытателей еще более замалчиваются или искажаются. И тем не менее и на Западе с механическим материализмом мы могли бы теперь очень мало сделать вне области примитивной пропаганды. Механический материализм—пройденная ступень материализма. Именно против него выступают современные идеалисты, когда они обосновывают идеализм в применении к естествознанию (Дриш и проч.) [1]. Сегодня более чем когда-либо справедливы утверждения Ленина,

---

[1]) См., напр., W. Moog, Die deutsche Philosophie des 20 Jahrhundets, 1922 г. Параграф 6 первой главы этой книги посвящен рассмотрению вопроса о «преодолении механического миропонимания»... идеализмом!

что скатывание естествоиспытателей в идеализм обусловливается тем, что они знают лишь механический материализм и не знают материализма диалектического.

Если мы всерьез захотим привлечь к себе хотя бы часть западной интеллигенции (а это сделать можно, хотя сделано в этом отношении еще очень мало), то мы сможем это сделать не при посредстве простых, голых утверждений, что бытие определяет сознание или что сначала материя, а потом дух, а при посредстве серьезной разработки проблем современного естествознания и современной науки вообще, разработки научной, а не популяризаторской (для которой, конечно, остается своя область применения), с точки зрения диалектического материализма.

Таким только образом мы сможем доказать, что диалектический материализм есть плодотворный метод современной науки.

В противном случае мы не победим того влияния буржуазной философии, которая, пользуясь всеми средствами культуры, пронизывает на Западе всю науку.

В этом отношении механисты, как течение, ничего, кроме вреда, оказать нам не могут. Поэтому борьба против механистов есть непременное условие победы диалектического материализма.

Диалектический материализм и биология.

(Некоторые итоги и перспективы)

Вас. Слепков.

Диалектический материализм призван играть роль всеобщей методологии наук. Скристаллизовавший в себе все наиболее рациональное из процесса исторического развития философской мысли, впитавший все наиболее ценное из выводов современного естествознания,—диалектический материализм представляет собою наиболее совершенное орудие познания действительности. Он дает изучающему природу те методологические положения, при помощи которых действительность может толковаться глубоко-научно, в ее реальном движении, в ее единстве и разнообразии, в ее гармонии и противоречиях, т.-е. не такой, какой она представляется нашим несовершенным органам чувств и обыденному мышлению, а такой, какая она есть на самом деле, в об'ективности. В роли такого ведущего начала естественно-научной мысли —диалектический материализм уже теперь внес много интересного и в область биологии. Он дал ряд новых точек зрения, толкая мысль на новые, еще не изведанные биологией пути. А, как известно из истории науки, новые точки зрения являются иногда, на ряду с новыми фактическими открытиями, тем ферментом, который двигает науку вперед.

В настоящей статье мы хотим познакомить читателя с тем, что вносит в область биологии применение метода диалектического материализма как в отношении критики, так и в положительной работе.

1. Своеобразие жизненного процесса.

Диалектический материализм должен был вмешаться и уже вмешался в вековой спор витализма и механизма. Отрицая виталистическую, абсолютную автономность жизненного процесса, его внеисторическую обособленность от мира мертвой природы—марксист не соглашается и с механистическим отождествлением жизни и мертвой природы. Он выдвигает новую, свою точку зрения, противоположную и витализму и механизму. Эта точка зрения резко отлична от витализма, ибо она признает обязательным происхождение жизни от неорганической природы и отрицает существование какой бы то ни было жизненной силы. Но она также далека и от механизма, так как, признавая единство всех проявлений материи, рассматривает жизненный процесс, как об'ективно-своеобразный, специфический, по сравнению с миром фи-

зики и химии, процесс. Диалектический материализм стоит на последовательно развиваемой исторической точке зрения, констатируя развитие жизни из мертвой природы и понимая это развитие не механистически-бессодержательно, а как изменение, превращение, новообразование. Жизненный процесс вышел из недр неорганической материи, но, выйдя, отошел от нее и обособился. В процессе развития он приобрел своеобразный химический состав, своеобразную структуру (клетки), способность к обмену веществ, росту, размножению, наследственности и саморегуляции. Жизнь стала новой закономерностью с своеобразным ходом исторического развития и самостоятельным кругом управляющих ею законов.

Исходя из такого понимания сущности жизни, марксизм считает главной задачей биологических наук—установление специфически-биологических законов. Это следует сказать не только про эволюционную теорию, палеонтологию, экологию, анатомию и эмбриологию—науки, которые фактически стоят уже на таком пути, но и про физиологию, в которой очень сильны механистические тенденции. Следует осознать, что и физиология тоже типично-биологическая наука. И она изучает законы деятельности биологического образования—организма. Эти законы—физиологические (напр., законы высшей нервной деятельности, дыхания, выделения и пр.) или биохимические (как большинство законов пищеварения), но не чисто-физико-химические, как думают механисты. Качественное своеобразие об'ективно присуще и физиологическим процессам, как бы ни были они связаны с физико-химическим миром.

Анализ на физику и химию,—этот главный, если не единственный, путь исследования жизни, по мнению механистов,—с точки зрения диалектики только второстепенный, служебный путь. Его задача заключается совсем не в том, чтобы «открыть», «обнаружить» качественное тождество жизни и неорганической природы. Такого «открытия» сделать никто не может, так как жизнь качественно-своеобразное явление не только в нашем представлении, но и об'ективно, в реальной действительности.

Задача анализа—служебная. Он помогает специфически-биологическому исследованию, позволяя проникать в интимнейшие глубины жизненного процесса, устанавливать отдельные физико-химические компоненты того или другого жизненного явления и их своеобразную взаимную связь. Он подготовляет также возможность синтеза жизни из неорганических веществ—осуществление которого будет величайшим триумфом науки.

Биология в целом, а также составляющие ее частные дисциплины, должны быть выделены в особые, самостоятельные науки. Эта особенность и самостоятельность, конечно, не виталистическая абсолютная особенность. Она относительная, исторически-возникшая и через исторический процесс «сводимая» к неорганическому миру. Биология также своеобразна по сравнению с физикой и химией, как по сравнению с ней своеобразны социально-исторические науки.

2. О происхождении жизни.

Биолог, стоящий на точке зрения диалектического материализма, в полном согласии с фактами и даже опираясь на них,—решительно отрицает теорию вечности жизни, развитую

Рихтером, Аррениусом и другими. Эта теория—виталистическая по своему существу, а потому безусловно враждебна марксизму. Она изменяет основной идее научного естествознания—идее развития. Она отрывает мир жизни от неорганической природы, воздвигая между ними глухую стену. Она консервирует своеобразие жизни в какую-то абсолютную, вечную, внеисторическую сущность, самостоятельно развивающуюся, параллельно мертвой материи. Исторический переход, от неорганической природы к жизни, по ее мнению,—миф. Не так подходит к вопросу диалектик. Всякое явление природы он рассматривает как исторически-возникшее, развившееся и развивающееся явление. Жизнь для него не абсолютна, а представляет собою звено универсального исторического развития материи. Он не считает ее особой сущностью, вечной и внеисторической, а признает особым качеством, особой закономерностью, которая произошла от неорганического мира. Факты говорят за это. Мы видим во всей природе общность элементарного состава, подчинение жизни законам сохранения материи и энергии, успехи физико-химического анализа и синтеза органических веществ, наконец, превращение мертвой материи в живую в зеленых растениях и пр. Живая природа родственна мертвой—эта мысль является совершенно бесспорным достижением современного естествознания.

Но не следует эту разумную мысль о родстве живого и неживого подменять совершенно неразумной мыслью об их тождестве [1]). Жизнь не тождественна мертвой природе, ее развитие из неорганических процессов представляло собою качественное превращение, новообразование, создание новой закономерности. Физико-химические процессы вступили в первичной жизни в очень сложную и своеобразную связь. Эти сложные, еще близкие к неорганическому миру, образования послужили отправным пунктом для биологической эволюции, в которой вступили в силу чисто-биологические законы, чуждые миру физики и химии. Продукты этой биологической эволюции—высшие растения и животные—ушли от начальных звеньев эволюции жизни недосягаемо далеко. Но, и одноклеточные организмы—самая элементарная форма жизни, известная нам сейчас—тоже фактически далеко не элементарны. Они, как правило, содержат в себе ядро, протоплазму с верхним уплотненным слоем, центрозому, хондриозомы, вакуоли, реснички или жгуты и даже мионемы и неврофаны. Назвать одноклеточных «комочками протоплазмы» и считать их начальным звеном эволюции может только совершенно не осведомленный человек. Много времени, может быть миллионы и миллионы лет, потратила природа на то, чтобы создать этот «простейший» одноклеточный организм. Идя к этому, материя прошла длительный и «мучительный» путь превращений. Она должна была вначале создать органические вещества, только на основе которых могли возникнуть элементарнейшие формы жизни, еще далекие от клетки, но уже живые. Клетка венчает этот процесс, аккумулируя в себе все это богатое и, к сожалению, точно не известное нам историческое прошлое.

Мы должны исследовать все переходные звенья от мертвой природы до нашей современной элементарной жизни—клетки, что-

[1]) Как это делает, напр., Прейер, отождествивший жизнь с движением частиц раскаленного земного шара в период его оформления.

бы составить себе конкретное представление о происхождении жизни.

3. Эволюционная теория и марксизм.

Разброд мнений в современной эволюционной теории в значительной степени определяется отсутствием у биологии четкой и последовательной методологии. Этот недостаток должен исправить диалектический материализм.

Его критерии, с которыми он подходит к оценке течений эволюционной мысли, обычные—это, с одной стороны, материалистическая выдержанность и, с другой, последовательное и всестороннее проведение точки зрения развития. Только такую теорию, которая отвечает обоим этим требованиям, он может признать удовлетворительной.

а) Теория автогенеза.

Сущность теории автогенеза, как она изложена Ламарком, Бэром, а в последнее время нашим русским ученым—Бергом, заключается в признании внутренних импульсов, заложенных в живых существах, главными двигателями эволюционного процесса. По **Ламарку**, это некая «тенденция к прогрессивному усложнению организации», ведущая свое происхождение от «Высшего Творца» и определяющая собою гармонически-последовательный характер развития жизни от простейших и до человека. По **Бэру**, автогенетический характер развития определяется «целью» или целестремительностью, т.-е. неким метафизическим фактором, вложенным в живую материю. **Берг** считает главными причинами эволюционного процесса «автономические причины», коренящиеся в изначальной целесообразности жизни.

С точки зрения автогенеза—эволюция представляет собою процесс разворачивания внутренних потенций живых существ, она есть **телеологический** процесс, в силу внутренней целесообразности, направленный в сторону повышения приспособленности и усложнения организации.

Хотя марксизм и признает роль внутренних факторов в процессе развития явлений, но такая эволюционная теория, которая весь процесс в целом выводит из внутренней целестремительности—встречает с его стороны решительный отпор, как явно враждебная материализму и глубоко-идеалистическая по своему существу.

б) Ламаркизм.

Основоположником этого течения эволюционной мысли является Ламарк. В своей «Философии зоологии» он дал изложение своего понимания эволюционного процесса, которое было перенято многочисленными его последователями, не редкими и в наше время. Ламаркисты отрицают учение о естественном отборе. Вслед за Ламарком они понимают эволюционный процесс как бесконечный ряд прямо-приспособительных изменений в результате упражнения или неупражнения органов или под непосредственным действием факторов внешней среды.

Неприспособительных изменений ламаркизм не предусматривает. Организм отвечает на воздействия внешнего мира целесообразными изменениями, которые передаются по наследству. В ре-

зультате этих изменений без борьбы за существование и естественного отбора—мир организмов подвигается по эволюционному пути.

Что придает изменениям приспособительный характер? По Дарвину, такой характер изменений определяется естественным отбором, который отбирает из всей массы неопределенных, идущих в различных направлениях, изменений только наиболее приспособительные («переживание более приспособленного»). По Ламарку и некоторым его последователям (так наз. психоламаркистам), целесообразный характер изменений создается направляющим действием психических факторов организма—его «потребностями», «привычками», «желаниями», «волей», «внутренним чувством» и пр. Другие последователи Ламарка, так называемые механоламаркисты, отрицают психические факторы, но, отрицая и дарвиновское об'яснение эволюционного процесса, фактически не могут ответить на вопрос—почему эволюция ведет к повышению приспособления? Не решаясь вслед за психоламаркистами прямо назвать регулирующую силу эволюции «психикой протоплазмы»—они все же должны допустить нечто подобное, если хотят быть последовательными и если не думают обходить молчанием основной вопрос эволюционной теории. Как и психоламаркисты, они должны фактически прийти к этой надуманной, реакционной идее «протоплазменной души», ставши вместе с ними на путь психофизического об'яснения эволюции. А такой путь, конечно, не может быть принят диалектическим материалистом, наиболее решительным и последовательным защитником материалистической точки зрения.

в) Теория де-Фриза.

Мутационная теория де-Фриза в марксистской среде имела раньше успех. Ее внешняя революционность и диалектичность привлекла внимание некоторых марксистов, которые о ней отзывались, как о наиболее близкой диалектическому материализму. Теперь эта полоса увлечения теорией де-Фриза прошла.

Содержание ее в основных чертах следующее. Виды возникают не постепенно, как думал Дарвин, а сразу, вдруг, скачками. На энотере де-Фриз сам наблюдал такое мутационное возникновение новых «элементарных» видов. Так как у других организмов мутаций соответствующие мутациям энотеры найти не удалось, де-Фриз решил, что мутирование свойственно организмам далеко не всегда, а только в специальные мутационные периоды. Неизмеримо же большую часть времени животные и растения находятся в фазе «прэмутации» или устойчивого равновесия, не сопровождающегося наследственными изменениями. Все исследованные Фризом организмы за исключением энотеры, по его мнению, как раз находились в этой фазе прэмутации.

Теория прэмутационных и мутационных периодов—уже не говоря о ее фактической малой состоятельности—является теорией по существу не диалектической. В ней нет, с точки зрения диалектики, самого главного—развернутой точки зрения развития. Вместо развития в марксистском смысле этого слова, вместо «перехода количества в качество»—мы встречаемся в мутационной теории, с одной стороны, с периодами застоя, устойчивого равновесия и, с другой стороны, с судорожными, конвульсивными прыжками. Диалектический момент развития сводится в

ней к «моментальным» превращениям, тогда как моменту равновесия, этому «частному случаю движения» (Энгельс), отводится господствующее положение. Так изображать реальный процесс развития, изменения природы—значит искажать и извращать его. В мутационной теории есть прерывистость, но нет второй половины процесса—непрерывности. Она «упущена», а с нею вместе «упущено» и все развитие. Скачки де-Фриза оказываются не диалектическими скачками-переходами, а метафизическими метаморфозами в н е р а з в и т и я, вне обусловливающей их постепенности.

г) Теория Лотси.

Еще энергичнее извращает наше представление об эволюционном развитии теория Лотси—это дитя самых вредных тенденций современной генетики. Этот ученый строит свою эволюционную теорию на допущении, что наследственных изменений в природе не существует совсем (кроме ретрогрессивных изменений, вызванных в ы п а д е н и е м генов). Новые виды создаются в результате скрещивания разных видов и разновидностей друг с другом и происходящей, благодаря этому, перекомбинировке наследственных признаков. Вся эволюция жизни не создала ни одного нового наследственного признака,—вся она заключается в постоянной перетасовке раз данного комплекса генов, вечно неизменного и вечно воспроизводящегося.

«Эта теория,—пишет Каммерер,—означает отказ от учения об изменчивости видов. Разница лишь в том, что вера в неизменяемость вида заменяется верой в неизменяемость зачатков».

Эволюции, как новообразования, в этой «эволюционной» теории нет. Перекомбинирование заняло место превращений. Развитие подменено видимостью развития. Диалектика уступила место метафизике. Такую теорию марксизм принять, конечно, не может.

д) Теория Дарвина.

Наиболее совершенной эволюционной теорией и в наше время является теория Дарвина. С точки зрения диалектики ее основное достоинство заключается в том, что точка зрения развития является ее душой. Она превосходно об'ясняет происхождение одних видов из других, предоставляя нам исходные позиции и для суждения об эволюции высших систематических единиц. Характер развития, о котором она говорит, истинно диалектический. Это не только количественные, безразличные изменения в пределах одного качества, но и изменения, как превращения, приводящие к новым качествам. Эволюция состоит из бесчисленного ряда качественных превращений, новообразований, «скачков»[1]... Образуются новые признаки и органы, одни виды возникают из других, роды порождают новые роды. Органический мир не стоит на месте, а изменяется в своем глубоком существе.

Дарвиновская теория—и в этом может быть ее наиболее сильное место—с удивительной простотой и научностью об'ясняет также факт повышения приспособленности живых существ в процессе эволюции. Для этого она не привлекает никаких метафизических понятий, удовлетворяясь совершенно естественными

[1]) Скачков не метафизических, а истинно-диалектических.

явлениями наследственной изменчивости, прогрессивного размножения и борьбы за существование. Результатом совокупного действия этих факторов является неравенство всех претендентов на жизнь и вымирание из их среды всего менее приспособленного с сохранением и размножением всего более приспособленного. Из поколения в поколение, из века в век—все приспособленное выживает и накопляется, систематически повышая уровень организации и приспособления.

Материализм дарвиновской теории заключается также и в том, что она является эктогенетической теорией. Признавая внешнюю среду главной движущей силой изменений и естественного отбора—она толкует эволюционный процесс не как беспричинно-телеологический, а как причинно-обусловленный, естественный процесс. Никто другой в области эволюционизма так последовательно не боролся за материализм и историзм, как дарвинисты. Именно они, при всех их недостатках, ближе всего стоят к материалистической диалектике, и именно на них должен опираться диалектический материализм в своей борьбе со всякими извращениями подлинно-научной биологии.

4. Наследование приобретенных признаков и причины изменчивости.

Как известно, марксисты не обошли своим вниманием и спор по вопросу о наследовании благоприобретенных признаков. Обсуждение этого вопроса в марксистских кругах показало, что он становится методологическим только тогда, когда перерастает в более общую проблему о причинах изменчивости. Сам по себе вопрос о том, происходят ли наследственные изменения по типу соматической или параллельной индукции—касается конкретных явлений механизма изменчивости. Решить его могут только непосредственные факты, добытые дальнейшим экспериментальным исследованием. При современных данных вопрос о наследовании или ненаследовании соматических изменений нужно считать открытым, хотя есть основания полагать, что в эволюции соматическая индукция занимала не малое место.

Не предрешая конкретного механизма появления наследственных изменений—марксист считает совершенно необходимым одно—решительно возражать против модной в последнее время идеи самопроизвольной, автогенетической изменчивости. Внутренние тенденции развития играют доминирующую роль только в онтогенезисе, ибо там характер живого существа определяется в первую очередь и по преимуществу структурой зародышевой массы половых клеток. В филогенезисе внутренние факторы отступают на задний план, занимая место обусловливающих и ограничивающих факторов. Причиной же каждого отдельного наследственного изменения является безусловно внешняя среда—даже в тех случаях, когда мы этого не замечаем (как в случаях де-Фриза, если там действительно имели мутации, или в мутациях дрозофилы). Допустить самопроизвольную изменчивость, происходящую в силу каких-то совершенно неопределимых внутренних причин в самой зародышевой плазме—мы не можем. Это равносильно допущению беспричинности изменчивости. А это последнее является оборотной стороной самого опасного и активного противника современной материалистической биологии—телеологии. Причины наследственных изменений мы должны искать во внеш-

них по отношению к зародышевой плазме половых клеток, условиях, т.-е. во внешней среде организма и в его соме. Факты, которыми мы сейчас располагаем, это опыты Тоуэра, Иоллоса, некоторые опыты Каммерера (хотя их и нужно проверить), опыты Сёмнера, Гайера и Смитса, и, наконец, последние открытия Мöллера. Все эти факты обосновывают материалистическое учение об изменчивости и лишают кредита, чисто-отрицательную по своему содержанию, идею автогенеза.

5. Современная эволюция органического мира.

Сам порождение природы, общественный человек стал ее властелином. Его распространение по лицу земли, его стремление все познать, подчинить себе и изменить—привели к тому, что весь земной шар резко изменил свое обличие. Сильно изменилась неорганическая природа, но еще больше испытала на себе влияние человека природа органическая. Где побывал или еще продолжает быть человек—там флора и фауна несет на себе неизгладимый отпечаток его присутствия. Эта печать—преимущественно печать разрушения. Гибнут леса от порубок и пожаров, как это имеет место, напр., в Европе, почти совершенно потерявшей свои былые дремучие леса. От пастьбы скота, от косьбы и пахоты, от вытаптывания являются почти уничтоженными, редкими естественные девственные луга. Вымирает животный мир. Уже нигде нельзя встретить нашего южного дикого тарпана, европейского тура, африканскую квагту, напоминающую тюленя морскую корову Великого океана, птицу Додо, последние экземпляры которой были убиты в XVII столетии, и мн. других. В Южной Африке человек истребил белохвостого гну, горную зебру, капского буйвола, черного носорога, жираффу и блесбока. Серый волк остался только в России, Германии и Франции, в остальных частях Европы его уже уничтожили. Бобр когда-то был в Англии, теперь встречается только во Франции, Скандинавии и изредка в СССР. У нас в СССР беспощадно истребляются и уже отчасти истреблены олени, лоси, медведи, козы, многочисленные птицы—глухари, тетерева, фазаны, стрепеты, лебеди и пр.

Этот мартиролог человеческой деятельности можно бы было еще долго продолжать, но и написанного достаточно, чтобы понять, каким значительным, прямо-таки решающим фактором вклинивается человек в нормальную эволюцию органического мира. Он овладевает живой природой и, овладевая, безжалостно разрушает ее.

Есть, правда, у него любимцы. Это те приблизительно 300 видов культурных растений и 200 видов одомашненных и разводимых в искусственных условиях вообще животных. За ними он ухаживает, тщательно их размножает и выводит, заселяя ими отнятые у естественной природы площади. А все остальное он сокрушает на своем победном пути.

Как же, в этих условиях, обстоит дело с органической эволюцией? Может ли и будет ли она продолжаться или нет? Правда ли, что «весь органический мир отмечен знаком смерти; он гибнет и его эволюция пресеклась с тех пор, как в ее жизнь вклинился человек, который и является ликвидатором эволюции» (Козо-Полянский, «Финал эволюции»). Этот большой и теоретический

и практический вопрос должен быть разработан, но, к сожалению, еще не разрабатывался с марксистской точки зрения.

Маркс в одном письме Кугельману (от 11 июля 1868 г.) высказал одну очень ценную для обсуждаемого нами вопроса мысль. Он пишет следующее: «Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в которой эти законы проявляются». Это очень правильное положение имеет непосредственное отношение к вопросу о современной эволюции органического мира. Эволюция не может прекратиться никогда. Она может только изменить свою форму. Сколько бы человек ни душил живую природу—задушить ее совершенно он не может—иначе он погибнет сам. Мы видим, как современная эволюция действительно изменяет свою форму. Она несет на себе печать человеческого воздействия, больше того—она становится в зависимость от развития человеческого общества. Ее пути диктуются теперь стихийным воздействием человеческого общества, его запросами, его борьбой за овладение силами природы. Правда, человек очень много разрушает. Если дальше он будет также разрушать, он погубит и органический мир и самого себя. Но в чем коренится эти хищнически-разрушительное отношение к природе? Оно коренится в той анархической общественной организации труда, которая свойственна классовому обществу. Бесплановая, рваческая, хаотическая эксплоатация природы характерна именно классовому, в том числе капиталистическому строю. Этого всего не будет и не может быть при социалистической организации труда. Только тогда общество сможет осуществлять грандиозные плановые мероприятия по охране природы и по ее разумной эксплоатации. Конечно, ко временам девственной эволюции живая природа не вернется никогда. Она так же, как и теперь, будет подчиняться в своем ходе общественной закономерности, но так как эта общественная закономерность будет осознаваться человеком и через это твориться им самим—разрушения живой природы он не допустит. В этом будет спасение органической эволюции.

Какой вид будет иметь эволюция этого, уже недалекого, будущего? Над всем будет царить человек. Если в естественной эволюции приспособление осуществляется слепыми законами борьбы за существование, изменчивости и отбора,—то тогда при помощи этих же законов, осознав их и овладев ими—будет осуществлять приспособление человек. Он будет беспрерывно приспособлять живую природу к своим хозяйственным, эстетическим научным и пр. запросам. Он не уничтожит эволюцию органического мира, а возьмет ее в свои руки и будет направлять в желательное для себя русло. Можно не сомневаться, что он сохранит и естественную природу—вольных животных и дикие растения, ибо сама естественная природа так «умна» и «изобретательна», что долго еще человеку придется у нее учиться. Во всем остальном он будет продолжать дело естественной эволюции, создавая для своих, правда, целей новые виды и роды животных и растений. И если сейчас считается большим достижением, если выводят дыню весом в 25 килограммов, или отбирают сахарную свеклу, которая в 50 кгр. веса содержит 10 кгр. чистого сахара,—то тогда, при более полном овладении природой—творчеству человека в этом отношении не будет никакого предела. Это твор-

чество человека и будет продолжением органической эволюции. Таким образом мы не склонны расценивать теперешнее разрушение органического мира, как его уже наступившую «вечернюю зарю», после которой последует и «вечер» (Козо-Полянский). Эволюция осталась, она останется, но только она изменяет и еще больше изменит свою форму.

6. «Социальная биология».

Человек, как и все другие организмы, живет в определенных условиях внешней среды. Но эта среда и по сущности своей и по характеру развития качественно отлична от естественной, географической среды, в которой живут растения и животные. Она является искусственной средой, ибо создана человеком в процессе приспособления сил и материй к его нуждам, т.-е. в процессе производства. Явления естественной природы, прошедшие путь общественной переработки и превратившиеся в орудия труда и средства жизни—вот что окружает человека в его повседневной жизни и является средой, в которой он вращается.

Эта искусственная среда жизни человека отгородила его барьером от географических условий, и эти последние «составляют важный фактор в историческом развитии человечества, не благодаря своему влиянию на человеческую природу, но благодаря своему влиянию на развитие производительных сил» (Плеханов). Они оказывают влияние на характер развития искусственной среды, очень мало влияя непосредственно на анатомо-физиологические особенности человека. Физиологически человек связан по преимуществу не с естественными условиями, а с искусственной средой. Человек пользуется искусственно-переработанной пищей, искусственным освещением и отоплением, жилищем, которое позволяет ему эмансипироваться от вредных внешних воздействий, самим им созданными орудиями труда, общается с другими людьми и пр. Жизнь человека неразрывно связана с этими искусственными, социальными условиями—от самого момента рождения и до смерти.

Эти условия кладут на человеческую биологию свой отпечаток, который должен быть учтен при ее изучении. Они изменяют организм человека.

Как и у животных, внешние условия влияют на человека двояко—или прямо, непосредственно, как, напр., при действии пищи, освещения, температуры и пр., или косвенно, через упражнение и неупражнение органов. Последний способ изменяемости особенно характерен для него. Из прочего органического мира человек резко выделяется своим исключительно-активным отношением к внешней среде. Он не только и не столько испытывает на себе ее влияние, сколько сам воздействует на нее, изменяя и перерабатывая ее. Воздействуя на природу вне его, говорит Маркс,—человек изменяет свою собственную природу. Совершая ряд самых разнообразных действий в трудовом процессе, он претерпевает ряд функциональных изменений, нарушающих его физиологическое равновесие. В этой функциональной изменчивости преобладающий вид изменчивости человека, в противоположность прочему органическому миру, в котором прямое влияние внешней среды занимает не меньшее место.

факты, говорящие о влиянии социальных факторов на человеческую биологию, достаточно разнообразны. Так было установлено, что вес и рост детей имущих слоев населения, как правило, более высокий, чем у детей неимущих родителей (в одном случае у 6-летних девочек, являющихся детьми рабочих, вес тела 18 кгл., а рост 108 см., тогда как у девочек такого же возраста имущих родителей вес 19,5 кгл., а рост—112 см.). Что здесь играют роль, между прочим, и условия питания, доказывается уменьшением веса и роста детей за голодное время империалистической и гражданской войны. Но, кроме питания, в формировании организма принимают, конечно, участие и другие бытовые факторы—жилищные, гигиенические и др. условия.

Мощным фактором, изменяющим организм, является труд. Профессиональные условия труда кладут часто такую яркую печать на отдельные признаки и общий habitus человека, что по одному этому являются возможным определить профессию человека. Это можно сказать про земледельческий, портняжный, сапожный, интеллектуальный труд. Профессиональные изменения органов чувств, конечностей, корпуса, выражения лица, посадки головы и пр.—являются богатым, но еще плохо исследованным материалом «социальной биологии».

Но особенно большие изменения, как под прямым влиянием социальной среды, так и в результате трудовой деятельности, испытывает условно-рефлекторный аппарат человека. Как показал Павлов на собаках—а это в еще большей степени относится к человеку—в высшем отделе центральной нервной системы возможно образование нервных связей на самые разнообразные раздражители внешнего мира, в том числе и на условные раздражители. Этим создается физиологическая возможность очень богатого развития психики под влиянием внешней—у человека социальной—среды. Характер условно-рефлекторных связей человека, а соответственно, и его психологии—резко социальный. Мы можем с полным основанием говорить о классовой или профессиональной психологии данного лица, порожденной теми своеобразными условиями быта, труда, общественной борьбы, в которых это лицо находится. Ничто так не социально в индивидуальном человеке, как его психическая жизнь, и нигде так ярко не видно влияние социальных условий на биологию человека, как в этой области.

Ясно, конечно, что эти факты «социальной биологии» являются биологическими, но не социологическими фактами. Исследовать их должен биолог, правда, методами несколько отличными от обычного биологического исследования.

Он должен учесть то обстоятельство, что человек неотрывно врос в систему общественной жизни, что он весь—в обществе. И участвует он в общественной жизни не как простая биологическая единица, но и как единица социальная, занимающая определенное место в экономическом, политическом и бытовом укладе. Каждая биологическая индивидуальность имеет в то же время свою экономическую, классовую, профессиональную характеристику, т.-е. является одновременно индивидуальностью социальной. Всякие воздействия на человека по линии социальной, если они затрагивают его как члена общества—в то же время являются воздействием на его биологическую природу. Все органические изменения, приобретенные под влиянием

социальных условий, должны быть исследованы, классифицированы и квалифицированы как предмет «социальной биологии»[1]).

7. Рефлексология и психология.

Задача рефлексологии, «об'ективного изучения высшей нервной деятельности» животных и человека, по определению акад. Павлова, заключается в следующем: «Точно сопоставлять изменения во внешнем мире с соответствующими им изменениями в животном организме и устанавливать законы этих отношений». Благодаря этому «вся суть изучения рефлекторного механизма, составляющего фундамент центральной нервной деятельности, сводится на пространственные отношения, на определение путей, по которым распространяется и собирается раздражение» (Павлов, «20-летний опыт»). Именно такие пространственные отношения устанавливают павловские законы нервной деятельности как для животных, так и для человека, совершенно не касаясь суб'ективно-психических состояний и переживаний этого последнего.

Что касается животных—является бесспорным, что изучение их высшей нервной жизни должно ограничиться одними об'ективно-рефлексологическими процессами. О суб'ективных явлениях—о сознании, воле, бессознательном и пр.—у животных мы можем только предполагать и гадать. Научного познания здесь быть не может.

Не то у человека. Достоверно известно, что его суб'ективно-психическая жизнь существует так же реально, как мозг и его физиологические состояния. Она, конечно, не оторвана от мозга, она его продукт. «Для материалиста ощущение, мысль, сознание есть внутреннее состояние движущейся материи» (Плеханов). «Без физиологической функции нет психического процесса» (пр. Осипов). Материя, при чем определенным образом организованная материя, рождает психику, она была в «начале» и без нее не могло возникнуть никакого психического процесса. Психический процесс «сам по себе» есть миф. Он существует только как порождение нервной системы (точнее, активного ее состояния).

Марксизм стоит на точке зрения **единства** физического и психического, решительно подчеркивая **примат** первого над вторым. Но не нужно забывать, что «единство между мышлением и бытием вовсе не означает и не может означать **тождества** между ними» (Плеханов). Точка зрения вульгарного материализма диалектическому материализму чужда. Этот последний признает реальность не только единства психического и физического, но и реальность каждого из них.

Исходя из этого—диалектический материализм считает возможным и необходимым исследовать нервную деятельность человека как со стороны об'ективно-рефлексологической, так и со стороны суб'ективно-психологической. И тот и другой путь исследования имеют право на существование, ибо у обоих есть реально существующий в действительности об'ект исследования.

---

[1]) Особым является вопрос о том, могут ли все эти изменения под влиянием социальной среды из индивидуальных превратиться в расовые, т.-е. наследственные. Хоть есть указания на положительный ответ, но окончательное разрешение этого вопроса связано с общим вопросом о наследовании приобретенных признаков.

Марксизм приветствует как величайшее достижение материалистической науки современную рефлексологию. Но он не склонен следом за некоторыми крайне радикально настроенными рефлексологами совершенно отбросить старую эмпирическую психологию, как «собрание анекдотов», «конгломерат спекуляций» и пр. Из старой психологии должно быть взято все рациональное для построения новой классификации суб'ективных состояний и переживаний, для новой психологии. Рефлексология изучает и связывает в закономерности явления физиологии нервной деятельности, осуществляя свою задачу при помощи соответствующих физиологических методов. Психология, своими методами изучает явления суб'ективно-психологические, группируя и связывая их в психологические закономерности (ассоциативные процессы, память, волю, эмоции и пр.). Примат физиологического над психическим должен сказаться здесь в подчинении психологии идеям рефлексологии, в постоянной проверке материала психологии данными рефлексологии. Та параллельность и соответствие процессов обеих сторон нервной деятельности, которая бросается в глаза уже и в наше время (напр., в учении об условных рефлексах и ассоциациях психологии) позволит обоим течениям связаться теснейшим образом и дать начало одной общей психо-физиологической науке.

8. Методология биологии.

Так как исследование в области биологии, как и в других науках, совершенно не исчерпывается восприятием фактов действительности и их механической классификацией, но необходимо дополняется теоретической работой ума[1],—биология не может обойтись без своей методологии. Философия диалектического материализма является методологией всеобщей. В социально-исторических науках она конкретизируется в частную методологию—исторический материализм. Какова же конкретизация диалектического материализма в области биологии?

Особенность биологии, по сравнению с социальными науками, заключается, между прочим, в том, что ее развитие в теоретическом отношении шло в большой степени стихийно и помимо диалектического материализма. Ее материализм и ее диалектика несознательны, несовершенны и зачастую эклектически переплетаются с идеализмом и метафизикой. Крупнейшим событием в биологии последнего времени, которое резко повернуло ее на путь, хоть и несознательного, но диалектического материализма—было появление теории Дарвина. Эта теория последовательнее всех других проводила в биологии идеи материалистического эволюционизма, будучи решительно материалистической и диалектической по своему глубокому существу. Благодаря дарвинизму—в биологии укрепился материализм, народились теории естественного происхождения жизни, был включен в цепь эволюционного процесса человек, привилась историческая точка зрения в таких науках, как анатомия, физиология, экология, эмбриология (биогенетический закон), палеонтология, идея развития стала центральной идеей всей биологической науки в целом. Хоть и не всегда последовательно, с провалами и вывихами биология выходит из

[1]) «Наука,—говорил когда-то Клод Бернар,—заключается не в фактах, а в тех выводах которые из них делаются».

того состояния научного бездорожья, в котором она находилась в додарвиновский период. Дарвинизм фактически выполняет в этом процессе роль стихийной диалектической методологии. Он дает биологии точку зрения, при помощи которой обеспечено об'ективное исследование жизненного процесса и его истории. Именно он, ближе чем какое бы то ни было другое течение биологической мысли, подходит к диалектическому материализму, представляя в биологии крайне-родственное ему направление. Не даром классики марксизма так восторженно приветствовали появление и победоносное развитие этой теории.

Дарвинизм должен послужить прочной основой для той, уже созцательной, марксистской методологии, которая будет создана в биологии. Разработка категорий диалектической логики на конкретном материале биологии, прежде всего дарвинизма, переведение этих категорий на язык биологических понятий—дает биологии диалектическую методологию, соответственную по своей роли истмату социальных наук. И трудно сказать, не сыграет ли эта методология в деле развития биологии такую же роль, какую уже сыграл исторический материализм в деле развития наук социальных.

Заключение.

Мы затронули только небольшую часть вопросов, которые уже подвергнуты или могут быть подвергнуты критике и положительному воздействию со стороны диалектического материализма. Нами не затронуты различные евгенические проблемы (естественный отбор в человеческом обществе, учение о вырождении, практическая евгеника и пр.), вопросы диалектического понимания различных физиологических проблем, половая проблема, ряд вопросов эволюционной теории и многое другое.

Но и сказанного выше достаточно, чтобы сделать вывод о той большой работе, которую может совершить, а отчасти уже совершил диалектический материализм в области биологии.

Коммунистическая Академия.

Ст. Кривцов.

Коммунистическая Академия является подлинным детищем Октябрьской революции. Не говоря уже о временах царизма, когда марксизм, научный коммунизм, допускался в вузы и в литературу только в качестве предмета опровержения, со времени Февральской революции мы имели официальной доктриной ревизионизм эсеровской или меньшевистской марки. Подлинному, невыхолощенному марксизму в лице большевизма было в те дни не до науки.

Достаточно в этом отношении привести такой разительный факт, что только благодаря вынужденному меньшевистско-эсеровским правительством пребыванию нелегально, под чужим именем, в Финляндии В. И. Ленину удалось написать такое значительнейшее произведение как «Государство и революция». Недаром сам В. И. в послесловии к этой работе писал: «Но второй выпуск брошюры, посвященный «Опыту русских революций 1905 и 1917 гг.», пожалуй, придется отложить надолго: приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать» (XIV, 2, 396).

Но с первых же дней взятия власти нельзя было не испытывать резкого несоответствия между тем, что делалось, и тем, что выдавалось за «марксизм». Вот почему с момента «передышки» (Бреста) перед руководящими кругами партии встал вопрос о создании центра марксистской научной мысли. И вот тогда-то, в апреле—мае, на ряде совещаний и зародилась Социалистическая Академия Общественных Наук (САОН), будущая Коммунистическая Академия.

В жизни Коммунистической Академии можно различать четыре периода. Первый еще до ее официального оформления,—так как в это время в число будущих организаторов входил ряд левых эсеров—вплоть до Черепанова—будущего героя взрыва в 1919 г. Московского Комитета ВКП(б). К счастью, левые с.-р. не успели еще оформиться в Академии, как случилось их июльское восстание 1918 г., и тем самым они механически выбыли из числа будущих работников Комакадемии. Организационные официальные собрания Комакадемии (устав был ВЦИК'ом утвержден в июле) были в августе 1918 г., а в сентябре Академия открыла свою работу. В этот период деятельность Академии свелась к организации вольного университета. В это время, ведь, еще не было приступлено к реформе университетов, и там под охраной автономии было безраздельное господство в области общественных наук идеалистов и либералов, в частности кадетов. Поэтому в

тивовес университету на Моховой и был создан «социалистический» университет на Покровском бульваре, где тогда помещалась Академия. Лекторская деятельность Академии продолжалась 1918—19 ак. год и распалась на четыре разряда: ...иально-исторический, политико-юридический, финансово-экономический и технико-экономический. Слушателей первоначально ...о почти 2.000 человек. Но разгоревшаяся гражданская война ...азруха уже к весне 1919 г. в значительной мере сократили ...торскую просветительную работу Академии. К тому же ...ы 1919 г. началась советская реформа вузов и большая часть ...подавательских сил Академии вошла в состав преподавательского персонала фона I МГУ, почему надобность в вольной школе ...ала, а партийной школой Академия с самого начала не была. ...ету 1919 г. поэтому деятельность Академии, сперва очень ши...о задуманная, свертывается и начинается третий период ее ...ни, продолжающийся примерно до осени 1922 г. Этот период ...ше всего назвать периодом «первоначального книжного накопления» Академии, так как ее работа свелась, с одной стороны, ...ти исключительно к собиранию тех книжных богатств, кото... явились первыми фундаментными камнями библиотек как ...академии, так и Института Маркса—Энгельса, который воз... сперва как составная часть Академии. Изредка за это время ...раивались собрания с чтением докладов. У Академии не было ...а достаточно оборудованного помещения, почему доклады и ...дания шли и в Главархиве, и в Пролеткульте, и в универ...этских помещениях. Иногда академики собирались в шубах ...нетопленных помещениях б. Шереметевского особняка, но... ...ечно, широкую и углубленную научную работу при таких ...овиях вести было нельзя.

Но как только закончились грозы гражданской войны деятельность Академии ожила и постепенно начала приобретать организованный характер. Эта работа и является содержанием ...вертого периода жизни академии. Только теперь академия ...ается постепенно тем центром высшего партийного просвещения, каким она стала постепенно при развитии деятельности ...сов марксизма, основанных по постановлению XI с'езда партии. ... с'езд партии в своей резолюции дает определенную директиву ...академии (тогда еще Соцакадемии) постепенно превратиться ...аучно-методологический центр, об'единяющий всю научно-исследовательскую работу. V конгресс Коминтерна также указы...т на Комакадемию, как на центр марксистско-ленинской научной работы. И выполнением этих двух директив и наполнено ...ржание деятельности Комакадемии вплоть до наших дней.

Среди ряда отдельных докладов третьего периода на первый ...ляд как-то особняком стояли два доклада: весною 1921 г. ...А. И. Рыков прочитал доклад о топливном кризисе тех дней, ...вавший оживленные прения, еще больше прений (два заседания) вызвал доклад т. В. П. Милютина о методах построения ...ного хозяйственного плана. И вот по линии теоретического решения ряда важнейших практических проблем советского ...оительства, позже социалистического строительства, и пошла ...начительной степени деятельность Академии.

Библиотека Комакадемии к ужасу спецов библиотечной техники была построена по совершенно непривычному типу: вся ... делилась на ряд кабинетов, посвященных тому или другому

разделу марксистской науки. Эти кабинеты постепенно из ряда только хранилищ стали постепенно развиваться в ряд научно-исследовательских учреждений. Начиналось обычно с создания секции, посвященной той или иной отрасли науки, и затем она развертывалась в соотносительный институт или даже общество. Вопросам советского строительства Академия не могла не отвести одного из первых мест в своей работе: ведь с самого начала своей работы Академия состояла сперва при ВЦИК'е, а теперь при ЦИК'е СССР. Сперва был создан кабинет советского строительства, затем соотносительная секция, а теперь мы имеем Институт Советского Строительства, ведущий большую и практическую работу и научно-исследовательскую. В заседаниях и в работах этого Института мы видим тесную увязку теоретической и практической работы.

В работе этой Комакадемия не могла не столкнуться с рядом дискуссионных проблем, и мы видим, как с осени 1925 г. Комакадемия ставит их в ряде работ и последующего затем их публичного обсуждения. Какие же это вопросы? 1925 г. ставит резко вопрос о хлебных излишках и о классовом расслоении деревни, что и вызывает соответствующие доклады и подробнейшие статистико-экономические работы. В результате этой работы создается аграрная секция, задачей которой является изучение современных аграрных отношений в СССР, а в качестве вводной темы являются работы комиссии по изучению истории аграрной революции 1917 г., первый том работ которой уже вышел из печати.

Мы уже указывали выше на доклад о методах построения хозяйственного плана, вопросам контрольных цифр 1926—27 г. было посвящено два заседания осенью 1926 г., — заседания, имеющие то значение, что на них впервые мы получили от оппозиции связное изложение ее экономической программы. Теперь Комакадемия также ставит своей задачей систематическое планомерное изучение пятилетки. Но для правильного понимания конкретных положений оппозиции нужно было выяснить теоретические предпосылки этих практических предложений: этому весною 1926 г. было посвящено три или четыре доклада, было посвящено несколько заседаний, когда доклад т. Преображенского «О новой экономике» вызвал очень оживленные прения. Таким образом, именно Академии удалось помочь партии вскрыть и теоретическую основу и вытекающие отсюда практические предложения оппозиции. Тем самым Академия показывала наглядно теснейшую увязку своей теоретической работы с практикой сегодняшнего и завтрашнего дня. В связи с этим все шире начинает развертываться работа экономической секции. Теоретической разработке вопросов советской политики в значительной степени уделяет внимание секция общей теории права и государства, издавшая Энциклопедию государства и права, впервые давшая систематическое изложение марксистских взглядов на вопросы права. Кроме того, секция обсуждала ряд проектов уложений и кодексов.

В одном из первых заданий Комакадемии, подписанных В. И. Лениным, еще в 1918 г. значилось—изучение истории войны 1914—1917 гг. Этим и занимается теперь Институт Мирового Хозяйства и мировой политики, подготовляющий ряд изданий как документаций, так и соответствующих исследований. Инсти-

тут ставит и волнующие проблемы современности: так, в прошлом году целый ряд заседаний был посвящен спорным вопросам китайской революции. Теперь в порядке дня стоит изучение вопросов стабилизации.

Вопросами истории занимается общество историков-марксистов, состоящее при Комакадемии. Оно успело об'единить почти всех историков-марксистов как старшего поколения, так и начинающих. Деятельность его распадается на ряд секций, которые ведут оживленную работу, привлекающую большую аудиторию. Общество издает журнал «Историк-марксист». Издает также журнал и состоящее при Комакадемии общество статистиков-марксистов, которое в своей работе тесно увязано с работой ЦСУ.

В настоящей статье мы не имеем ни возможности, ни желания дать подробный отчет о деятельности Комакадемии, мы хотели бы дать некоторое представление об об'еме той кипучей работы, которая развертывается вокруг Академии. В своем начальном периоде деятельности, когда Академия, как мы указывали выше, пыталась создать вольный социалистический университет, Академия уже тогда ломала стихийно рамки только общественных наук. С одной стороны, в состав Академии вошел ряд натуралистов-достаточно назвать имена К. А. Тимирязева, П. К. Штернберга, но и в своей лекторской работе Академия выделила технико-экономический разряд, в состав которого вошел ряд естественников. Поэтому при возобновлении деятельности Академии вопросы естествознания не могли не привлечь внимания Академии, к тому же на эту сторону обращала внимание и указанная выше директива XII партс'езда. Поэтому мы видим рост как деятельности секции естественных и точных наук, так и ряда лабораторий, возникших в Академии, во главе с Институтом Высшей Нервной деятельности, который стремится поставить на марксистские рельсы методику изучения высшей нервной деятельности, столь блистательно разработанную академиком И. П. Павловым в Ленинграде. Поле приложения диалектического материализма, дело сознательного внесения диалектики в изучение процессов, совершающихся в природе, является сознательным коррективом к тому стихийному проникновению диалектики в современное естествознание, о чем в свое время писал В. И. Ленин. Вот почему, кроме отдельных проблем в той или иной отрасли естествознания, Академия сознательно стремится к распространению диалектического материализма среди научных работников-естественников, для чего третий год устраиваются семинары с широким доступом на них научных работников-естественников. Из подобного кружка врачей мы уже имеем публикацию двух сборников «Медицина и диалектический материализм». Стремление охватить диалектическим материализмом все науки, подводит к вопросам методологии, которым Комакадемия отводила и отводит одно из основных мест в плане своей работы. Еще от 1924 г. мы имеем директиву Совнаркома РСФСР в развитие директивы XII партс'езда о том, что Комакадемии поручается стать центром всех методологических учреждений Москвы. Для этого и была создана комиссия научной методологии, которая первоначально делилась на три группы— статистической методологии, научной философии и естествознания. Кроме того, в задачи секции входила и постановка интернаучных проблем методологии. Из последних задач были поставлены два цикла исследований: математический метод в ряде

наук и систематическая проработка «Диалектики природы» Энгельса с точки зрения современного естествознания. Последняя тема, особенно в связи со спорами между диалектиками и механистами, вызывала оживленные, горячие и страстные прения. Но рамки групповой работы были тесны для проблем марксистской философии. Первоначально среди Академии не было единства насчет философской установки Академии, теперь же она твердо взяла правильный курс, так как раздел в § 3 Устава Комакадемии в состав задач Комакадемии вводит «борьбу за строгое проведение точки зрения диалектического материализма как в общественных, так и в естественных науках и разоблачение пережитков идеализма». В связи с этим вопросы методологии марксизма, ленинизма, проблемы диалектического материализма приобретают первостепенное значение. Вот почему мы видим выделение философской секции из недр секции научной методологии и широкое развертывание ее работы. Созданием философской секции дается твердая организационная форма для разработки проблем, стоящих на очереди дня перед теоретическим марксизмом, ленинизмом наших дней, а этого не было до основания философской секции. Работа секции складывается из двух моментов: из внутрисекционной, которая состоит из выполнения целой программы ряда научно-исследовательских работ силами научных сотрудников (перечислим ряд тем: «Механическая концепция в политэкономии», «Диалектика Маркса в Капитале», «Причинность с марксистской точки зрения», «Основные законы диалектики», «Основные типы философских построений», «Критика фрейдизма», «Взаимоотношение формальной логики и диалектики», «Критика современных философских течений на Западе», составление подробной библиографии философии марксизма, выпуск сборника «10 лет философии») и ряда публичных и закрытых докладов с последующими прениями. Доклады вызывают, как правило, оживленные прения, которые растягиваются на несколько заседаний и значительно способствуют проработке наметившихся в наших рядах направлений механистов и диалектиков. Таким образом, внутри Академии создается центр философской, а тем самым методологической работы. Вопросам методологии отдельных наук посвящается значительное количество докладов в ряде секций и обществ. Тем самым Академия становится подлинным организующим центром марксистской, а тем самым и ленинской мысли в нашем Союзе.

Об'единяя в своих секциях и других учреждениях до 70 молодых научных работников-коммунистов, Академия выходит из рамок только исследовательского учреждения, совершенно естественно перед ней ставится вопрос о подготовке новых научных сил, что и включается в новый устав Комакадемии. Правда, уже на заре своей работы Академия ставила одной из своих задач научную помощь начинающим ученым—еще в 1918 г. имелся институт членов-соревнователей, но никакой органической работы среди них не велось. Теперь же для научных сотрудников Комакадемии создается с целью поднятия их научной квалификации целый ряд научно-исследовательских семинаров. Ставится уже в порядке обсуждения вопрос об включении в состав Комакадемии ИКП и ряда других подобных учреждений.

Мы не имеем возможности остановиться на всей издательской деятельности Комакадемии: остановимся только на том грандиоз-

ном памятнике коммунистической научной мысли наших дней, каким является Большая Советская Энциклопедия. Своим 60.000 подписчикам она даст уже полную сумму человеческих знаний нашей эпохи—проверенных и прокаленных нашим марксистско-ленинским методом. Этим самым наша эпоха оставляет документ, идеологическое значение которого для наших дней не уступает тому значению, которое для французской буржуазии французской революции имела Энциклопедия Дидро и его товарищей.

Оглядываясь на прожитые Комакадемией 10 лет, можно с гордостью, законной гордостью, сказать, что она стала центром научной коммунистической мысли нашей эпохи. Вот почему к ней естественно тяготеет ряд научно-исследовательских учреждений как Москвы, так и ряда союзных республик. Часто обращаются к ней за советами, за идеологической помощью; мы видим, как члены Комакадемии в провинции, по поручению Академии, способствуют консолидации теоретических сил коммунизма. Поэтому совершенно естественно, что Комакадемия от кустарной помощи переходит уже к организованной увязке работ ряда учреждений Москвы. Кроме того, Комакадемия на ближайшее время созывает конференцию марксистских научно-исследовательских учреждений Союза. Кроме ряда московских учреждений, на конференцию приглашены представители научно-исследовательского института марксистской методологии в Ленинграде, украинский институт марксизма, кафедра марксизма при украинской академии наук, институт марксизма в Минске и ряд других подобных организаций. В программу работ конференции входят следующие доклады: об итогах общественных наук за 10 лет—т. М. Н. Покровского, о работе Комакадемии—т. В. П. Милютина, о работе секции естественных и точных наук и института высшей нервной деятельности—т. О. Ю. Шмидта, о результатах работ комиссии по изучению аграрной революции и доклады с мест. Можно быть совершенно уверенным в том, что эта конференция укрепит значение Комакадемии как научного центра и послужит толчком к организации работ под ее непосредственным руководством во всем Союзе.

Таким образом, мы видим, что Комакадемии удалось выполнить директиву XII партс'езда, и ей же удастся при совместной дружной работе всех теоретических коммунистических сил выполнить те задачи, которые перед нами ставит наше время,—время строительства социализма.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.

Г. Б. и Ф. Шиллер.

КАБИНЕТЫ.

В системе научно-исследовательских учреждений, созданных у нас после Октябрьской революции, Институт К. Маркса и Ф. Энгельса занимает одно из первых мест. Партия и рабочий класс могут с гордостью констатировать, что Институт К. Маркса и Ф. Энгельса за короткое время своего существования приобрел мировое значение.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса представляет собою, как говорит его основатель и организатор, т. Д. Б. Рязанов, научно-исследовательское учреждение, «ставящее себе целью создать хорошо оборудованную научную лабораторию, в которой научный исследователь мог бы, при наиболее благоприятных условиях, изучать генезис, развитие, распространение теории и практики научного социализма, революционного коммунизма, как он был создан и формулирован Марксом и Энгельсом; конечной целью его является поддержка и содействие научной пропаганде марксизма».

В своей научно-исследовательской деятельности Институт опирается на 4 основных отдела: архив, библиотека, музей и издательство. Мы коснемся в нашем сжатом по необходимости очерке строения и задач последних трех отделов.

Значительное количество книг поступило в Институт из национализированных библиотек, либо непосредственно, либо через книжный фонд Наркомпроса. Революция сберегла и в значительной степени спасла от безусловного хищения брошенные владельцами библиотеки. В период, когда еще закладывался первый фундамент будущего научно-исследовательского учреждения, рабочие проявили революционную инициативу, сознавая, что Институт по изучению и разработке марксизма мог быть создан пролетариатом только после взятия им власти. Они приняли активное участие в создании книжного фонда Института. В своей брошюре об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса т. Рязанов пишет: «Необходимо отметить, что особенно охотно помогали в этом деле спасения научных сокровищ рабочие некоторых районов, в особенности Краснопресненского и Замоскворецкого районов. Кабинет идеологии при Соц. Академии и наш Институт многим обязаны этим многочисленным «внештатным» сотрудникам, добросовестно указывавшим мне всякие, как им казалось, интересные книги. Я еще и теперь помню, как с одного доклада в Замоскворецком районе вернулся с великолепным экземпляром старой энциклопедии Морери, которая составляла значительную часть библиотеки Жана Мелье, коммуниста-священника XVIII в.».

Библиотека Института собирает материалы, имеющие отношение к «марксоведению» в самом широком смысле слова. «Это значит,—говорит т. Д. Б. Рязанов,—что не только тщательно собираются книги, брошюры и статьи, посвященные изучению жизни и деятельности Маркса и Энгельса, но систематически приобретаются также книги по тем научным вопросам и дисциплинам, которыми они занимались».

К числу особых достоинств библиотеки Института надо отнести то, что она имеет в своем составе не только отдельные редкие и ценные книги, но также и целые тщательно собранные коллекции сочинений либо по определенному вопросу, по определенной эпохе, либо какого-нибудь писателя, имеющего выдающееся значение в историческом подготовлении научного социализма (Сен-Симон, Оуэн, Фихте, Гегель).

Библиотека—органическая часть всего Института. Но было бы величайшим заблуждением думать, что работа и накопление книжного фонда сводилась до сих пор и сводится в стенах Института к одной из форм библиотечной работы. Если бы в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса собирались книги по данной группе отраслей знания с точки зрения библиотечной полноты, мы получили бы еще одно книгохранилище в системе наших советских и академических библиотек. Особенность такого научно-исследовательского учреждения, как Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, состоит в том, что оно не может быть просто книгохранилищем, что научно-исследовательские задачи лежат в самой организации книжного материала, во внутренних организационных принципах собирания книжного материала. Комплектование кабинетов само составляет органическую часть исследовательской работы.

Историю надо начинать изучать сызнова—неоднократно замечал Энгельс, критикуя тех «марксистов», которые заучили общие положения исторического материализма и писали решительно обо всем с точки зрения нового учения, не имея фактических знаний ни в одной отрасли науки. История до сих пор была, в руках буржуазных ученых, историей господствующих классов. История идеологии до сих пор была историей господствующих идей, т.-е. идей господствующих классов. История философии, преподаваемая в буржуазных университетах, сводится к истории торжествующего мракобесия и идеализма. В своем пренебрежении к материалистическим течениям буржуазный историк философии не останавливался ни перед какими средствами, чтобы доказать, что развитие философии есть развитие и обоснование идеализма. В результате извращения материалистических течений и еще чаще заговора молчания из поля зрения выпали целые эпохи. Множество замечательных имен, боровшихся за свободу мышления против духовного гнета господствующих церкви и классов, выбрасываются за борт науки.

Кабинет философии этим униженным, опороченным, выброшенным буржуазной историей философии за борт исторической науки именам отводит почетное место в своей библиотеке. Он выискивает в антикварных книгохранилищах Запада документы из истории атеизма и материализма XV, XVI и XVII веков, материализма, пролагающего себе путь ценою горящих костров, отлучений, ценой жизни своих защитников... Кабинет философии бережно хранит книги этих людей, одно изложение которых бросило бы яркий свет на историю материализма. Отсюда—ценная

группа произведений эпохи распространения спинозизма (редкие биографии Спинозы, первые изложения его системы и пр.). Отсюда—ценная группа произведений мало известных и совершенно неизвестных работ эпохи возникновения и распространения французского материализма—XVII и XVIII веков, подготовления английского деизма в XVII веке, прекрасное издание полного собрания сочинений Гассенди, редкие издания Гоббса,—не говоря уж, разумеется, о французских материалистах XVIII в., которые представлены в исчерпывающих рамках. Отсюда—также коллекция произведений немецкого спинозиста XVIII в. Эдельмана, изучение которого делается возможным только благодаря этому собранию.

Сказанное относится и к остальным кабинетам.

В кабинете политической экономии было получено недавно второе издание библиографии по Р. Оуэну и оуэнизму. A Bibliography of Robert Owen, the Socialist, 1771—1858 second edition revised and enlarged. Aberyswyth, publ. by the National Library of Wales. «Эта чрезвычайно тщательно составленная библиография самого Оуэна, журналы, им редактировавшиеся, книги и брошюры об Оуэне, статьи о нем в периодических изданиях, книги и статьи об оуэнистических общинах и даже иконографию Оуэна является совершенно необходимым пособием для всякого работающего над идеями и личностью великого английского утописта». Этот отзыв мы заимствуем из авторитетного марксистского журнала «Летописи Марксизма», и, тем не менее, крупные трудности библиографической работы по Оуэну привели к тому, что в библиографии отсутствуют сведения о целом ряде изданий произведений Оуэна и работ о нем.

Такова важная особенность библиотечного отдела Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Эта особенность и нашла свое выражение в том, что библиотека организована по кабинетной системе. Всего кабинетов в настоящее время 14: Маркса и Энгельса, философии политической экономии, социологии, права, социализма, внешней политики, всеобщей истории, Германии, Франции, Англии, кабинет им. Плеханова (история марксизма в России и в славянских странах).

Мы не можем остановиться здесь на характеристике отдельных кабинетов. Было бы не лишним, однако, ознакомиться с задачами и структурой научных кабинетов Института на примере какого-либо одного кабинета.

В кабинете по истории Франции книжный материал расположен по 7 основным отделам: Великая революция и наполеоновская эпоха, Реставрация и Июльская революция, Июльская монархия, Февральская революция, Вторая империя, Парижская Коммуна 71 года, и, наконец, Третья республика и рабочее движение после Коммуны.

Здесь обращает внимание на себя великолепная коллекция Марата и о Марате. Значение этой коллекции для работающего в области исследования жизни и деятельности знаменитого «друга народа» огромно, в особенности, если принять во внимание, что мы до сих пор не имеем полной и исчерпывающей библиографии Марата. Из поступлений последнего года отметим коллекцию Vellay, содержащую произведения Робеспьера и литературу о нем, всего около 200 названий, коллекцию Jouanin, состоящую главным образом из публицистики, преимущественно эпохи Третьей

республики, и социалистической брошюрной литературы, в его около 500 названий. Кроме того, мы имеем теперь полный комплекс издания газеты «Moniteur universel» 1789—1868 г. г. Archives parlementaires de 1787 à 1860 Recueil compbt des débats legislatifs et politiques des chembres françaises (всего 209 томов). И далее Compte rendu des séances de l'Assemblée nationall. Etposés de motiis et projets de lois présentés par le gouvernement. Années 1848—1851 (29 томов). Annales du Sénot et du Corpslégislatif Années 1861—1870 (90 томов). Annales de l'Assemblée nationale Compte-reudn in extenso des séannes. Années 1871—1875 (97 томов). Enquête agricole. Serie 1—4. Paris 1867—1872 (37 томов). Tableau decennal du commerce, de la France avec ses colonies et les puissanees etrangéres. Annóes 1827—1896 (14 томов). Tableau général du commerce de la France avec ses colonies et les puissances étrangéres Annéоs 1847—51, 53, 55—68 (20 томов) и коллекция писем и др. документов по Бабефу. Полный комплект газеты Бабефа «Journal de la liberté de la presse (Le Tribun du peuple) (43 номера).

Обратимся к издательской деятельности Института. Основной задачей Института является научное международное издание полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Первый том международного издания уже вышел в свет. В ближайший год появятся, один за другим, 5 томов русского издания.

Что касается плана издательской деятельности Института, то, как выражается т. Рязанов, он определяется тремя моментами: во-первых, изучение сочинений Маркса и Энгельса приводит к необходимости ознакомления с философами, экономистами и социалистами-утопистами, предшественниками Маркса и Энгельса; во-вторых, у Маркса и Энгельса были не только предшественники, но и последователи, которые продолжали их научную работу и популяризировали ее; в-третьих, Маркс и Энгельс были не только теоретиками, но и практиками революционного движения.

Поэтому помимо издания полного собрания сочинений Маркса и Энгельса, которое стоит в центре издательской деятельности Института, Институт выпускает библиотеку материализма, библиотеку классиков-экономистов, библиотеку социалистов-утопистов и библиотеку научного социализма.

Возьмем издаваемую Институтом библиотеку материализма.

В этом отношении издательская деятельность ИМЭ подводит под систематическое изучение исторического подготовления марксистской философии, под систематическое изучение истории материализма подлинный научный фундамент. Ответ на вопрос, нужно ли изучать историю философии и имеет ли она какое-либо значение для теоретической разработки диалектического материализма, был дан Энгельсом в его «Диалектике природы». Энгельс писал, что для понимания вопросов, выдвинутых современным диалектическим характером развития естествознания, для понимания и изучения диалектики необходимо знание истории философии. Изданная Институтом серия работ французских и английских материалистов XVIII века сыграет у нас несомненно крупную роль в распространении материалистического мировоззрения, в процессе внедрения научно-философской культуры, внедрения исторического взгляда на материализм в сознании самых широких слоев нашей пролетарской интеллигенции. Изданные работы Фейербаха и уже печатающаяся серия произведений Гегеля сделают для них изучение исторического подготовления марксизма

еще более близкой, более серьезной задачей. Гегель, выпускаемый Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса, сыграет огромную роль в истории русской философской мысли, связав нашу современность с лучшими идеями, с лучшими традициями нашей материалистической мысли—Герцена и Чернышевского.

Весьма интересны цифры тиража выпускаемой Институтом основной марксистской литературы. «Всего выпущено Институтом за период с 1 января 1923 г. по март 1925 г.—480.000 экз. книг. Наибольший тираж отдельного издания падает на Плеханова 25 т.) и на Маркса и Энгельса (20 т.)» (Д. Рязанов, «Институт К. Маркса и Ф. Энгельса», 1925 г., стр. 25).

480.000 экземпляров по основной марксистской литературе—это огромное завоевание на нашем культурном фронте.

АРХИВ.

Архив Института Маркса и Энгельса не есть архив в обычном понимании этого слова, с большими хранилищами, нагроможденными кучками разобранных и неразобранных бумаг и документов лиц и учреждений. Это—специальный архив, созданный в соответствии с общими задачами Института как научно-исследовательское учреждение, которые, по определению его организатора и руководителя, Д. Б. Рязанова, состоят в том, чтобы «создать хорошо оборудованную научную лабораторию, в которой научный исследователь мог бы, при наиболее благоприятных условиях, изучать генезис, развитие, распространение теории и практики научного социализма, революционного коммунизма, как он был создан и формулирован К. Марксом и Ф. Энгельсом» [1]). Для создания такой «лаборатории» Институт с самого начала своего существования собирает не только драгоценнейшие книжные и другие печатные богатства, но и рукописные материалы—в оригиналах или в фотокопиях. В первые годы существования Института архив не существовал как самостоятельный отдел, а находился при кабинете Маркса и Энгельса. Но по мере того, как собирание материалов далеко выходило за пределы марксоведения и предпринималось по определенному плану, архив был выделен, как самостоятельный отдел Института со своим помещением и штатом сотрудников.

При приобретении архивных материалов Институт не гонится за количеством, а за качеством. Поэтому все, что в архиве собрано, представляет собою ценный материал по марксоведению и истории социализма, коммунизма, анархизма и рабочего движения в странах Западной Европы. Подавляющее большинство этих материалов составляют фотоснимки тех подлинных рукописей, находящихся в западно-европейских и американских архивах, т.-е. фотокопии материалов, приобретение которых путем покупки было исключено с самого начала. Число таких фотокопий, собранных сейчас в архиве, достигает 150.000. Количество подлинных рукописей гораздо меньше, но благодаря некоторым удачным покупкам в течение последних двух лет, они достигают уже 10.000 архивных единиц, среди которых имеются исключительные ценности.

С окончанием пристройки двух флигелей к основному зданию

[1]) Д. Рязанов, Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР, Гиз, 1924, стр. 3.

Института, архив занимает третий этаж левого флигеля и в настоящее время имеет следующие отделы: 1. Маркса и Энгельса. 2. Интернационала. 3. Отдел германских стран. 4. Отдел романских стран. 5. Отдел славянских стран. При описании архива начинаем с первого, основного его отдела.

1. Отдел Маркса и Энгельса.

В нем собрано все литературное наследство обоих основоположников научного социализма. Как известно, это наследие после смерти Энгельса в 1895 г., согласно завещанию, перешло к германской социал-демократической партии—но так как по тогдашнему закону унаследовать могло только лицо, а не партия, юридическими владельцами его стали Эд. Бернштейн и А. Бебель. Вскоре в Берлине был основан центральный архив германской социал-демократической партии, куда была передана большая часть рукописей и писем наследия, а позднее также и маленькая часть библиотеки Маркса и Энгельса. Другая часть наследства—при чем очень важная—до последнего времени находилась на руках у Бернштейна, и, наконец, третья часть у Лауры Лафарг[1]).

Для Института, основной задачей которого является полное издание собрания сочинений Маркса и Энгельса, приобретение всего этого наследства стало вопросом первостепенной важности. Сейчас эта задача выполнена. Институт в настоящее время обладает всеми, известными научному исследованию, рукописями Маркса и Энгельса в подлинниках и фотоснимках. В числе подлинных рукописей, хранящихся в Институте, нужно отметить многочисленные и разнообразные записи и заметки, относящиеся к различным периодам жизни Маркса и Энгельса, и о русских делах. Имеются также наброски, неопубликованные еще, по теоретическим и историческим вопросам. Все остальное наследство имеется в фотокопиях. Сколько трудов стоило Д. Б. Рязанову преодолеть все препятствия и получить разрешение на фотографирование, об этом он рассказывает в выше цитированном своем докладе в Соц. Академии.

Осенью 1923 г. Д. Б. Рязанов привез в Москву первую большую партию фотокопий рукописей. Но прошел еще целый год, пока, наконец, опять-таки после упорных и продолжительных переговоров с центральным архивом германской с.-д. партии Институту удалось охватить в своей работе по фотографированию литературное наследство Маркса и Энгельса в широких размерах. При том был еще целый ряд препятствий чисто-технического характера. Так как германская социал-демократическая партия до этого времени не заботилась о приведении в порядок наследства, Институт волей-неволей был вынужден пригласить двух архивистов для подготовки рукописей к фотографированию. Затем материалы посылались во Франкфурт-на-Майне, в Институт социальных исследований, где они снимались сотнями страниц в день особым фотографическим аппаратом—фотостатом, переносящим рукопись без пластинки на особую бумагу, белым по черному. Полученные таким фотографическим способом снимки для научно-исследовательской работы равноценны оригиналам.

[1]) См. сообщение, сделанное Д. Б. Рязановым 20 сентября 1923 года в Соц. (Ком.) Академии: „Новые данные о литературном наследстве К. Маркса и Ф. Энгельса“ в его брошюре: Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР, М. 1924, стр. 33—49.

Правда, некоторые особенности бумаги, чернил и т. п. не передаются. Но в таких случаях контролирующие правильность снимка сотрудники делают соответственные отметки и, кроме того, Институт при малейших сомнениях запрашивает второй раз оригинал. Таким образом, фотографирование всей огромной массы литературного наследства Маркса и Энгельса было закончено к осени 1926 г.; оно составляет около 50.000 фотоснимков.

Фотокопии рукописей работ Маркса и Энгельса классифицированы и расставлены (в особых архивных картонных коробках) по томам предпринятого Институтом 40-томного Международного (на языке оригинала) издания сочинений двух основоположников научного социализма. В первом железобетонном шкафу архива хранятся материалы исторических, политических и философских произведений: они составляют первые 17 томов названного издания (1 отдел). Кроме рукописей ранее уже известных работ Маркса и Энгельса среди них находятся не мало ценных работ (напр., критика философии права Гегеля, вся немецкая идеология, Великие люди (эмиграции), о диалектике и природе, о древней истории германцев и др.), опубликованных и публикуемых Институтом впервые. В другом шкафу хранятся материалы для второго отдела вышеназванного издания, 13 томов больших экономических работ Маркса (9.800 снимков). Этот экономический материал выделен как специальный «экономический отдел» архива в виду того, что расшифровка этих труднейших рукописей Маркса требует особо квалифицированных сотрудников и целой справочной библиотеки из цитированных у Маркса книг классиков-экономистов и др. «Экономический отдел» содержит три большие серии экономических работ Маркса: а) 23 тетради «К критике политической экономии», среди которых находятся и изданные (сокращенно) Каутским тетради о «теории прибавочной стоимости»; б) 8 тетрадей—первая редакция книги «Критики политической экономии» и в) «Капитал». От первого тома (рукопись которого, как известно, пропала) сохранились черновики нескольких глав, затем идут рукописи 2 и 3 тт., изданные Энгельсом (имеется также рукопись Энгельса и его секретаря) 2 и 3 тт., посланная в типографию. Затем следуют рукописи-снимки для третьего отдела международного издания (10 томов)—переписка: 4 тома (первое полное издание) переписки Маркса и Энгельса и 6 томов переписки с Кугельманом, Зорге, Фрейлигратом, Лассалем и др. Целый шкаф также наполняют письма разных лиц (всех стран и национальностей, около 10.000 писем) к Марксу и Энгельсу за весь период их жизни (среди них и письма П. Лаврова, Ковалевского, Каблукова и др. русских корреспондентов к Марксу и Энгельсу). И, наконец, последний шкаф отдела Маркса и Энгельса составляют фотокопии свыше 200 записных тетрадей Маркса (несколько тетрадей и Энгельса)—12.234 снимка—с выписками из более чем 5.000 книг самых различных областей человеческого знания. Кроме тетрадей с математическими работами Маркса, особый интерес представляет ряд тетрадей, содержащих хронологический обзор всемирной истории до XVII века, затем тетради с выписками по химии, особенно же по политической экономии, по истории культуры и др. Среди этих выписок найдено также не менее двадцати неизвестных до сих пор рукописей Маркса и Энгельса и множество полемических заметок по поводу взглядов выписываемого автора. Кроме того, эти тетради представляют большой интерес для биографа Маркса, ибо по

ним можно проследить нить его духовного развития и получить представление о его методах работы и изучения материала.

Все перечисленные до сего сфотографированные материалы из литературного наследства Маркса и Энгельса получены из центрального архива германской с.-д. партии. Кроме того, в архиве Института собраны рукописи Маркса и Энгельса и документы, относящиеся к их деятельности, из следующих архивов и от частных лиц: а) Семейный архив семейства Энгельса в гор. Энгельскирхен, Рейнская провинция—вся переписка Энгельса с родными, переданная, согласно завещания Энгельса, после смерти семье; затем несколько стихотворений гимназиста Энгельса, одна повесть, письма к братьям Греберам и школьная тетрадь с записями лекций по истории; б) из архива гимназии г. Трира—все работы гимназиста Маркса на аттестат зрелости; в) из архива деканата философского факультета Иенского университета—переписка Маркса с деканатом, и документы, относящиеся к его докторской диссертации (сама рукопись диссертации не нашлась); г) из Нью-Иоркской Публичной библиотеки—переписка Маркса и Энгельса с Ф. А. Зорге; д) из Британского музея—письма Маркса и Энгельса Николаю—ону, переданные последним еще при жизни туда; е) из бумаг Жана Лонге, внука Маркса—письма Маркса к своей дочери Женни, и письма Энгельса Полю Лафаргу; ж) из бумаг г-жи Маттей—письма Маркса и Энгельса к рейнскому поэту и дальнему родственнику Энгельса—Карлу Зибилю и др.

2. Отдел Интернационала.

Второй отдел архива тесно связан с первым, и целый ряд писем, напр., Маркса и Энгельса к деятелям I и II Интернационала, можно найти во втором отделе. Из наиболее важных материалов этого отдела можно отметить: из подлинных документов: чрезвычайно ценные рукописные и печатные материалы-среди них особенно письма и черновые наброски Маркса и Энгельса—собранные Д. Б. Рязановым по истории I Интернационала. Из фотографированного материала из центрального архива германской с.-д. партии: протоколы Генерального Совета I Интернационала до его переезда в Нью-Иорк, затем литературное наследие Германа Юнга, секретаря Генерального Совета (акты англ. и романских комитетов) и И. Ф. Беккера, главного деятеля I Интернационала в германских странах. Среди бумаг этого наследия, напр., находятся, кроме писем Маркса и Энгельса к Беккеру, все документы, относящиеся к деятельности Энгельса, как секретаря итальянской секции (много писем из Италии и ответных набросков Энгельса), затем протокольные книги швейцарской и бельгийской секций. Наследие Фридриха Лесснера, немецкого рабочего-портного, интимного друга Маркса и Энгельса (дневник Лесснера и книга регистрации Лондонского коммунистического клуба). Наследие И. Ф. Зорге, Герм. Шлютера, автора книг о чартизме и рабочем движении в Америке, и Иосифа Вейдемейера, друга Маркса и Энгельса. И, наконец, наследство Ю. Моттелера (протоколы Всемирных социалистических конгрессов в Видене (1880), Куре (1881) и Копенгагене (1883). Из материалов по истории I Интернационала из других архивов нужно отметить фотоснимки документов от Исторического Общества при университете Мэдисон Унсконсин в САСШ—протоколь-

ная книга Генерального Совета после переезда в Нью-Йорк (написанная рукой Ф. А. Зорге) и толстая протокольная книга ([illegible] стр.) американской секции I Интернационала.

3. Отдел германских стран.

Из материалов, собранных в этом отделе, прежде всего следует отметить богатую коллекцию подлинных документов и писем, приобретенных Институтом в течение последних 3—4 лет путем покупок у антикваров и на аукционах. Из наиболее ценных можно назвать: дневник Лассаля 1840 г. (изданный П. Линдау), целые письма Лассаля к родным (около 130 писем), 160 интересных, нигде еще неопубликованных писем Людвига Фейербаха к своему издателю Отто Виганду, и особенно ценные, недавно только приобретенные рукописи из коллекции Гельферта (Вена) по истории революционного движения в 1848/1849 г. в Австро-Венгрии (около 1.300 архивных единиц). Не меньше интереса представляет полный рукописный архив известного биографа Штирнера—Джона Генри Маккея, содержащий собранный для его биографии о Штирнере материал по истории политических, философских и литературных течений 40-х гг. в Германии, между прочим, письма Энгельса, Эдг. Бауэра, К. Науверка и др. Далее в этом отделе имеются письма Фр. Аннеке, революционного офицера 1848 г.; Бруно и Эдгара Бауэра, известных братьев-младогегельянцев, сначала друзей и позднее противников Маркса и Энгельса; Авг. Бебеля (24 письма Л. Кугельману, другу Маркса, и автобиография); К. Бека, поэта истинного социализма; Августа Беккера, сторонника Вейтлинга; Германа Беккера, члена союза коммунистов, позднее обербюргермейстера гор. Кельна; И. Ф. Беккера; Отто Бисмарка, железного канцлера; К. Блинда, немецкого демократа, игравшего печальную роль в конфликте Маркса с К. Фогтом; Роб. Блюма, революционного деятеля 1848/49 г.г., расстрелянного в Вене; Ст. Борна, руководителя рабочего движения 1848/49 гг. в Берлине; Л. Бухера, полит. эмигранта, позднее доверенного лица Бисмарка; О. Ф. Грунне, против которого писал Маркс в 1842 г.; К. Грюна, главного теоретика «истинного социализма»; Г. Гервега; М. Гесса; П. Зингера, деятеля германской с.-д. партии (11 писем к Л. Кугельману); В. Вейтлинга, К. Каутского (2 письма к Кугельману); Ф. Лесснера; Вильгельма и К. Либкнехта, Р. Люксембург, Фр. Меринга, И. Моста, немецкого анархиста; реакционного домартовского австрийского министра Меттерниха; К. Науверка, берлинского приват-доцента и члена «свободных»; Г. Кинкеля, поэта, противника Маркса и Энгельса; Роб. Пруца, политического поэта; А. Руге; Фр. фон-Саллета, политического поэта; Фр. Фрейлиграта, К. Фохта, Герм. Юнга, Якоби и мн. др.

Из материалов фотоснимков по отделу германских стран прежде всего следует отметить предпринятое теперь в широком масштабе фотографирование актов из Тайного Прусского Государственного архива. Это—полицейские дела революционных деятелей, доносы многочисленных провокаторов, допросы полицейских агентов, акты цензурных ведомств, донесения германских дипломатических представителей за границей на революционеров-эмигрантов. Работа по фотографированию этого огромного и очень важного материала только начата. До настоящего времени в

ним можно проследить нить его духовного развития и получить представление о его методах работы и изучения материала.

Все перечисленные до сего сфотографированные материалы из литературного наследства Маркса и Энгельса получены из центрального архива германской с.-д. партии. Кроме того, в архиве Института собраны рукописи Маркса и Энгельса и документы, относящиеся к их деятельности, из следующих архивов и от частных лиц: а) Семейный архив семейства Энгельса в гор. Энгельскирхен, Рейнская провинция—вся переписка Энгельса с родными, переданная, согласно завещания Энгельса, после смерти семье; затем несколько стихотворений гимназиста Энгельса, одна повесть, письма к братьям Греберам и школьная тетрадь с записями лекций по истории; б) из архива гимназии г. Трира—все работы гимназиста Маркса на аттестат зрелости; в) из архива деканата философского факультета Иенского университета—переписка Маркса с деканатом, и документы, относящиеся к его докторской диссертации (сама рукопись диссертации не нашлась); г) из Нью-Иоркской Публичной библиотеки—переписка Маркса и Энгельса с Ф. А. Зорге; д) из Британского музея—письма Маркса и Энгельса Николаю—ону, переданные последним еще при жизни туда; е) из бумаг Жана Лонге, внука Маркса—письма Маркса к своей дочери Женни, и письма Энгельса Полю Лафаргу; ж) из бумаг г-жи Маттей—письма Маркса и Энгельса к рейнскому поэту и дальнему родственнику Энгельса—Карлу Зибилю и др.

2. Отдел Интернационала.

Второй отдел архива тесно связан с первым, и целый ряд писем, напр., Маркса и Энгельса к деятелям I и II Интернационала, можно найти во втором отделе. Из наиболее важных материалов этого отдела можно отметить: из подлинных документов: чрезвычайно ценные рукописные и печатные материалы—среди них особенно письма и черновые наброски Маркса и Энгельса—собранные Д. Б. Рязановым по истории I Интернационала. Из фотографированного материала из центрального архива германской с.-д. партии: протоколы Генерального Совета I Интернационала до его переезда в Нью-Иорк, затем литературное наследие Германа Юнга, секретаря Генерального Совета (акты англ. и романских комитетов) и И. Ф. Беккера, главного деятеля I Интернационала в германских странах. Среди бумаг этого наследия, напр., находятся, кроме писем Маркса и Энгельса к Беккеру, все документы, относящиеся к деятельности Энгельса, как секретаря итальянской секции (много писем из Италии и ответных набросков Энгельса), затем протокольные книги швейцарской и бельгийской секций. Наследие Фридриха Лесснера, немецкого рабочего-портного, интимного друга Маркса и Энгельса (дневник Лесснера и книга регистрации Лондонского коммунистического клуба). Наследие И. Ф. Зорге, Герм. Шлютера, автора книг о чартизме и рабочем движении в Америке, и Иосифа Вейдемейера, друга Маркса и Энгельса. И, наконец, наследство Ю. Моттелера (протоколы Всемирных социалистических конгрессов в Видене (1880), Куре (1881) и Копенгагене (1883). Из материалов по истории I Интернационала из других архивов нужно отметить фотоснимки документов от Исторического Общества при университете Мэдисон Уисконсин в САСШ—протоколь-

вая книга Генерального Совета после переезда в Нью-Иорк (написанная рукой И. Ф. Зорге) и толстая протокольная книга (500 стр.) американской секции I Интернационала.

3. Отдел германских стран.

Из материалов, собранных в этом отделе, прежде всего следует отметить богатую коллекцию подлинных документов и писем, приобретенных Институтом в течение последних 3—4 лет путем покупок у заграничных антикваров и на аукционах. Из наиболее ценных можно назвать: дневник Лассаля 1840 г. (изданный П. Линдау), затем письма Лассаля к родным (около 150 писем), 160 интересных, нигде еще неопубликованных писем Людвига Фейербаха к своему издателю Отто Виганду, и особенно ценные, недавно только приобретенные рукописи из коллекции Гельферта (Вена) по истории революционного движения в 1848/1849 г. в Австро-Венгрии (около 1.200 архивных единиц). Не менее интереса представляет полный рукописный архив известного биографа Штирнера—Джона Генри Маккая, содержащий собранный для его биографии о Штирнере материал по истории политических, философских и литературных течений 40-х гг. в Германии, между прочим, письма Энгельса, Эдг. Бауэра, К. Науверка и др. Далее в этом отделе имеются письма Фр. Аннеке, революционного офицера 1848 г.; Бруно и Эдгара Бауэра, известных братьев-младогегельянцев, сперва друзей и позднее противников Маркса и Энгельса; Авг. Бебеля (14 писем Л. Кугельману, другу Маркса, и автобиография); К. Бека, поэта истинного социализма; Августа Беккера, сторонника Вейтлинга; Германа Беккера, члена союза коммунистов, позднее обербюргермейстера гор. Кельна; И. Ф. Беккера; Отто Бисмарка, железного канцлера; К. Блинда, немецкого демократа, игравшего печальную роль в конфликте Маркса с К. Фохтом; Роб. Блюма, революционного деятеля 1848/49 г.г., расстрелянного в Вене; Ст. Борна, руководителя рабочего движения 1848/49 гг. в Берлине; Л. Бухера, полит. эмигранта, позднее доверенного лица Бисмарка; О. Ф. Груне, против которого писал Маркс в 1842 г.; К. Грюна, главного теоретика «истинного социализма»; Г. Гервега; М. Гесса; П. Зингера, деятеля германской с.-д. партии (11 писем к Л. Кугельману); В. Вейтлинга, К. Каутского (2 письма к Кугельману); Ф. Лесснера; Вильгельма и К. Либкнехта, Р. Люксембург, Фр. Меринга, И. Моста, немецкого анархиста; реакционного домартовского австрийского министра Меттерниха; К. Науверка, берлинского приват-доцента и члена «свободных»; Г. Кинкеля, поэта, противника Маркса и Энгельса; Роб. Пруца, политического поэта; А. Руге; Фр. фон-Саллета, политического поэта; Фр. Фрейлиграта, К. Фохта, Герм. Юнга, Якоби и мн. др.

Из материалов фотоснимков по отделу германских стран прежде всего следует отметить предпринятое теперь в широком масштабе фотографирование актов из Тайного Прусского Государственного архива. Это—полицейские дела революционных деятелей, доносы многочисленных провокаторов, допросы полицейских агентов, акты цензурных ведомств, донесения германских дипломатических представителей за границей на революционеров-эмигрантов. Работа по фотографированию этого огромного и очень важного материала только начата. До настоящего времени в

архиве Института собраны полицейские дела следующих лиц: Маркса, Энгельса, А. Руге, В. Вейтлинга, Э. Мейена, Герм. Бернштейна, Г. Гейне, Ф. Бернайса, Георга Юнга, М. Гесса, К. Д'Эстера, К. Грюна и Герм. Беккера и акты цензурных ведомств относительно следующих газет и журналов: Рейнская газета (1842—48), Зеркало Общества, Немецкий Ремесленник, Прометей, Библиотека коммунистических писателей, Рейнские Ежегодники, Телеграф и др. Затем очень об'емистые акты (620 стр.) к процессу союза коммунистов в 1852 г. Из Исторического архива гор. Кельна имеются фотокопии сохранившейся части материалов архива Рейнской Газеты; из центрального архива германской с.-д. партии—архив издававшейся Марксом в 1848/49 г.г. «Новой Рейнской Газеты», затем литературное наследство М. Гесса; из архива Фридриха Шиллера в гор. Марбахе—письма М. Гесса к известному романисту Берт. Ауэрбаху, в которых много интересных данных и лестных отзывов Гесса о молодом Марксе.

Из более интересных подлинных писем английских государственных и революционных деятелей можно назвать письма Коббета, Р. Кобдена, В. Годвина, Дж. Ст. Милля, Фр. Плейса, Ж. Б. Сэя, Дав. Уркварта, Роб. Пиля, чартиста Э. Джонса, графа Абердина и др. Из документов—фотоснимков—протоколы тайного общества (Corresponding Society) в Англии времени Великой Французской Революции (из Британского музея).

4. Отдел романских стран.

По этому отделу архив в настоящее время обладает богатой коллекцией подлинных рукописей (около 5.000 архивных единиц). Этот материал распределен на пять подотделов: 1) от Великой Революции до 1815 г.; 2) 1815—1851; 3) 1852—1871; 4) 1872—1914; 5) Утопический социализм.

В первом подотделе, кроме нескольких сотен писем деятелей революции и документов этой эпохи, особенно ценной является самая богатая во всем мире коллекция рукописей Гракха Бабефа. Помимо приобретенных в 1925 г. 41 писем Бабефа Институт в начале 1927 г. купил у частного лица литературное наследство Бабефа (507 рукописей, относящихся к Бабефу—письма родных, друзей и т. д., и целый ряд писем и неизданных манускриптов самого Бабефа). В подотделе 1815—1851 собраны, главным образом, документы по истории июльской революции 1830 и февральской революции 1848 г. Имеется ряд рукописных воззваний, распоряжений и переписка членов временного правительства, Национального Собрания и Национальной гвардии. Из писем деятелей этой эпохи следует отметить: А. М. Альбери, Амари. Э. Араго, Бюшэ, П. Беранжэ, Бланки, Бояссель, Кавеньяк, Барбес, А. Корбон, Жюль Фавр, Ф. Флокон, Л. Галлоа, М. Коссидиэр, Л. Гарнье-Пажэ, Л. Греппо, Э. де-Жирардэн, Кл. Тома, Г. де-Курта, Од. Барро, Арм. Марраст, Ламорисиэ, Лагранж, Луи Филипп, Март. Бернар. М. Надо, Д. Оливье, Фр. Райспайль, Жан Рейно, Луи Бланки и мн. др.

Из периода 1852—1871 особый интерес представляют рукописи и документы (подлинные) о Коммуне 1871 г. (свыше 1.000 архивных единиц). Часть этих материалов составляют письма и манускрипты членов Коммуны, их служебные записки всякого

рода, подписанные ими приказы, распоряжения министерств, пропуски, удостоверения и назначения. Затем идут такие же документы членов ЦК Национальной гвардии и военных деятелей Коммуны, далее письма и рукописи остальных деятелей Коммуны и, наконец, разное о Коммуне. Из больших групп рукописей этих рубрик выдаются: коллекция материалов, касающихся Прото (141 архивная единица), характеризующих жизнь и деятельность Прото после Коммуны, и коллекция рукописей редакции «Пэр Дюшень», дающих нам представление о различных общественных настроениях в эпоху Коммуны. Кроме того, выделены более значительные группы, относящиеся к отдельным лицам, как, напр., более 100 рукописей Луизы Мишель, Клюзерэ (около 60 рукописей), Делеклюз (32), Ф. Пиа (73), Вермерш (большая рукопись о Великой революции), Верморель (66) и мн. др. Интересны также рукописные материалы, относящиеся к эпохе 1872—1914 и к истории утопического социализма во Франции; по последнему подотделу следует отметить: завещание священника-коммуниста Мелье, затем письма Фел. Ламменэ, Кабэ, П. Леру, П. Прудона (43 письма к Г. Шодэ и мн. др.) и рукописи Сен-Симона (20 писем и несколько манускриптов) и его учеников Анфантана, Шевалье, Базара и др. Из французских рукописей—фотокопий можно отметить акты из Национального архива в Париже, относящиеся а) к процессу Гр. Бабефа, его допросы, переписка, решения общества равных и т. д. и б) к делу Буонаротти, рукописный материал к его известной книге, переписка с родными из тюрьмы и др. документы.

Из рукописей, писем и автографов революционных деятелей других романских стран в архиве имеются несколько писем Мадзини, Малатеста, П. Иглесиаса, Серрати, Гарибальди и др.

5. Отдел славянских стран.

Институт, как известно, не ставит себе задачей изучение истории русского рабочего движения и истории русских социал-демократических партий. Эту задачу выполняют другие научно-исследовательские учреждения (Институт Ленина, Истпарт, Комакадемия и Музей Революции). «Но специальной задачей Института является,—говорит Д. Б. Рязанов в своей вышеназванной брошюре об Институте,—изучение тех взаимоотношений, которые устанавливались между русскими людьми сороковых, шестидесятых и семидесятых годов, установление тех каналов и путей, которыми просачивалась марксистская мысль в русскую литературу, пока вместе с группой «Освобождение труда» русский марксизм не стал равноправным членом международной марксистской семьи». Для изучения этих проблем как по отношению к России, так и к западно-европейским славянским странам и собираются материалы в отделе славянских стран архива.

Институт издает (под ред. Д. Б. Рязанова) полное собрание сочинений Г. В. Плеханова. С этой целью было собрано все его литературное наследство, которое, как вообще у современных авторов, очень невелико. Часть его имеется в оригинале, как духовное завещание матери, три письма М. Горькому, манускрипт «Наш светлый праздник» (1-е мая), 4 письма Мих. Григ. Когану (Гриневичу), несколько писем к сестрам, письма в редакцию «Современника» и две главы «Монистического взгляда на историю». Вся остальная сохранившаяся часть литературного наследства

Плеханова сфотографирована. Имеется также часть наследства В. Засулич—вся рукопись ее монографии о Ж.-Ж. Руссо и рукописи-подлинники работ: Добролюбов и Писарев, полемика с народниками и Плохая Выдумка. Из писем других ранних представителей русского марксизма следует отметить (письма к А. Н. Потресову): П. Б. Аксельрод (61 письмо), В. Засулич (27); Г. В. Плеханов (22); А. Л. Парвус (25); Р. Люксембург (5); Маслов (11); Воровский (8); Туган-Барановский (2); В. А. Ионова (4). Далее три письма М. Бакунина к А. Руге (2 письма 1843 и одно 1862 г.), речь П. Лаврова у могилы Маркса. Для эпохи народничества и раннего периода русского марксизма интересны также и письма из литературного наследства Николая Францевича Даниэльсона (Николай —он), первого переводчика «Капитала» на русский язык. В этом наследстве (переданном Институту М. Воронцовой, женой покойного В. Воронцова) насчитывается всего 547 архивных единиц—главным образом, письма Анненского, Антоновича, Богдановича, Исаева, Каблукова, Мануилова, Михайловского и др. Среди них же находятся и опубликованные во втором томе «Летописей Марксизма» семь писем П. Лафарга Николаю —ону.

Из материалов по истории революционного движения в западно-европейских славянских странах нужно указать на упомянутую выше коллекцию Гельферта, содержащую также и интересные документы о революционном движении 1848/49 г.г. в тогдашних австро-венгерских славянских областях.

Таково в общих чертах содержание архива Института Маркса и Энгельса. Для более детального описания не место в статье, а только в каталоге, который, по всей вероятности, со временем и будет выпущен.

Теперь остается сказать несколько слов о способах хранения архивных материалов, их обработке и расшифровке.

При поступлении в архив документ получает свой инвентарный номер (рукописи и фотокопии отдельно); в инвентарной книге же и указывается размер рукописи, формат, когда и откуда поступила, у кого и по какой цене куплена. Подлинник рукописи кладется между двумя тонкими листами бумаги в специальную папку, а фотоснимки, в специальный конверт из толстой бумаги. Из инвентаризации документ передается в отдел классификации, где устанавливается его принадлежность к отделу, разбираются очень часто и весьма неразборчивые подписи, дальше устанавливается дата, фамилия и имя адресата письма и др. данные, необходимые для точной и тщательной каталогизации документа. Классификатор же выписывает и устанавливает все названия учреждений, лиц и событий, на которые нужно писать предметные карточки, и дает краткое содержание документа в нескольких предложениях на языке оригинала. С этими препроводительными записями документ попадает к каталогизатору. В среднем рукопись или письмо получает от 6 до 8 карточек; на основную заносятся все установленные классификатором данные, а также и краткое содержание документа. Другие карточки или предметные на учреждения, лиц, события и т. д. или ссылочные. При описании писем, кроме того, всегда пишется карточка на адресата и хронологическая карточка. Каждый отдел архива имеет свой каталог; затем каталог общий хронологический, предметный каталог по странам (малых стран), специальный каталог на за-

писные тетради Маркса и цитированных в них названий книг, и общий **именной каталог**.

После этой тщательной обработки архивных материалов, требующей много биографических и библиографических справок, рукопись передается в соответственный отдел, где материалы хранятся в специальных архивных коробках из крепкого картона в несгораемых (все подлинники и наиболее ценные фотоснимки) и деревянных шкафах.

Расшифровка рукописей идет по определенному плану, согласованному с издательством Института. Кто когда-либо соприкасался с почерком Маркса, тот наверно имеет представление о том, что значит расшифровать этот оригинальный, мелкий почерк Маркса с его многочисленными зачеркиваниями и перечеркиваниями. Как тщательно работал этот великий человек, и какой вид после этого имеют его черновики, видно, напр., по наброскам письма к В. Засулич от 8 марта 1881 г., опубликованным в первом томе «Архива Маркса и Энгельса». Для разборки почерка Маркса требуется, кроме особого дара читать рукописи, еще большой навык, здоровые глаза, хорошее знание иностранных языков, а также лупа и аппарат для просвечивания. Трудные рукописи Маркса сперва переписываются от руки, а потом только на машинке, а рукописи Энгельса и многих других переписываются сразу на машинке (если только Энгельс не пользуется своей собственной своеобразной стенографией).

Из всех материалов, естественно, в первую очередь было приступлено к расшифровке рукописей из наследства Маркса и Энгельса. В настоящее время **расшифрованы все материалы, относящиеся к 40 томам полного собрания сочинений**. Сейчас идет разборка остальной части наследства— всех писем к Марксу и Энгельсу (разобрано свыше половины) и записных тетрадей Маркса (расшифровано 20%). Все рукописи и письма переписываются в трех и четырех экземплярах; после переписки копии еще раз сверяются с подлинниками (коллационирование), и только после этого копии манускриптов расставляются по соответственным томам, а копии писем—один экземпляр в хронологическом, второй—в алфавитном порядке, а третий, по мере надобности, передается в издательство. Хронологический экземпляр переписки одновременно также служит рабочим экземпляром архива. Так как большая часть этой переписки не представляет такого интереса, чтобы она была опубликована в ближайшем будущем, то после расшифровки оттуда выписываются все имена, названия газет и журналов, и самые интересные места на карточки, которые и составляют названный выше общий именной каталог. Как в этом важном каталоге, так и в ряде других карточек, списков, именных и предметных реестров, собирается богатейший материал биографического и библиографического характера, и таким путем создается весьма ценный справочный аппарат, который облегчает не только работу по изданию сочинений Маркса и Энгельса, но и создает условия для облегчения работы отдельных марксоведов и историков социализма и рабочего движения.

В течение ближайшего года литературное наследие Маркса и Энгельса будет переписано и обработано до последней строки. Кроме перечисленных выше больших групп материалов, в этом отделе находится еще ряд черновых набросков, личных документов и других разных бумаг—напр., брачный договор Маркса, его

паспорта с полицейскими визами, или, напр., аттестат вольноопределяющегося Энгельса 1842 г., его духовное завещание, или другой пример—телеграмма студентов-социалистов Петровской с.-х. академии в Москве по поводу смерти Маркса и т. п. Особый интерес представляют также заметки Маркса и Энгельса на полях прочитанных ими книг, среди которых находится также немало русских (А. Герцена «Былое и думы», Флеровского «Положение рабочего класса в России» и др.). Было бы трудно назвать хоть одно умственное течение или историческое событие XIX века, которое не отразилось бы в богатом духовном творчестве двух великих основоположников научного социализма. И, наконец, спустя нескольких десятилетий после их смерти, их литературное наследие будет переписано и доступно для работ Института.

Материалы остальных отделов архива все—за исключением части отдела романских стран—обработаны и описаны; они расшифровываются по мере надобности для опубликования или других работ Института.

О перспективах развития архива в ближайшие годы пока можно сказать следующее: будет продолжаться (по определенному плану) фотографирование материалов в заграничных архивах, в первую очередь имеющие для работ Института первостепенное значение акты из Тайного Прусского государственного архива; затем ряд документов из саксонских, рейнских, восточно-прусских, средне- и южногерманских городских архивов по истории домартовского немецкого либерализма и самого раннего периода социалистического и рабочего движения в Германии. Далее будут сфотографированы разные материалы из Национального архива и Национальной библиотеки в Париже по истории социализма и революционного движения во Франции, и однородные документы из архивов Швейцарии, Бельгии, Англии, Австрии, Северной Америки и др. стран. Что же касается приобретения подлинных рукописей, то трудно предсказать что-нибудь определенное, ибо их приобретение зависит большей частью от случайных предложений, не считая документов средней ценности, закупаемых по каталогам антиквариев. Но если исходить из практики последних трех лет, то Институт в среднем приобретает не менее 2.000 архивных единиц в году.

Но и с теперешними своими архивными материалами Институт, несомненно, является богатейшим во всем мире хранилищем документов по истории социализма, коммунизма и рабочего движения на Западе. И по книжным и другим печатным материалам (музей) молодой Институт уже сейчас занимает видное место среди старинных научных учреждений Европы; мимо его печатных и архивных материалов едва ли может пройти серьезный научный исследователь социальных движений XVIII и XIX в.в. Среди многочисленных достижений на культурном фронте, создание такого научно-исследовательского учреждения, как Институт Маркса и Энгельса, занимает одно из первых мест.

Ответственный редактор А. М. Деборин.

Редакционная коллегия: А. А. Максимов, И. Н. Покровский, Я. Э. Стэн, А. К. Тимирязев, А. Я. Троицкий.